

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2013

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

Приокские зори

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД**

**ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ**

**ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2013 — 2(31)**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Постлитературный период жизни человечества: оптимисты и пессимисты..... 3

К ЮБИЛЕЮ НАШЕГО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Сергей Крестьянкин. Алексею Афанасьевичу Яшину..... 19

Наум Ципис. На «виллисе» и с маузером..... 20

Геннадий Маркин. «Среди долины ровныя...»: интервью с главным редактором..... 21

Поздравления писателю, ученому, североморцу (Анна Барсова, Рудольф Артамонов,

Сергей Лебедев, Нина Попова, Валентин Сорокин, Игорь Карлов, Ирина Кедрова,

Людмила Авдеева, Александр Хадарцев, Рагим Мусаев)..... 28

Поздравления лидеров думских фракций ГД ФС РФ (Геннадий Андреевич Зюганов,

Владимир Вольфович Жириновский)..... 40

Поздравления юбиляру в печати и награды..... 44

Алексей Яшин. «Картинки с выставки»: Цикл рассказов («Лицензия на отлов мышей»,

«Уж тем ты виноват... или в змеином гнезде», «Папка с защелкой на торце»,

«Кувалдометр, или зимняя сказка»)..... 45

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА

Александр Викорук. Любовь олигархов..... 89

Наталья Квасникова. Бабушка Наташа..... 94

Евгения Курганова. Короткие рассказы..... 97

Том Нойер. Хлеб..... 101

Геннадий Маркин. Алтуховский Каин..... 105

Валерий Маслов. ПровинциАлка..... 109

Елена Богданович. Иерусалимский пирог..... 114

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов. Достопочтенный нечитатель..... 116

Александр Хадарцев. С Годом Змеи!..... 120

Игорь Мельников. Здравствуй, город..... 123

Владимир Сапожников. Утихла первая метель..... 126

Олег Пантюхин. Ожиданье — тягостная мука..... 128

Анна Барсова. Любимый край..... 130

Яков Шафран. <i>Personalia</i>	133
К 70-ЛЕТИЮ ПОДВИГА МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ	
Владимир Резцов. Юра, Сережа и бессмертие (документально-историческая повесть).....	139
ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ	
Олег Яковлев. Автономное плавание (Повесть).....	189
Семен Краснов. Земля моя — Самарская лука.....	203
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. ПЕРЕВОДЫ	
Ефим Гаммер. Эмигранты из Атлантиды забытого времени (Окончание повести).....	205
Наум Ципис. Бюст в полный рост (Окончание).....	232
Йорданка Господинова. Зарница и ветер.....	237
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДАТ	
Другого Сталина у нас нет! (Стихи Маргариты Алигер, Арсения Тарковского, Владимира Высоцкого).....	240
Людмила Авдеева. День Солнца длится дольше века.....	243
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРИХ»	
Екатерина Ратникова. Стихи.....	254
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	257

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети.
Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Вячеслав БОТЬ (Тула)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
Правления Союза писателей России
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Наталья КВАСНИКОВА (Москва) — зав.
отделом публицистики и литературоведения
Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом
критики
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом
литературы Поволжья
Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
Игорь НЕХАМЕС (Москва)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Наталья ПАРЫГИНА (Тула)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав.
отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом
поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор
Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), президент
Академии российской литературы

Зав. редакцией Яков ШАФРАН (Тула)
Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Латвия)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Истоки» (Красноярск)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Щекинский вестник»
— газета «Слобода» (Тула)
— газета «Тулская правда»
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульской писательской организации Союза писателей России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография».
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009
Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета:
www.pz.tula.ru (в PDF формате)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПОСТЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ОПТИМИСТЫ И ПЕССИМИСТЫ

Приступая к теме настоящей «Колонки главного редактора», по ассоциации с подзаголовком ее названия тотчас вспомнил двух антагонистов, то есть оптимиста и пессимиста, причем оба — «холодные» адепты своих качеств. «Холодные» — в смысле не эмоционально увлекающихся, но сугубо логически мыслящих, системных, как сейчас принято говорить... Пессимиста уже четверть века знает весь интеллектуальный мир, а оптимиста я некогда знал лично.*

«Холодный» пессимист — это японо-американский философ Фукуяма, сформировавший и обосновавший концепцию постисторического этапа человеческой цивилизации. То есть Фукуяма фактически предрек, опережая время, грядущий глобализм. Тогда, на рубеже 70—80-х годов философия его показалась настолько мрачной, безысходной — по обе стороны «железного занавеса», что Фукуяма был отнесен к пессимистам.

«Холодным» же оптимистом являлся в те же годы Юрий Селезнев, пожалуй, наиболее яркий литературный критик в СССР той поры. Его лекции я слушал, будучи студентом Литературного института имени А. М. Горького. И совсем не удивительно, что на его занятия исправно являлись даже самые загульные, исключая экзаменационные дни и вовсе не покидавшие свои месячные, круглосуточные застоля в уютном литинститутовском общежитии рядом с телебашней в Останкино...

Это о многом говорит тем, кто заочно учился в писательской alma mater. Попутно замечу, что таким же успехом пользовались и лекции Константина Кедрова, с которым мы сейчас иногда переписываемся по «электронке», а его стихи мы опубликовали в предыдущем номере «Приокских зорь».

Образные и убедительные слова Юрия Селезнева, его блестящий анализ современной русской, советской литературы имели выраженную доминанту: ожидание скорого взлета ее, рождение нового феномена русской литературы, по мощи, силе почти что равноценной нашей классике второй половины XIX — начала XX века...

Увы, Селезнев непозволительно рано ушел из жизни. Но он и не увидел, что вместо оптимистичного феномена русской литературы к смене веков и тысячелетий она просто-напросто развалилась как некогда единый творческий процесс. А сейчас и вовсе стремится к квазинулевой асимптоте.

А вот пессимист Фукуяма дождался торжества своей философской парадигмы: глобализм стал реальностью и уже почти никого не пугает.

И мы в настоящем очерке по аналогии же с постисторией назовем сегодняшнее состояние словесности как постлитературный период жизни человечества. Также определимся с оптимистами и пессимистами в данном контексте. Конечно, проще всего поддаться эмоциям навроде: дескать, в Туле перед новым, 2013-м годом за-

* Очерк тематически продолжает предыдущие публикации в «Приокских зорях», цель которых в их совокупности — разработка основ современного русского литературного процесса. — Прим. авт.

крылся последний в более чем полумиллионном городе, рядом со столицей, книжный магазин. Тем более символично, что был это магазин учебной и детской литературы! Так что, господа-товарищи, о каком литературном процессе сейчас и говорить-то можно!

Коль скоро выше упомянуто о глобализме (см. также наш материал «Глобализм как ноосферный процесс» в одном из предыдущих номеров «Приокских зорь»), то зададимся умозрительным вопросом: предусмотрено ли место, или, как выражаются словесным штампом — «экологическая ниша», для литературы в глобализованном всемирном обществе? Понятно, что под литературой понимаем творческое самовыражение, а не вид словоблудия... Но об этом позже.

Моделировать будущее — сомнительная экстраполяция. И хотя прошлое редко кого и чему учит, но все же дает повод для размышлений. Литература, как и любой другой вид творчества, есть неизменный спутник человека в его эволюции. Чтобы не погрязнуть в перечислении имен классиков мысли, исследовавших природу творческого самовыражения, упомянем только Фридриха Ницше и его работы «Происхождение трагедии...» и «Рихард Вагнер в Байрейте»^{*}. Но упоминанием и ограничимся, соблюдая правила жанра «Колонки...».

Полагая, мы не принизим предмет литературы, равно как и любого вида художественного творчества, если определим его роль в эволюции человека как потребность в идеализированном умозрительном исправлении реальности. Отсюда, кстати, никем не отрицаемый тезис: художник всегда в той или иной степени оппозиции — ко всему и вся. И, как ни странно, здесь правота протестантской этики утилитаризма — от Витгенштейна до Джорджа Мура: умозрительное исправление одинаково относится как к негативному, так и позитивному в реальной жизни (см. также знаменитую диссертацию Чернышевского).

В данном определении из всех видов творчества литература есть наиболее гибкий и информативный. Точно также, как музыка блестяще определена Шопенгауэром в «Мире как воле и представлении» высшей творческой гармонией... (Далее речь ведем исключительно о литературном творчестве).

Исходим от *ovo*^{**}: для чего законами биоэволюции человека, как общественного животного, в числе бесконечно многого предусмотрена творческая идеализация явлений реального бытия? Ответ — без литературоведческих ссылок на авторитетные имена — чрезвычайно прост: это заложенная природой в программу человеческой эволюции система аутотренинга, в фено- и генотипическом продолжении в черед поколений развивающая образное, абстрактное мышление вида *homo sapiens*. То есть, это не примитивное «писатель пописывает, читатель почитывает», не глубокомысленные диссертации от Чернышевского тож до современных «лепилок» за умеренную плату, но достаточно сложная система развития образного, творческого мышления, в которой необходимо соблюдается баланс спроса-предложения.

Все другие моменты литературного творчества, как-то использование его в своих целях властью, религией, литературными школами и течениями, просто «общаком групповщины» (извините за термин из современного новояза...) и так далее — это все вторично. И все это прекрасно понимают: пишущие, читающие, власть имеющие... Ведь даже в воспаленном воображении советских партидеологов «Тихий Дон» и стихи Николая Рубцова бесконечно далеко дистанцировались от дежурных опусов на злободневные темы, почерпнутые из передовиц «Правды» — при всем уважении к этой газете, недавно отметившей 100-летний юбилей, — и «датской»

^{*} Фонетика немецкого языка тоже меняется во времени; так и средневерхненемецкий Байрейт сейчас звучит как Байройт... — Прим. авт.

^{**} От яйца (лат.), то есть от первооснов. — Прим. авт.

поэзии. Вот во время оно и «второй Ильич», получая из рук Подгорного знак лауреата Ленинской премии за целинно-малоземельскую трилогию, сказал, как человек в общем-то совестливый, явно не за себя, а за «того парня», что состряпал эту трилогию (имя его теперь хорошо известно): «Я, товарищи, хм-м, не писатель, я — журналист».

Словом, если товар подлежит продаже, то он и продается.

Но что же случилось буквально на наших глазах с литературой, причем не только в России и ее самостоятельных ныне окраинах, но еще в большей степени на Западе-Востоке, говоря словами Гёте*? Почему мы столь уверенно называем наше время постлитературным, как бы это ностальгически-печально не звучало?

Прежде чем однозначно ответить на такой сакраментальный вопрос, вспомним имена писателей, размышлявших на эту же тему. Прежде всего, это Рей Брэдбери с его знаменитым «451 градус по Фаренгейту» и «1984» Джорджа Оруэлла. — Они ясно предвидели весьма скорое время — Оруэлл даже поторопился — ненужности и даже вредности самого фактора существования творчества, литературного в первую очередь.

И еще одно имя, вернее — коллективное имя, в особенности следует вспомнить. Причем не в сугубом контексте литературы, как у Брэдбери, но в своеобразном художественном осмыслении исторического движения человеческого сообщества. ...В самом конце 80-х годов, под конец горбачевщины, в одночасье рухнула система партиидеологического контроля над книгоизданием. Понятно, что не сама по себе рухнула, как и вся соцсистема в СССР, а в результате реализации с помощью многочисленных внутренних агентов влияния программы Третьей (холодной, информационной) мировой войны, просчитанной на мегакомпьютерах наших нынешних заклятых друзей. Партнеров по борьбе с мировым терроризмом тож...

Но это не тема настоящего очерка. Главное — ликвидация партиидеологического контроля за печатью привело к выбросу на читательский «рынок» огромного числа ранее малодоступных произведений: от попавших в проскрипционные списки знаменитой комиссии Луначарского — Крупской до книг авторов, живших-здоровствовавших в горбачевщину, но до поры, до времени лежавших в рукописях в запасных ящиках рабочих столов.

Наиболее оперативно сработали «толстые» литературные журналы; опять же от столичных до провинциальных. Один за другим в них начали печататься и романы знаменитых братьев-фантастов, явно из запасных ящичков. Конкретно о литературе в них речь не идет, зато четко выстраивается своеобразная программа эволюции человечества, что называется, чередованием «из пламени да в полымя». И конца этим чередованиям-испытаниям не видится.

Что сразу вспоминается? — Конечно, содержание одной из древнейших книг человечества — Ветхого завета: египетское пленение и победы древнего Израиля, законы Моисея и крушение их, первородный грех и древо познания. И так далее. Ничего с ветхозаветных времен и по сей час не изменилось: действует все та же программа. Чтобы далеко не ходить, проанализируйте наши отечественные реалии за последние 25...30 лет. И найдите подтверждение сказанному выше. Даже в части анекдотичных тем: «борьба» с пьянством, с табакокурением, с мздоимством и так далее.

Точно также до сих пор обстоит дело с литературным творчеством. Имеем в виду запрограммированность этого процесса в исторической эволюции человечества. И в мировом масштабе, и в национальных литературах периоды взлета чередовались с упадком. Такая вот заикленность. Для иллюстрации возьмем опять же

* «Западно-восточный диван», — название книги Гёте. — Прим. авт.

русскую литературу: «золотой» век поэзии пушкинской поры далее уступает место мировому феномену русского романа второй половины XIX века. За ним следует «серебряный» век поэзии конца XIX — начала XX веков. И так далее.

В этот же период яркой звездой взошла, хотя и не надолго, норвежская литература — до взлета и после его окончания вообще в литературном мире неизвестная. В европейском масштабе подобную цикличность литературного процесса гениально описал Ромен Роллан в своих «Великих творческих процессах».

Все так и шло почти до нашего времени и вдруг — этаким литературный коллапс: практически исчезновение самого фактора литературного творчества — по всему миру.

«Ты заставил меня взглянуть на мир с края отрыва...» — написал мне, прочитав упоминавшийся выше «Глобализм как ноосферный процесс», мой давний однокашник по учебе на радиотехническом факультете Тульского политехнического института, ныне живущий в Москве и четверть века возглавляющий одно из крупнейших объединений оборонной промышленности. Так что его житейскому опыту можно доверять.

Итак, предвидения Бредбери, Оруэлла и отечественных философских фантастов сбылись. Прервалась связь времен... Постлитературный период истории человечества свершился-таки. Значит ли это, что программа тренировки — развития творческого мышления эволюцией человека завершена и прошла последняя команда «Останов»? Пессимист скажет уверенное «да»; оптимист — осторожное «нет». Рассмотрим аргументы этих альтернативных сторон.

Д о в о д ы п е с с и м и с т а . Эпохе начавшегося глобализма творческое мышление не нужно. Причем для любого вида творчества: от пластических искусств до изобретательского творчества. Ното *noospheres non invents* — человек ноосферный — не изобретательный. Эта формула была предложена и обоснована нами в девяти томной монографии «Живая материя и феноменология ноосферы» (Москва, издательство URSS, 2007—2012 гг.). Возражений в ученом мире на нее за прошедшие годы не последовало... Молчание же, как говорится, знак согласия.

Человек ноосферный суть квалифицированный потребитель, но не творец. Понятно, что речь идет о статистически преобладающей массе. Ибо остается меньшая часть, которая создает трудом живых роботов рынок потребления. В современной России это обслуживающие сырьедобывающие отрасли и первичная переработка сырья, а также вредные химические производства. В Западной Европе и в США, отчасти в Японии и Южной Корее — это подготовка высоких и средних технологий для тиражирования их в Китае — нынешней мастерской мира; как в XIX веке ею была Англия. За одним исключением: промышленность вооружений в названных странах сохраняется в полном цикле: от разработки до серийного производства. Третий мир находится в стадии подготовки к поглощению мировой системой глобализма.

Но квалифицированным потребителю и трудовому роботу литература уже без надобности, ибо у них нет идеалов, что ранее являлось стимулом творческого процесса. Итак, мы живем в постлитературном мире. А то, что печатается на бумаге или появляется на экранах мониторов компьютеров, подключенных к Интернету — это не литература, а информационный шум. Преобладающие же малотиражные издания, то есть самиздат всего лишь отголосок литературных эпох, не столь уж и давних, память и дань прошлому у людей, которые еще никак не могут, или не хотят, заглушить данный им от рождения и прежнего воспитания творческий импульс. На том и стоит современный пессимист.

Д о в о д ы о п т и м и с т а . Да, конечно, за последние двадцать лет Россия, некогда самая читающая в мире страна (и это правда истинная!), скатилась в части

потребности в литературном творчестве где-то на 60—70-е место в том же мире. Как, впрочем, и во всех остальных отраслях, исключая лидерство в добыче и переработке на Запад-Восток природных углеводородов, а также в коррупции чиновничества. Да, еще наша страна занимает почетное десятое место в мире по числу ежегодных оперных постановок...

Да, система книгоиздательства и книгореализации в стране полностью развалена. И таких горестных «да» оптимист оговорит множество. Более того, как человек честный сам перед собой, он не станет петь набившие оскомину заунывные песни о временных трудностях переходного периода (какого перехода: с обрыва в пропасть, что ли?) и прочая, прочая... Стыдливо промолчит об огромных творческих перспективах открывшейся после окончания тоталитаризма свободы слова и прочих благоглупостях. Даже признает, что мягкая советская цензура — пишете, что хотите, только с джентльменским соглашением: партию и правительство не трогайте! — сменилась строжайшей самоцензурой. А вот на более искушенном в политкорректности Западе уже полтора столетия действует все и вся устраивающий «принцип Бисмарка»: говорите и пишете что хотите, только слушайтесь!

Но ведь книги-то издаются, порой даже очень высокого творческого класса! Жаль, конечно, что их тираж редко превышает сто экземпляров — это по сравнению со сотысячными тиражами советского времени. Пожалуй, здесь оптимист рассмеется, хлопнет себя по лбу тыльной стороной правой (левиша — левой) ладони: эх тебя, милейший, куда занесло? — Целых сто экземпляров!

Нам же достается роль третейского судьи. Каковы реалии постлитературного периода? А они таковы. Ограничимся отечественной «постлитературой».

Конечно, и в постлитературный период книги останутся: «компьютерные» детективы и комиксы для толпы, а изящно, роскошно изданные — для элиты. Может даже и для чтения. Например, для находящихся под домашним арестом, если ханнул сверх меры, а главное — не поделится. То есть литература, равно как и другие искусства, следуют правилам эпохи позднего Древнего Рима: вино, женщины и искусства принадлежат избранным.

Оно к этому и идет; если четверть века назад любой московский студент мог, особо не задумываясь, купить билет в Большой театр, то сейчас цена ему слишком хорошо известна. Другое дело, зачем эти высокие искусства пресыщенным всем и вся «верхним» классам?

...В школьные годы среди прочих литератур открыл для себя латышских писателей (хотя и жил не в Риге, а в мурманском Заполярье): от первых романистов братьев Каудзит до исторического писателя, классика Андрея Упита и, конечно, Виллиса Лациса, кстати, после войны долгое время являвшегося председателем президиума Латвийской ССР. Но не менее четырех-пяти раз перечитывал его замечательный роман «Пятиэтажный город». Действие происходит в буржуазной Латвии. Главный герой книги, ищущий свое место в неудобной жизни, стремящийся к образованию — все своими силами и умом, попадает на концерт знаменитого скрипача, занесенного в глухую провинцию Европы — лимитрофную Ригу.

Слушая виртуозную игру скрипача, герой книги одновременно рассматривает публику в зале — собрался на «имя» весь истеблишмент прибалтийской столицы. В сопровождении своих жен и любовниц в вечерних платьях от модного французского портного, на концерт пришли воротилы делового мира: тройные подбородки, квадратные лысины, припухшие глаза... Неужели им что-то говорит Вивальди и Гайдн? Вряд ли. Ибо под этими массивными лысыми черепами бешено крутятся цифры: тонны удачно проданной салаки, тысячи кубометров латгальской древесины, суммы фрахта судов рижского порта... Цифры, цифры, прибыль, дебет-кредит. Нет, сала-

ка и шпроты не дадут пробиться музыке Вивальди под лысые черепа, а Гайдн и латгальский лес не под одним скрипичным ключом. Примерно так рассуждает герой книги Лациса, хотя и другими словами.

...В суждениях наших, отечественных оптимистов и пессимистов постлитературного периода есть своя правда и неправда, но меж ними чисто русский переко́с.— Все от стремительности перемен, в части литературы тоже. Дело в том, что на Западе постлитературный период начался давно, коллапс литературного творчества и потеря читателя подошли плавно, неакцентированно. Как и все на Западе, где сам капитализм созрел не одну сотню лет.

У нас же, то есть в СССР, до самой горбачевщины, даже до ее середины, а и вовсе до ее бесславного конца на периферии, взращенная в советский период, а предтеча — конец XIX — начало XX веков, фигура человека-творца, созидателя еще не уступила место массовому квалифицированному потребителю. Соответственно, литературный процесс был востребован. И вдруг в одночасье все развернулось на сто восемьдесят градусов: с космической скоростью фигура творца была дезавуирована, смята, злоопухолью разрослась мелкобуржуазная биомасса того самого квалифицированного потребителя. Литературный процесс оказался ненужным. То же в одночасье, также в один миг. Это и дало переко́с правды и неправды как пессимиста, так и оптимиста.

Как гласит наш фольклор, быстрота нужна лишь при ловле блох. И еще в государственных переворотах всех времен и народов. В отличие, например, от ползучей контрреволюции. В текущее время — это «оранжевые революции», робкую, скорее кем-то санкционированную, попытку которой мы недавно наблюдали и в Москве. Это опять же не тема настоящей «Колонки», но ведь именно быстрота смены ориентиров страны в конце 80-х — начале 90-х голов и вызвала этот переко́с пессимизма-оптимизма, что в полной мере ощущается и по сей час.

Ниже охарактеризуем этот переко́с, в оценке которого, как ни странно, пессимисты и оптимисты — по одну сторону (словесных) баррикад.

Рекомендуем читателям этих строк не забывать: «Колонка...», хотя и имеет конкретного автора, но является отражением коллективного мнения членов редколлегии журнала; также мы внимательно прислушиваемся к рекомендациям и пожеланиям «ядра» авторского коллектива. Так что строфа из поэмы Маяковского «сиджу я в Туле в стуле» в данном случае не должна пониматься как символ субъективности содержания «Колонки...».

Первым и наиболее серьезным свидетельством перехода России в постлитературный период явился фактический распад Союза писателей СССР. Здесь наиболее зловещим симптомом явилось не столько отпадение от прежде единой писательской организации национальных литератур теперь уже самостоятельных государств (мина, заложенная, вопреки усилиям Сталина, троцкистским подпольем в «бухаринскую» конституцию 1936-го года...), сколько отчасти удавшийся раскол базового, российского Союза «апрелевцами» во главе с амбициозным поэтом. Тот, правда, скоро убыл на ПМЖ в хлебную Америку, но раскол в русской литературе оставил. Как тот же Троцкий — «Иудушка» по известному ленинскому определению. Правда, к недавнему своему юбилею приезжал в Москву, где получил запоздалый диплом об окончании Литературного института им. А. М. Горького.

Именно с этого раскола, когда для численности в «апрелевцы» принимали по рукописям едва не на улицах Москвы, началось организованное дробление русской литературы. Возобладала понимаемая в широком смысле групповщина.

Сам этот термин в отечественной литературе весьма давний и во многом принципиально отличен от схожих понятий в других сферах жизни: фракций в по-

литических партиях, классов в общественно-экономическом устройстве государства и так далее вплоть до шаяк и банд в уголовно-разбойном мире. Кстати, и в данном вопросе очень гибкий и ассоциативный русский язык может озадачить кого хочешь. Если, например, в архангельской или вологодской деревушке услышишь от восьмидесятилетней бабки, указывающей на группку парней, тянущихся поутру в сельмаг за опохмелительным пивом: «Вот опять в магазин партия пошла!» — То не ищи в словах старой политической подоплеки. Просто это закрепившаяся в местной речи память о 20—30-х годах, когда по дорогам Русского Севера прогоняли под охраной партии арестантов, обычных уголовников и жертв троцкистско-ленинского СЛОУН^{*} и ежовского безумия тридцать седьмого года...

Сказанное выше — сугубо для понимания той роли, которую имеет терминологическая чистота и определенность.

Групповщину в нынешнем отечественном литературном мире, или в постлитературном — кому как ближе, следует понимать как организационную, идейно-литературную, идейно-политическую, этическую, эстетическую и пр. разобщенность писателей, выражающуюся в отъединении друг от друга, а значит и от групп читателей, причем каждая группа явно, а чаще неявно — в рамках тенденциозности, заявляет свою литплатформу, следование программе которой для участников группы строго обязательно по понятию (это не термин воровской фени!).

...Как писали братья-фантасты, упоминавшиеся выше, история нашей страны суть циклическое повторение уже бывшего ранее — то есть действие гегелевской спирали развития. Так и нынешняя ситуация групповщины есть почти «дословное» повторение литературной разобщенности 1910—20-х годов, но которая завершилась — правда, тогда оптимистично-переверзевским РАПП'ом и, наконец, горьковско-сталинским Союзом писателей СССР. Кстати, не ассоциируйте рапповского Переверзева (У Ильфа и Петрова: «Долой переверзевицу!») с Переверзевым нынешним, героем многочисленных гневных статей в «Литгазете» по поводу раздела писательского имущества — об этом ниже. Возможно, они даже и не родственники... Хотя символично даже совпадение имен фигурантов.

Когда-то Сталин сказал, если не ошибаюсь, Анри Барбюсу: «Других писателей у меня нет!» И мы можем повториться, что сейчас, в период разбукхания мелкобуржуазной биомассы, других писателей тоже нет. В том смысле, что писатели не только отображают действительность, но и сами есть порождение ее. Поэтому в групповщине сейчас не малую роль играет матримонильный фактор: естественно, от «Москвы до самых до окраин».

В столице, где все внутри внешней кольцевой автомагистрали пропитано духом меркантильности — от мелочной до гигантской, почти что сравнимой с госбюджетом, групповщина приобрела выраженный коммерческий стержень: дележ остатков бывшей, советской писательской собственности — с Переделкино в эпицентре. Конечно, львиная доля недвижимости СП СССР отошла к государствам СНГ, а внутри России ее прибрали к рукам в лихие девяностые, годы рейдера — молодцы: от бандитов до официальных структур. Но настолько велика была собственность Союза писателей, что и оставшиеся крохи ее достаточно соблазнительны.

Со столицей все понятно, но и на периферии (провинции по-нынешнему, уничижительному) нищенствующие литераторы порой делятся на группировки, соревнующиеся друг с другом по части получения крох, падающих со столов администраций различных уровней. Очень малых крох, ибо отечественные чиновники подобрались из тех ценителей русской словесности, что в своей жизни прочитали только

* Соловецкий лагерь особого назначения. — Прим. авт.

две книги: «Тимур и его команда» Гайдара-деда в детстве и личную чековую книжку, что читают на ночь. Чтобы сны привиделись радужные...

Ярко выраженной групповициной отдают и нынешние литературные премии и лауреатства. Их расплодилось множество, но все они делятся на две группы: «денежные» и «безденежные». Что называется *honoris causa**. Первые — исключительный атрибут Москвы, и столица вовсю старается не выпустить их за пределы упомянутого МКАД'а, а то и вовсе Садового кольца. Для получения ее всенепременно следует быть членом группы и проживать в пределах... см. выше.

Пишущий эти строки по натуре сугубый эмпирик — вспомните «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина, — поэтому все стараюсь извлекать из личного опыта, а потому принципиально участвую уже лет пять-шесть в премиальных конкурсах, в том числе и в безнадежных «денежных» премиях-лауреатствах. Не потому, что деньго- и лавролюбив, что противоречит моему староверческому происхождению и военно-морскому воспитанию, а по сказанной выше причине: приязнь к эмпириокритицизму, за которую Вождь мирового пролетариата в своем основном философском труде так обиделся на своего коллегу — до 1917-го года — А. А. Богданова (Малиновского). Кстати, не американец Норберт Винер, а русак Богданов заложил основы науки кибернетики... Но это к слову.

Результат участия — нулевой. Даже в наиболее честной престижной Бунинской премии: дважды я становился ее финалистом, но на том дело и заканчивалось. Не обижаюсь: может и «не дотягиваю» до нее, но — подождем, пока Тула, как недавно часть соседней области, не войдет в состав New Moscow. Куда более честные премии, в положении о которых прямо записано: «Присуждается только членам <далее идет имя классика в соответствующем падеже> общества».

Периферийные литпремии все сплошь «безденежные», но пресловутая *honoris causa* и здесь явно отдает провинциальностью, местечковой групповициной. По определению это не относится к лауреатствам, привязанным, опять же с указанием в положении о премии, к конкретному месту проживания претендентов: республике, краю, области или городу. Может даже и к селу... Как писал Николай Рубцов: «Мне поставят памятник в городе или на селе. Буду я и каменный — навеселе».

Но вот с периферийными премиями, объявляющими себя всероссийскими, общенациональными и даже международными, не все комильфо. Сильно отдает групповициной. Как, например, с несколькими премиями, объявляемыми в городах, где стоят памятники нашим традиционным и новым классикам. Премия всероссийская, а лауреатами почему-то становятся сплошь местные писатели. Так, мол, получилось; хотели как лучше... Хотя и наивная, но — групповицина. Это ведь не столичные «литературные монетные дворы», где штампуют направо-налево писательские ордена и медали. — См. наизушевиую статью в одной из московских литературных газет Сергея Соколкина; кстати, автора «Приокских зорь».

...Как говорят медики, а ваш покорный слуга все же профессор медицинского института, нельзя «показывать на себе». Но мы рассуждаем о литературе, поэтому все же обратим внимание читателя на всероссийскую литературную премию «Левша» имени Н.С.Лескова, уже пятый сезон присуждаемую в четырех номинациях за лучшие публикации текущего года в «Приокских зорях», а с прошлого года и за издание авторских книг в серии «Приложение к журналу «Приокские зори».

Здесь нет и намека на местечковость — это не похвала себе, то есть редколлегии журнала, а объективная реальность. Среди лауреатов — эмигрант, ныне живущий в германском Бремене, известный поэт из воронежского Борисоглебска, монахиня из монастырского села Владимирской области, соотечественник «на заработ-

* Чести (почести) для (лат.). — Прим. авт.

ках» в африканском Мозамбике, московские профессора, поэт, работающий на химкомбинате в Тольятти и так далее в разнообразии географии. Всех лауреатов объединяет одно: литературный талант.

А если в числе лауреатов появляются авторы из Тулы и городов Тульской области, то значит они достойны того. Кстати, уже два года подряд мы не присуждаем «Левиу» в жанре литературоведения: так получилось, что все более или менее достойные публикации здесь принадлежат авторам — членам редколлегии «Приокских зорь», которым по Положению премия не положена...

Схожий подход и у жюри всероссийской литературной премии «Белуха» имени Г. Д. Гребеницкв, учрежденной Союзом писателей России и журналом (альманахом) «Бийский Вестник» (главный редактор и председатель жюри В. В. Буланичев).

Но все это скорее исключения, нежели правило. Увы. Завершим же аспект современной литературной групповщины и вовсе пессимистически: группировки занимаются чем угодно, но только не развитием литературного процесса. Дважды, увы, отвечая только за себя, стараюсь разрабатывать теорию современного литературного процесса в структуре Академии российской литературы, где являюсь членом Правления, ответственным за литидеологию. Как это получается? — Вам, уважаемый читатель, судить.

Свобода слова и самоцензура — здесь перекося явно на руку пессимистам. Вспомним не столь давнее: что не устраивало в литературном процессе советского периода явных и скрытых диссидентов, столичный окололитературный бомонд, обиженных судьбою и книгоиздательствами литераторов? — Конечно, якобы отсутствие свободы слова в СССР. При этом все они напрочь забывали, или отродясь не знали, диалектическое, гегелевское определение свободы как осознанной необходимости. Этим все сказано как припечатано.

Повторение — мать учения, поэтому считаю нужным еще раз повториться (см. предыдущие «Колонки...» в «Приокских зорях»): начиная с 60-х годов, никаких покушений на реальную свободу слова уже не было — при соблюдении автором трех необходимых для него условий: а) не употреблять нецензурных слов и умерять эротические фантазии; б) обладать способностями к литературному творчеству, то есть не являться графоманом; в) соблюдать правила игры с властью, придерживаясь — сродни великолепному английскому правилу: джентльмены присутствующих не имеют в виду. Так и здесь: «не трогать за вымя» партию (тогда единственную) и правительство и, тем более, лично... понятно кого.

И это была «неистовая тоталитарная цензура». А то, что негатив к власти приходилось выражать иносказательно, то это только совершенствовало художественное мастерство автора. Для справки — для тех кто не издавал авторские книги в советское время (у меня такой опыт имеется): по скучно-обязательным обзоркам современных СМИ и запиаренно-коммерческих литераторов получается, что любую книгу перед ее изданием дотошный тоталитарный цензор вычитывал вдоль и поперек, с конца и по диагонали, всю ее исчеркивал и возвращал через издательство автору для коренной правки. Смею разочаровать: к цензору, то есть в пресловутый «лит» книга попадала уже изданной, а «литовца» интересовали вовсе не особенности композиции, даже не пункты а), б), в) первоочередно, но соответствие изданной книги инструкции о сохранении гостайн.

...Но вот на не очень продолжительное время в 90-х годах «объявили» полную свободу печатного слова. Действительно, на любом книжном развале в самом центре города рядом лежали «Архипелаг ГУЛАГ», «Эдичка» Лимонова, «Mein Kampf», Библия и многотомные сочинения кришнаитов. Но разве в тот период объявился сонм талантливых писателей, или качественно повысился литературный изыск читательских

масс? — Все с точностью до наоборот: читателям в те голодно-волчьи годы стало не до книг. Впрочем, и сочинителям таковых тоже.

В итоге в постлитературный нынешний период отечественная литература пришла в состояние броуновского движения: огромное число издаваемых в полукустарных типографиях-маломерках за собственный счет книг с «краеугольным» сотенным тиражом — все сплошь в категории «самиздата». Число пишущих и читающих сравнялось, явив миру, которому в общем-то на нас наплевать, «супернорвежский феномен», ибо просто «норвежский феномен» — это упоминавшийся выше короткий во времени взлет литературы на датско-норвежском языке (датский и норвежский — это один и тот же язык) в конце XIX — начале XX веков, когда в северном королевстве, изрезанном фиордами, самом нищем в Европе — тогда нефть на шельфе Северной Скандинавии не качали — на каждые триста жителей приходился свой писатель... Правда, сейчас кто-то слабо припомнит «Голод» Гамсуна, да еще литературоведы, что называется по профессии, знают о драматурге Бьерстерне Бьернсоне и «Снах и яви леди Градивы» модерниста Йенсена.

Норвежский феномен таки у нас переплюнули в сотни раз, а может и в тысячи, с учетом полного отсутствия читателей современной литературы, но что ведь уже два десятка лет издается? — Графомания на 90 % в поэзии и на 75—80 % в прозе. Все-таки последнюю труднее сочинять, опять же книги по объему больше, дороже в издании, так что приходится задуматься: издавать ли библейской толщины роман-эпопею «А паразиты никогда» (По Ильфу — Петрову), или ограничиться брошюрой с рассказами-зарисовками.

Полное же уничтожение института редакторов, корректоров и профессиональных верстальщиков делает же современные книги антиэстетическим продуктом невзыскательного творчества. Еще один существенный негативный момент в современной постлитературе: вместо объективной литературной критики, которая сейчас полностью отсутствует, появился «жанр» такой снисходительной опеки: дескать, не совсем талантливо пишут ребята, но хоть кто-то пишет! Так поддержим и пр., и пр. А потом удивляются, когда из таких сирот-опекаемых вырастают самодовольные графоманы-хамы, что, прикупив на «литературном монетном дворе» (опять ссылки на статью Сергея Соколкина) с полдюжины самопальных орденов и медалей, начинают: как писать и о чем писать!

...С пресловутой свободой слова тесно связано понятие самоцензуры. В расширенном понимании — это авторское редактирование своих произведений, чем знаменит был Лев Николаевич Толстой. А вот Федор Михайлович этим напрочь манкировал: Не до того, Федя, не до того — рулеточные долги надо срочно отдавать — в печать!

Так что самоцензура — это не нечто официозное, цинково-суконное, но необходимая стадия творческого процесса. И во все времена, далеко не только в советские, самоцензура «держала в уме» пресловутые джентльменские пункты а), б), в): от античных времен до нынешних.

Один лишь пример. Думаете, Николай Михайлович Карамзин писал свою многотомную и бессмертную его имя (что вряд ли бы сделали «Бедная Лиза» и «Записки русского путешественника») «Историю государства российского, оставляя втуне самоцензуру? — Еще как не оставлял, да так не оставлял, что все достижения русского государства «преподнес» всего лишь двухсотлетней династии Романовых, задвинув в глубь веков почти семьсот лет правления Рюриков!

«Во всем виноват Сталин» — уже пятьдесят с лихвой лет этот девиз не сходит со знамен различных оттенков, в том числе и с прежде бывшего красного знамени с серпом и молотом... Чего только на Сталина не навешивают? — Только

что убийства Пушкина и Лермонтова на дуэлях. Конечно, «по-сталински»: посаженным стрелком из-за Черной речки и с вершины Эльбруса. Тем более — в части советизации и тоталитаризации отечественной литературы. Вот здесь-то и возникает крайне актуальная для нынешней постлитературы тема: писатель постлитературной поры и чиновник.

«Как,— воскликнет и хлопнет от возбуждения эмоциональный читатель этих строк,— какая связь Сталина с нынешним постлитературным процессом? Глупости все это, зарпортовался профессор!»

Связь же прямая. Будучи этническим полуосетином-полугрузином, Иосиф Виссарионович не до конца понимал одну специфическую черту русского характера, феноготипически воспитанную в нем — нет, не самим Сталиным и советской властью — на протяжении веков, особенно — со времен Петра Первого, на всю жизнь восхитившегося немецкой дисциплиной — от частого гостевания в московской Немецкой слободе у Лефортова: боязнь чиновника и органическое нежелание с ним как-либо связываться по «принципу Савельича»: поцелуй, дескать, барин ручку злодею да сплюнь! И другой наш классик пишет, что приставу вовсе и не надо на деревенский беспорядок самому ехать — достаточно фуражку свою прислать.

«Российская империя есть государство, по-преимуществу, военное», — этими словами начинались гимназические учебники истории и географии. Это являлось полуправдой, ибо во внутреннем, невоенном своем устройстве Россия была, есть и еще долгое время будет государством, по-преимуществу, чиновничье-бюрократическим. Это как наследственность в хромосомах, никуда от нее не денешься.

Причем чиновник в России, в отличие от европейских, сугубо особенный: он стремится не столько исполнить спущенный сверху циркуляр, но, как телега перед лошадей, опередить его «инициативой на местах», тем самым создавая в глазах нечиновных людей уверенность во всемогуществе и самодурстве самого ничтожного носителя кокарды на фуражке. «Коллежский регистратор — почтовой станции диктатор». В таком непонимании особенностей русского характера Сталиным, что сразу подметили «шестерки», «шныри»^{*} и, конечно, замаскировавшиеся троцкисты — низовая основа формирующегося наспех бюрократического аппарата советской власти, его (невольная) вина. Отсюда и доноительство в разmere эпидемии, подставление вместо себя честных людей и так далее. В нужный момент эти «шныри» все свалили на Сталина.

После такой преамбулы вернемся к современной постлитературе, держа в памяти свободу слова и самоцензуру. — Тему, близкую к развиваемой ниже.

Правильно понимаемая бюрократия, как то ведется в Европе со времен Древнего Рима, есть системно-структурная основа любой государственной власти. Здесь только князь Кропоткин и Нестор Иванович Махно, красный командарм, запротестуют... Да еще Прудон из глубины веков. Поэтому выстраивание вертикали власти в современной России после окончания смуты 90-х годов можно рассматривать как важный элемент госстроительства. Но ведь чиновник-то, отношение к нему и органическая боязнь его «фуражки» остались прежними! Более того, «естественный отбор» девяностых годов придал российскому чиновничеству новые качества: низкую квалификацию как чиновника-специалиста и невероятную коррумпированность.

Как это сказалось на литературном процессе, пусть даже и усеченном до постлитературы? — Прямым образом и все по тому же принципу отечественных «кокардистов»: запрягать телегу впереди лошади.

Госвласти сейчас не до тонкостей литературного процесса. Достаточно сказать, что уже двадцать лет всевозможные проекты законов о культуре, творче-

^{*} На фене, которая здесь очень подходит, шнырь — подметальщик, уборщик за всеми. — Прим. авт.

ских организациях и пр. не дошли даже до постановки в очередь на обсуждение. По-человечески это понятно: на повестке дня стоят жизненно важные вопросы сохранения целостности государства и вытягивания его из пропасти девяностых годов.

Но этим в числе прочего активно пользуется чиновничество, идеология которого такова: минимум общепольной деятельности, максимум личного обогащения, главное — создание видимости кипучей деятельности, чтобы показать свою нужность: если не перед Страшным судом, то хотя бы перед вышестоящими инстанциями. Широкое распространение сейчас получил метод «выхватывания из толпы» <Далее фактический материал взят из «Литературной газеты», читать которую писателям надо обязательно, несмотря на ее колебания «влево-вправо» и все возрастающую розничную стоимость...>.

Обобщенно говоря, писатель избирает сюжеты и героев из трех эпох: историческое прошлое, настоящее время и фантазии на тему будущего. Настоящее настолько буднично серо и неоптимистично, что о нем почти никто не пишет. Зачем? — И так все перед глазами. Куршавель же, крейсерские яхты и жизнь престарелых певцов-танцоров на столичной эстраде — тема для фоток глянцевого журнальчиков.

На рубеже веков и тысячелетий массово было ринулись письменники в социально-политическую фантазию, но здесь-то чиновники словили свой первый куш. Пару-тройку лет назад «Литгазета» из номера в номер почти в детективном жанре печатала сообщения о судебном преследовании одним из столичных судов писателя-фантаста, вознамерившего дать абрис Москвы где-то через тридцать-сорок лет. Литератору инкриминировали грозные статьи о терроризме, разжигании национальной розни, ксенофобии и антиинtolерантности. Вроде как дело «развалилось», говоря суконым языком. Да еще в то же время кто-то из руководителей государства по сходному делу афористично сказал, что-де заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет...

Но сигнал-то был дан! А наш писатель очень понятлив насчет чиновничьей немилости-инициативы. Все, прекратились фантазии.

Итак, фантазировать нельзя, о действительности писать скучно, остается — конечно, остается история! Вот где разгуляться! Но не очень-то разгуляешься, как оказывается. Советский период старшим поколениям он и без того известен досконально — ничем не удивил читателей. Спроса не будет. А поколениям, как сейчас принято обозначать <<-35>>, СМИ за прошедшие четверть века привили такое стойкое неприятие, что эти <<-35>> и в руки такие книги не возьмут. Вероятно, как и все остальные. Эти поколения не читают вовсе.

Интересен XIX век, но он весь описан-переписан. Разве что жития императоров и выдающихся царедворцев? — Но это на любителя. Век восемнадцатый весь в художественной форме отображен Валентином Пикулем. Да и хлопот много — первоисточники ворошить. Куда как хорошо сочинять о временах столь стародавних, что и фактологию проверить нельзя, и политориентацию к делу не пришьешь: кто знает, что готовили боярин Матвей и стрелец Кузьма: победу мирового пролетариата или торжество демократии на рубеже тысячелетий?

Политкорректность как заноза — тема, продолжающая предыдущую. Заноза только с виду крохотная, но мучений с ней предостаточно. Если же под ноготь попадет, то и до панариция недалеко, что вообще хлопотно с излечением. Такой занозой в постлитературе и является политкорректность. В советской литературе 60—80-х годов она ограничивалась только джентльменским пунктом в). А сейчас потому она и заноза, что постоянно держит автора под неусыпным контролем.

Пишет он слово «негр» — без малейшего намека на негатив, и аж в пот бросает бедолагу: а как это поймут? И вот он, наслушавшись-насмотревшись СМИ, вздохнув, зачеркивает «негра» и пишет «афроамериканец», хотя бы по сюжету это чернокожий из Гвинеи, служащий барменом в Москве и ни разу не бывавший в Америке. «Афрорусский» пока не прижился. Но приживется и этот веселый парень с рекламными белоснежными зубами...

О «в Украине», Флориде, Таллине с двойным «эн» и многом прочем мы уже писали в предыдущих «Колонках...». Не знаю, как сейчас издают в русском переводе Ницше, умудрившегося обидно обозвать все национальности, в особенности же родную немецкую. Как быть с поименованием нетрадиционных чувственных удовольствий, ныне легализованных и юридически уравненных...? Здесь прямо как в старом анекдоте: «Вер-р, как поживает твой муж-сифилитик?» — «Ф-ью, Маи-и! Не сифилитик, а филателист».

Заноза она и есть заноза.

О переходе с бумажного на электронный носитель, об Интернете мы даже не то что писали в «Колонке...», но и вовсе только завершили всероссийскую и международную дискуссию на эту тему на страницах «Приокских зорь».

Традиции литературы в постлитературе должны были бы одобрить приунывшего оптимиста. Но так ли это? Всякая традиция живет, если ее постоянно развивают, продолжают, совершенствуют. Но если о традиции только все говорят, монотонно талдычат, а следовать ей мало кто собирается, то это становится нонсенсом. Пересохла на крутом изгибе истории русская литература, не может уже «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов земля российская рождать».

А оптимист все не унывает: «Жив курилка!» Пессимист урезонивает: вот тебе дадут покурить и прикурить в общественном месте! Тут тебе и очередная антиалкогольная кампания на носу; будешь отмечать с друзьями-литераторами выход очередной стокземлярной книжки не в кабаке, но на собственной кухне при погашенных свечах и плотно зашторенном окне. Чокаться — только тыльными сторонами ладони, судорожно обхватившими запотевшие от потожировых (новое модное слово в бандитско-милиейских сериалах) стопки.

...Пусть первый бросит камень, если это всего лишь фантазия. Тем более, фантазии сейчас сочинять архиопасно.

Невесело это, господа-товарищи, они же потенциальные граждане, жить-поживать писателю в постлитературную эпоху. Которая, увы, только началась. Совсем зрим облик надвигающегося «грядущего хама» (по Д. С. Мережковскому). Здесь слово «хам» употреблено не в оскорбительном смысле, но, так сказать, в социокультурном: когда все социальное вырождается в священность частной собственности и безудержную власть дензнаков, а культура — в свой примитивный антипод. Носитель этих качеств и есть грядущий хам.— Но только в определении взгляда и предыдущей истории. Сам же торжествующий хам — к счастью для него — себя таковым не осознает. Как кладбищенский могильщик не видит ничего предосудительного в своей работе. Или представители первой и второй древнейших профессий.

Просто этот персонифицированный грядущий хам другого *modus vivendi** не знает, потому что знать не желает и ничему не учился. Такова установка общества к квалифицированным потребителям.

Хотите вы, уважаемые писатели и поэты, тратить свои усилия головы, души и физического здоровья для «интеллектуального обслуживания» такого персонажа

* Образ жизни (лат.).— Прим. авт.

современной жизни? — Думаю, что здесь оптимист и пессимист сойдутся в едином мнении: ни-за-что! Но даже горячиться здесь не стоит. Ибо этот хам и сам не возьмет в руки вашу книгу, брезгливо отвернув от нее свою цинковую или суконную... ну-у то, что прежде называли одухотворенным лицом.

Так для кого, или чего, писать постлитературу? — Впереди по времени грядущий хам, позади — последние из могикан читающих. Остается только... самоутверждение? Может быть и так. Бывали ситуации в истории цивилизации, когда этот принцип доминировал.

Профессионал и дилетант в постлитературный период, а особенно их противопоставление — тема сугубо спекулятивная. И вот почему. Почти 99 % ныне пишущих неприятно, ведь выше дарованной природой головы не прыгнешь, втихую завидующие более талантливым собратьям по перу находят железобетонное себе оправдание: «Писучий ты, брат Никодим! И где только время берешь? А мне вот денно-ночно надо о хлебе насущном думать, на двух-трех работах корпеть, чтобы хоть раз в два года машину себе менять, да квартиру очередную для подросшего мальчика прикупить. Иначе бы и я так развернулся, что тома шестистраничные так бы и отскакивали от письменного стола!»

...Что-то это мне напоминает из классики? Ага, как даже знаменитые писатели некогда апеллировали в части Льва Толстого. Мало что начинающий Михаил Афанасьевич Булгаков в «Записках юного врача» писал от лица своего автогероя, что-де хорошо было Льву Толстому в тепле и тиши Ясной Поляны сочинять свои романы, а мне, земскому врачу, в мороз и вьюгу приходится тащиться к умирающему больному на край волости... так и Федор Михайлович, когда его упрекали в небрежной отделке своих (великих) произведений, то же говорил, что хорошо Толстому (см. выше), а мне надо за три месяца выдать на гора книгу — оплатить долги за проигрыш в рулетку.

И вообще противопоставление профессии и дилетантизма в литературе — величайшая глупость, если только не одно самооправдание. Можно по пальцам в мировой литературе пересчитать писателей, что занимались исключительно сочинительством, с которого и жили-здоровствовали. Да, был Бальзак и Диккенс, «фабрика» папы Дюма. Посчитайте сами, только из выдающихся литераторов, и пальцев рук и ног на всех не хватит. Кто писал евангелия и другие книги Нового Завета? — Профессиональные, так сказать, проповедники Христова учения, а до того и вовсе имевшие профессии рыбака, плотника и даже мытаря-налоговика в высоком этом полицейском звании.

Кем был великий писатель и философ Фрэнсис Бэкон, которому уже не одно столетие вполне мотивированно приписывают еще и анонимное авторство «всего Шекспира»? — Был он всю сознательную жизнь первым лордом, то есть канцлером, Британии. Это не хухры-мухры... А его соотечественник Дизраэли, он же лорд Биконсфилд, автор «Танкреда» и еще двух десятков «бестселлеров» своего времени? — Блестящий премьер-министр уже гигантской Британской империи, над которой, говоря словами Киплинга, никогда не заходит солнце... Гёте не только был пожизненно Веймарским премьер-министром и автором десяти томов (в нынешнем издании) прозы и поэзии, создателем гениального «Фауста», но и выдающимся естествоиспытателем, ученым-морфологом. А трактат о свете и его цветах до сих пор цитируется в многоумных диссертациях.

Что сказать про отечественных классиков? — То же самое, если не в большей степени. Упрекаемый Достоевским и Булгаковым Лев Толстой сочинил свои 90 томов (в Юбилейном издании 1928—1961 гг.) вовсе не в отстраненности от мирских дел. Служил — профессионально — в армии, участвовал в Крымской войне, а если

пройтись низом центрального в Туле проспекта Ленина, то на глаза попадетя мемориальная табличка: здесь-де трудился канцелярским служащим Толстой. А в Ясной поляне? — Ведь он самолично управлял огромным имением с шестью тысячами десятин, что сравнимо с хлопотливой должностью председателя большого колхоза. Подчеркнем: управлял лично, только под самый конец поставив на хозяйство Софью Андреевну...

А на том же тульском проспекте Ленина, через дорогу, напротив дома, где служил Толстой, — здание коммунально-строительного техникума. И тоже с табличкой, извещающей, что здесь в генеральской должности председателя губернского казначейства служил М. Е. Салтыков-Щедрин. В другие годы был он вице-губернатором в других городах и весях.

Добрый гений наших «Приокских зорь» Гаврила Романович Державин и вовсе являлся Олоонецким (Петрозаводск — Карелия) губернатором, а затем министром Екатерины Второй. Автор «Фрегата Паллады» не только был три года штатным этнографом на этом знаменитом корабле, но затем являлся главным цензором империи.

Другой гений журнала — Николай Алексеевич Некрасов, пробедствовав всю свою молодость, затем стал в одночасье «наследником всех своих родных», да еще наловчился так играть в карты, что запросто мог за одно утро положить в карман 40...60 тысяч целковых. Вот ему в тиши и покое теперь пристало бы сочинять стихи о горькой доле и нищете народа... так нет, взвалил на себя бремя главного редактора «Современника», а затем и «Отечественных записок», через которые «сделал» всю русскую литературу второй половины XIX века.

Остается вроде бы барин Тургенев, пишущий в свое удовольствие, отвлекаясь только на охоту и ухаживание за французской актрисой — заодно полностью содержал ее и супруга. Но и здесь одно «но»: вполне достоверная служба полковника внешней разведки резидентом во Франции и всей Западной Европы...

Остановимся на этом увлекательном перечислении, чтобы «Колонка...» не заняла весь объем журнала.

Не может среди серьезно, талантливо пишущих людей, тем более в постлитературный период, иметь место разделение на профессионалов пера и дилетантов-любителей, этаких по Гоголю Хлестаковых, любящих побаловаться гусиным пером на досуге: «Ну, что, брат Пушкин?» — «Да так, брат Хлестаков!»

У человека *homo sapiens* два полушария головного мозга: левое отвечает за логику мышления в реальной жизни, а правое — за творческое воображение. И если правое полушарие развито до степени творческого самовыражения, то учись писать профессионально! Этого же можно достичь только годами и еще раз годами упорного, почти что каждодневного труда; как говорится, *nulla dies sine linea**. И не важно, чем ты добываешь хлеб насущный: кочегаром, профессором, мытарем или инженером. А нет устремления к литературному профессионализму, которое сейчас никого не кормит, а наоборот, требует личных материальных затрат, — лучше совсем не пиши или корреспондируй в учрежденческую стенгазету. Сочинять и издавать, хотя бы сотенным тиражом, глубоко посредственные книжки «для души» — значит плевать в лицо высокому искусству литературы. Хотя бы и с приставкой «пост».

Отсутствие понятия авторитета, в смысле авторитета писателя как в своей цеховой среде, так и в глазах общественности, людей, в постлитературный период — несравненно тягостный момент. Удивляться нечему: сейчас вовсе нет авторитетов, кроме как в уголовной среде, ни в какой среде деятельности. Это

* Ни дня без строчки (лат.). — Прим. авт.

понятие заменено понятием «на какой капитал тянет барин». И даже родители ругают детей за проступки: «Ты что, бездельник! Хочешь профессором (учителем, инженером и пр.) стать и всю жизнь в нищете прозябать?»

Здесь уже ничего не поделаешь. Но отсутствие авторитетов в цеховой среде прерывает преемственность талантов и поколений в литературе.

Еще остался для рассмотрения такой важный аспект, как литературная периодика постлитературной эпохи. Но тема эта настолько важная, актуальная и самостоятельная что мы, скорее всего, посвятим ей отдельную «Колонку...».

На этом и аминь!

Примечание: просим рассматривать изложенное выше как дополнительный исходный материал к дискуссии, объявленной в предыдущем номере «Приокских зорь»: «Не хватит ли «сбрасывать Пушкина с корабля истории?». Кстати, просим поторопиться потенциальных участников злободневной дискуссии. Ее материалы планируется поместить в третьем или четвертом номерах «Приокских зорь» за этот год, а итоги дискуссии — традиционно уже в первом номере следующего года.

К ЮБИЛЕЮ НАШЕГО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

АЛЕКСЕЮ АФАНАСЬЕВИЧУ ЯШИНУ

*Возраст юбиляра — для Вселенной миг.
Он активен в жизни — многого достиг.
Выпускает книги. Каждый день творит
И без дела долго вряд ли усидит.
Без поддержки власти юбиляр создал
Сей литературный толстый наш журнал,
Признанный в России и за рубежом.
Только власть считает «Зори» лишь бомжом:
Нет помещенья, виртуальный штат...
Но журнал выходит восемь лет подряд.
Двигается по миру — это ль не успех?!
Помогает в этом только «политех».
Юбиляр — ученый. И наград не счесть.
Знает, что такое: долг, упорство, честь.
Он известен Туле и планете всей,
И зовется просто: Яшин Алексей.
Отчество не входит, как тут не пиши.
А писал я просто и от всей души.
Долгих лет, здоровья, славный адмирал!
Чтоб фрегат наш — «Зори» — дальше курс держал!*

Сергей Крестьянкин (г. Тула)

НА «ВИЛЛИСЕ» И С МАУЗЕРОМ...

В мемуарах об Отечественной ветераны часто вспоминают легенду о том, как командующий армией Рыбалко водил в атаку свои танки, стоя во весь рост в генеральском «виллисе», размахивая маузером времен гражданской войны. Слишком часто упоминают, чтобы это было только легендой.

Человек, которого мы сегодня поздравляем с «коротким» юбилеем, напоминает мне того отчаянно смелого и выпрямленного генерала: против танков на «виллисе» и с маузером. Но! — против. И хотя дело происходит не на войне, а в писательстве, в литературе, в литературном процессе и его сегодняшней организации, и ассоциации рискованны, рискну и выражу не только свою точку зрения: до Яшина мало встречал литераторов, которые бы так упорно, доказательно и систематически дрались бы — именно так — за родной язык, а значит, за родную землю, за живую литературу и способствовал бы жизни писателей, которые пока не перевелись... Почитайте только колонку главного редактора в альманахе.

Года четыре тому получаю я в своей затворнической бременской глуши настоящее письмо. Именно так: письмо, написанное человеческой рукой... Эпистола, можно сказать. И в нем — почерк, понятно, выдал человека точного, прямого, знающего свое дело и себя — предложение сотрудничества в «Приокских зорях». Чтобы понять, что я почувствовал, надо невольно оказаться вне земли, среды, языка, в котором вырос; друзей, коридоров твоих редакций... И вот — твердая рука сурового по внешности и по стилю своих романов человека, бывшего моряка, хранящего традиции «революционного» флота, серьезного ученого и организатора. И внимательного, гуманного редактора-энциклопедиста.

Теперь вы поймете, с каким чувством я хочу пожелать Алексею Афанасьевичу — подвижнику русской литературы, многолауреатному и многоорденоносному писателю и ученому и, смею считать, дорогому мне коллеге, добра и света. Спасибо за моральную теплую поддержку, за дорогие приветы из Тулы.

Здоровья Вам, Алексей Афанасьевич! Успехов в многогранных трудах Ваших. Очередных юбилеев, премий и наград, неизбывного уважения коллег-ученых и литераторов.

С превеликим удовольствием выпью чарку средних сил в такой компании: в этот майский день имел честь родиться и уважающий Вас автор «Приокских зорь» Наум Ципис. И так, от нашего стола — Вашему столу!

С надеждой на сотрудничество

*Наум Ципис,
лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова
(г. Бремен, Германия)*

«СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ...»

Только что журнал «Приокские зори» отметил свой небольшой юбилей — вышел тридцатый, по общему счету, номер журнала, а теперь мы имеем честь поздравить с 65-летием нашего главного редактора академика Алексея Афанасьевича Яшина. Как человек по жизни скромный и, что называется, нелавролюбивый, Алексей Афанасьевич просил особо не акцентировать внимание не его «коротком» юбилее, но редакция и редколлегия «Приокских зорь» убедила его: все что ни пишется на страницах журнала — только для поднятия его реноме, его престижа и известности в читательских и литературных кругах России и Зарубежья.

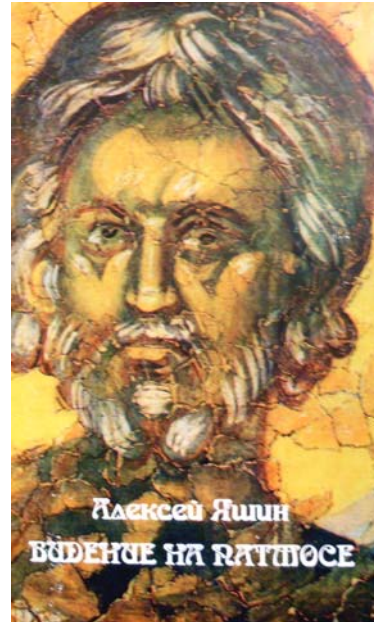
Ответственный секретарь «Приокских зорь» Геннадий Маркин побеседовал с главным редактором, оформив его основные моменты в виде предлагаемого ниже интервью.

— Алексей Афанасьевич! С Юбилеем Вас! Как человек военно-морского воспитания, лауреат Каверинской премии в почетной номинации «За верность Северу и Северному флоту», Вы более всего уважаете дисциплинирующую краткость в речах и морскую терминологию. Поэтому скажу от имени редколлегии и редакции «Приокских зорь», от лица наших многочисленных читателей в России и за рубежом: Дай Вам, дорогой Алексей Афанасьевич, крепкого северного здоровья, дальнейших творческих успехов и побед на ниве великой русской литературы и отечественной науки, и чтобы тяжелый ракетный крейсер «Приокские зори» под Вашим мудрым и дальновидным капитанством гордо и целеустремленно рассекал волны и волнишки нашего неустроенного моря-океана жизни, сея разумное, доброе, вечное!

— Спасибо, Геннадий Николаевич, за добрые пожелания. Отвечу как академик Российской академии военных наук: «Есть! Служу русской литературе!» Действительно, я не любитель выносить что-то личное на публику, жизненные даты в том числе. Но Вы, Геннадий Николаевич, другие члены редколлегии и редакции доходчиво объяснили мне в том смысле, что «прежде думай о Родине, а потом о себе». «Приокские зори» — неотъемлемая частица современной русской литературы, а может не частица, а часть? — Льстим себя надеждой. Я же в подобных ситуациях всегда вспоминаю слова апостола Павла: «Не нам, не нам, и Имени Твоему».

...Кстати, историческим образцом личной скромности полагаю императора Павла Первого, ибо на серебряных рублевиках своего царствования он велел чеканить не свой портрет, как то принято с античных времен, а названные выше слова апостола Павла. Правда, этому, одному из умнейших и дальновидных русских царей не повезло ни в литературной, ни в историко-политической памяти. В первой его оболгал автор «Подпоручика Киже», а в части второй поработали на славу агенты влияния «англичанки», как в XIX веке язвительно называли Британскую империю.

Впрочем, я сел на любимого конька, поэтому историко-литературные reminiscencies «закругляю».

— *А жаль, Алексей Афанасьевич. Ваш аргументированный, фактологический, во многом оригинальный подход в этой области, равно как и в других направлениях Вашей многогранной деятельности, хорошо знаком широкому кругу Ваших читателей и почитателей. В этом смысле лично для меня стал открытием Ваш роман «Историк и его История», за который Вы были удостоены премии им. Л. Н. Толстого. Кстати, Алексей Афанасьевич, сколько у Вас издано книг и лауреатом каких литературных премий Вы являетесь?*

— Число книг — романов, отдельно изданных повестей и сборников, скорее циклов, рассказов — вплотную приблизилось к двадцати пяти: «углу», как называл эту цифру один из героев бессмертной поэмы Николая Васильевича Гоголя. А ведь углов-то обычно бывает четыре? — Так что есть еще чем заполнять оставшиеся три...

По поводу лауреатств. Опять же вспоминая апостола Павла, скажу: здесь я не стремлюсь к их количеству, но и себе цену знаю. Я, вообще говоря, из тех людей, в отношении которых кто-то из великих, может Бернард Шоу, или Оскар Уайльд, сказал: «Мне не важно, что думают обо мне; важно — что я думаю о себе сам». Это высший принцип самооценки... и самокритики, конечно. А главное — все эти лауреатства, число их достигло десяти, связанные с именами Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, Владимира Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, Георгия Гребенщикова, полагаю в определенной степени и отнесенными «на счет» нашего журнала. В том смысле, конечно, что лауреатства даются не за «главредактирование», присуждаются за личное литературное творчество, но — главный редактор есть, в определенном смысле, боевое знамя журнала, а чем больше наград на знамени... словом, думаю, ассоциация понятна. «Не нам, не нам...»

— *Алексей Афанасьевич, Ваша прямота и искренность в мыслях и словах хорошо всем известны. А, судя по началу нашей с Вами беседы, Вы ставите на первое место в своей деятельности именно журнал «Приокские зори», созданный и движимый Вами. Я правильно сделал акцент?*

— Совершенно правильно, Геннадий Николаевич. В точку попали. Как гласит очень известная русская пословица... Впрочем, нет, не буду ее приводить, ибо в нашем царстве-государстве начался очередной (а сколько их впереди еще будет?) виток «борьбы» с так называемыми вредными привычками. Не подумайте плохо: речь идет не о казнокрадстве, чиновничьей коррупции, безудержном частнонакопительстве — это не привычки, а реальный фактор жизни. Поэтому позвольте пословицу несколько перефразировать: что у правдивого человека в голове, то и на языке. Хотя такие люди ныне не в чести. Как у власть имущих, так и безликой масс-медиа.

Не заикливаюсь на своем — с полным правом это говорю — детище: ордена Г. Р. Державина, медалей М. В. Ломоносова и Н. А. Некрасова всероссийском литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори». Я достаточно хладнокровно и логически выверено «распределяю» себя по областям деятельности: литературное творчество, литературная же и историко-философская публицистика, наука, связанная с биофизикой, математикой, теорией эволюции, ноосферологией и пр. научно-педагогическая деятельность и выполнение многохлопотных редакторских обязанностей... Нет, не так сказал: обязанность — это нечто добровольно-принудительное, а я же отношусь к «Приокским зорям» именно как к своему детищу, уже отпущенному в автономное плавание.

...Точно также я не употребляю слова «работа» — это от «раба», а всегда говорю: труд, ибо именно труд, тем более творческий, отличает человека от подневольного робота. Заметили, что в современных СМИ и в разговорной речи «работа» напрочь вытеснила «труд»? Это многозначительно и симптоматично.

«Приокские зори», как многие наши авторы отмечают в письмах в редакцию, говоря изустно, есть уникальное явление в современном отечественном литературном процессе. Дело даже не в том, что возник он и продолжается на «пустом финансовом месте». Экая невидаль в наше, говоря словами первого президента РСФСР, а потом РФ, динамичное и энергичное время! Кто из изданий современной литературной периодики это «место» имеет? — Правда, мы напрочь отрицаем порочную в своей основе практику взимания с авторов платы на публикации...

Даже не в том дело, что журнал издается в провинции, хотя бы и не далекой от столицы, но уже является всероссийским и де-факто международным, входит в число наиболее читаемых в России. Это факт.

Эти «даже» можно продолжить. Дело в том, что «Приокские зори» равняются, говоря языком военных, на недостижимые образцы русской классической литературно-журнальной периодики: «Современник» А. С. Пушкина, возрожденный впоследствии Н. А. Некрасовым, но особенно — некрасовские «Отечественные записки», через которые увидела свет и стала мировым феноменом русская литература второй половины XIX — начала XX века, в свою очередь, породившая достойного преемника: литературу советского периода истории России.

То есть, «Приокские зори» есть классический русский литературный журнал, не ангажированный в плане политических и конфессиональных идеологий, литературных групповщин и рассчитанной на масс-медиа-вкус публицистики. Для нас одинаково неприемлемы ни ультрапатриотическое шапкозакидательство, ни примитивно понимаемый интернационализм — по принципу: каждой сестре по серьгам... Подчеркиваю: «Приокские зори» — журнал русской литературы, следующий выверенным канонам журнальной классики XIX—XX веков. Понятно, что это никоим образом не означает некой «замшелости», кондовости и пр. Мы живем в совершенно иное время, нравится это кому, а скорее не нравится, потому на страницах журнала литературно отображается наша реальность, но отражается неискаженным русским языком по тем же самым выверенным канонам. На том, как говорится, и стоим.

— *Как говорил Станиславский: верю! И читатели верят с первого номера журнала. А верят ли в высокую, актуальную миссию «Приокских зорь» те лица, юридические и физические, на которых возложена сейчас ответственность культуртрегерского характера?*

— Чувствуется, Геннадий Николаевич, в самой постановке вопроса корректность формулировки, выдающая юриста. Это я с добрым юмором говорю. А по сути? — По сути, по существу заданного вопроса нытьем и политкорректными эвфемизмами утомлять не буду. Кто сейчас по определению должен поддерживать литературный процесс, а значит, в идеале, и миссию «Приокских зорь»? Хотя бы по «географическому» признаку, по месту издания журнала. Любой незаангажированный человек пальцем в небо попадет, назвав администрации областного и городского уровней в лице их департаментов культуры и областную писательскую организацию. Последних, правда, две: от Союза писателей России и от Союза российских писателей. Но редколлегия журнала сформирована из членов первой из названных, а духовные потомки «апрелевцев» как-то сами по себе. Так что далее имеем в виду только Союз писателей России — правопреемник СП СССР.

И администрацию упоминаем только областную; городская пусть городом занимается: зимой на улицу страшно выйти — сплошной гололед; редкие в эту пору дворники-среднеазиаты похихатывают: «Гдэ пэсок? А пэсок ыз Кара-Кума на арба вэзут!»

...Что касается обл администрации, то уже не раз писал в передовицах «Приокских зорь»: никакой поддержки, даже моральной, уже третью администрацию — по

числу губернаторских сроков — мы не имеем и даже минимальных надежд на будущее не имеем. А наш славный писательский союз, тем более, в состав редколлегии входит руководство как областной писательской организации, так и собственно Союза писателей России? — Они бы и рады помочь, да сами на «марочной диете». Но морально, отчасти и организационно, мы их присутствие ощущаем.

Куда более серьезную организационную поддержку журнал получает от Академии российской литературы, президент которой Леонид Васильевич Ханбеков входит в редколлегию «Приокских зорь», а ваш покорный слуга — член Правления академии, а также от Творческого клуба «Московский Парнас», также возглавляемого Л. В. Ханбековым.

«Но ведь журнал исправно и в срок выходит уже восемь лет,— скажет наш читатель,— значит кто-то оплачивает печатание его тиража и хлопотную по затратам подготовку каждого номера: от его формирования до изготовления типографского оригинал-макета?»

Да, даже в благом деле без материальных затрат не обойтись. Здесь огромное спасибо ректору Тульского госуниверситета Михаилу Васильевичу Грязеву. Понимая всю актуальность, роль поддержания литературного процесса в современной России, Михаил Васильевич патронирует наш журнал в части печатания его тиража в университетском издательстве-типографии. А благословение на издание журнала дал еще прежний ректор Эдуард Михайлович Соколов.

— *Но ведь затрат, в том числе финансовых, требует, как Вы только что сказали, полный процесс подготовки каждого номера?*

— Давайте, Геннадий Николаевич, закончим нашу «бухгалтерию»; при всей ее актуальности. Просто у меня уже выработался рефлекс, как у собаки академика Павлова: как только я вполне искренне отвечаю на этот вопрос, что-де все (немалые) расходы по подготовке номеров к печати уже девятый год оплачиваю из своего скудного профессорского жалованья (для справки: 16 тысяч «чистыми» — среднее по России)... так собеседник, независимо от его ранга и статуса, начинает задумчиво смотреть на потолок или на ясно небушко и тотчас переводит разговор на другую тему. Почему-то при этом неудобство испытываю именно я, чуть ли не юродивым из «Бориса Годунова» себя ощущая... Вообще говоря, что-то просить для меня — мука смертная. Сказывается военно-морское и староверческое, неправильно называемое «старообрядческим», воспитание.

— *Хорошо, Алексей Афанасьевич, дело с «бухгалтерией» на поверхности лежит. Тем более, что у Вас есть когорта тщательно подобранных, верных и трудолюбивых помощников, не имеющих этой «копеечки» за душой, но для которых «Приокские зори» давно стали родным и первостепенным делом.*

— Опять в точку попали, Геннадий Николаевич! И в том, что такая когорта долго и тщательно подбиралась, а тем более помощники у меня верные, трудолюбивые, талантливые и бескорыстные. В последнем слове я, конечно, акцент не на пресловутой «копеечке» делаю...

Это, прежде всего, наша великолепная виртуальная редакция и редколлегия; виртуальная, безо всяких кавычек, потому, что члены редколлегии и активисты редколлегии рассредоточены по разным весям и странам: от Тулы и Щекино до ближней Москвы, до дальних восточных Тольятти и Красноярского края, а на запад — до Калининграда, латвийской Юрмалы и ближне-восточного Иерусалима. По именам не называю, мы не на партхозактиве с его атрибутом — оргвыводами, ибо имена эти на слуху у всех знающих, а значит и читающих «Приокские зори». Главное, в редколлегии и редакции почти нет «свадебных генералов». И еще: начнешь перечислять активистов — неперечисленные обидятся, перечислишь всех — у активистов в душе чер-

воточинка сомнения появится. Куда ни кинь — всюду клин, повторимся. А я хотя и суров видом и делами, но все в той же душе щепетилен и мягкосердечен в оценке конкретных людей: если, конечно, они не просто люди, но человеки! А таковых в редколлегии и редакции — большинство.

— *...Все же, если встать, как мы помним из школьных уроков физики, на некую точку «удаленного наблюдателя» и посмотреть на Ваше — и наше, конечно, как Вы только что сказали — детище, то возникает чувство уважительного удивления: как при полном отсутствии — извините, Алексей Афанасьевич, за последнее упоминание о «бухгалтерии» — финансирования в революционно-короткие сроки была создана такая мощная инфраструктура журнала, что и не снилась «толстым» столичным журналам с традиционными «именами»?*

— Это Вы хорошо, Геннадий Николаевич, про инфраструктуру сказали. Как с добрым юмором говорит наша секретарь редакции: «Самая хорошая должность была у Льва Толстого — граф; чем хотел заниматься, тем и занимался». Вот и тульские литераторы, правда, не все, обиженные тем, что «Приокские зори» изначально не стали местечковым изданием, печатающим «своих», порой вроде как с юмором, но с серьезным выражением лиц, замечают в мой адрес в том смысле, что хорошо-де быть главным редактором: захотел — организовал под эгидой журнала сразу две серии авторских книг — «Библиотека журнала «Приокские зори» и «Приложение к журналу «Приокские зори» (кстати, они же упорно бойкотируют эти серии...); еще чего-то захотел — присовокупил к ним в качестве журнала-учредителя литературно-музыкальный альманах «Ковчег»...

Еще немного на досуге поразмышлял — и учредил при журнале всероссийскую литературную премию «Левша» имени Н. С. Лескова, затем «организовал» награды журналу и активным членам редакции и редколлегии. И так далее.

...Может графу Толстому все проще давалось в его организационной деятельности, не говоря уже о великом таланте и всемирной славе, но создание инфраструктуры «Приокских зорь» есть дело архиважное для реноме журнала и многотрудное для главного редактора, но особенно — для членов редакции и активных членов редколлегии.

И еще мы в данном вопросе равняемся на большого друга и члена редколлегии «Приокских зорь», президента Академии российской литературы Леонида Васильевича Ханбекова, издающего альманах, а де-факто полноформатный журнал «Московский Парнас». В качестве инфраструктуры «Московского Парнаса» издается ряд серий-антологий современной прозы, поэзии, публицистики, критики, перевода, в которых представлена широкая панорама современного литературного процесса в России и русскоязычном Зарубежье. Здесь нам есть на что равняться!

...Еще одна инвектива в адрес «обиженных» на «Приокские зори»: людям, удаленным от конкретных дел по организации журнального дела, а то и вообще от своего прежнего писательства оставившими только членские билеты писательской организации, видится только верхушка айсберга: всероссийский статус журнала, кстати, имеющего госрегистрацию, то есть это не «самиздат», его обширная инфраструктура, награды, премии-лауреатства и пр. Но они и думать не хотят, что все это есть лишь констатация факта невероятных трудовых усилий, таланта, не дающей себе спуска трудоспособности, увлеченности и так далее. Господь им судья!

— *Алексей Афанасьевич, о журнале много сказано — конечно, в рамках интервью, ибо тема эта бесконечна. Да и «агитировать за советскую власть» в данном случае излишне: «Приокские зори» сами за себя все скажут. И говорят уже восемь лет, естественно. Зная Вашу неординарную натуру, так сказать, читателю и почитателю будет небезынтересно знать: над чем сейчас работает Яшин-писатель и Яшин-ученый? Ведь 65 лет — пик мудрости и раскрытия творческого потенциала.*

— Это вы, Геннадий Николаевич, правильно определили возраст «короткого» юбилея. Скажу больше, не преувеличивая и не преуменьшая: я — потомок староверов, неверно называемых старообрядцами; по матери — из архангелогородских «поморцев», по отцу — из калужских «поповцев». А к этим трудникам русской земли напрямую относятся известные слова остряка Бисмарка: «Русский мужик долго запрягает, зато потом быстро скачет». Правда, пока он запрягает, уже все должности заняты более темпераментными... Это уже наш полуюмор-полуправда. Но я человек не лавролюбивый и спокойно к этому отношусь.

Чувствую себя — у староверов этот возраст соотносится со второй молодостью — хорошо, оптимистично, а творческая «продуктивность» не имеет тенденции к замедлению. Скорее, наоборот.

В плане литературном, личного литературного творчества не нытьем о плачевной судьбе современного писателя в России занимаюсь, а тружусь. В прошлом году издал два романа — «Видение на Патмосе» и «Квадратная пустота» и книгу художественной публицистики «Будни главного редактора», не считая сотни публикаций в литературной периодике.

За «Видение на Патмосе» стал лауреатом престижной всероссийской литературной премии «Белуха»; две другие книги представлены, соответственно, на не менее престижные всероссийские премии: Бунинскую и Горьковскую. Сейчас подготовил к изданию книгу «Дэкаф: Северные повести», действие которых происходит на моей «исторической» родине — в городе Воинской славы Полярном, колыбели Краснознаменного Северного флота. Кстати, в прошлом же году стал первым лауреатом Каверинского конкурса в почетной номинации «За верность Северу и Северному флоту»...

В этом номере «Приокских зорь» — с любезного разрешения редакции, сделавшей мне этот подарок к юбилею — публикуется только что написанный цикл рассказов «Картинки с выставки». Тема архизлободневная: «очинивнивание» России и де-факто уничтожение отечественной науки. Кстати, и верховная власть, судя по ее заявлениям, вот-вот возьмется за исправление «перегибов» в этой части. Давно пора, если уже не поздно... А дальше? — Как говорил Маяковский, планов громадье.

В плане научном все тоже идет по намеченному долгосрочному плану. Успешно работает, получая все новые, существенные научные результаты, созданная мною еще в 90-х годах Тульская научная школа биофизики полей и излучений и биоинформатики, получившая всероссийскую и международную известность; отчасти и признания. Досадными здесь являются два момента: полное отсутствие финансирования и притока свежих кадров, желающих заниматься серьезными исследованиями. Впрочем, это общая беда современной отечественной науки.

...А раз нет финансирования, нет лабораторий и кадров «юношей умом пытливых», то человеку творческому остается только самое сложное в науке, требующее полной самоотдачи и недюжинного творческого ума, но зато не зависящее от «зеленых», «кремовых» и «деревянных», а именно: создание своей науки, своей теории и концепции.

...Поняв эту самоочевидную сейчас истину, вот уже пять лет создаю такую свою науку под названием «Живая материя и феноменология ноосферы», проще говоря, развиваю на современном уровне знания исходную концепцию великого русского и советского ученого Владимира Ивановича Вернадского о переходе Земли в ее новое биогеохимическое состояние: от биосферы к ноосфере...

— Да-а, дух захватывает от такой устремленности и, так сказать, научной сосредоточенности. И Ваша теория признается научным миром?

— Думаю, что признается. Ни слова критических замечаний, зато полное одобрение. В частности, на только что прошедшей в Северной столице Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика Вернадского, на которую я представил пленарный доклад «Глобализация как ноосферный процесс».

Понятно, что в этой части своей научной деятельности имею лауреатства, награды и так далее. Избран академиком профильной в ноосферологии академии наук.

Сейчас начал активную работу над десятым томом своей серии книг «Живая материя и феноменология ноосферы» (9 томов уже изданы центральными издательствами, некоторые книги — уже вторым изданием...), который озаглавил как «Феноменология ноосферы: Струнный квартет, или аналоговое и цифровое мышление»...

— Извините, Алексей Афанасьевич, еще раз перебыю: это примерно на ту же тему, на которую в прошлом году на страницах «Приокских зорь» прошла инициированная Вами всероссийская и международная дискуссия?

— В «Приокских зорях» мы коснулись только частной составляющей темы, относящейся к литературному творчеству. На самом же деле этот том, как и все предыдущие девять томов серии, суть сугубо научное исследование, с десятками и даже сотнями теорем и лемм, самым современным математическим, физическим, биологическим, информационным аппаратом.

— Дай Вам, Алексей Афанасьевич, Бог дальнейших, незаурядных успехов на ниве литературы и науки! Все же не зря Вы в своей публицистике называете себя амбидекстром, поясняя: это тип биологической конституции человека, у которого в равной степени развито как творческое, так и логическое мышление. Говорю с Ваших слов, надеюсь, ничего не спутал. И все же позвольте последний вопрос, ответ на который будет воспринят всеми читателями «Приокских зорь» со вниманием и пониманием. Тем более он в контексте «Колонки главного редактора» настоящего номера: кто сейчас «правит бал» в отечественной литературе?

— А нет сейчас бала, уважаемый Геннадий Николаевич. В упомянутой Вами «Колонке» это все по пунктам и пунктикам расписано. Если вы имеете в виду «пиарщиков», то здесь исправно работает старый прием, который я окрестил «тактикой Бомарше». При чем здесь автор прославленных «Севильского цирюльника» и «Свадьбы (женильбы) Фигаро»? — скажет читатель недоумевая. А при том, что Бомарше Пьер Огюст Карон прославился-то не своими комедиями: его через них прославили позже Моцарт и Россини.

Вообще говоря, Бомарше срисовал Фигаро с себя. Он постоянно ввязывался во всякие мелкие авантюры, чем-то торговал, даже оружием во Французскую революцию. Постоянно разорялся. Но однажды, обидевшись на своего должника, человека солидного, но скупого, который не пожелал отдать Бомарше какую-то мелочь (во франках), Пьер Огюст завалил того судебными исками, а весь процесс описал в книге «Mémoires», которая и принесла ему «всефранцузскую» славу. Так что первым пиарщиком был Бомарше...

А потом, Геннадий Николаевич, кому этот бал сейчас нужен? — Людям, для которых уже явью стала некогда фантастическая жизнь, описанная Джорджем Оруэллом в его знаменитом романе «1984»? Честно и откровенно, по военно-морскому, говоря, сам я с высокой колокольни ... вижу всех своих мелких пакостников, завистников, интриганов и пр., что вроде как — по их мнению — должно усложнять мне жизнь. Усложнить ее невозможно, ибо сам ее избрал такую, какая она есть. Но мне столь же искренне, честно и откровенно жаль... их самих. Они-то какую жизнь себе избрали?

На этой грустноватой ноте, Геннадий Николаевич, давайте и завершим наше юбилейное интервью.

— Спасибо, дорогой Алексей Афанасьевич за содержательную и откровенную беседу. Главное, знайте и будьте уверены: экипаж «Приокских зорь» всегда под Вашим командованием идет к намеченной цели.

Беседовал Геннадий Маркин (г. Щекино)

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЮ, УЧЕНОМУ, СЕВЕРОМОРЦУ, ЮБИЛЯРУ

*Писатель славный и ученый,
и в этом равных ему нет,
природой щедро одаренный,
на многое он даст ответ!*

*Ему подвластны сонмы чисел
и слов безбрежная страна,
редактор главный и учитель,
в душе его всегда весна!*

*И в этот день, день юбилейный,
Хочу от сердца пожелать
Открытий, счастья и везений,
И книг побольше издавать!*

**Анна Барсова (Барсегян),
г. Екатеринбург**

Алексею Яшину посвящается

ГРАДУСНИК ИСЦЕЛЯЮЩИЙ

За годы многотрудной врачебной практики убедился в том, что, перефразируя евангельское изречение — «не одним лекарством только жив больной, но и всяким словом, исходящим из уст врача». А иногда только от общения с ним.

Это было давно. Я был молод и уверен, что знаю все болезни и все лекарства от них. Лекарств было не так много, как сейчас.

Я сижу в кабинете сельской амбулатории и веду прием. В очереди разных больных самыми частыми были старые женщины, попросту — старушки. Жалобы их разнообразны и неопределенны.

«Ой, чтой-то недужится».

«Вот здесь так и крутит, так и крутит»

Или — «Мозжит плечо, спасу нет».

Иногда — «Оправиться не могу. Пять ден на двор не ходила».

Чаще — «Чтой-то не так со мной, а что — не пойму».

Сначала я терялся под напором этих экзотических жалоб. В учебниках, недавно проштудированных, о таких жалобах ни слова сказано не было.

Вскоре убедился, что сама процедура осмотра доставляет им массу удовольствия. Чем дольше она длится, тем более удовлетворенными они уходят.

Я кладу ладонь на дряблый старушечий живот и спрашиваю — болит?

— Да, врач. Чуток правее, а отдает вот сюда, под дых,— отвечает моя очередная престарелая пациентка.

— А здесь?

— И здесь тоже.

Потом я выслушиваю глухо звучащие тоны старого сердца и вновь возвращаюсь к обследованию живота. Теперь все наоборот — «чутко левее», «отдает вниз, прямо в лоно». И болит уже не «здесь», а «там».

Долго ломал голову, какой диагноз ставить. Но пока «голову ломал», мои престарелые пациентки вставали с кушетки, приводили свою одежду в порядок и со словами «спасибо, Петрович, полегчало», покидали кабинет. Не помню, выписывал ли я в таких случаях лекарства.

И в моей юной врачебной голове складывался диагноз «усталость от тяжелой крестьянской жизни», а в карточку писал «астенический синдром». Может, и было что-то более серьезное с их здоровьем, да в сельской амбулатории докопаться до истинного диагноза не было никакой возможности. Поначалу говорил им, что надо ехать в район, обследоваться, но ни одна из них меня не послушала. Хотя на улице при встрече со мной раскланивались уважительно.

Убедил меня окончательно в правоте перефразированного евангельского выражения вот какой случай.

На один из приемов входит старая женщина, неоднократно посещавшая мой кабинет. Если память не изменяет, звали ее Прасковья Петровна. Мы уже привыкли друг к другу. Я звал ее просто Петровной. Она меня Петровичем.

— Петрович, занедужила. Посмотри.

— Что болит? — спрашиваю.

— Да, все. Тело ломит, руками не владаю. В голове стучит.

Меряю давление.

— Петровна, молодцом — 140 на 90. Мне бы такое, — говорю, чтобы польстить и усилить впечатление, мол, у молодых такое давление, а ты старая. — Может, температура у тебя? — подстраиваюсь я под просторечье. — Давай-ка померим.

Моя Петровна пересаживается со стула на кушетку, раздвигает на груди вязаную фуфайку и прячет под мышку градусник.

— Надоели мы тебе, Петрович, — начинает она через минуту. — Ходим с болячками своими, только время отнимаем. Намедни тоже вот голова разболелась. Дай, думаю, к Петровичу схожу. Пока прибралась, голова прошла. Видать, угорела. Трубу давно не чистили. А так бы пришла, время отняла.

Я ищу ее карточку, и, нашедши, начинаю делать запись.

— Вчера по телевизору показывали, землетрясение где-то было. Не запомнила. Ты не видел? — продолжает она. — Страсть сколько народу погибло. Все черные, худые. Дети малые криком кричат. Не приведи Господь. А еще показывали, одна такая молоденькая, красивая из себя, про медицину рассказывала. Так складно. Чего только врачи сейчас не могут. И то вылечат, и это.

В свою очередь польстить мне хочет Петровна.

— А у Фроськи, знаешь, деверь заболел. Он из Иванькова сам. Хороший мужик. Не пьющий. Болел, болел. Поехал в район, там, говорят, рак у него. Надо же.

Я закончил делать запись в карточке.

— Давай, Петровна, градусник. Сколько там набежало?

Петровна слезает с кушетки, протягивает мне градусник, застегивает фуфайку на груди и направляется к двери.

— Куда же ты, Петровна? А температура?

— Легче мне, Петрович. Засиделась тут у тебя. Дойка скоро. Пойду я.

Не помню, какой диагноз тогда записал в ее карточку. Главное, легче ей стало.

* * *

Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

С искренним чувством произношу эти слова, ибо глубоко уважаю Вас за титанический труд по сбережению русской литературы в этот «постлитературный период». Созданием и изданием «Приокских Зорь» Вы с полным правом можете сказать — *Exegimonimentum!* Есть стихотворение: «...твой (Ваш — Р. А.) труд прекрасен, /ты (Вы) отверзаешь тем уста, кто сам безгласен». Нам, не имевшим сказать свое слово в современном литературном «пространстве», Вы дали редкую возможность это сделать, проявляя полную нелицеприятность и истинный демократизм. Низкий поклон Вам за это.

Знаю о многих Ваших талантах — ученого с мировым именем, профессионала в самых важных областях науки — биофизике и медицине, блестящего литератора, неутомимо работающего и сделавшего уже очень много. Потому, как врач, желаю Вам многих физических и творческих сил на многие же годы.

*Рудольф Артамонов, профессор,
лауреат всероссийской премии «Левша»
им. Н.С. Лескова, г. Москва*

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ!

В день Вашего юбилея примите мои искренние и сердечные поздравления!

Я благодарен судьбе и провидению, которые позволили мне встретить в жизни такого замечательного человека, как Вы — Алексей Афанасьевич.

Может быть, везение и случайная вещь, но встреча с Вами произошла совсем не случайно, когда провидение натолкнуло меня в море Интернета на адрес тульского журнала «Приокские зори». Оно же послало мне в Вашем лице главного редактора этого журнала. Благодаря Вашему по-человечески чуткому отношению ко всем обращающимся в журнал авторам и происходят творческие открытия, освещенные лучами «Приокских зорь».

В силу своего жизненного опыта мне известно, как бывает порой нелегко руководить коллективом. Но мой скромный опыт ничто по сравнению с тем, что приходится делать Вам. В условиях, когда в журнале публикуются разнохарактерные авторы, когда нет помощи со стороны власть предержащих, да и сама обстановка в нашем государстве не способствует развитию литературы, Вам удастся не только руководить выпуском солидного журнала с 2005-го года, но и заниматься плодотворным литературным трудом. Продолжая при этом и основную деятельность на научной ниве. Это поистине титанический и подвижнический труд!

Поэтому нет предела моему восхищению Вашими талантами, Вашей работоспособностью, Вашим оптимизмом и Вашей энергией, дорогой Алексей Афанасьевич!

Желаю Вам долгие годы такой плодотворной и интересной жизни! И пусть Бог даст Вам на эти годы здоровья и любви.

Не мог удержаться от желания посвятить Вам несколько зарифмованных строк:

*Бог щедро Вам таланты раздает:
Все для того, чтобы мечтать о новом,
Крепить Россию, двигая вперед
Науку, технологию и слово.*

*Как много Вам досталось одному:
Вы физик, математик и биолог.*

*А свет от зорь Приокских на страну
Пусть льется вечно и лучист и долог.*

*Трудом всего достигли на пути,
В себе таланты многие растили,
Еще вперед идти Вам и идти,
И прославлять служением Россию!*

***Сергей Лебедев, лауреат всероссийской
премии «Левша» им. Н. С. Лескова, г. Тольятти***

На Высших литературных курсах Литературного института им. А. М. Горького в рамках курса семинаров «Издатели России» прошел семинар, посвященный известному русскому прозаику и публицисту, главному редактору всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЯШИНУ АЛЕКСЕЮ АФАНАСЬЕВИЧУ.

Семинар вели проректор ВЛК Валентин Васильевич СОРОКИН и староста семинара поэзии Нина ПОПОВА. Слушателей первого и второго курсов ознакомили с последними выпусками журнала «Приокские зори», староста семинара сделала информационный доклад о литературной и научной деятельности Алексея Афанасьевича, коснулась его сотрудничества с Академией российской литературы, членом Правления которой он является. Слушатели также были ознакомлены с кратким обзором романа А. Яшина «Видение на Патмосе» и выдержкой из колонки главного редактора, как пример ведения дискуссионной актуальной редакционной полемики на страницах периодических изданий.

Было принято решение отправить поздравительную телеграмму Алексею Афанасьевичу в связи с наступающим 65-летием.

***Староста семинара поэзии ВЛК
Нина Попова, г. Москва***

Выдающийся современный русский поэт, проректор по ВЛК Литературного института им. А. М. Горького, лауреат многих литературных премий Валентин Васильевич Сорокин и староста семинара поэзии ВЛК Нина Попова

Министерство образования и науки
Федеральное агентство по образованию

ВЫСШИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ КУРСЫ
Литературного института имени А.М.ГОРЬКОГО

Дорогой Алексей Афанасьевич!

Высшие литературные курсы Литературного института им. Горького поздравляют Вас с прекрасным авторитетным юбилеем – **65-летием!**

Благодарим Вас за творческое дружелюбие, желаем Вам успехов, вдохновения и трудолюбия в жизни и творчестве!

Проректор ВЛК,
руководитель семинара поэзии

СОРОКИН В. В.

Староста семинара поэзии

ПОПОВА Н. В.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ИЗ АФРИКИ

Направляю две фотографии. На фото я изображен со своими учениками («дети разных народов», как я это называю). На плакатах, которые ребята сами изготовили, по-португальски написано: «Привет журналу «Приокские зори!» и «Наши поздравления, сеньор Яшин!» Пальма и алоэ дополняют экзотический колорит.

*Игорь Карлов, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова,
г. Мануту, Мозамбик*

С ЮБИЛЕЕМ ВАС, ДОРОГОЙ СЕВЕРОМОРЕЦ АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ!

От души, как почитатель Вашего таланта и зав. отделом нашего журнала «Приокские зори», что по военно-морской терминологии, наверное, соответствует командиру боевой части корабля (это Ваши слова), поздравляю Вас с Юбилеем!

Читаю Ваши новые книги. «Николай Андреянович» — прочное детище. Оно прочно не только широким масштабом описания, но и языком русским. Он у Вас из века девятнадцатого — красивый и многозвучный, да еще успешно сочетающийся с современными словами и ироничным взглядом на происходящее.

«Будни главного редактора» просмотрела. Получился многогранный образ литературного деятеля. Хороший подарок к юбилею Вы себе сотворили. И я рада, что оказалась соучастником Вашего детища. Однако хотелось бы и на бумаге увидеть «Будни». Сколько бы я ни ратовала за единство существования бумажной и электронной книги, душа моя тяготеет к страницам, которые можно перевернуть, пролистать, почуять запах бумаги молодой книги или уже постоявшей на полке. Словом, бумажная книга — первее. Получила первый номер журнала «ПЗ». Хорошее, добротное издание.

Удачи в делах! Понимания коллегами Ваших дел великих» И в самом деле: Вы

на первый уровень выводите свой город в литературе, поддерживаете туляка Л. Н. Толстого. Слышу, как Вы отвечаете: не одного Толстого. Да этот великан по силе многих стоит.

Творчества неиссякаемого!

**Ирина Кедрова, профессор,
зав. отделом критики «Приокских зорь»,
г. Москва**

РУЛЕВОЙ

*Жестокий век людей ломает с хрустом.
Как, впрочем, и в иные времена.
Но Яшину известна сила чувства
И знает боль и гнев его душа.*

*Ученый, романист, большой писатель,
Познавший жизнь и вдоль, и поперек,
Как публицист, историк и издатель
Он знает вечной истины исток.*

*Он — человек, не ведающий страха,
В нем твердый стержень жизни светлой есть.
Он пригвоздит любого супостата,
Который навсегда утратил честь.*

*Он — Тулы сын и верный сын России.
Во имя правды — истины святой,
Он отдает стране любимой силы
Своим пером, не знающим покоя.*

*В день юбилея Яшина работы
Прибавится у почты, видит Бог.
Мешками письма, телеграммы, ноты,
Цветы и книги на его порог.*

*Доставят из Москвы и заграницы,
Из ближних городов и с дальних гор.
Шестое мая в праздник превратится
Создателя «ПЗ» — «Приокских зорь».*

*Журнал несет читателям надежду
И сеет веру в торжество добра.
От света правды прячутся невежды,
И трещины дает твердыня зла.*

*Ведет журнал навстречу ярким зорям
Редактор главный — мудрый рулевой —
Своим умом и непреклонной волей
К высотам новым. Что ему покой.*

*И истина становится нетленной:
Коль жажду жить природа нам дала.
И слову быть звездой во Вселенной!
Не дрогнет у писателя рука!*

*Ведь Яшин и умен, и благороден,
Хоть и не станет этим козырять.
Быть может, он кому-то неугоден.
Но на своем сумеет настоять.*

*В его душе всегда живет отвага.
«Морскому волку» по зубам наш век.
И для журнала это просто благо,
Что им рулит прекрасный человек.*

*И от Москвы до самых до окраин
Читать его романы каждый рад.
И если б жив был Гавриил Державин,
Его б стихи явились на парад*

*Прозаиков, ученых и поэтов,
Всех тех, кому не безразлична жизнь,
Кто рвется к солнцу, к радости и к свету,
Чтобы Россию нашу защитить.*

*А книги Яшина, как верные солдаты,
Стоят в строю. Стоят плечом к плечу.
И в День Победы, в юбилей дату
Нам рапортуют: «Родине служу!».*

*И всходят строки, как благие всходы
Открыта настежь для друзей душа.
И нет прекрасней чувства, чем свобода,
Которая ему судьбой дана.*

*Для творчества немало лет в запасе.
Еще в грядущем столько славных дат...
И видится мне Яшин на Парнасе.
Несет его вперед лихой Пегас.*

*Крылатый конь поэзии и прозы!
Лети скорей на славный юбилей!
Пусть без шипов все будут нынче розы.
И будет счастлив Яшин Алексей!*

*Ведь ждет читатель новые романы
В которых щедр душой его герой.
И верит, что рассеются туманы
Над преданной, поруганной страной.*

*Держись, ученый, романист, издатель,
Рожденный в мае — месяце побед.
Желает каждый автор и читатель:
Пусть солнце вдохновенья много лет*

*Хранит талант и силу Алексея,
Не допуская в дом его морозы.
Шестое мая — дата юбилея —
И Яшина и русской нашей прозы.*

*Дай Бог ему и бодрости, и силы,
И воплощенья всех его идей.
Шлет из Москвы Авдеева Людмила
В дар эти строки в славный юбилей.*

***Людмила Авдеева, член Союза писателей России,
Международной федерации журналистов,
редколлегии «ПЗ», лауреат международных
фестивалей и конкурсов поэзии, г. Москва***

ЮБИЛЯРУ

И снова месяц май дурманит и свежит,
и голову кружит в весеннем хороводе.
Очнувшись ото сна, над ухом шмель жужжит...
Певучий птичий хор — заздравный тост заводит...

Приходит юбилей — напоминанием нам,
что вектор бурных лет, увы, не бесконечен!
В небытие уйдут: весенний шум и гам,
и летние дожди, и новогодья свечи...

Но за окном — рассвет в цветении садов
началом бытия врывается с надеждой
на радостные дни, на воплощение снов,
на свежесть наших тел, здоровых, как и прежде...

Академичен сон, коль видит юбиляр
на книжных полках сонм трудов своих несметных,
в которых не погас души и сердца жар
от зябких холодов и мыслей предрассветных.

* * *

*«На островах», «В час волка», «В канцелярии» —
«Живописный паноптикум» есть.
«Штиль». Молчат в глубине ламинарии,
да и рыбы, которых не счесть...*

«Ешьте крабов!» — призыв к россиянам,
от элитной верхушки привет.
В СМИ неон — не зря воссиян
обещаний обманчивый свет!

«Синий норд» — он и дышит «тяжело»
от того, что вокруг — темнота.
В прошлом — партия, нет комсомола,
и страна, к сожалению, не та.

Помнит все Николай Андреяныч,
наблюдая теперешний быт.
Выпив чая приличного на ночь,
он над будущей книгой корпит.

Если шахматы — только живые.
И квадратная вдрызг — пустота...
Жизнь — другая. И люди — другие,
и закуска под водку — не та.

Нужных слов не нарыть в терриконах,
где пустая порода лежит.
Не прописано истин в законах,
только ветер бумагой шуршит.

Лихоимцы страну растащили...
Мракобесы — науку блюдут...
Управленцы из царства рептилий
по народному телу ползут...

У чиновников — власть без предела...
В списке Форбса — российская знать...
Сверху — властвует слово без дела,
а в низах — лучше просто молчать.

Лицемерья двойные стандарты
узаконены, как шариат.
Вместо планов — «дорожные карты»,
что ведут не вперед, а назад.

* * *

Но вот проснулся Он в сиянии наград.
Десятков шесть плюс пять — на календарном блоке.
Для творчества его отныне нет преград.
В науке и любви — не полномочны сроки!

Пусть три по столько лет, как числа Фибоначчи,
неудержимый вал прогрессии растет!
Два кластера судьбы: здоровье и удача —
пусть будут рядом с ним в любой грядущий год!

Александр Хадарцев, г. Тула

Рагим Мусаев
(г. Тула)

КАТЕХИЗИС ИДЕАЛИСТОВ
Юбилейная интермедия

Действующие лица
СТАЛИН,
генералиссимус, писатель
ЯШИН,
профессор, писатель

6 мая 2013 года

ДЕЙСТВИЕ ЕДИНСТВЕННОЕ

Дача Сталина.
Ночь на 1 марта 1953 года.
Сталин со стаканом чая возвращается к рабочему столу.

Сталин (ворчит): Генералиссимус... Герой труда, герой Советского Союза... Председатель того, сего... А как чаю подать, так рядом никого. Надоели все. Рапортовать быстро выучились, а страну оставить не на кого. Разбазарят, прощелкают...

Яшин: Если бы вы знали, товарищ Сталин, как вы правы.

Сталин: Кто здесь?

Яшин: Это Яшин, товарищ Сталин.

Сталин: Какой такой Яшин?

Яшин: Профессор.

Сталин: Здравствуйте, товарищ Яшин. Вы, кажется, еще и писатель. Так сказать, в свободное от работы время. Правильные вещи пишете, товарищ Яшин. А этот ваш «Катехизис идеалиста» будет посильнее «Фауста» Гете.

Яшин: Стараюсь, товарищ Сталин. Вы же тоже немного пишете. Стихи, например.

Сталин: Когда это было... Только в собрание своих сочинений включать их не стал. Скажут, ему страну доверили, а он стишками балует. Объясняй потом, что это грехи молодости.

Яшин: Да, объяснять всегда трудно, особенно если твоих объяснений не хотят слышать.

Сталин: Вы про что это, товарищ Яшин? Про борьбу с культом моей личности?

Яшин: Откуда вы знаете?

Сталин: Из «Катехизиса идеалиста». Полезная, знаете ли, книжица. Значит, меня посмертно репрессируют посмертно реабилитированные? Что же, я не против.

Яшин: Что вы хотите сказать?

Сталин: Философия. Спираль развития. Только спираль на одном витке не заканчивается. За одним витком непременно следует другой, возвращающий все на круги своя. Главное, чтобы товарищи не подвели. Вот вы, товарищ Яшин, журнал с надежными товарищами делаете?

Яшин: Мы...

Сталин: Это правильно. Только репрессиями не увлекайтесь. Затягивает, знаете ли. Потом не отмоешься. Пушкина в тридцать седьмом убили. Так и того не Дантесу, а мне приписывают.

Яшин: А вы, товарищ Сталин, тоже...

Сталин: Что тоже?

Яшин: Приписывайте. В смысле пишете.

Сталин: Стихи?

Яшин: Можно стихи, можно и другое.

Сталин: Так не опубликуют! Со мной же модно бороться! Странно. В молодости охранка со мной боролась, теперь... Спираль. Философия. Не опубликуют.

Яшин: Опубликуют. Это я беру на себя.

Сталин: Хватит на сегодня, товарищ Яшин. Устал я. На покой пора. Вас же завтра ждут большие дела. А сегодня всем отдыхать пора, скоро рассвет. За окном уже заря начинается.

Яшин: Приокская.

Сталин: Что?

Яшин: Наша заря начинается, приокская, писательская. Вы же тоже пишете, товарищ Сталин?

Сталин: Баловство. Грехи молодости. Откуда про зарю знаете, товарищ Яшин?

Яшин: Мне было видение. На Патмосе.

Сталин: Патмос, Патмос... Это греческий город?

Яшин: Это моя книга.

Сталин: Не читал. И что, не хуже «Катехизиса»? Как думаете, товарищ Яшин? Может быть, мне издать свои стихи отдельной книгой? Теперь уже все равно, что подумают. Все равно. Дальше – пустота.

Яшин: Пустота. Но не простая. Квадратная.

Рассвет.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЛИДЕРОВ ДУМСКИХ ФРАКЦИЙ ГД ФС РФ

Форма ТТ-17

 **ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
ТЕЛЕГРАММА**

Прием: 8/4 2009, мин.
Бланк № 000304
Принял: 261

Для заметок адресата:

МОСКВА 265/3/11601 156 8/4 1929=

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТУЛА 25 А/Я 920 ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА
ПРИОКСКИЕ ЗОРИ А А ЯШИНУ=

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ
ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ЮБИЛЕЕМ ВАШ ЖИЗНЕННЫЙ
ПУТЬ-ЭТО ПУТЬ КОТОРЫЙ ОТКРЫЛА СОВЕТСКОМУ НАРОДУ ВЕЛИКАЯ
ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПУТЬ НА КОТОРОМ УСПЕХИ
ЧЕЛОВЕКА ЗАВИСЕЛИ ТОЛЬКО ОТ ЕГО ВОЛИ И ТАЛАНТА
ЯРКО И МНОГОГРАННО РАСКРЫЛСЯ НЕ ТОЛЬКО ВАШ ТАЛАНТ УЧЕНОГО НО И
ТАЛАНТ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ПИСАТЕЛЯ-ПРОЗАИКА МНОГИМИ НАГРАДАМИ ОТМЕЧЕНЫ
ВАШИ ДАРОВАНИЯ НО ГЛАВНУЮ НАГРАДУ-ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ ВЫ СОЗДАЛИ
ДЛЯ СЕБЯ САМИ СВОИМИ ЗОЛОТЫМИ РУКАМИ И СВЕТЛЫМ УМОМ СВОЕЙ ДОБРОЙ
ДУШОЙ И НЕПОДКУПНОЙ СОВЕСТЬЮ
В ДЕНЬ СЛАВНОГО ЮБИЛЕЯ ПРИМИТЕ МОИ САМЫЕ ИСКРЕННИЕ ПОЖЕЛАНИЯ
КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ УСПЕХОВ ВО ВСЕХ НАПРАВЛЕНИЯХ ВАШЕЙ
НЕУТОМИМОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДУШЕВНОГО СПОКОЙСТВИЯ СИЛЫ И МУДРОСТИ В
НАШЕЙ ОБЩЕЙ БОРЬБЕ ЗА ДОСТОЙНОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ
ВСЕГО САМОГО ДОБРОГО ВАМ АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ И ВАШИМ БЛИЗКИМ ПУСТЬ
ВАШЕЙ ОПОРОЙ ВСЕГДА БУДУТ ВЕРНЫЕ НАДЕЖНЫЕ ДРУЗЬЯ И ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ
С УВАЖЕНИЕМ=РУКОВОДИТЕЛЬ ФРАКЦИИ КПРФ В ГОСДУМЕ РФ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦК
КПРФ Г А ЗЮГАНОВ-
НННН

ОАО «Ростелеком»
Тульский филиал
300000 г.Тула, пр.Ленина, д.33-А

08 АПР 2013

Центр продаж и сервиса г.Тула
300041 г.Тула, пр.Ленина, д.22

ГЛАВНОЕ — ПОЗИЦИЯ АВТОРА

Беседа с Владимиром Вольфовичем Жириновским — Председателем ЛДПР, доктором философских наук, заслуженным юристом России в связи с юбилеем главного редактора журнала Алексея Афанасьевича Яшина.

Беседу ведет член Союза писателей России и Международной федерации журналистов, поэт, литературовед, культуролог, журналист — международник, член редколлегии нашего журнала Авдеева Людмила Евгеньевна.

Л. А. Уважаемый Владимир Вольфович, уже несколько лет Вы постоянный автор журнала «Приокские зори» и хорошо знакомы с тематикой журнала, произведениями его авторов. В Вашей многотысячной личной библиотеке есть книги главного редактора журнала, известного прозаика, романиста Алексея Афанасьевича Яшина, для которого этот год — юбилейный. Естественно, что яркий незаурядный писатель, многогранный ученый, общественный деятель получил множество поздравлений, как от своих коллег и читателей на родине, так и из-за рубежа. Вы тоже поздравили Алексея Афанасьевича, высоко оценив его творчество. Произведения Яшина вызывают у читателей нескрываемый интерес остротой своих сюжетов, неординарными героями, полемическими рассуждениями. Яшин — писатель философ, исследователь, что сегодня встречается нечасто. Хотелось бы услышать Ваше мнение, как о творчестве маститого писателя, так и узнать, что для Вас является определяющим в оценке писательского труда и личности писателя.

В. В. Ж. Сначала еще раз поздравляю с юбилейной датой главного редактора. 65 лет — возраст замечательный. Я уже отметил такую дату и могу сказать, что это самое лучшее время зрелости мысли, творческого подъема. А вообще для меня определяющим в человеке является наряду с талантом жизненная и творческая позиция, личностный взгляд на те события, которые автор описывает. Многие писатели в противоборстве добра и зла выступают как сторонние наблюдатели, ставят проблемы, не предлагая их решения. В творчестве Алексея Яшина поднимаются самые острые актуальные проблемы современной политики, экономики, образования, состояния армии. Он дает глубокий честный анализ исторических событий, точный срез современности. Это писатель нестандартного мышления. Ведь придумать сюжет можно и не так сложно, а вот для того, чтобы его мастерски воплотить, нужен талант, который складывается из многих составляющих.

Л. А. Вы заговорили об авторской жизненной позиции, и мне вспомнились слова Льва Толстого, писавшего, что «каждый писатель должен иметь нравственную позицию». Яшин — человек исключительной порядочности, титанической работоспособности, колоссальных знаний, ведь недаром он доктор технических и биологических наук, профессор, академик. И Вы верно, Владимир Вольфович, отметили, что истин-

ный талант многогранен. Нравственный стержень писателя предполагает и наличие авторского эстетического вкуса, чувства меры, умения видеть и слышать сердцем и душой. Уметь сопереживать своим героям, а, следовательно, читателям, народу, стране.

В. В. Ж. Вне интересов народа и страны вообще не существовало никогда настоящей литературы. Литература призвана поднимать общечеловеческие темы, сохранять и приумножать духовные ценности, традиции, накопленные веками. Литература призвана участвовать в процессе разрешения современных общественных противоречий, поднимать нравственно-философские, психологические проблемы.

Вспоминаю, как в 70—80 годы у нас был бум городской прозы, а в 90-ые годы публицистики. Военная, документальная проза у нас яркая, крепкая. Интересен жанр мемуаров — воспоминания, дневники, заметки. Хорошо бы вернуться к опыту интеллектуального романа. Проблемы долга, ответственности, совести, жизни и смерти приобретают особый масштаб при проектировании на события, от которых зависит судьба страны. Короче, остаются вечные вопросы: «Что делать?», «Кто виноват?».

Л. А. И сегодня к этим вечным вопросам, поднятым в свое время Чернышевским и Герценом, прибавились поставленные нашими современниками, среди которых «Что с нами происходит?» Василия Шукшина и «Почему мы такие?» Валентина Распутина.

Наверно, немало и других не менее острых, злободневных, и на многие из них современные писатели пытаются найти ответ. Литературный процесс никогда не останавливался, вовлекая писателя во вселенское движение. Испытывая его и в период оттепелей и в периоды застоев, способствуя поиску новых художественных форм, методов, приемов, стилей, языковых средств, сюжетов. И среди этих ищущих истину юбиляр — романист Алексей Яшин.

В. В. Ж. Мне нравятся такие люди, имеющие свои четкие жизненные позиции. Главный редактор энциклопедически одаренный человек, поэтому и его произведения интересно читать. В моей библиотеке собраны лучшие произведения русских и зарубежных авторов, как признанных классиков, так и современных авторов, в том числе и молодых, начинающих. Я постоянно получаю книги от прозаиков, поэтов, ученых. К сожалению, не только все прочитать, но даже просмотреть времени практически нет, но читаю я много, ежедневно. И среди прочитанного рассказы, повести, романы, публицистика мною уважаемого юбиляра.

Л. А. Алексей Яшин действительно — незаурядный романист, сочетающий талант прозаика, публициста, философа, владеющий различными литературными жанрами и при этом наделенный даром сатирика, чувствующего все оттенки иронии, гротеска, юмора. Его произведения емки и по сюжетным линиям, и по подтексту, и по глубине полемики, и по собственному авторскому литературному стилю, и их художественная и социальная значимость общепризнанна. А что из произведений Алексея Яшина произвело на Вас большее впечатление?

В. В. Ж. Тематический диапазон у автора очень широкий. Он хорошо освещает страницы истории, знает проблемы армии и флота, образования и науки. Мне нравятся его Северные рассказы. Роман «Катехизис идеалиста» я прочитал быстро, с интересом. Написано мастерски. Хочу прочитать роман «Видение на Патмосе». Знаю, его хвалят, о нем спорят. Автор хорошо знает эпоху, время со всеми его деталями, чувствует материал, он необычайно наблюдателен. Когда получаю журнал «Приокские зори», вижу, сколько там действительно интересных материалов, к которым приложил руку главный редактор, человек деловой, знающий свое дело.

Л. А. Да, Алексей Афанасьевич, действительно поражает своей работоспособностью, успевая не только руководить академическим серьезным литературно-художественным журналом, но и писать.

жественным и публицистическим журналом, но и заниматься научной, преподавательской, общественной работой, писать дискуссионные материалы, предисловия к книгам коллег, собственные произведения, которые появляются в каждом номере журнала и выходят отдельными тиражами. Энергия и титанические усилия главного редактора дают возможность не финансируемому журналу держаться на плаву и быть востребованным не только читателями нашей страны, но и за рубежом. Теперь журнал можно читать на сайте, что расширило круг читателей при малом бумажном тираже.

В. В. Ж. Сегодня очень много глянцевого журналов, ремесленнических, тусклых, унылых, малоинтересных произведений. И мне интересно участвовать в обсуждениях на страницах тульского журнала по назревшим проблемам, которые касаются русского языка и литературы, а, значит, судьбы России.

Л. А. Вы, Владимир Вольфович, очень активно всегда участвуете в этих обсуждениях. Мы с Вами беседовали о Манифесте современного критического реализма, о роли Интернета и стандартной книги в формировании общественного сознания, в воспитательном процессе молодежи, говорили о путях сохранения величия русской литературы и о тяжелом финансовом положении современных писателей, которые серьезно относятся к творчеству. И в этом плане Алексей Яшин пример бескорыстного служения настоящей литературе.

В. В. Ж. Русская литература всегда разделяла судьбу страны, отражая исторические процессы, социальные коллизии. Писатели всегда чувствовали свою сопричастность эпохе и духовному климату общества. Поэтому я желаю всем авторам «Приокских зорь», а в их лице российским писателям использовать свой жизненный опыт, знания для создания произведений, в которых жизнь будет показана во всех ее проявлениях, в которых читатель почувствует любовь писателя к родной земле, боль и ответственность за ее будущее.

Л. А. Вы, Владимир Вольфович, совпали в своем пожелании с Аркадием Аверченко, который писал, что «Идеал писателя — любовь к жизни во всех ее проявлениях, основанная на простом здравом смысле».

В. В. Ж. Вот и основываясь на здравом смысле, пусть журнал во главе с заслуженным, одаренным редактором идет к новым достижениям в издательско-просветительской деятельности, открывая новые таланты. А я всегда готов сотрудничать с журналом ради духовного возрождения России.

Л. А. Благодарю Вас, Владимир Вольфович, за добрые пожелания в адрес юбиляра — главного редактора журнала и за интересную беседу. Желаю Вам тоже новых побед и свершений на благо России.

*Беседовала Людмила Авдеева,
член редколлегии «Приокских зорь»*

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРУ В ПЕЧАТИ И НАГРАДЫ

Ряд всероссийских литературных периодических изданий и областных газет поздравили Алексея Яшина с 65-летием, как известного современного русского писателя-прозаика, публициста и организатора литературного процесса в России. С развернутым поздравлением — с публикацией творческой научной биографии А. А. Яшина вышел № 2, 2013 всероссийского теоретического и научно-практического журнала «Вестник новых медицинских технологий» (зам главного редактора — А. А. Яшин).

* * *

За верное служение отечественной литературе, активное участие во всероссийском литературном процессе и в связи с 65-летием Московская городская писательская организация Союза писателей России наградила Алексея Афанасьевича Яшина орденом А. С. Грибоедова.

* * *

Европейская академия естественных наук (Ганновер, Германия) за выдающиеся заслуги профессора А. А. Яшина в области естествознания и технических исследований, а также в связи с 65-летием присвоила юбиляру звание «Почетный изобретатель Европы» с вручением медали и диплома с текстом: *«Nach dem Beschluss der Präsidiums der Europäischen Akademie der Naturwissenschaften wird Prof. Dr. Aleksej A. Jaschin für engagiertes Wirken auf dem Gebiet der wissenschaftlichen und technologischen Ergebnisse der Titel “Ehrenerfinder Europas” der Stadt Hannover verliehen.*

Nr. 02, Hannover, den 30.04.2013.»

* * *

По представлению Президиума Российской академии естествознания — в рамках национальной программы «Золотой фонд отечественной науки» — Европейский научно-промышленный консорциум своим решением от 22.04.2013 (протокол 5/22.04.2-13) награждает А. А. Яшина орденом «LABORE ET SCIENTIA» — «Трудом и знанием», как ученого, внесшего большой вклад в развитие европейской науки и образования, признанный мировым научным сообществом, и в связи с 65-летием со дня рождения и 45-летием начала научно-технической деятельности.

* * *

Редколлегия и редакция ордена Г. Р. Державина всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» присоединяется к поздравлениям и желает Алексею Афанасьевичу, находящемуся в расцвете своей литературной, писательской и научно-исследовательской деятельности, многих новых книг, научных открытий, заслуженных наград, и чтобы «под килем» «Приокских зорь», в котором он собрал нас и призвал к верному служению великой русской словесности, всегда «было семь футов»!

(Рубрику «К Юбилею нашего главного редактора» инициировал и подготовил зав. редакцией Яков Шафран)

Алексей Яшин
(г. Тула)

«КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ»

Цикл рассказов

ЛИЦЕНЗИЯ НА ОТЛОВ МЫШЕЙ

(Иллюстрация к картине И. Репина «Приплыли»)

◆ Прокофьич проживал со своей старухой в собственном доме в пригороде, бывшем шахтерском поселке, но обе шахты, на одной из которых — семьдесят второй — он когда-то работал, выработались, когда Леонид Ильич только-только получил вторую геройскую звезду. Так что для пенсии Прокофьич трудился по своей электромеханической части в заготовительном цехе крупного военного завода. Сам завод располагался еще с царских времен в центре города, а цех вынесли в пригород, чтобы разгрузить территорию основного производства, а главное — занять работой бывших шахтеров.

Он и по выходу на пенсию еще пяток с лишним лет проработал бы в заготцехе (мужик крепкий, шахтерской потомственной закваски), но здесь как раз начались новые времена. Завод в городе остановился — не до заготцеха, с которого в считанные дни веселые мускулистые ребята в спортивных костюмах и в кедах, которые теперь назывались кроссовками, на большегрузных «Камазах» и «КрАЗах» вывезли весь металл в листах, прутах, слябах и других формах, запасенных на целую пятилетку вперед. После чего в цех прибыли люди постарше, в основном сварщики, крановщики и такелажники, которые в неполные две недели газорезчиками превратили в металлолом все цеховые конструкции и громоздкое кузнечно-прессовое оборудование заготовительного производства. Несколько сотен тонн металла погрузили в открытые полувагоны, подогнанные по железнодорожной ветке, по которой в шахтерские времена поселка вывозили местный бурый уголь — на Рязанскую ГРЭС, а затем подвозили с Урала, из Сибири и с местных двух металлургических заводов сырье для заготцеха. Эшелоны с рукотворным вторсырьем ушли, как поговаривал народ, в эстонские порты, и больше в поселке-пригороде вагонов и тепловозов не видели. Все же энергичные люди еще раз появились: сняли, распилили и вывезли на грузовиках рельсы бывшей железнодорожной ветки. А здания бывшего цеха, в свое время переделанные из наружных шахтных построек, пугающе зияли при полной луне проемами на местах окон и крыш и очень быстро разрушались.

Поселковый народ перешел на подножный корм, благо в шестидесятые-семидесятые годы вместо дедовских халуп все построили добротные, просторные дома, литые из дармового шлака с ближнего металлзавода в соседнем поселке-пригороде. А на положенных шести сотках при домах всюю плодоносили яблони, груши, сливы и вишни. Меж ними — ягодные кустарники и огородные грядки. Весь поселок давно уже газифицирован. У кого не было — спешно строили хозяйственные сараи, заводили свиней, коз, не говоря уже о курах и гусях — кто жил рядом с боль-

шим поселковым прудом. Любители и наиболее предприимчивые разводили кролей и ондатр — для мяса и шкур на шапки и воротники. На продажу.

В голодные девяностые годы жители подгороднего поселка вступили подготовленными: не только сами в тепле и с мясом, яблоками и картохой выжили, но и детей своих, что в восьмидесятих годах массово двинули в город — и остались в большинстве на бобах, поддержали натурпродуктом. Да и самым надежным в те времена заработком — пенсией — делились.

И, как сейчас принято суконно-официально говорить с экранов телевизоров, демографическая обстановка в поселке сложилась к перемене века следующая: всем живущим за «полтинник», слегка разбавленным поздними детьми, заканчивающими местную школу или едущими по утрам на рейсовом автобусе в городе на учебу в институтах и техникумах, спешно переименованными в университеты и колледжи. Все же промежуточные возраста либо в городе живут, или вахтовиками в недалекую столицу «версты полосаты» мотают.

Такой вот расклад в новодемократические времена. Как говорится, Гайдар-внук не всех выдаст, свинья не съест. Про свиней, впрочем, чуть попозже.

◆ У Прокофья с Тихоновной все, как у людей в поселке: только-только разменяли восьмой десяток, но оба крепкие, слава богу, без старческих хворей, особенно хозяин с потомственной шахтерской закваской, из тех, кому на руду и в девяносто тянет молодку за мягкое место ущипнуть. Впрочем, бабником особым и в молодые годы не был. Водовку с самогоновкой собственной выделки — чужой не доверял — конечно, мимо рта не проносил, но только для веселья и сурьезного разговора. На пару с Тихоновной, моложе его на год, в полном порядке содержали четырехкомнатный дом с приусадебным участком, хозяйственными постройками: сараем с верстаком для мастерства и банной половиной, утепленный хлев, в котором воспитывались одна или две свиньи, куры с петухом, гуси, даже пяток уток — дом рядом с поселковым прудом. Когда снег сходил — все, исключая свиней, на вольном выпасе. Еще пару коз завели в начале двухтысячных — с намеком на возможное появление правнуков: Тихоновна длинными зимними вечерами до одури насмотрелась телевизора, где много говорили о пользе козьего молока. Прокофьяч ее поддержал, но по другой причине: давний его друг, с кем вместе срочную служили во флоте на крейсере «Киров», всю жизнь и посейчас работающий главным технологом на городском молокозаводе, рассказывал, что после ликвидации колхозов и совхозов своего молока в области вовсе нет. Вся же, с позволения сказать, молокопродукция творится из китайского или новозеландского сушняка.

Новозеландское — вроде как из настоящего молока, но его завозят редко. А китайское? — Кто знает, из чего его делают. «Поставщики, то есть московские перекупщики, — пояснял флотский дружок под стопку-другую самогоновки, настоящей на яблоне-листьях, — смеются: мол, порошок этот хунвейбины производят на сычуанском химзаводе. Так что, Прокофьяч, ты со своей всякие там кефиры и «чудотворожки» нашей фабрики и в рот не берите, а пуще всего внукам не давайте!»

На другой день он дал флотское «добро» супружнице: «Давай-ка, мать, заводи своих коз. Только пухновитых бери, прясть-вязать умеешь, очки сроду не носила; чем пялиться на б... и полудурков в телевизоре, будешь на все семейство носки и рукавицы заготавливать. А то нынешние магазинные, наверное, все китайские из пластмассы — и воняют каким-то гудроном!»

Когда дети окончательно переселились в город, поначалу пустота большого дома настораживала стариков, особенно бывшие комнаты сына и дочери, но Прокофьяч мигом смекнул и пустоту заполнил. Самую маленькую комнатку приспособил под зимнюю и осенне-слякотную мастерскую, где занимался любимым столярничаньем — все столы, стулья и полки в доме собственной фабрикации.

В другой опустевшей комнате на барский манер устроил себе «диванную» с искусно выделанными настенными полками, уставленными книгами о морской жизни, что получил издавна в поселковом «когизе» и по несколько раз перечитывал. Очки стал надевать — но только для книг — лишь с недавних пор.

Большой, настоящий кожаный диван довоенной работы, некогда купленный за три литра самогонки и домашний вяленый свиной окорок у школьного завхоза «под списание» устаревшей мебели, Прокофьич делил с котом Мичманом. Здесь же Прокофьич курил — от супруги, не любившей табачный дым; не по причине дыхательного нездоровья, но так как выросла в некурящей семье.

Любовной выделки самогонный аппарат, сверкавший никелем и нержавеющей со сложной, профессиональной работы электромеханикой ускоренного приготовления бражки держал на просторной кухне, замаскированным — от дурного глаза — под тумбу, исполнявшую роль разделочно-засолочного стола. Все коммуникации аппарата — электрический кабель и подводяще-отводящие воду трубы — встроены в стену.

Под полом дома — обширный прохладный подвал для хранения солений-варений, картошки и яблок: от урожая до урожая.

...К козьему молоку Прокофьич так и не привык, потому кроме самогонки с утра до ночи пил чай. Кстати, что такое диабет — супруги не ведали. Кот Мичман уважал холодную курятину.

◆ Дети для нынешних времен у Прокофьича с Тихоновной получились удачными. Сын Андрей, которому недавно исполнилось сорок четыре года, в самый канун беспредела девяностых окончил — по созвучию с профессией отца-работяги — электромеханический факультет местного политеха, полтора года проработал в военном конструкторском бюро. Но когда там перестали платить зарплату, переориентировался на более доходное ремесло: на паях с бывшим однокурсником, тож соседом по поселковой улице, организовал маленькую артель «Чего изволите, барин?» Слегка окрепнув и отмотавшись от братвы-вымогателей, приятели зарегистрировали артель как ОАО «Мультимонтаж Плюс» со специализацией на установке наружной и фасадной рекламы и торговых вывесок.

На рубеже девяностых и двухтысячных годов, когда все, что было в стране, стабилизировалось, а властями был взят курс на всемерное усиление среднего класса, дела рекламно-монтажного ОАО пошли в гору. Тем более что дорогих и пьющих местных работяг заменили на бесправных трезвенников-таджиков.

Деньги серьезные, в разумных пределах, конечно, пошли. А где деньги — там и устремление выпихнуть компаньона из берлоги. Дважды у дружков-приятелей до рукоприкладства доходило. Уже о беспределе, об автокатастрофе каждый начал подумывать... Но поселковые соседи-отцы забили стрелку с сыновьями в «дивной» Прокофьича. Без баб и со свежевыгнанной самогонкой. Принесенные детьми виски и текилу старики брезгливо отставили в сторону.

До ночи втолковывали сыновьям: каждый из вас в одиночку не выдюжит, даже если миром разбежитесь. А потом власть — существо себе на уме. Сегодня ваш «средний класс» в почете, а завтра окончательно окрепшей власти ваши дорогостоящие услуги не нужны.

...Долго умудренные жизненным опытом старики разъясняли сыновьям. Даже в угоду им, морщась, пригубили виску с текилой. Правда, поперхнувшись и запив самогонкой.

То ли дети удачные — в отцов пошли, то ли вспомнив курс политэкономии, что оба изучали в политехе, но проняло их. Раскаялись, все, конечно, свалив не алчных жен, выпили на мировую и дали с целованием новомодных нательных крестов страшную клятву.

Прокофьич ушел проводить соседа, а сыновья-компаньоны грохнули еще по стакану, улеглись спать по-братски на просторном диване. В комнату вошла сонная уже Тихоновна, укрыла их шерстяным пледом, выключила свет. На том конфликт и закончился.

Дочь Вера, моложе брата на пять лет, особым умом не блистала, потому на исходе советской власти пошла в тот же политех на самый ущербный в то время факультет — экономико-промышленный. Но в новое время счетоводы с «вышкой» мигом вошли в цену. Так что уже десять лет Вера трудилась главбухом в устойчивой частной аптечной сети «Килограмм здоровья», что умеренно балуется просрочкой из Европы и китайским самопалом.

Оба, Андрей и Вера, соответственно, женат и замужем, давно живут в городе. На две их семьи — трое внуков: две девочки и мальчик. Андреев сын уже на юриста учится все в том же политехе, переименованном в классический университет, а Верины девочки еще школьницы. На все лето и зимние каникулы девочки, а раньше и сын Андрея, передаются для сохранения и довоспитания Тихоновне с Прокофьичем.

Андрей, как-то еще в девяностые попав в легкую аварию на взлете на аэродромном поле, теперь ни ногой в сторону аэропланов, потому отдыхать ездит сам-один с рыбалкой на Волгу в один и тот же частный пансион семейного типа. То есть с постоянной приятельницей, хотя и супругу свою уважает, и только «чугункой».

Вера же, но только с мужем, ибо фигурой не очень вышла, уже облетала в отпускное время все курорты Европы и Северной Африки. И в Паттайях была.

По бабскому недомыслию порой даже сожалеет, что родители не хворают: ведь аптека в «своих руках», — ей-то просрочку или китайчину не подсунут. И по оптовой цене, конечно, отпустят с централизованного склада городской сети.

Бабы, бабы... очень вы жалостливы, где надо и не надо.

◆ Так бы деду с бабушкой жить-поживать, а детям из добра наживать в эпоху стабилизации! «Вот оно, тихое мелкобуржуазное довольство», — порой ворчит политически подкованный Прокофьич. — Это когда в канун очередных выборов или по случаю очередного же Нового года в теленовостях касаются болезненной для него морской темы; очень Прокофьич переживает неполадки с флотом, особенно с родным Краснознаменным Северным.

Например, когда уже двадцатый год подряд все обещают и обещают спустить со стапелей Северодвинска одну и ту же атомно-ракетную подлодку. Из газет же, называющих себя независимыми, читающий их в охотку Прокофьич доподлинно знает: пока на Севмаш-предприятии уже два десятка лет достраивают одну единственную лодку, заложенную еще в советское время, американцы ввели в строй тридцать штук новейших проектов! А родной Северный флот за эти годы сократили в четыре раза...

Да-а, конечно, временно-постоянные трудности в экономике страны, сам с собой соглашается уныло Прокофьич, и не поймешь, серьезно или с усмешкой, добавляет вслух — для насторожившегося Мичмана: «Да и абрамовские с березовичами тоже люди, приварок и им нужен!»

И совсем уж заплевался, когда в посленовогодних новостях сверхсчастливая дикторша в полном восторге сообщает о крупнейшем достижении отечественного судостроения: спущен на воду современный ледокол! Правда, все как-то не складывается: оказывается (здесь дикторша скороговоркой), судно построено на финской верфи, хотя теледама что-то лепечет о Выборге, где комплектующие для ледокола выделаны. Но дело даже не в нестыковке. Сплюнул же к неудовольствию чистоплотной Тихоновны по той причине, что рассмотрел на экране: вовсе это никакой это не ледокол, а обычный ледокольный буксир, что должен тащить за собой баржи и тому по-

добное на шельфе, то есть идти по воде, где плавают отколовшиеся от замерзшего поля отдельные льдины.

Таких буксиров Прокофьич насмотрелся на Севере, а клепали их раньше на верфях Ленинграда десятками... Конечно, для СССР гражданские суда тоже строили — и в немалом числе: все верфи Финляндии, Дании, ГДР и Польши советские заказы выполняли. И это было разумным, поскольку наши верфи, в Ленинграде и Северодвинске, Николаеве и Комсомольске-на-Амуре, в волжском Сормово, что называется — без минуты простоя строили могучий, океанский флот. Атомные ледоколы впридачу.

...А теперь вот тихое мелкобуржуазное довольство — взамен океанского флота, военной и гражданской авиации, космической станции «Мир». Долго ли оно будет длиться? — Из тех же официально независимых газет вычитал Прокофьич: американцы вот-вот поставят на широкую промышленную ногу производство нефти и газа из горючих сланцев, которых в Штатах завались! Тогда-то мировая цена на нефть упадет в три раза, а в сидящей на углеводородной «игле» России исчезнет возможность содержать за счет населения пресловутый средний класс. И пенсии пострадавшей стороне урежут до сухой корки. С апломбом газеты пишут, трудно не верить дотошным журналюгам.

Слишком долго жил в вечно меняющейся стране Прокофьич, не лишенный наблюдательности и склонный к размышлениям на досуге, чтобы сомневаться в дальновидности верхов, в их умении загодя все предвидеть и все предусматривать. Вот как по расписанному сценарию все делалось в горбачевщину и в девяностые годы. Не зря все министерств да и учреждения Москвы тогда были переполнены американскими советниками, сменявшими друг друга по графику. Сейчас свои появились, обучившись в гарвардах и оксфордах буржуйским хитростям.

А ведь все уже началось? — На оперение сланцевого дефолта. Хотя и не уважал Прокофьич чужеземных слов. И как все мигом-то? И словно дуплетом сразу по двум зайцам: по среднеклассцам и тягловому народу. Вот и Андрей с Верой, будучи в гостях, выглядели порой задумчивыми, а главное, в прессе и в телевизоре как-то дружно замолчали насчет среднего класса, перестали привычные песни петь: дескать, предприниматель — России спасатель!

Одновременно освеженная недавними выборами Дума один за другим проголосовала на табачно-алкогольные законы, предрешив скорое самозакрытие сотен ларьков и магазинчиков в России: без водки, сигарет и пива кому эти «сникерсные» нужны! Но, как понимал Прокофьич, ликвидация мелочной торговли — только начало. До аптек пока не добрались, а вот Андрюха уже в легкой панике: в Москве хана наружной рекламе, теперь и у нас в городе всякие ограничения вводятся. «Глядишь, отец, скоро с Веркой снова начнем к вам за картохой и салом ездить», — невесело шуткует он.

Оно, конечно, народ разбаловался, к порядку возвращать его надо, но разве так быстро и одними запретами? — Та же водка, которая самого Прокофьича не интересует, сигареты, изобилие всевозможных стотысячных и миллионных штрафов-угроз? Да еще по телящику издеваются над народом. По несколько раз на день появляется на экране мужик с напряженным выражением лица, сообщает, что с Нового года водка подорожала на треть; дескать, это же не предел? И, по его убеждению, бутылка водяры должна стоить рублей пятьсот-шестьсот.

Все мы это проходили, думает, сидя на диване, Прокофьич, рассеянно поглаживая растархавшегося Мичмана, на демонстрации-митинги не ходим, самогоновку свою справляем, живность в сарае и сад-огород помереть с голода не дадут... Надо только в эту весну грядку табака посадить. И пенсион им со старухой пока что пла-

тят. Так что хрен возьмешь в тарелки деньги у дьячка, как говаривал его отец, шахтер и бывший красноармеец-буденовец.

◆ Напрасно Прокофьич про ныне уважаемых властью священнослужителей вспомнил. Сам он верующим отродясь не был и сейчас в эту новую моду, особенно в среде бывших парторгов и намного более крупных деятелей, играть не собирался. Как-то раз в конфуз впал по этой части.

Проходя своей улицей, заметил: соседка за два от него дома подвязывает помидоры, да не обычные, а уже очень кустистые, здоровенные — в пять-шесть долей, багровые...

— Захаровна! Откель таких красавцев отхватила-то?

— А еще в прошлом году дочка из города семена привезла, сорт называется «Русский...», как его? А-а, «Русский премиум». Сразу эти басурманские слова и не выразишь. Че, тоже такие хочется завести?

— Да желательно, а то у меня против этого «премиура» вдвое меньше. Где там, в городе продают?

— Дочка говорила, что в двух шагах от площади Восстания. Доедешь на нашем рейсовом до автовокзала, а там пересядешь на любой троллейбус, что вниз по проспекту идет — и выйдешь на остановке, народ подскажет, где выходить.

Прокофьич поблагодарил, приложив два пальца к козырьку кепки, и повернул к своему дому. Захаровна же вслед:

— Прокофьич! Только ты в троллейбусе не про Восстанию спрашивай — не поймут; теперича ее в Крестовоздвиженскую переименовали!

На следующей неделе Прокофьич собрался в город: Вера просила купить у поселкового пчеловода Ерофеева трехлитровую банку меда — на зиму для девочек — и привезти. «Самой, как сейчас недосуг приехать, срочно бухгалтерскую отчетность шеф затребовал, домой в восемь-девять прихожу. И еще неделя работы впереди».

Дочь жила на другом конце города, так что сначала решил он за «премиумом» заехать.

Зная, как и все в городе и пригородах — кроме полиции, бывшей милиции, — что в троллейбусах, идущих от автовокзала вниз по проспекту, первые три-четыре остановки орудуют сменяющие друг друга шайки карманников, Прокофьич все эти опасные остановки-пролеты зорко осматривался. Настолько брил вокруг себя, что когда троллейбус добежал под горку до конца проспекта, он забыл новое название площади. Что-то религиозное в голове вертелось и довертелось:

— Скажите, гражданка, — обратился он к почтенной, седоватой, но хорошо ухоженной женщине, — где мне выйти на площадь... этих, как их? — хриstopродавцев?

Что здесь началось? Как его только не позорили и не обзывали! Один солидный мужик в галстуке, наверное, бывший парторг, требовал за издевательство над святой церковью «передать старого хулигана в руки правоохранительных органов». Весь красный, запотевший Прокофьич, слыша вослед проклятия, выскочил из троллейбуса.

Семена «премиума» он все же купил и, избегая троллейбусов, на автолайне поехал к дочери, точнее к зятю, который, заранее предупрежденный по телефону, прибыл из своего офиса, как он с легкой гордостью говорил, встретить тестя.

Выпив для встречи по паре стопок казенной, то есть теперь частной, Прокофьич с зятем с часок поговорили, пообедали. Зять хохотал над злоключением тестя, но порой опасливо косился на свой крест в ворота по-домашнему расстегнутой рубашки: недавно, следуя уговорам супруги и установившемуся порядку, окрестился.

— Чего это ты, отец, ха-ха, про хриstopродавцев-то прикол отмочил?

— Да понимаешь, Вить, новое название забыл, следя за шпаной, никак не могу

вспомнить. Стал по логике, как сейчас говорят, рассуждать. Смотришь телевизор от нечего делать, а там все над советской властью изгаляются. Все прежнее переименовывают. Вот и думаю: новое название что-то церковное, а площадь раньше называлась в память восставших, то есть революционеров и безбожников. Вот и съязвили переименователи: никакие они не восставшие, а христопродавцы! Вот и спросил, опозорил себя на старости лет.

— М-мда. Оно по логике так и получается. Возьми вот деньги за мед — вдвойне. Верка просила еще свежака банку купить. Я на днях заеду, заберу, чтобы тебя не гонять. А то ты в следующий раз и проспект именем адмирала Колчака назовешь, ха-ха! Впрочем, нет, за Колчака-то не обидятся. Даже бывшие парторги, как ты говоришь, похвалят тебя за политическую дальновидность.

◆ Дал после того случая себе зарок: про церковь и все церковное ничего не говорить и даже в мыслях не поминать. И не ворчать, когда Тихоновна перед Рождеством, Пасхой и Троицей, начепутив белый платок, направляется в свежестроенную поселковую церковку.

Но вот все-таки вспомнил, да еще в столь грубой народной присказке.

Понимал Прокофьич как стихийный материалист, не кончавший институтов и университетов марксизма-ленинизма, что не мог господь бог из-за хулильных на священнослужителей слов Прокофьича обидеться на весь русский православный мир, но так сошлось, что именно после дурацкой присказки началось твориться что-то непонятное.

Допустим, все эти игры с водкой и табаком совсем недавно уже проходили. Понятно для чего: отвлечь народ от реальных трудностей жизни и малопривлекательных перспектив. И средний класс пора пришла поуменьшить. Слишком расплодился «спасатели России». На простых работах трудиться некому: всех таджиков в страну не переселишь, а китайцев опасно много впускать. Мигром все города в чайнатауны превратят.

Новое — только миллионные штрафы для острастки слишком буйных голов да и вообще для всего народа. Мера вынужденная, хотя и слишком крутая. Как говорится, иногда и показательную глупость можно использовать. Еще первый генерал ордена иезуитов Игнатий Лойола сказал: «Цель оправдывает средства».

Но цель-то Прокофьичу неведома. И в телевизор хоть все глаза прогляди, но и там о ней ничего не говорят.

До поры до времени Прокофьич не замечал никаких резких перемен в окружающей жизни: в городе почти не бывал, а в поселке мало что изменилось с советских времен, то есть люди все те же, отношения между ними тож. Прокорм же с собственного натурального хозяйства и получение пенсии от почтальонши-соседки и вовсе защитили его с Тихоновной от общения с разными чиновными людьми и молодыми поколениями «от пепси». Сын, дочь и внуки воспринимались им как личные дети, временно-постоянно проживающие в чуждом ему мире.

И телевизор он смотрел в полглаза, совершенно не вникая в суть происходящего на экране — если, конечно, это не были старые советские фильмы.

Мобильник в доме, конечно, имелся — для связи со «своими» городскими. Квитанции налоговые, за счет и газ Тихоновна оплачивала на местной почте, совмещенной со сберкассой. Там уже установили аппараты для оплаты, но Тихоновна брезговала или не доверяла им, предпочитая с четверть-половину часа постоять в очереди к окошку, заодно обсудив с товарками все местные новости и сплетни.

К регулярному увеличению в последние годы цифр в квитанциях на газ и свет Прокофьич относился спокойно: против лома нет приема! И не такого за длинную жизнь повидал: от сталинского ежегодного снижения цен до гайдаровского бардака в

девяностых. И вообще полагал, что все люди так и остались нормальными. Но всего лишь исполняют свои обязанности в нелегкое время.

Сомневаться в этом он начал, только когда вынул из своего почтового ящика квитанцию за газ, а при ней некий листок с пояснениями^{*}, где предлагалось оплачивать газ, якобы затрачиваемый на содержание домашнего скота. Птицы тож.

◆ Поначалу Прокофьич решил: это очередные шутки освоивших компьютерную грамотность поселковых хулиганов, но Тихоновна, сходявшая на почту оплатить полученную газовую квитанцию, принесла достоверную весть: такие же листовки получили все поселковые. Кой-кто из товарок по почтовой очереди, обеспокоившись, звонил родичам в город — и там все про газообложение поросят и курей были извещения. Лошадей и коров в многоквартирных домах тоже.

Чутко подумав, Прокофьич махнул рукой: мол, с жиру коммунистальщики с газовиками бесятся. Авось перебесятся и забудут к осеннему единому выборному дню. Главное, что ему запомнилось из листовки: обогрев свиньи вдвое дороже коровьего и в четыре раза — лошадиного!

За свой скот и птицу он не волновался: газ поступал только в дом, а сарай он хозяйски изначально строил утепленным, с двойными стенами, засыпанными нажигой, держащей нужный градус в сарае при любых морозах. А чердак плотно забит запасенным с лета сеном — оно же корм для коз. Даже поило для свиней и теплая вода для питья скота и птиц зимой готовилась Тихоновной в сарае: в углу сарая установил буржуйку с запасом угля, натасканным из старых шахтных отвалов. Там его набирали все жители поселка для своих сараев и бань. И почти все имели буржуйки для приготовления поила.

На том он и забыл о газовой листовке.

Но коммунистов и газовики и не думали забывать. Даже в преддверии единого выборного дня. Как раз за пару недель до него по улицам поселка с частными домами прошла городская комиссия: пара мужиков в галстуках под плащами — без шарфов, молодежь и в одинаковых чиновных усах, и тоже молодая бабенка с амбарной книжкой для записей. Сопровождал их по службе один из двух поселковых участков — Колька Шустов.

Представились Прокофьичу от лица отдела городской, то бишь районной, куда приписан поселок, администрации. Отдел назывался мудрено, так что он точного названия не запомнил. Старший по должности усатый зачитал содержание давешней листовки с приказом № 67 от такого-то октября прошлого года и двинулся к сараю, где бабенка пересчитала по головам скот и птицу, все записала в амбарную книгу. Не отвечая на озабоченные вопросы хозяев, вся четверка, не прощаясь, пошла к следующему дому, оставив Прокофьича с Тихоновной в недоумении.

Все еще успокаивая себя и супругу, Прокофьич выразился в том смысле, что это районная администрация к выборам готовится и скотину пересчитывает для радостной отчетности перед избирателями о росте благосостояния бывших трудящихся, а ныне пенсионеров и торгашей.

...Совок он и есть совок; все ему мерещится общественное мнение, заискивание перед выборами и прочая чушь давно минувших времен. Когда в следующий табель-

^{*} Вот это как раз не выдумка автора или досужие размышления Прокофьича. По поздней осени жители нашего города вместе с газовыми квитанциями получили информлисток с приказом министерства строительства и ЖКХ № 67 от 29 октября 2012 г. Утверждены нормативы потребления (то есть и оплаты) газа для граждан, проживающих в многоквартирных домах и жилых домах на территории области, при отсутствии приборов учета. В пункте 5 для приготовления корма и подогрева воды для питья и санитарных целей для домашнего скота (это в многоквартирных домах-то?!) нормативы в кубометрах газа на одно животное в месяц обозначены следующими: лошадь — 5,2; корова — 11,4; свинья — 21,8; коза и овца — 1,1; птица — от 0,2 до 0,4: для кур и уток с гусями, соответственно.

ный день почтальонша разнесла по частным домам газовые квитки с перечислением пунктов оплаты за свиней, коз, овец, птицы, а оседлому цыгану Урупкину и за лошадей, то весь законопослушный поселок забурлил, ибо никто сараи газом не отапливал, а поило готовили на сарайных буржуйках.

◆ Дело дошло даже до стихийного митинга; как сейчас говорят, не санкционированного властями. Еще спозаранку в день митинга оба участковых, то есть собственно Колька Шустов и его помощник, дабы не вступать в конфликт с поселковыми, где оба родились и выросли до полицейских чинов, сославшись на совещание в райотделе, уехали в соседний подгородный поселок пить водку на именинах общего — по милицейской еще школе — приятеля.

На митинге приняли резолюцию протеста против поборов газовиков и выборщиков-ходоков в районную администрацию. Голос народа не всегда голос божий, вопреки известной латинской пословице*. Главное, на митинг, в основном, прибежали бабы и запянецовские мужичонки. Прокофьич и некоторые другие поселковые светлые головы не пошли, понимая, что такие дела на толковище не решаются.

Словом, выборщиков на другой день отправили за народный копеечный счет в районную управу с требованием, в котором было упомянуто о печках в скотных сараях. Поэтому не успели выборщики, не солоно хлебавши, вернуться домой, как на поселок налетела кампания пожарных чинов во главе с полуполковником, только что откупившимся от судейских за обвинение в крупной взятке от армянских купцов, соорудивших в городе очередной супермаркет. Потому беспрдельно злым от тягостных переживаний во время следствия и потерянных денег, причем двойных: взятки от купцов и отданных судейским.

Мигом, по-стахановски, пожарные выписали штрафы на всех владельцев сараев с печками и предписания участковым — проследить за уничтожением буржеек и таганков в течение трех суток.

Кары избегал, но и то с трудом, Прокофьич и еще с пяток хозяев, у которых, как людей мастеровых и нехалявных, все было сделано по самым придирчивым пожарным правилам: сам сарай — шлакоблочный, межстенная засыпка — нажигой, труба выведена через стенку, а снаружи и внутри в месте ее вывода прилажены квадраты 50×50 асбеста. Пол под печкой и на полметра от нее во все стороны выстлан толстым, едва не бронебойным стальным листом. Его Прокофьич в свое время отыскал на развалинах заготцеха; был он засыпан мусором, потому и не попался на глаза металлоломщикам...

Подполковник с багровой от утренней коньячной дозы рожей, поболее чем у мирно хрюкавшего рядом в закутке кабана, самолично с полчаса вертелся у печки, даже с усилием нагибаясь через живот девятимесячной беременной тройней бабы, наизусть цитировал грозные куплеты пожарных законов, но Прокофьич, тоже их знавший еще с шахтерской работы, ладно отвечал, указывая на печку и ее окрестности в нужных местах. Утомившись, главнопожарник, погрозив неуступчивому хозяину сарделечным пальцем, вышел из сарая, бормоча: «Грамотный очень, прощелыга; смотри, доиграешься у меня!»

После неудачной петиции выборщиков и сломанных печек половина хозяев поселка ликвидировала крупную скотину, оставив только для видимости живности во воре петухов при трех-четырех курах. Оседлый цыган Урупкин неделю пил горькую, осыпая весь подлунный мир национальной бранью: «Сота кекемел!» Но тут же переходя на великорусский мат. Проспавшись, надел на шею своего коня, что положено надевать, и увел его ранним утром в сторону дальнего поселка пригородных, тоже оседлых цыган — табор местного барона Филимона. Там он и продал своего верного

* *Vox populi — vox dei* (лат.). — Голос народа — голос бога. — Прим. авт.

Росинанта. Благо здешние оседлые снабжали наркотой весь город и половину области, потому проживали в трехэтажных виллах, а в сам поселок никакая власть для учета домашнего скота не совалась. Тем более что Филимон недавно побывал на исторической родине — Иберии* на всемирном съезде цыган, где был избран в постоянный руководящий орган для признания цыганского народа *ООН*. То есть стал государственным деятелем международного ранга.

◆ Сын Андрей, бывая у родителей, все посмеивался над отцом после пары стопок самогонки на яблоневох листьях:

— Вот, отец, доуку на пенсионе нашел? Власть нынче конкретная пошла, с братковским закалом девяностых. Так что не мытьем, так катаньем возьмет свое.

— Какое-такое свое? Что им, мой кабанчик и козы с птицами жить мешают на повышенной зарплате?

— А черт их знает, что они хотят. Вот и к нам, «спасителям России», начинает приматываться. Может установка такая сверху, а скорее — собственная дура, видимость работы. Со свиньями же своими еще навоюешься, с чинодралами. Вон в магазинах этих самых окороков полно. Пенсии на них не хватает — так мы с Веркой всегда готовы подкинуть. Я-то хоть сейчас, а Верка, как всякая баба, сначала плешь тебе выедет и даст со слезами на глазах... Хотя, конечно, твой вяленый в сенцах окорок не чета магазинным.

Прокофьич задумался, а поскольку Андрей приехал под воскресенье на машине и уже хлопнул «отцовской», то есть собирался с ночевкой до завтра остаться, то, попросив сына поскучать четверть часа, оделся и вышел из дома.

В продмаге наискосок улице спросил хозяйку:

— Лен! Какой у тебя напиток, что молодежь на опохмелку пьет, самый химический в смысле ярдености?

— Ты что, Прокофьич, решил Тихоновне рога наставить, молодку завел и под молодого косишь, ха-ха! Ладно, бери «коку колу» — ей и желудок с непривычки можно прожечь. Двух- или трехлитровую?

— Да не-е, это для опытов. Химией стал увлекаться, раз на девок не стоит. Дай самую маленькую. И граммов двести вот этого окорока отчебучь.

— Тоже для опыта, а?

— Да. На, без сдачи. Здесь еще на буханку белого.

Совсем Андрей заинтересовался, когда возвратившийся отец молча взял с полки две фарфоровые плошки, наполнил обе на две трети «кока-колой» местного, городского завода. Затем в одну опустил принесенный из магазина плоский кусочек окорока, а в другую — отрезал от своего, домашнего, которым они с сыном только что закусывали. После чего поставил обе посуды вновь на полку, велел сыну разливать. Дескать, завтра все сам увидишь.

Наутро, когда Андрей насухо — за руль ведь садиться — завтракал яишенкой с салом, все из домашнего продукта, Прокофьич осторожно снял с полки две давешние плошки и поставил их перед сыном:

— Смотри сюда!

Андрей сначала взглянул на плошку с куском домашнего окорока, подцепил его вилкой, брезгливо стряхнул с него капли химнапитка и положил в свою тарелку с яичницей. Мол, не пропадать же продукту высшего качества. Вот в магазинах высшего класса такой деревенский окорок по тыщу двести рублей за килограмм продается!

* Напомним из истории (Лев Гумилев и др.): нынешний цыганский народ — потомки тех плясунов, певцов и златокузнецов, что в большом числе жили при дворах магарадж. Во время великого голода XV века великие моголы — правители Иберии изгнали всех из страны в мировое рассеяние. — Прим. авт.

Нагнувшись же над посудиною с покупным, Андрей поперхнулся непрожеванной яшенкой:

— Отец! Что это за гадость ты забухтил?

— А это то, из чего на фабриках пищевой химии так называемые окорока для супермаркетов варганят.

...В ядовито побуревшей жидкости плавали какие-то бледные паутинистые волокна под слоем сизого комбижира.

— Да-а, отец, видно имеет смысл до конца за своих свиней биться!

◆ И бился Прокофьич, все более и более втягиваясь в увлекательную игру-войну с районной управой, что угнездилась в нижней части города в типовом здании бывшего совмещенного райкома-райисполкома. Не без пользы для общего развития играл-воевал. Это в полусельском пригороде еще сильна была отрыжка прежнего устройства, а сама жизнь изменялась уже двадцать лет ровно и постепенно, то есть малозаметно. С этой постепенностью Прокофьич и прозевал самое главное: человек за эти годы стал совершенно другим — с форштевня до кормовой банки, как говорят флотские. Тож и Прокофьич, бывший старшина второй статьи на крейсере «Киров», Краснознаменный Северный флот.

...Другое дело — город, особенно, если раньше Прокофьич ездил туда раз в месяц-два и ограничивался хозяйственно-строительными магазинами: рубанок новый прикупить, фунт-другой гвоздей и тому подобную хурду-бурду. Если поблизости случался книжный магазин, то прикупал в нем что-нибудь по флотской тематике. Впрочем, год назад в городе закрылся (бизнес!) последний «когиз», так что интерес Прокофьича теперь ограничивался исключительно хозмагами.

Теперь же, толкаясь в чиновных кабинетах, он хорошо рассмотрел этого нового человека. Так сказать, гегемона наших дней. Внешне тот походил на человека обычного, прежнего: голова, две руки, две ноги, туловище. Совершенно иным стало содержание головы, а значит и связанные с мозгом обоих полушарий слова и слух.

Новый человек вроде как слушает собеседника, даже вертит головой в знак согласия или отрицания, но что именно слушает? — Как стал понимать Прокофьич, слушает только отдельные слова. Как в кроссворде. В какой-то умной передаче по телеканалу «Культура» он внимательно прослушал пояснения и вовсе умного профессора: современный человек — не творец и созидатель, а высококвалифицированный потребитель, преимущественно китайского ширпотреба. Потому ему нужны только кроссвордные слова-одиночки; он просто уже не способен понимать и воспринимать связную речь. «Функциональная безграмотность», — торжествующе, явно от большого ума, подытожил профессор.

Именно поэтому, как понял Прокофьич, новому человеку бессмысленно что-то связно объяснять — у того слуховой нерв блокируется в мозге. Для успеха же дела требуется подобрать нужные слова-одиночки. Лучше в простом именительном падеже. — Прокофьич вспомнил далекие школьные уроки. Желательно, чтобы эти знаковые слова укладывались в должностные инструкции, входящие-исходящие циркуляры и законоуложения.

Соответственно и слова, вытекающие изо рта нового человека, слегка связанные служебными предложениями и междометиями, укладываются в те же незамысловатые рамки. То есть разговор слепого с глухим. Теперь уже резюмировал не умный профессор из «Культуры», а много повидавший в вечно переменчивой жизни Прокофьич: вроде человек, но и не человек; как будто слышит-видит, но может, и наоборот; мозги имеет в черепной коробке, но для чего они ему папой-мамой, школой и платной «вышкой» даны?

И уже сам, без щеголеватого профессора, сообразил-таки: современный человек

есть живой робот, чтобы создать которого даже не потребовалась японская техника. Китайская для тиражирования — тем более.

Его Андрей и Верка по возрасту тоже как бы относятся к новым... но нет, они выросли в поселке, где традиционно было два пути: в тюрьму или в институт. Без этих самых «компов» выросли, не на кроссвордах учились, а в школе, где половина учителей еще послевоенных образований. Да и нынешние их профессии, несмотря на всякие дурацкие названия *ООО, ОАО...* мало чем по сути отличаются от советских: бригадир-счетовод. Вот и все их нынешние пышные пустышки-титуты: гендиректор и главбух. Назови хоть горшком, только в печь не ставь.

◆ Отбоярившись от пожарной инспекции и — с большим трудом и тратой времени в управе и газовой конторе — от платы за живность по приказу № 67, Прокофьич не долго предавался сладострастным размышлениям о новом человеке. Перед бывшим Октябрьским праздником почтальонша, жалуюсь всем встречным на лому в пояснице и низкую зарплату от почты России, разнесла по поселку очередные газовые квитанции с приложением листовки, содержащей текст доработанного приказа. Теперь сноровистые в делах инструкций и циркуляров новые люди предлагали владельцам сараев с живностью со следующего месяца платить газовикам не за малодозуемую варку в домах поила и питья для парнокопытных и пернатых, а *подушно* за каждую голову в сарае.

При этом доходчиво пояснялось: газовая плата будет взиматься не за конкретный факт подводки от дома к сараю газовой трубы, от которой в последнем пылают воздусогревающие факелы и кипят чаны с развариваемой на корм картохой, а за *потенциальную возможность* реализации такого факта.

Поняв всю безнадежность добиться правды, в поселке прирезали к празднику бывшего Октября последних свиней. Цыган Урупкин с русско-санскритским матом продал дом и ушел в единственный в области кочующий табор барона Евстигнея.— Они от дружественного оседлого барона Филимона торговали наркотой вразнос.

Теперь один Прокофьич, все памятуя о лохмотьях магазинного окорока в «кокаколе», поднялся в последний и решительный. Две недели, как на работу, ездил на весь трудовень в управу, пока чудом — пятница, уикэнд на носу, мелкие служители бдительность потеряли — не попал на прием к нужному чиновнику. Тот, хотя и имел на своих годовых кольцах — на крепкий дуб смахивал — несколько за полтинник, но уже мыслил, слушал и отверзал рот по-новому.

С полчаса Прокофьич пытался добиться матки-правды, но — бесполезно. Дубинноголовой отвечал строго по инструкциям и циркулярам. Совсем заволновавшись, Прокофьич резко мотнул головой, от чего на побагровевшей шее лопнула и отлетела верхняя пуговица рубашки, открыв треугольник тельняшки — Прокофьич других фасонов маек не признавал.

И... чудо, глаза чиновного на миг засветились чисто человеческим любопытством, прозвучали разумные же слова:

— А... вы во флоте служили?

В течение неполной минуты выяснилось, что оба они служили на Северном флоте на одном и том же крейсере «Киров»: только Прокофьич на свежеспущенном со стапелей Николаева, а чиновник — уже перед продажей его на металлолом под видом консервации.

Приобретший на какое-то время человеческий облик чиновный и подсказал земеле-однополчанину, хотя и нелепый на первый взгляд, но единственно возможный способ сохранить живность и не платить за нее дармоедам-газовикам. Даже от доброты душевной написал на бумажке текст письма, которое он подпишет по выполнению просителем потребных работ на своем участке.

◆ Сразу по выходе из районной управы Прокофьич, предварительно созвонившись по мобиле, отправился к Андрею в его контору, что сам сын с усмешкой именвал «хофисом», занимавшем полуподвал в двухэтажном доме постройки времен «поздней» Екатерины-царицы.

Прочитав «рыбу» чиновничьего письма, Андрей расхохотался:

— Ну-у, батя, в веселый ты час к этому чинуше попал! Тот, видно, на закате рабочей недели уж врезал коньячку и секретутку свою трахнул, вот и над тобой посмеяться решил! Особый сорт ихнего юмора...

Но когда Прокофьич поведал о тельняшке, крейсере «Киров» и, главное, о возрасте чиновника, Андрей посерьезнел:

— Да-а, в хорошие времена вы жили при совке: послужил на одном крейсере, даже с разницей в двадцать лет — и годки-земели на всю жизнь и при любых строях-режимах. Ладно, субботу-воскресенье вычтем, а в понедельник я тебе пригоню пяток своих таджиков и военно-саперную роторную копалку для кабельных траншей-щелей. Есть у меня такая, лет восемь назад подешевле купил на распродаже хозяйства ликвидированной части. Поехали ко мне, поужинаем, выпьем чутка, а?

Но Прокофьич с благодарностью отказался. Торопился домой — не терпелось засветло побродить по развалинам заготцеха: присмотреться к опавшим со стен и потолка бетонных плит потоньше и посохраниее.

— Грузовик у меня, батя, только в ремонте, совсем развалился. На чем плиты-то повезем?

— Не табань*, Андрюха, у Генки-соседа возьмем за литровку домашней. Все одно он у него без дела стоит.

На том и разошлись.

В понедельник накормленные до отвала Тихоновной таджики по указке хозяина дома сделали известкой отсыпку линии траншеи и оттащили в сторону секцию досчатого забора — для выезда на участок с улицы саперной землекопалки. Вскоре и роторное чудище неспешно подкатило. Андрей, настрого запретив отцу поить гастробайтеров самогоном в обед и ужин, уехал по своим делам в городской свой «хофис».

Показав роторному шоферу линию отметки («рой на глубину метр-двадцать отсель и досель точно по известке»), Прокофьич уселся в кабину Генкиной машины рядом с хозяином; таджики запрыгнули в кузов. — Тронулись в сторону развалин бывшего заготцеха.

Пока Прокофьич отыскивал в строительном хламе подходящие обломки облицовочных бетонных плит — шириной не более метра-двадцати и толщиной полтора-два дюйма, а таджики с национальной перебранкой грузили их в кузов, саперный шофер прорыл кабельную канаву-щель нужной глубины и шириной ротора в пятнадцать сантиметров. Щель длиной десять метров полукругом окаймила сарай со стороны дома. После чего водила, получив от хозяина в презент пару поллитровок самогоновки и двухкилограммовый кус окорока, распрощался и отбыл на «базу», как он сказал.

Подъехала ведомая Генкой машина. Таджики аккуратно разгрузили ее, сортируя в соответствии с командами Прокофьича — по степени кондиционности — ломаные плиты в три стопы. Вернув секцию забора на свое место, таджики вместе с хозяином и Генкой, отогнавшим машину в свой двор, пошли на кухню к изобильному столу. Самогон Тихоновна подавала только Генке. Прокофьич же отмахнулся: «Не до него, мать!»

После трапезы Генка заснул на хозяйском диване и проспал до темноты — к неудовольствию Мичмана. Таджики же вздремнули полтора часа на матрицах, посте-

* В смысле: не придумывая поводов для затяжки дела (флотск. жаргон). — Прим. авт.

ленных хозяйкой на веранде и до ужина пошабашили с работой, впритык искусно уложив в щель плиты и оставив их незасыпанными землей.

К ужину, когда таджики уже пили чай со сладкими пирожками, приехал на своем «ровере», но на этот раз с шофером... Андрей. Отправив гастарбайтеров на машине в город, сын осмотрел фронт работ, ободрил и отправился с отцом основательно ужинать.— С ночевкой в родительском доме.

◆ Еще пару недель, накрыв щель с плитами полиэтиленовой пленкой — от дождей и возможного снегопада — Прокофьич толкался в управе, встраиваясь в очередь для вызова «на объект» актовой комиссии. Наконец, день приезда назначили. С утра Андрей прислал тройку таджиков с лопатами-шахтерками.

...Только в четвертом часу пополудни прибыла комиссия: молодцеватый инженер из землеустроительного подотдела с делопроизводительницей — двадцатилетней девицей, одетой по позднеосенней моде проститутток. С очень длинными ногами, прикрытыми сверху меховой курткой до середины бедер.

Инженер прошелся вдоль щели, попрошенной у хозяев палкой простукивая наклоненные в одну сторону плиты на предмет отсутствия в них отверстий и несостыковок, заодно проверяя глубину щели. Не обнаружив таковых, с сожалением махнул рукой таджикам: засыпайте, мол, любезные. Сам же прошел в дом с делопроизводительницей: писать акт приемки.

Гастарбайтеры же, памятуя давешний хлебосольный уровень, скорее всего засыпали щель с плитами, заровняли землю сверху. Комиссионеры вышли из дома, инженер осмотрел свежий след земли и велел Прокофьичу посыпать его известкой и в дальнейшем поддерживать: «Периодически наш сотрудник будет наезжать и указывать место для контрольного откопа плит!»

Вручив хозяину копию акта, сделанную под копирку и скрепленную печатью, инженер сухо отклонил предложение Тихоновны поужинать чем бог послал и, приложив указательный палец к козырьку фуражки в знак прощания, проследовал со своей подчиненной к машине. Наблюдательный Прокофьич краем глаза непроизвольно отметил: лакированный автомобиль двинулся не в сторону города, откуда прибыл, но в противоположную, к лесу, где несколько лет назад депутат облдумы, бывший секретарь комсомола заготцеха Воробчиков отстроил ресторан «Ностальжи» — с номерами для отдыха...

— Дело молодое,— запела, подобрев лицом, Тихоновна, проследив взгляд супруга,— зажиточно теперь народ в городе-то живет...

— Зажиточно,— хмуро ответил Прокофьич, отсыпая известкой полуокружье бывшей щели,— от слова «зажились»... на этом свете. Иди-ка чингисхановцев кормить.

На следующее утро он сходил с неизменной фирменной «яблоневого» и куском вяленого окорока к Кольке Шустову и взял у него бумагу о том, что его двор поставлен участковым на особый учет, и не реже раза в месяц он, то есть Колька или его помощник, будет делать проверку на предмет проверки: не появилась ли наружная труба от дома к сараю, внешне похожая на газовую.

Кстати говоря, впоследствии ни участковый, ни управский откапыватель бетонных плит ни разу не появились. Народ малочинный за дураков не в ответе.

Приложив к письму, отпечатанному по управской «рыбе» загодя Веркой на компьютере, акт о зарытии плит и писульку Кольки Шустова, Прокофьич через пар дней двинул в город, напомнил о себе сослуживцу на «Кирове», получил его подпись... И до самого Нового года, матерясь втихомолку матросским десятиэтажным, метался в треугольнике: районная управа — газовая контора — социальный, то есть условно бесплатный юрист-консультант. Все же охранную грамоту на роскошном банкете с эмблемой-голограммой он получил и перестал платить газовую подушную на свинью, коз и птицу.

До конца весны жили старики спокойно, но перед самой Троицей около пруда поставили будку со сторожем — от районной управы: брать деньги с поселковых за водные процедуры гусей и уток. Пришлось оставить из птиц только кур, вообще опасаящихся воды. Особенно Тихоновна горевала по уткам: с их яйцами творится лучшее тесто для куличей и домашней сдобы...

◆ Впрочем, с налогом-сборами за водоплавающую домашнюю птицу у управы, не знающей народной жизни в пригороде, вышел конфуз. Совсем скоро случился Петров день, который исстари в этом губернском городе праздновался широко молодежью ночью. Самый хулиганистый день, то есть ночь, в году. Проходил он под частушкой-девизом, она же речевка: «По деревне мы пройдем и делов наделаем; у кого забор сопрем, кому ребенка сделаем!»

При новых порядках разбойный праздник в самом городе полностью затих: не до того, Федя, не до того; надо «капусту» рубить, бананами торговать.

Но в пригороде он еще держался. И вот в Петрову ночь ребята, дождавшись, пока прудовый сторож уйдет домой почивать, деревенскую будку облили бензином. Сгорела дотла. Понятно, что никто из обозленных налогами на гусей и давешними штрафами за сарайные печурки поселковых даже не подумал позвонить в районную пожарку. Безбудочный же сторож, тоже из поселковых, с неделю с песнями погулял по-бобыльски, а затем перебрался в соседнее село под бочок крепкой бобылки же: вместе жить веселее; опять же щи с пылу-жару.

В управе в это время попался по дури — забыл, что делиться надо — на взятке районный начальник. В возникшей панике и рассылке взаимных доносов про пруд забыли начисто и навсегда. Тем более что следы обнаружили в документации, что содержание прудового сторожа обходилось городу в двести тысяч ежемесячно. Это при зарплате бывшего сторожа в шесть тысяч...

В то же самое село хлынули из поселка бабы за выводками гусей и уток. И Тихоновна вернулась с лукошком, устланном травкой, с пищущими цыплятами, которых тотчас взяли под опеку дворовые куры, а красно-коричневый (под цвет стягов столбчатых бритоголовых) петух горделиво заорал, приписав малолетних гусей и уток своей мужской силе...

С водоплавающей птицей статус-кво в поселке полностью восстановилось.

Управа же районная, к своему несчастью, попала по разнарядке в список образцово-показательной порки. Разбирательства длились до осени. Впрочем, как это принято во властных верхах и структурах, все отделались легкими выговорами и копеечными штрафами. Сам взяточник-начальник получил восемь лет каторги условно, но уже через месяц, к годовщине изгнания из Кремля интервентов*, то есть смоленских дворян с челядью, донских казаков и подмосковных разбойников-шишей, которых историк Карамзин поименовал на будущее поляками, был амнистирован и был избран председателем совета директоров маленького районного банка ОАО «Народная инициатива». Начальником управы назначили бывшего зама по финансовой деятельности.

Управцы, оправдывая высокое доверие, яростно принялись наверстывать упущенное.

◆ Как и все поселковые, Прокофьич все лето и половину осени блаженствовал: почтальонша, тоже повеселевшая, как некогда ее бабка, тож письмоносица в военные годы, когда выдавался день без «похоронок», приносила в дома только квитанции на газ и электричество — без пугающих листовок-извещений. Участковый Колька Шустов от нечего делать решил вопрос с женитьбой на местной красавице Вале, по по-

* Почитайте роман старинного исторического писателя Загоскина «Юрий Милославский, или русские в 1612 году». — Прим. авт.

селковому прозвищу Кудряшка. Новое поколение подрастающих гусей и уток с утра до ночи покрывали пруд бело-серой мозаикой.

Потревоженная образцовой поркой райуправа снизила в полтора раза душевое потребление газа свиньями — народ снова потянулся в соседнее село за хрюкающими сосунками. Жизнь в поселке налаживалась, как некогда в начале сорок второго после недолгой оккупации.

Одно Прокофьяча огорчало: за исчезновением в городе всех книжных магазинов негде стало покупать новые книги военно-морского содержания. Начал было перечитывать старые, но... нет худа без добра. Почтальонша принесла, как сорока на хвосте, весть: за нерентабельностью и аварийностью здания, от которого управа отказалась, ссылаясь на режим строгой экономии, закрывается поселковая библиотека, основанная земством уезда в год вступления на престол царя Александра Александровича *. По этой причине бывшая библиотека распродает за смехотворную цену книги.

...Прокофьяч, приструнив огорчившуюся было Тихоновну, ухнул треть своей пенсии, но в два захода на домашней ручной тележке привез две с половиной сотни любовно отобранных томов, в том числе редкостных довоенных и даже дореволюционных изданий. Пришлось пилить-строгать новые полки-стеллажи для диванной комнаты. — К неудовольствию Мичмана: серьезные полосатые домашние коты не уважают перестановок и вообще каких-либо изменений, особенно, в *своей* комнате.

Теперь, когда ноябрьская слякоть сменилась декабрьской зимой, что по нынешним парниковым временам редкость, Прокофьячу было чем заняться долгими темными вечерами: читал запоем неизвестные раньше морские книги, выходя только в двадцать-ноль-ноль на сорок минут в гостиную, где Тихоновна вязала внукам носки из козьего пуха и увлеченно смотрела народные передачи Малахова и Закошанского. Кстати, родом из их города.

К неудовольствию супруги, увлеченно смотрящей передачу об однополой любви, Прокофьяч переключал «ящик» на вечерние новости. Особо его интересовали свежие веяния от законодательной власти.

◆ Как-то все быстро стало меняться в жизни. Сначала Прокофьяч обнаружил, что люди совершенно изменились, объявились в совершенно новом качестве: новые люди и все тут! И почти одновременно он сообразил: какие-то странные дела начали твориться в законах и распоряжениях властей всех рангов: от районных до самых что ни на есть высших. Се это случилось буквально за последний год.

Но этот-то год Прокофьяч занимался обороной своего сарая с живностью, поэтому мало, в четверть уха прислушивался к телевизору и досужим рассуждениям поселковых знакомых и своих городских детей.

Дела же воистину странные творились. Прислушиваться начал в отдохновенные для всех поселковых «каникулы» подсудной районной управы. А начал он прислушиваться к словам Андрея и Веры, когда они наезжали к родителям. Понятно, что Тихоновна первым делом начинала расспрашивать о внуках. Им в свою очередь Андреев сын-студент и Верины девочки-школьницы рассказывали совершенно странные вещи, связываемые с недавними обновлениями образовательного министерства.

Главное, как понял Прокофьяч, и для школьников, и для студентов главным предметом становились физкультура и спорт. Все остальные предметы куда-то отодвигались, урезались или просто отменялись. Стал Прокофьяч внимательнее прислушиваться и к теленовостям. И там все про то же: оздоровление нации, борьба с пьянством, курением и произношением матерных слов.

Других вопросов не обсуждалось, как будто если народ стопроцентно перестанет пить, курить и матерно — даже в укромном уголке — выражаться, так сразу все в

* То есть Александра III — март 1881-го года. — Прим. авт.

стране исправится кардинально: со стапелей начнут сходить авианосцы и атомные подводные лодки, восстанут из пепла десятки тысяч заводов и фабрик, все люди из квалифицированных, как сейчас говорят, потребителей мигом превратятся в творцов, как было четверть века тому назад и так далее.

И как-то «сбоку», исподволь по всероссийскому и губернскому радио и телевидению начали подсовывать разные проверочные нелепости: о введении налога на домашних животных, обязательной страховке на «хрущобы» и все в этом же смысле.

— Это каких домашних животных? И котов тоже?

Вопрос был адресован вязавшей младшей внучке носки Тихоновне, но отреагировал громким мявом Мичман, доселе очень интересовавшийся клубком пряденой из козьей шерсти нити.

— Что, салага, думаешь, на тебя покушаются налог ввести? Дескать, жрешь от пуза и наносишь вред продовольственной программе... или как там она сейчас называется? Ну-у, думаю, до этого все же не дойдет. Все же на котовскую еду госказна ни полушки не платит, все из хозяйского кармана, и производители едова и торгаши на свою прибыль работают. Даже на сверхприбыль. Плюс налог тому же государству и взятки чиновному люду. Так что твой общепит, Мичман, и так приносит пользу отечеству и его верным слугам из «среднего» класса!

◆ Оставив после вечерних новостей телевизор на попечение супруги, Прокофьич сходил на кухню, налил себе стакан еще не остывшего от позднего ужина чая, вернулся к себе. Прилег на диван: почитать на сон грядущий морской роман. Тотчас явился и Мичман, занявший свое законное место на спинке дивана в ногах хозяина...

Через полчаса Прокофьич задремал и вовсе уснул. Как ни мало он разбирался в тонкостях психологии сновидений, но сон на котовскую тему ожидал, что и случилось.

А спилось, что Прокофьич, ворочаясь в беспокойном — по изменчивой с ночи погоде — сне проспал, что обычно не случалось с ним, до десяти утра, когда посланная почтарка разносит по частным домам их улицы квитанции об оплате и листовки-приложения к ним. Спросонья Прокофьич не сообразил: отчего это Тихоновна причитает, часто упоминая имя ни в чем не повинного Мичмана.

И только прочитав очередную листовку-приложение, сообразил, в чем дело, в чем суть криков супруги. Предписывалось в срок до конца текущего месяца оформить индивидуальную лицензию на отлов мышей для проживающего по адресу такому-то домашнего кота по имени (кличке) Мичман согласно проведенной некоторое время назад паспортизации несельскохозяйственных домашних животных. И так далее; сообщались номера и даты приказов и распоряжений различных районных административных органов, суммы стоимости ежегодной лицензии в зависимости от породы (при наличии соответствующего документа), возраста, веса — на текущий момент лицензирования и почему-то от окраса: классический полосатый, агути, одноцветный, а также от длины хвоста.

Отдельно от предписания на пяти страницах мельчайшим шрифтом каждый пункт подробно разъяснялся со ссылкой на общегосударственные, региональные и городские указы и постановления.

Первый мыслью Прокофьича было послать всех и всея... но здесь он вспомнил: недавно изданный указ о десятилетнем каторжном сроке (для крупных чиновников и депутатов — условно) за произнесение одного и более нецензурного слова. Потому перешел ко второй мысли: памятуя сарайную историю со свиньей, попробовать найти бюрократическую зацепку и получить охранную грамоту на Мичмана.

Вариантов он насчитал несколько. Кот не выходит из дома — хозяева не выпускают, опасаясь, что того украдут цыгане или разорвут бродячие собаки. Мичман ловит мышей из брезгливости. У него аллергия на мышиную шерсть. Мыши в доме,

сарай и вообще на территории участка не водятся, ибо кот, линяя два раза в год, как смесовый потомок сибирской и персидской кошки, что сбрасывают свои шубы в разное время года, устилает своей шерстью весь дом, сарай и шестисоточный участок, чем отпугивает мышей. Еще что-то подсказала Тихоновна, в основном, по части хитростей, до которых бабы большие мастаки.

Но к кому со всем этим идти? — Конечно, в районную управу к своему краснознаменному — по названию флота — однополчанину по крейсеру «Киров». Благо тот в минувшую порку не то что уцелел, но и вырос по должности; правда, всего на одну крохотную ступеньку. Все же возраст явно не тянет «на вырост».

Краснофлотский чиновник Прокофьич узнал, посадил на стул для просителей, внимательно выслушал, даже заинтересовался — от обыденности канцелярской жизни. И охотно включился в игру. А Прокофьич подумал, уже выходя от столоначальника: да, все же люди в возрасте от «полтинника», невзирая на должность (если она небольшая) уже не могут стать новыми людьми. — Слишком велика тяжесть, груз советского прошлого с его человеколюбием, отзывчивостью и даже разумной терпимостью к доброй стопке *ГОСТовской* водки, душистой четырнадцатикопеечной «приме» Елецкой фабрики и добродушному матерку по поводу...

◆ Чиновник с крейсера «Киров» порекомендовал вариант с аллергией кота к запаху мышей. Для этого Прокофьичу следовало достать две бумаги на бланках, с полответственными подписями и печатями. Первая из них, желательно от научного или учебного заведения, должна содержать солидное обоснование склонности смешанных сибирско-персидских котов к аллергии на мышей. Вторая же — из серьезной ветеринарной лечебницы — иметь клиническое доказательство наличия у конкретного кота Мичмана аллергии ко всему мышинному.

Прокофьич, понятное дело, к таким сферам никакого отношения не имел, потому собрал в своем доме семейный совет, то есть в воскресенье вызвал сына с дочерью. Благо повод имелся: годовщина, хотя и не круглая, но приближающаяся к ней, их с Тихоновной бракосочетания.

После положенных тостов Прокофьич, как бы в шутку, рассказал о лицензии для Мичмана и возможном выходе из щекотливой ситуации. К его удивлению, оба восприняли все всерьез: они же давно проживали в городе, же ничему не удивлялись, но всюду искали подвох со стороны властей.

Тем более, вызвались помочь: Андреевой «конторе» как раз объединение всех четырех крупных областных ветлечебниц заказали унифицированные рекламные щиты. Вера пообещала поискать в документации своей аптечной сети оптовых заказчиков со стороны — научных и учебных заведений по нужному профилю.

В итоге через пару недель Прокофьич заимел обе официальные бумаги. Еще два с половиной месяца он потратил на хождение по инстанциям, обрастая все новыми бумагами. В конце концов, Андрей презентовал отцу пластиковую папку-скоросшиватель. Поселковые, увидев Прокофьича с ярко-красной бюрократической папкой, торопящегося, как на свадьбу, в восемь утра, решили, что тот назначен районной управой чем-то вроде внештатного смотрящего по их пригороду. И начали его сторониться. Известно, добрый наш народ опасается людей с разными портфелями и — особенно — с папками подмышкой, с которыми ходят участковые и другие милиционерско-полицейские чины.

Для обмена всей папки собранных бумаг на искомое разрешение на содержание кота без оплаты лицензии на отлов мышей — с водяными знаками, аж с четырьмя голограммами по углам хрусткой грамоты — Прокофьич записался на прием к такому важному чиновнику, что тот по рангу своему сидел в областном административном здании, который, с подачи газет и телевидения именовали Белым домом.

Кстати, когда новый диктор областного радио, человек с юмором, в официальном репортаже о визите губернатора в приют для бездомных собак, упомянув Белый дом, схохмил: дескать, не тот, что в городе Вашингтоне, федеральный округ Колумбия,— его тотчас выгнали с работы. Оно и понятно даже полному инвалиду головы с детства: каждая губерния, город, уезд и сельсовет, или как он сейчас называется... должны иметь свой Белый дом. Даже те поселения за городом, где уже издавна действует дом желтый. Одно другому не мешает.

...Когда записывался на прием, делопроизводительница, что принимала от граждан всякие заявления через окошко в двенадцатом подъезде огромного здания администрации, предупредила: «Ваша очередь подойдет где-то через полгода. Так что наведывайтесь».

Прокофьич и наведывался, к счастью, не полгода, а всего-то пять месяцев и полторы недели. Известно, что русский мужик всегда радуется и тому, что недовес в магазине на двадцать граммов меньше обычного...

Получив жалованную грамоту, Прокофьич застеклил ее в самолично выструганную рамку и повесил в своей комнате над диваном в месте, где имел обетованное место Мичман.

...На этом приятном моменте Прокофьич проснулся — от громкого причитания Тихоновны:

— Все дрыхнешь! Чего это тебя разобрало; вроде как вчера на ночь самогоновку не пил? Почтарка уже приходила, смотри, что принесла-то?

Прокофьич, мало что понимая со спутанного, явно по изменяющейся ночной погоде, сна, взял из рук супруги бланочный листок и прочитал: согласно указу такому-то, со следующего месяца вводится налог на домашних, несельскохозяйственных животных, как-то: собак, кошек, черепах, ежей, белок, горностаев, крокодилов... перечисление занимало и всю обратную сторону листа. Мичман, чувствуя за собой какую-то вину, жался в уголке дивана. Прокофьич по привычке взглянул на настенный календарь. Значилась пятница, 13-го числа.

УЖ ТЕМ ТЫ ВИНОВАТ... ИЛИ В ЗМЕИНОМ ГНЕЗДЕ

◆ Когда ввели налог на содержание домашних котов, Прокофьич махнул рукой: баста, больше он бороться со все новыми инициативами власти не станет. Себе дороже обходится. Зато кот Мичман сейчас вроде как полноправный член общества, раз налоги платит. Хотя и не сам, а опосредованно через хозяина, точнее — хозяйку Тихоновну, что (вот ведь женская натура!) уже с гордостью, отстояв в черед поселковых товаров на почте, протягивает в окошко три квитанции и громко произносит: «За газ, электричество и кота Мичмана!»

...Тут другая докука случилась. Неприятности, на сей раз человеческие. У Веркиного мужа, то есть зятя Прокофьича, Витьки имелся старший брат. Витек был из многодетной семьи. Сам он, ровесник Веры, готовился отпраздновать свое сорокалетие и являлся младшим в семье Скородумовых. А вот брат его, Игорь Васильевич,— самый старший, только что встретил шестидесятилетие. Если Витек и промежуточные две сестры и брат ограничились «вышкой» и пошли в новые времена по офисно-торговой части, то Игорь Васильевич еще в закатные советские годы стал доктором наук и профессором, причем не институтским, где обычно дорожка от аспиранта до «дока» длиной лет в пятнадцать-двадцать уже накатана, а в научном заведении, знаменитом во всем мире оружейном конструкторском *НПО «Меткость»*, возглавляемом академиком Гусаковым.

Мало кто достигал докторских степеней в «оборонке» Советского Союза, да еще в сорок лет! А Игорь Васильевич стал-таки, да еще и не будучи никаким начальником; работал он ведущим инженером-конструктором, а последние два года в «Меткости» руководил сектором. Это для огромного *НИИ-КБ* того времени вовсе не начальник, а что-то вроде старшего подчиненного...

Понятно, что на него диковато посматривали начальники по всей восходящей иерархии, не только не имевших ученых степеней, но и в самых радужных снах о таковых не помышлявших. Но времена еще советские, старинные, потому кто имел зависть к молодому доктору наук, тот их до поры-времени прятал в себе.

Наступила веселая поначалу горбачевщина, завершившаяся беспощадной к народу гайдарономикой. Вот здесь-то под маркой демократических «выборных» директоров и сокращения излишнего персонала вновь объявившиеся новые люди — все из старых кадров — начали святое дело мести посредственности людям умным и творческим.

К Игорю Васильевичу давно равнодушно дышал начальник его отдела Святослав Моисеевич Танкерев, в основном, за одесские анекдоты и полное нежелание включать в планы отдела какую-нибудь новомодную коммерцию, а главное — за диковинную в «оборонке» у подчиненных людей докторскую степень.

Увольняя Игоря Васильевича по сокращению штатов, Святослав Моисеевич ничем не рисковал: всех по иерархии верхних начальников раздражала все та же докторская степень молодого Скородумова. Опять же и фамилией характерной как черт попутал... А Гусаков не только имел такую же степень, но с недавних пор стал академиком Академии наук линяющего *СССР*, два десятка лет носил на пиджаке звезду Героя социалистического труда, являлся одним из четырнадцати Генеральных конструкторов огромной еще страны, единолично, по-сталински, по-хозяйски командовал шеститысячным коллективом, да еще в состав *НПО* входил аж московский филиал почти такой же численности... Словом, до бога высоко, до начальства далеко. Тем более, по своему невысокому чину Скородумов не имел входа к Гусакову. А тому о скороспелом докторе наук никто не говорил, не напоминал.

Впрочем, уволив остепененного в солидном Московском авиационном институте им. Серго Орджоникидзе подчиненного, Святослав Моисеевич особой радости не испытал. Во-первых, Игорь и сам собирался уходить из «Меткости»: его звала любимая наука, а здесь, как он прекрасно понимал, ему развернуться не дадут. Правда, хотел он это сделать через полгода, но... нет худа без добра: увольнение по сокращению давало трехмесячное выходное пособие, что в самое волчье время начала девяностых годов очень даже многое значило. Это — во-вторых. Наконец, как-то само собой нашлось временное пристанище у давно знакомого, почти друга, хотя тот и был одно время его начальником — впрочем, в небольшом чине. Тогда, еще до «Меткости», работали они тоже в военном Центральном конструкторском бюро агрегатостроения. Туда Игорь пришел молодым специалистом после местного политеха.

◆ Все же сам факт увольнения насторожил Игоря. Отец его, опытный в практической жизни человек, прошедший через две войны, конечно, и Отечественную от звонка до звонка, ненавязчиво настраивал на сложности жизни: «Это тебе, Игореха, знак судьбы. Как в своей басне сказал Крылов: «Уж тем ты виноват, что хочется мне кушать». А попросту говоря: не высывайся...»

Кому-кому, но в своей сорокалетней жизни Игорь более всего доверял отцу. Не только потому, что тот, появившийся на свет через пару дней после трусливого отречения от престола самого глупого русского царя Николашки Кровавого, прошел все огни, воды и медные трубы, но был человеком начитанным. Не схоластиком и фари-сейским книжником, но бравшим от книг всю их философско-житейскую мудрость.

Меж тем отец продолжал: «...Народ наш по натуре добр, но в командиры всех рангов из-за этой доброты непременно вылезает самая сволочь. Потому и создается впечатление, что весь народ сволочь. И вот эта-то начальствующая сволочь, особенно из мелких, тщательно следит: не дай бог, чтобы кто-либо высунулся! Нет, не в том смысле, что на его место покуситься — таких просто в порошок сотрут. Речь идет о вроде бы безобидном «высовывании», навроде твоего. А ты, если разобраться, чем и перед кем провинился? А тем, что бог дал тебе хорошую голову; ты же ее используешь по назначению, а сволочь завистливая целью жизни положила умным казаться, ан нет! Ничего не выходит.

Конечно, «Моцарта и Сальери» Пушкина читал. Вот Пушкин, который в полной мере испытал месть бездарных завистников, и дал в этой пьесе объяснение зависти и ненависти обделенных умом к тем, кто его получил от рождения. И иначе жить не может, не творя этим умом. Даже не задумываясь: а кому это вредит? Получается так, что ему самому, в конечном итоге, и вредит. Так что, сын, свыкнись с этим и конвертируй себя в том смысле, что наказание за всякое «высовывание» будет и дальше поджидать тебя, что называется, за каждым углом или изгибом жизни.

Опять же у тебя семья — на ней все это отражается. Характер твой ровный, но иногда и вспыхнешь, а это — конфета «Мишка на Севере» для завистника...»

— Так что, отец, советуешь в угол мышкой забиться и не пикнуть чтобы?

— Вот ты и вспыхнул, а напрасно. Никаких углов и серых мышек. Талант, как учит евангелие, в землю зарывать неразумно, если вовсе не грешно. Используй его на всю полноту. Я же только советую быть бдительным. Не подозрительным, но именно бдительным! Береги себя и дела твоей головы и рук. Хотя и высокопарно сказано, но ведь сказано еще одним древнегреческим философом: человек живет и творит не для себя, не для собственного удовольствия, даже не для своего потомства — продолжения рода, а для продолжения всего человечества в лучших его качествах. Что-то в этом смысле сказал.

Тем более ты — только в начале самого расцвета своих сил; тебе отпущено еще столько же лет физического здоровья и умственной работы. Это все немаловажно. Да и что с тобой такого произошло-то? Может, тот же бог, судьба, или кто там всеми нами управляет, подсказал: баста, пора тебе, Игорь Васильевич, переходить на новый виток твоей жизни и деятельности. Застоялся ты на прежнем месте. Тем более, а все к тому идет,— скоро всю эту вашу «оборонку» к чертовой матери прихлопнут. Я не прав?

— Прав, отец, стопроцентно прав. Я ведь и сам собирался уходить.

— Вот видишь? Все к одному складывается. Знай, что эти завистники-начальнички обладают звериным чутьем. Ты и слова неосторожного не произнес, а они уже по выражению твоего лица все поняли. Это накрепко в память занеси. Так что твой Моисеич выходит и помог тебе решиться. А статья по сокращению в трудовой книжке в наше время вовсе необходимая и отдел кадров в дальнейшем не будет настораживать. Решил, мол, человек уволиться, а тут ему и предложили: ты — молодой, с перспективой, а вот пенсионный Иван Иванович боится потерять место, на котором просидел сорок лет. Так ты по человеколюбию его выручишь и еще выходной тройной оклад получишь, что сейчас нелишне.

Так что, Игореха, плюнь да разотри, забудь навсегда и дальше планируй свою жизнь!

◆ Игорь Васильевич действительно успокоился и уже через неделю работал у своего друга-начальника, организовавшего в это смутное время при одном из областных департаментов информационно-аналитический центр. Пока он входил в курс дела, дабы оправдывать свою должность ведущего конструктора, его заметил рас-

полагавшийся в том же здании директор департамента, также защитивший недавно докторскую диссертацию и вовсе не собиравшийся долго задерживаться на чисто административной работе. И, пользуясь расположением первого демократического губернатора, в постановке которого «в должность» принял активное участие, не мелочился и сходу добился открытия научно-исследовательского института и факультета в бывшем политехе, переименованном в классический университет — оба заведения по ставшему модному в постсоветской России биофизическому профилю. Тон здесь задавала Москва: в последние пятнадцать-двадцать лет по этому направлению человек тридцать стали нобелевскими лауреатами. К сожалению, все с Запада-Востока. Наши, пользуясь дарованием демсвобод, решили догонять семимильными шагами, забыв, что в нобелисты чужаков не берут, а по доброй сложившейся традиции из России лауреатами делают только диссидентов — неважно из какой России: коммунистической или демократической.

Так Игорь Васильевич стал заместителем директора по науке во вновь открытом *НИИ* экспериментальной и прикладной биофизикохимии, где и проработал десять лет до славной кончины института на рубеже столетий и одновременно тысячелетий по понятной причине: лишили всех видов финансирования, а хоздоговорная тематика в современной России никому не нужна. Переиначивая слова знаменитого советского ученого Тимофеева-Ресовского («Зачем тратить время и писать то, что все равно напишут немцы»), Игорь Васильевич любил повторять: «Зачем России своя наука, если он есть в Америке и Европе». Директор молча соглашался, будучи вынужден под давлением сверху институт ликвидировать.

...В очередном повороте научной жизни Игоря Васильевича конкретных завистников не было; имелась всеразрушающая система. Так что он перешел на другой виток спирали без каких-либо обид, но зато с превосходным набором научных же регалий: двойной доктор наук, обладатель двух профессорских аттестатов, Заслуженный деятель науки *РФ*, обладатель нескольких иностранных и российских почетных званий, академик почти десятка престижных отечественных, зарубежных и международных академий, автор почти тысячи научных же публикаций, в том числе многих патентов и полусотни монографий. Еще Игорь Васильевич являлся председателем двух диссертационных советов при университете: докторского и кандидатского. И, как говорится, прочая, прочая, прочая...

Его несколько раз приглашали в обе книги рекордов Гиннеса: в английскую, настоящую и российскую, самопальную, издаваемую веселыми ребятами из Одессы. Однако обе требовали денег: английская — поменьше, отечественная — намного больше. Но Игорь Васильевич за все научные отличия денег не платил. Не по жадности, а из принципа.

◆ Поскольку у его давнишнего опекуна «под седлом» оставался только факультет, то Игорь Васильевич, понятное дело, оказался там профессором кафедры теоретической биологии, благо, загодя предчувствуя кончину *НИИ*, защитил вторую докторскую диссертацию по этой части.

Лекции он читать не любил, вполне справедливо полагая: профессор — не училка, что в том же вузе изо дня в день всю трудовую жизнь талдычит и талдычит один и тот же предмет, затверженный наизусть. Игорь Васильевич здесь следовал столь нелюбимым им американцам и более уважаемым европейцам. У тех и других профессора и преподаватели в университетах строго различались. Последние, еще не достигшие профессорских высот или не стремящиеся ими становиться, являлись теми самыми квалифицированными училками.

Профессора же — не зря это звание так сложно и трудно получить на Западе — являются исключительно мозговой силой университетов. Они же готовят свою смену

и «училок». Игорь Васильевич не без основания себя таковым полагал: собственная научная школа, признанная не только в России, но и за рубежом; сорок монографий по актуальнейшим вопросам современной биологии (не той, где тычинки и пестики...), десять докторов и двадцать кандидатов физико-математических, технических, биологических и даже медицинских наук.

Забугорный профессор тоже мастак по части научных изысканий и подготовке кадров, но в отличие от нашей профессуры он лекциями себя не утруждает. Слишком дорогими оказались бы эти лекции для университетов и студентов, учитывая тамошние оклады содержания ихних профессоров... Для этого есть более скромно оплачиваемые училки — обоих полов. Впрочем, в год две-три обзорно-установочные лекции в огромных актовых залах они читают; в основном, хвалят себя и свою научную школу.

Игорь Васильевич, конечно, понимал: пришел он в высшую школу не в лучшие ее времена: во-первых, никому она, кроме косящих от армии студентов не нужна; во-вторых, никому опять же не требуется вузовская наука, впрочем, и любая другая. Наконец, пользуясь всеобщей неразберихой, в одночасье число диссертационных советов в девяностые годы возросло и уравнилось с их общим количеством во всем остальном мире. Потому и образовалась огромная масса скороспелых докторов наук, автоматически становящихся профессорами.

Если во времена учебы Игоря в политехе, твердо входившем в десятку солиднейших вузов страны СССР, там имелось всего двенадцать профессоров, в том числе несколько «холодных», то есть без докторской степени, то теперь при тех же размерах, только без какого-либо зримого престижа, их численность под триста (!) штук.

Как использовать такую орду, мягко говоря, с сомнительными научными данными? — А просто отдать им должности завкафедрами и деканатские; прочих же «опустить» до ранга училок.

...Поэтому для профформы Игорю Васильевичу пришлось взять «часы», за которые ему собственно и платили зарплату — чуть поменьше, чем их домовому дворнику Халебу (Олегу — по-русски) — из узбекских гастарбайтеров. Чтобы самому на своих лекциях не скучать, отбывая поденщину, выбрал он пару предметов общепилософских, как их именовали студюозусы — главное, без экзаменов, с одними только зачетами. Благо еще во время работы в ЦКБ агрегатостроения и в «Меткости» окончил Игорь Васильевич заочно еще два вуза, все в советское время, что и позволяло ему формально вести курсы по любым устраивающим его дисциплинам.

При минимуме лекционной доуки начал он разворачивать свой очередной виток диалектической спирали — по Гегелю Георгу Вильгельму Фридриху.

Разумеется, при минимуме усилий Игорь Васильевич смог бы возглавить кафедру, особенно при предыдущем ректоре, благоволившем к нему. Но он, как черт от ладана, отгонял даже самую подобную мысль, хорошо понимая, что в современном вузе завкафедрой — старшая училка и завхоз по совместительству.

◆ К сожалению, начал Игорь Васильевич этот виток с того, что запамätовал слова отца о бдительности, цитату из басни Крылова: «Уж тем ты виноват, что хочется мне кушать». И про Моцарта с Сальери легкомысленно забыл. Все это ему и аукнулось через десять лет. А все ведь от самонадеянности: решил, что тылы ему на этом диковинном факультете надежно прикрыты не только его «гиннесовскими» степенями, званиями и наградами, но и тем, что почти все завкафедрами и деканатские начальники аккордно защитили свои докторские диссертации в совете под председательством Игоря Васильевича.

...Все же если наивным человек родился-воспитался, то таким и останется на всю жизнь, даже будь он семи пядей во лбу. Не обратил Игорь Васильевич внимания, ко-

гда на принятых после защит диссертаций банкетах или на факультетских собраниях-посиделках без всякого умысла добродушно говорил, что-де вот почти все защитились под моим председательством, а то и вовсе под моим руководством, но новоиспеченные члены диссовета и завкафедрами делают вид, что не слышат. Задумчиво начинают смотреть в потолок, переводят общий разговор на иные темы — преимущественно о сложностях их кафедральных дел и их личном вкладе... и так далее.

А надо было обратить внимание; ведь люди уже остепенились-оперились, потому им неприятно напоминание о том, что когда-то Игорь Васильевич поздравлял их с защитой «докторской». И уже кажется им: все было почти что наоборот. Что ж, натура человеческая — штука тонкая. Потому народная мудрость говорит: кажется — креститься надо. Но как раз креститься-то новые доктора наук желания не имели, а из мусульманского сословия, заметно разбавившего факультет, и вовсе не умели...

Нет, не то что Игорь Васильевич не чувствовал, не понимал такой странной реакции, даже про себя усмехался: пройдет, мол, это попервоначалу, пока они и сами до конца не привыкли к своим высоким степеням. Ничто, дескать, человеческое не чуждо... Правда, смущало тогда одно несоответствие: очень уж невысокий научный да и иной уровень докторских диссертаций девяностых годов и, наоборот, слишком стремительное возрастание самомнения остепененных.

Сам он по причине нужного воспитания самомнением не страдал, всегда применяя к себе слова кого-то очень умного: мне не важно, что думают обо мне, главное — что я думаю о себе сам. А насчет своих диссертаций докторских и вовсе был спокоен: первую защитил еще в советское время в престижном московском институте, на которую в «Бюллетене ВАК*», что вообще чрезвычайная редкость, напечатали пространную похвалу, где диссертацию Игоря Васильевича официально поименовали выдающейся.

Вторую хотя и защитил в нынешнее время, но ее столь высоко оценили в научном мире, что даже ее и замолчали... в том же научном мире.

Опять он не то что не сообразил, а значения не придал: такого, вообще говоря, младшие нынешние коллеги не прощают...

♦ Вторым огрехом, не прощаемым ныне более слабым умом коллегами в университете, абсолютно распоясавшегося в своих творчествах Игоря Васильевича стало основание и издание им философско-научного и социально-публицистического журнала «Феномены разума: XXI век». Разрешил издавать журнал еще прежний ректор, которому Игорь Васильевич стал импонировать, правда, в последний, «дембельский» год своего ректорства. Разрешил — то есть дал «добро» на печатание его тиража за счет университета. В университетском же издательстве-типографии. И новый ректор продолжил издание журнала, хорошо понимая, как это работает на реноме университета... Всю же работу по издательской подготовке — от формирования авторского коллектива до изготовления типографского оригинал-макета Игорь Васильевич вел сам, правда, с посильной технической помощью своих внеуниверситетских друзей с научно-изыскательской жилкой. Естественно, на общественных началах.

Эта общественная работа требовала не только затраты умственной энергии главного редактора, но и ощутимых денежных затрат из нищенской зарплаты профессора: покупка дорогостоящей оргтехники и оплата верстки профессионалом.

Поначалу коллеги, узкие, так сказать, специалисты в не менее узких областях, отнеслись к детищу Игоря Васильевича со снисходительной иронией: дескать, с жиру бесится *простой* профессор, тем более что тот покинул посты председателей диссертационных советов. Из докторского он ушел, чтобы самому в нем вторую диссер-

* Высшая аттестационная комиссия: тогда — при Совмине СССР, которая утверждает ученые степени. — Прим. авт.

тацию защитить, а в кандидатском, действовавшем на чужом факультете, его «подсидели», ибо не имел он никакой должности — ни деканской, ни кафедральной. А он и рад был освободиться от двойной доуки: с серьезным лицом председателя поздравлять новоиспеченных докторов и кандидатов, содержание диссертаций которых несколько напоминало ему дипломные и курсовые, соответственно, студенческие работы советских времен.

Но лица этих самых факультетских докторов-профессоров вскоре приобрели явственный цинково-суконный оттенок, когда речь заходила о журнале. Здесь опять Игорь Васильевич «прокололся». Используя свои немалые знакомства в научном мире страны, в ближнем и дальнем Зарубежье, четко выстроенную линию издания, он за неполные два года сделал журнал не то что всероссийским, но фактически международным с госрегистрацией, солидной редколлегией, а имена отечественных и зарубежных авторов — нобелевских лауреатов, лидеров фракций Госдумы, депутатов Европарламента, писателей с «именами» — заставляли факультетских да и вообще всех умеющих читать университетских администраторов и самопальных профессоров, задумываться: а так ли прост этот рядовой профессор с диковинного факультета? Не стоит ли кто за ним? На всякий случай до поры до времени сохраняли настороженный нейтралитет. Как СССР с Японией во Вторую мировую войну. — Тоже до поры до времени.

Совсем уж осатанел главный редактор, когда впервые в постсоветское время добился награждения журнала академическим орденом «Владимир Вернадский» и двумя научными же золотыми медалями.

...Когда раз-два в год в пригородный поселок с Витьком приезжал его знаменитый ученый брат Игорь Васильевич, многомудрый в практической жизни Прокофьевич ненавязчиво советовал двойному профессору не хуже, увы, ушедшего из жизни отца:

— Народ сейчас, Игорь свет Васильевич, жестоковыйный пошел, бессердечный, люто всем и вся завидующий и очень мстительный. Жить тебе и работать никто спокойно не даст. Держи это постоянно в голове. Хотя, конечно, это ведь и не жизнь, да? Тем не менее, другой жизни у тебя не будет. Как и у всех нас, само собой разумеется.

И еще, дорогой Игорь Васильевич, все твои дела научные, как я понимаю, не приносят лично тебе ни копейки, а на журнал свой ты тратишь кровные, и без того малые. Людишки же нынешние этого понять просто не в состоянии: сами-то они и копейку в пасхальный день нищему не подадут. А значит, думают они, твои труды и траты — это новомодные инвестиции во что-то им пока неведомое, но явно высокодолларовое, высокоевропейское — лично для себя, конечно.

— Да-да, Григорий Прокофьевич, правда ваша. Сам все понимаю, но остановиться не могу: слишком большой разгон взял, жалко останавливаться. Понимаю прекрасно: рано или поздно далеко не красиво все это закончится. Увы, так будет. Жаль.

◆ Третье и завершающее прегрешение Игоря Васильевича вовсе ни в какие провинциальные ворота не лезло. Как раз к концу года, предвещенного древними мексиканскими майя как конец света, завершил он главный труд пятилетних исследований, по результатам которых написал и издал в солидном столичном научном издательстве десяти томную монографию «Эволюция мышления в планетарном масштабе». Самое существенное, что это был не повсеместно принятый нынче профессорский самиздат: что-то настроил, щедро разбавляя материалами учебников, за полгода, утаивая от супруги заначку зарплаты, собирая тысночок шесть-семь и в самой дешевой типографии «Бланк-Издат» тиснул тиражом пятьдесят экземпляров (поставив в выходных данных 100.200 экз.) тоненькую брошюру, пышно назвав ее монографией... Раздал ее по университетскому начальству, которому и в голову дикой мысли не придет хоть раз раскрыть ее, а кафедра отчиталась в конце календарного года в рей-

тинговом списке: мол, издан актуальный и обстоятельный труд профессора *N.*, впервые в мировой практике обобщивший вопросы партеногенеза дождевых червей... И славненько! Все довольны, а о монографии уважаемого профессора и сам проректор по науке что-то одобрительное произнес на общеуниверситетской конференции.

Нет, Игорь Васильевич, как человек в научном мире «с именем», сумел заинтересовать очень солидное московское издательство, по рангу соответствующее бывшей советской «Науке». Гонораров, правда, оно не платило (а кто их сейчас платит?), но и с серьезных авторов денег не брало. Главное, издательство само распространяет тираж по стране и за рубежом. Это для настоящего ученого самое важное.

В своем университете и вообще в городе Игорь Васильевич насчет десятилетия благоразумно помалкивал. Не потому что стал слишком бдительным, как советовал покойный отец и братальников тесть Прокофийч, а по самой простой причине: современной профессуре-доцентуре никакие философии эволюции мышления не интересны, более того, вызывают органическое отвращение — в силу отсутствия все того же логического мышления; их интересует размер заработной платы, побочные доходы и реализация принципа тусовки: быть не хуже, чем профессор *N.* или завкафедрой *M.*, то есть иметь машину и хоть раз в год ездить в Паттайю или в Хургады. Даже если климат этих мест им вреден.

И дико было Игорю Васильевичу даже представить, что *N.* или *M.*, не говоря уже о женщинах-доцентах, а тем более об остепененной администрации, хоть раз для интереса раскроет один из десяти трехсот-четырёхсотстраничных томов, заполненный десятками, а то и сотнями теорем и лемм, их доказательствами с привлечением современной абстрактной алгебры, новейших квантовых теорий, астрофизических космогоний и многозначной комплексной логики А.А.Зиновьева.

Не для них Игорь Васильевич пять лет подряд мудрствовал без выходных и ранее привычных летних отпусков в не дальнем от города среднерусском курорте, не для них, конечно. Ибо не в коня овес. Но чрезвычайно обрадовало его и скорое появление «коней». В минуты «печатных раздумий» Игорь Васильевич полагал, что мыслящие головы в стране и вовсе перевелись, а оставшиеся «собственные платоны и быстрые разумом невтоны» махнули на заработки в Европу и Америку или на заслуженный отдых в Израиль.

По мере выхода в свет — одно за другим через короткий промежуток времени (стиль работы современных издательств — томов монографии) Игорю Васильевичу начали поступать электронные письма, телефонные звонки на служебный номер и на мобильник от серьезных людей — академиков РАН* из Иркутска и Новосибирска, видных ученых Москвы и Ленинграда-Петербурга, директоров институтов и лауреатов солидных премий из университетских центров России и Украины... Были и письма от знающих русский язык ученых из Германии и США. И... никакой въедливой критики в адрес «провинциального Спинозы», — только похвальные референции. Иногда с обстоятельным разбором отдельных глав и даже томов.

Под сурдинку Игоря Васильевича приняли в пару общественных академий почетным членом, ввели в редколлегии и редсоветы нескольких научных журналов, присудили — без его заявки на конкурс — престижную научную же премию, правда, не имеющей денежной части. Впрочем, это сейчас дело обычное. Как говорится латиницей: *honoris causa***.

...Обо всем этом Игорь Васильевич никому из местных тем более не говорил, ибо

* Российская академия наук — в современной России правопреемница АН СССР, правда, с копеечным финансированием и академическими институтами с численностью научных сотрудников не более «двух взводов». — Прим. авт.

** Для почести (лат.). — Прим. авт.

прекрасно знал: в ответ он увидит либо безмолвную суконно-цинковую физиономию, а если и услышит что, то навроде: «Эк тебя, Васильич, занесло! Ты уж нам, сирым, порадей, когда Нобеля отхватишь». Впридачу, конечно, к язвительной ухмылке. Оттого и молчал.

Но скрывать долго не пришлось — до выхода десятого, завершающего тома монографии, когда в научной прессе появилось сообщение, что за многотомную работу профессор И.В. Скородумов из провинциального университета представлен коллективом видных российских ученых и выдвинут солидным академическим институтом на соискание Нобелевской премии за текущий год.

Провинциальная профессура и особенно вузовская администрация научную прессу категорически не читает, зато со вниманием изучает местную желтую прессу, и особенно — сорокавосемистраничную «Толоку»: со всеми городскими сплетнями, обнаженкой и неперменной страничкой «Секс не по-дедовски».

Вот эта самая «Толока», узнав новость про первого за историю города кандидата в нобелисты, и разнесла лихую молву, присовокупив пару лжеинтервью с Игорем Васильевичем. Он звонил в редакцию, но там с «нобелистом» разговоры не стали разговаривать. Зато все университетские при встрече начали отворачиваться. Пришлось взять месяц отпуска в счет законного летнего двухмесячного.

◆ Нобелистом Игорь Васильевич, разумеется, не стал, ибо никакого политического скандала за ним не имелось. Но эта *honoris causa* предредила его судьбу в университете. Сам он прекрасно понимал: доигрался. Прощения не вымолит, если даже перед всеми «преподами» факультета на колени встанет и седоватую свою голову, не по чину умную, пеплом посыплет.

Тут-то уже всерьез вспомнил слова отца и Прокофьича о повышенной бдительности. Но откуда ждать напасти? Опыта в постсоветские времена не имел. Начал вспоминать, как подставляли в те еще годы. Классический прием: под видом дружеской встречи-проводов подпоить и умело вывести на «канарейку» — вытрезвительную машину. Попадание в вытрезвитель, даже если ты был трезв, в советские 70—80-е годы, если не сумеешь откупиться, чаще всего означало вердикт для людей интеллектуальных профессий. Работяг ценили; те отделялись воплями жен и тещ из-за годичного переноса очереди на улучшение жилищных условий.

И вообще в «золотые» годы Брежнева, особенно позднего — после четвертой звезды на его пиджаке, главное было соблюдать некий неписанный джентльменский договор. Суть его в следующем. Ты можешь являться полным, клиническим идиотом, абсолютно бесполезным (речь идет об «интеллектуалах»), целый день сидящим, сложив по-пионерски ручки, за пустым столом без единой бумажки... зато абсолютно трезвым. Как бы его ни обхаживал, ни обнюхивал парторг — даже намек на тысячную дозу промилле C_2H_5OH нет. И что же? А то же: к пенсии — положенная по стажу медаль «Ветеран труда» и радостные (слава богу, освободили пустое место!) проводы на заслуженный отдых.

А другой пашет с утра до ночи, весь отдел на нем держится: конструктор от того же бога, все остальные сотрудники только на подхвате, вырисовывают за ним гайки и болты. Начальнику отдела коллеги по должностям завидуют: ну-у, Соломон Абдурахманович, повезло тебе с Петровым, самому голову ломать не нужно, знай только следы, чтобы бабы на полчаса после обеда не задерживались и домой раньше времени не сбежали!

Но вот уважает Петров по окончании напряженного трудодня зайти с друзьями-коллегами в простонародную распивочную или — в горбачевщину — постоять за «талонной» водкой в сто двадцать пятый специализированный. Чтобы дообсуждать на склоне светового дня сложные технические вопросы о стыковке боеголовки с

корпусом ракеты... Потому по утрам парторг едва не целоваться лезет, радостно фиксируя нужные промилле. Да еще злые незамужние бабы, не имеющие любовников, изустно разносят по всему предприятию молву: опять Петров с похмелья явился на работу!

...Петрова, конечно, как ценного работника, на пенсию не торопят, но и медалями обходят, должностями и связанными с ними окладами. И высшее начальство, словно оправдываясь, говорит: «Всем хорошо Петров, умен, инициативен, самостоятелен в работе, но вот о моральной его стороне доходят до парткома и профкома разные слухи и сигналы...» А Петрова начальник, опасливо оглянувшись округ — нет ли поблизости парторга или востроглазых баб, бормочет вполголоса: «Побольше бы мне в отдел таких... аморальных! Дела совсем в гору бы пошли; глядишь, и мне по итогам пятилетки какой орден свалился бы».

Игорь Васильевич понимает: сейчас все другое, в чести не труд, а деньги. Ордена тем более никому не нужны. И университет не военное конструкторское бюро, а змеиное гнездо. Вместо боевитых парторгов — доносчик на доносчике, а аргумент один: «Вот студенты говорят...».

Но чудны дела твои, господи: ближе к древнемексиканскому концу света, словно из пепла бывшего советского времени, снова всплыл принцип примата «водка решает все!» Да к нему еще добавились подпринципы приматов: «курение решает все» и «матерщина уже все решила!» Других дел у властей всех уровней не осталось, кроме как «борьба» с отрепьем российского человечества: пьющими, курящими и от души посылающих этих борцов куда подальше.

Сообщила наш экс-нобелист, что ловить и не пущать его будут именно по этим формальным признакам, хотя бы он даже в этой троице прегрешений и не выходил за среднестатистические рамки. Но наивный в жизненных хитросплетениях Игорь Васильевич не учел, вернее, забыл два момента: подлость современных вузовских нравов при отчаянной трусости исполнителей и совсем близкую дату своего очередного перевыбора на пятилетний профессорский срок. Последнее — от того, что предыдущие выборы прошли как-то автоматически. Тогда он еще не являлся экс-нобелистом, а многие завкафедрами факультета еще не стали докторами-профессорами.

◆ Только когда война по принципу «все против экс-нобелиста» разгорелась, Игорь Васильевич узнал систему перевыборов, ранее ему, как человеку относительно новому в вузовской системе, неизвестную. Система эта гениально сочетала в себе показную демократию и безусловное подчинение начальнику. Формально же сначала кандидатуру утверждали голосованием на собрании кафедры, а затем на факультетском вече.

Игорь Васильевич, как человек занятый, никогда не читал объявления на кафедральной доске, а про то, что уже назначена дата очередного собрания, в повестке которого значится и голосование по его перевыборам, ему никто не сказал. Анализируя задним числом, он так и не смог определиться: был здесь умысел или нет. Вообще все далее происходившее явно отдавало каббалой и оккультизмом с идеально выстроенным сценарием.

С позиций современного образа жизни, то есть отменного здоровья в волчьей борьбе за существование и ничем не сдерживаемого частнособственничества, Игорь Васильевич имел один недостаток и тоже одно достоинство, которые, кстати говоря, были хорошо известны его коллегам.

Недостатком здоровья, в общем-то, хорошего для его среднестаршего возраста, он полагал, говоря языком хорошо знакомой ему физиологии, выраженную реактивность вегетативной системы. Это проявлялось в стремительном росте артериального давления при резких изменениях в атмосфере и при всякого рода волнениях из-за неприятностей личного характера.

Достоинством частнособственнического порядка (Игорь Васильевич считал это досадным недостатком...) в общественном мнении полагалось вполне приличная дача в сорока километрах от города с удобным подъездом по московской «железке», только-только любовно выстроенная: деньги на это дело он копил почти десять лет. Очень помог по родственным связям сын Прокофьяча, тестя младшего брательника Витька. Андрей, будучи владельцем монтажной артели по установке наружной рекламы, предоставлял именитому профессору автотранспорт, кой-какие стройматериалы по оптовым ценам и своих рабочих-таджиков.

Здесь следует пояснить, что Игорь Васильевич сгломозил дачу вовсе не по «принципу тусовки» (у Васьки есть, а я чем хуже?); более того, к земледельческому труду испытывал полное равнодушие, почти что отвращение. Тем более не приемлел накопительства и собственничества. На даче же планировал он проводить двухмесячные профессорские летние отпуска, сочетая пассивный отдых с активными научными изысками.

Там, полагал он, в отдалении от городского пробензиненного воздуха, а главное — от змеиного факультетского гнезда, за июль-август его реактивную вегетативную систему никто не потревожит, а сама она приобретет на десять трудовых месяцев достаточную закалку и стойкость.

Но — человек полагает, а черт располагает: так можно переиначить более благозвучную пословицу.

◆ Нехороший сон увидел Игорь Васильевич в ночь на тот злосчастный зимний день. Никогда он не был большим поклонником фантастической литературы; насколько мог припомнить, в детстве читал только романы Александра Беляева и Жюль Верна. От американских же космических войн и битв людоящеров его просто подташнивало. А тут привиделось...

Стоит он на краю оврага: за спиной — ровная долина, поросшая ковылем, что с легким шелестом волнами колыхнется теплым, душистым ветерком. Таким оптимизмом веет от этой мирной картины, что Игорь Васильевич понимает: это его предшествующая, ровная и целеустремленная жизнь. Сразу вспоминаются начальные строки любимой песни * отца: «Среди долины ровныя на главной высоте стоит, растет высокий дуб в могучей красоте...» И над всей ковыльной равниной шепотом, но мощным, что называется «с небес», архангелотрубно звучала мелодия «Среди долины ровныя...».

Но он-то стоял лицом к обрыву и видел под ногами нечто зеленое, мерзкое, топкое с ядовито-клубящимися парами. В разрывах густых клубков пара скакали наряженные чертами и ведьмами узнаваемые Игорем Васильевичем даже с далекого расстояния его коллеги по кафедре и факультету. Некоторые, из тех, кто хорошо относился к нему, пробовали выбиться из общей кучи беснующихся, отстояться в стороне во время шабаша, но их насильно, угрозами расправы заставляли вливаться в массовку. Отдельно приплясывали толстомясые деканатские бабы, высоко поднимая над простоволосыми головами хоругви в форме приказов на отчисление студентов за хроническую неуплату денег за обучение с девизами: «Водка — кровь сатаны, а пиво — его моча!» — «Курение и мат презирает демократ!» — «Ученые нам не нужны, они есть в Америке!» — «Болонский процесс с наукой несовместим!»

...На этом Игорь Васильевич затемно проснулся — тревожно заливался телефон. В трубке голос, искусно имитирующий сочувствие и переживание, сообщил: только что догорела его дача, сожженная бомжами или злоумышленниками. Звонящий представился москвичом-соседом по кооперативу. Давление тотчас подскочило до двухсот. Известный Игорю Васильевичу мобильник сторожа кооператива не отвечал.

* Слова русского поэта XIX века Мерзлякова, музыка народная. — Прим. авт.

Как позже выяснилось, накануне вечером, несмотря на мороз, темноту, снег и зимнюю глухомань, сторож, для проформы выйдя потоптаться на свежем воздухе, заметил на колее проехавшей машины оброненный пакет с рисунком полуобнаженной восточной красавицы: лицо кокетливо прикрыто, все остальное открыто.

В пакете, оброненном неряхой-водителем, видно, из раскрытой двери, когда авто буксовало, оказался к несказанной радости счастливого находчика джентльменский набор: бутылка виски «*Black and White*» ноль-восемь, полкило буженины, банка рижских шпротов, кольцо краковской колбасы и буханка белого с хрустящей на морозе корочкой.

...Сторож отозвался, опохмелившись, только в середине дня, когда Игоря Васильевича уже везли с работы на вызванной им «Скорой помощи» в больницу с гипертоническим кризом. Уже в терапевтическое отделение ему позвонили и сообщили, что именно сегодня состоялось заседание кафедры, где в повестке стоял вопрос о его переизбрании на должность профессора. Ввиду неявки этот вопрос перенесен на январь следующего, наступающего нового года.

Нового, так нового, прямо накануне которого Игорь Васильевич выписался из больницы и, как у него было заведено, всю первую «каникулярную» декаду января с утра до вечера наслаждался работой сам-один во всем корпусе, не считая дремлющих перед телевизором в своей каптерке сменных вахтеров. «Делал» же он очередной номер *своего* журнала и параллельно с этим написал пару глав новой монографии по тематике работы *своей* научной школы.

Но счастье коротко, будни тотчас наступают кромешные, под стать малосолнечным январским дням. Вернулись с «рождественских каникул» набравшиеся сил для дел несправедливых коллеги, устроили по всем канонам партсобраний середины 50-х годов кафедральное собрание с представительством деканатских баб. С интересом узнал Игорь Васильевич, что в тот злосчастный декабрьский день он, оказывается, был на работе не с 220/110 *mm Hg*, а в дупель пьяным.

Явно получивший «социальный» заказ, завкафедрой велел сотрудникам, бывшим и нынешним аспирантам Игоря Васильевича, голосовать не за обычные пять лет переизбрания, а за годичный испытательный срок, учитывая «аморальное поведение профессора Скородумова в части алкоголя, табака и нецензурной брани». За что они с ясными очами и проголосовали.

Сего ожидал наш экс-нобелист, но не такого, кем-то срежиссированного втаптывания в грязь своими бывшими докторантами и аспирантами.

На этот раз не только *mm Hg* скакнуло сверх всякой разумной меры, но и ранее не ощущаемое сердце защемило. Снова «Скорая», та же больница... даже палата и кровать по стечению обстоятельств оказались теми же. Пока он повторно — с полумесячным перерывом — проходил курс восстановительной терапии, его в его отсутствии дружно «прокатали» на факультетском собрании.

Администрация университета, до сих пор в глаза называвшая Игоря Васильевича «нашей гордостью», задумчиво промолчала. Через месяц истек предыдущий пятилетний срок профессорства. Более всего он сожалел, что теперь с журналом придется «завязать»; причины этого Игорь Васильевич подробно объяснил в последнем номере, после чего он получил несколько приглашений для участия в многолетних грантах в солидной номинации «ведущего ученого отрасли» и прямые приглашения работы по контракту.

От грантов Игорь Васильевич не отказался, а из контрактных приглашений для обдумывания отобрал два: в США, университет штата Мэриленд и в казахскую Астану — Евразийский университет имени Л. Н. Гумилева. В первом предлагали сорок тысяч долларов, во втором — двадцать. Но в Мэриленд временно-постоянно и лететь

на самолете, чего Игорь Васильевич вполне серьезно теперь опасался. Конечно, взорвать «боинг» бывшие коллеги технически не смогут, но подложить полфунтика героина сумеют.

В Астану же, где все говорят на русском, еще можно проехать по железной дороге (шайтан-арба по местному) и, главное, вахтовым методом: всего два летних месяца в году. На том он и порешил; тем более, в Астане не было его бывших аспирантов и докторантов. И журнал обещали возродить.

...Факультету же «ненужных вещей», как его давно за глаза именовали в университете, повезло меньше. Оказывается, Игорь Васильевич, как и всякое бельмо на глазу, в определенном смысле был цементирующим, объединяющим всех в единой ненависти началом. Поэтому, как только экс-нобелиста вышибли, единое распалось на враждующие группировки, которые начали пожирать друг друга. В конце концов, это надоело университетскому начальству и стадо разогнали.

ПАПКА С ЗАЩЕЛКОЙ НА ТОРЦЕ

◆ Архитектор Ратмир Дмитриевич Челобанов с окончанием горбаческих времен работал на кафедре градостроительства Тулуповского технического университета. Еще в прошлом тысячелетии защитил в солидном московском вузе — с традиционным пятилетним перерывом — кандидатскую и докторскую диссертации; естественно, по архитектуре, хотя и прикладной, «коммунхозовской», как ее, то ли с юмором, а может, и с уважением, именовали «чистые» архитекторы, разрабатывающие нетиповые проекты. Но Челобанов всю жизнь, начиная с учебы в *МИСИ**, был градостроителем, жил и чувствовал большими строительными масштабами, двадцать лет проработав по этой специальности в Тулуповском проектно-архитектурно-строительном институте. Дорос до руководителя базового отдела, хотя и испытывал органическое отвращение к официальному начальствованию. Очень любил творческую работу. Даже став отдельским «бугром», редко бывал в своем крошечном кабинетике, почти все время проводя, как и прежде, за кульманом в правом ряду общего проектного зала второго этажа.

Это крайне не нравилось женщинам, стесняло их свободу поболтать друг с дружкой, посплетничать о любовницах начальников всех рангов, попить бесконечного чайку-кофейку с пирожными из учрежденческого буфета при столовой. Хотя Ратмир и свой в доску, но... он же начальник? Сам Челобанов похотывал:

— Девки! Да вы хоть стриптизом за своими кульманами занимаетесь, но на меня не коситесь: своя доука одолевает, никак привязка квартала «Н» к осевой линии микрорайона не получается!

Женщины улыбались, но... природа их брала все же свое: начальника следует опасаться. По жизненному уставу.

Из института в технический университет Ратмир Дмитриевич ушел сразу после спектакля *ГКЧП* по сочетанию двух причин. Понял, что наступает аминь плановому градостроительству, но главное — в свои сорок пять лет, назубок изучив практику дела, чувствовал в себе серьезный творческий потенциал, явно эту самую градостроительную практику перерос. Его потянуло к самостоятельному теоретизированию и обобщению своих мыслей и суждений.

Завкафедрой Леонид Максимович — а кто в узком архитектурном провинциальном мирке не знает друг друга? — Челобанова принял на работу с нескрываемым удовольствием:

* Московский инженерно-строительный институт. — Прим. авт.

— Ну-у, брат Ратмир, пора, пора тебе в науку. Как солидного практика берем на доцентскую должность, надбавку к нашей нищенской зарплате организуем. А раз пришел с уже готовой кандидатской, то через год защитишься. Опося и с докторской не буду препятствовать: «разведка» донесла, что начальствования пуще черта опасешься, меня не подсидишь! Поди плохо, два профессора на кафедре образуется. Рейтинг университетский, так сказать, поднимем в части нашей кафедры и факультета. Так что садись и пиши заявление. Как ректор завтра-послезавтра подпишет — приглашай в «Ханты-манси» на коньяк с закуской!

◆ Накануне малого юбилея Ратмира Дмитриевича, профессора кафедры градостроительства, именуемого в народе «бабьей пенсией», его зазвал с утра в свой кабинет Леонид Максимович. Был он в веселом настроении и как человек почти что искусства приветствовал коллегу и подчиненного неформально:

*Товарищ Сталин, вы большой ученый;
В языкознании, безусловно, корифей.
А я — простой советский заключенный,
Не коммунист и даже не еврей.*

Принимая правила шутиливой игры, Челобанов подхватил лейтмотив:

*Вчера мы хоронили двух марксистов
И тела их накрыли кумачом.
Один из них был левым уклонистом,
Другой, как оказалось, ни при чем.*

Оба ностальгически рассмеялись, вспомнив золотые времена позднего Брежнева с вечерними кухонными посиделками при молодых еще женах и анекдотах про руководителей партии и правительства под прорывающиеся через вой глушилок радиоголоса из-за кордона. И все это под хорошую закуску, болгарскую «Тамянку» и отечественную «Экстру», самолично настоянную на апельсиновых корочках...

— Слушай, Ратмир,— на правах старшего по возрасту и должности называя Челобанова по редкостному имени, посерьезнел Леонид Максимович,— тебе вот-вот стукнет пятьдесят пять. Юбилей не юбилей, середина на половинку, но надо и о себе, любимом, думать. Почетного работника высшего образования, с моей, конечно, подачи, к защите докторской и «полтиннику» тебе ректор выписал. Пора о Заслуженном архитекторе побеспокоиться...

При этих словах Леонид Максимович невольно скосил взгляд в сторону правого лацкана пиджака, куда он по табельным дням нацеплял своего Заслуженного.

— Кто же мне его даст? За такими цацками в универе, полагаю, очередь на две-три каппятилетки вперед!

— Правильно, Ратмир свет Дмитриевич, особенность национальной охоты за наградами понимаешь. Я сам-то, небось, знаешь от наших сплетниц-доцентш, получил по кумовству с бывшим проректором Цыпляевым. Успел-таки Вадимович мне Заслуженного организовать, прежде чем его вышибли с должности — не по чину взял, бедолага, а точнее, не поделился с кем надо. Закон общака забыл!

Нет, Ратмир, мне наемни подсказали один ход: бумаги оформлять не от университета, что есть дело тухлое, как ты правильно сказал, а от творческой общественной организации, что допускается законом о наградах, то есть от нашей областной организации Союза архитекторов, которую возглавляет, хм-хм, твой покорный слуга!

◆ Сложным путем заполучив из обладминистрации неряшливо отксеренную ко-

пию положения о почетных званиях, Ратмир Дмитриевич за пару дней подготовил все нужные бумаги. Особо в ходатайстве и сопроводительном письме он напирал на наиболее выигрышные стороны и успехи своей деятельности за последние пять лет, как того требовало положение: учебник по градостроительной архитектуре с грифом Минвуза, рекомендуящим его в качестве базового для инженерно-строительных университетов и факультетов, и первая премия за проект обустройства набережной реки Тулуповки, давшей название городу.— Только что в области сменилась администрация. Прежний губернатор дожидался суда за крупную взятку, а новый энергично взялся приводить в порядок исторически безалаберно застроенный и запущенный Тулуповск.

Леонид Максимович полистал пачку бумаг, вынул из ящика своего кабинетного стола паркер для подписей важных бумаг, поставил на нужных местах автографы и проштемпелевал их печатью Тулуповского отделения Союза архитекторов.

— Все! Сам не относи. Запутаешься в пропусках и не туда, куда надо, отдашь, а потом концов не сыщешь. В понедельник Лилия Семеновна идет в Белый дом и...

— А что, Леонид Максимович, до Белого дома, что в городе Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, можно пешком дойти?

— Что-что? А-а, извиняюсь, забыл, что не терпишь американизмов. Так вот, наша почтенная Семеновна в понедельник идет-плывет в облдминистрацию с заявкой на грант губернатора и закинет твои бумаги в департамент культуры. Она там все их тонкости знает, по-бабски пристанет и не отстанет, пока по всей официальной форме твое представление не зарегистрирует. Да не забудь бумаги в какую-нибудь папочку поприличнее упаковать.

Из ящика уже своего стола в преподавательской Челобанов достал папку любимого им фасона: черную пластиковую с торцом. До ста листов можно в такую папку вставить, надавив на выступающий из торца клапан-защелку и намертво закрепить пачку бумаг.

...Таких папок перед Новым годом, когда финчасть университета спешно избавлялась от сэкономленных сверх бюджетной меры денег, раскидала их по преподавателям — доцентам по десятке, профессорам аж по двадцать бумажек с видами города Ярославля. Ратмир Дмитриевич с таких внеплановых денег купил целую коробку: двадцать штук. Но расходовал их экономно.

Вставив и закрепив в папке бумаги представления на звание, чуть подумал, набрал на компьютере этикетку: «Челобанов Ратмир Дмитриевич. Заслуженный архитектор РФ» — и закатал ее на обложке папки полоской широкого скотча. Как истинный эстет, полюбовался ладненькой, толстененькой папкой, вздохнул и отправился в комнату Лидии Семеновны. Почтенная пятидесятишестилетняя доцентша без ученой степени уже не первый десяток лет де-факто технически руководила кафедрой — от воспитания разгильдяев-студентов и аспирантов до подготовки расписания занятий на очередной семестр и выполнения самых ответственных поручений вне университета. Леонид Максимович в душе молился на нее и жил в свое удовольствие, как за каменной стеной, отгородившей его от всех хлопот и докуч вузовской бессмыслицы. Лидия Семеновна лично разбирала и разруливала даже факты прелюбодеяния и пьянства в рабочее время, не доводя до греха и высшего начальства.

...Многие студенты-первокурсники, еще слабо понимая вузовскую иерархию, серьезно считали ее завкафедрой.

Особенно Лидия Семеновна любила ходить с поручениями в облдминистрацию, где она знала хорошо всех чертей: ее отец, ныне пенсионер на покое, в советское время возглавлял в обкоме строительный отдел.

Лилия Семеновна всегда была в курсе всех дел, даже если последние еще не оз-

вучивались. Она приняла папку от профессора без вопросов, но попросила сходить в буфет за шоколадкой рублей за шестьдесят:

— ...Только, Ратмир Дмитриевич, без всяких там орешков, изюма и воздушных пузырьков. И не импортную, бабаевскую лучше. У делопроизводительницы культурного департамента долгожданный внук родился, поздравить надо! С пользой для вашего же дела, конечно.

◆ Ратмир Дмитриевич вырос в офицерской семье и с ясельных пеленок был воспитан в убеждении: все в мире подчиняется четкому уставу, внутренней и внешней дисциплине, а любое отступление суть разгильдяйство и подлежит наказанию с целью исправления.

За широкой спиной Леонида Максимовича и хозяйской опекой кафедры Лидией Семеновной Челобанов абсолютно потерял представление о реалиях современной жизни, тем более — нынешнего чиновного мира. Поэтому все дальнейшее, происходившее с его ходатайством на Заслуженного архитектора, воспринимал как некий кошмарный сон*, как воплощенную в жизнь картину великого испанца «Сон разума порождает чудовищ». И еще он постоянно держал в памяти слова своего дальнего родственника Прокофьяча, проживавшего в бывшем шахтерском пригороде и прославившегося на весь Тулоуповск выигранной к районной администрации тяжбой в части налога на домашнего кота Мичмана: «Ты, Дмитрич, сейчас все воспринимай всерьез, хотя и имеешь дело с полным идиотизмом. Кстати, настоящий сумасшедший в житейском общении очень даже приличный человек. Только больше двух стопок самогонки ему наливать не следует. А вот если читаешь официальную бумагу, тот же ответ тебе от чиновников, не думай, что тебя разыгрывают или насмеются. Нет, они люди подневольные, и если им сказано: не пущать, то и не пустят куда тебе хочется. Переубедить их невозможно: ты им человеческим языком, а они параграфом и статьей. Эх-х, разбаловала нас советская власть!»

...Все последующие пять лет, почти до уже настоящего, шестидесятилетнего юбилея, раз в полгода, как в бесконечном дежавю, повторялся один и тот же сценарий. Лидия Семеновна, разбирая кафедральную почту, опытным взглядом сразу откладывала в сторону бандероль, адресованную Леониду Максимовичу, но не как заведующей кафедрой, а ответственному секретарю Тулоуповской первички Союза архитекторов.

Даже не показывая толстенький конверт писчего формата шефу, она с дежурно-соболезнующим выражением доброго своего лица вручала бандероль Челобанову.

В конверте находились неряшливо собранные в пачку его документы на Заслуженного: все измятые, в пятнах от кофейных и пирожных следов, с неразборчивыми карандашными подчеркиваниями, перечеркиваниями и пометками. Родной черной пластиковой папки с торцевой защелкой не было, а листы разных документов заявки перепутаны и даже не соединены канцелярскими скрепками.

К пачке возвращенных бумаг, пышно именуемым «пакетом наградных документов», прилагалось сопроводительное письмо департамента культуры, написанное обычным канцелярским языком и за подписью директора департамента.

«Сопроводилровка» писалась по шаблону со ссылками на нужные статьи, разделы и пункты положения, регламентирующего представления к почетным званиям. Однако отказные обоснования первые три года в основном напирали на «технические и орфографические ошибки», но какие — конкретно не указывалось. Пришлось к очередному Женскому дню посылать Лидию Семеновну с приличным тортом и коробкой бабаевских конфет к знакомой ей делопроизводительнице департамента. Вернувшись, она растолковала малопонятливому профессору, что сейчас в обиходе американская орфография в написании многословных имен собственных: все слова пи-

* «Жизнь как сон» — самая таинственная пьеса Кальдерона. — Прим. авт.

шутся с заглавной буквы, а не одно лишь первое слово, как доселе было принято в русском языке. Ратмир Дмитриевич помнил со школьных уроков: исключения, то есть написание всех слов с большой буквы, допускается только для названий государств, расшифровки аббревиатуры *КПС* и еще нескольких имен собственных. Выходит, явочным порядком наша орфография изменилась...

◆ Когда Челобанов освоил новую грамматику и стал посылать в администрацию Лидию Семеновну с правильной терминологией и орфографией, то содержание отказных писем изменилось. Теперь напирали на пункт 16 раздела II главы I «Порядка представления...», а именно: ходатайство возбуждается по месту основной работы, коей у гр. Челобанова является Тулуповский технический университет.

Удар получался ниже пояса. Сколько ни пытался Ратмир Дмитриевич в очередных сопроводительных письмах в департамент человеческим языком объяснить, что искомое им звание — творческое, а технический университет в отличие от Союза архитекторов не есть творческая организация, а потому пункт 16 раздела II главы I здесь не следует толковать формально, но через положенные полгода его бумаги (без папки) возвращались с сопроводительной уже сугубо стандартного содержания: про пункт, раздел и главу.

Уже в нижнем ящике стола Ратмира Дмитриевича оставались только две заветные папки в оригинальной торцевой защелкой; уже в университете сменился ректор, а в администрации — губернатор со всеми его замами и «вице»; уже Лидия Семеновна прикидывала, как лучше организовать на кафедре чествование профессора Челобанова в его шестидесятилетие... Но здесь переписку Ратмира Дмитриевича с губернской властью решительно прервал Леонид Максимович:

— Давай, Дмитрич, завязывай с этим безнадежным делом. Плетью обуха не перешибить. На меня уже косо ректоратские смотрят. Делай как другие: становись в негласную университетскую очередь и к семидесятилетию получишь своего Заслуженного. Как говорится, все удовольствие не в обретении желаемого, а в пути-достижении его!

Ратмир Дмитриевич манией величия и отчаянным лавролюбием не страдал, потому с охотой и облегчением от докучки освободился. А чтобы подсластить пилюлю, к юбилею подчиненного Леонид Максимович выхлопотал ему Почетную грамоту Министерства культуры. И самопальный орден «Ле Корбюзье» от Союза архитекторов. Такие медали и ордена на любой вкус наловчились штамповать предприимчивые ребята из Одессы, организовавшие наградное *ООО* на базе выкупленного цеха в Пензе, где в советское время специализировались на знаках госнаград. Но более всего Ратмира Дмитриевича порадовала очень даже приличная премия из ректорского фонда.

◆ После юбилея Челобанов напрочь забыл о пятилетних мытарствах, с головой уйдя в работу над монографией по всемирной истории градостроительства архитектуры, которую планировал издать в Москве и — на немецком или английском языке — в Германии, где веселые ребята из Одессы создали издательство для бывших соотечественников.

Надо сказать, Ратмир Дмитриевич не отказывался от участия во всяких университетских советах и комиссиях — в порядке общественной нагрузки и поощрительной оплаты. Поэтому не удивился, когда, предварительно созвонившись, на кафедру пришел председатель совета молодых ученых Земнухин:

— Ратмир Дмитриевич! Выручайте. Мы сейчас подводим итоги конкурса на звание лучших аспирантов и студентов по научной работе. По вашу душу пяток работ с экономического факультета, как-то касающихся строительного дела. Не считите за труд, кстати, оплачиваемый, увы, по известным расценкам, отвести часок времени: просмотреть по диагонали, резюме написать в пяток строк и поставить баллы. Не очень обременю?

— Ладно. Завтра с утра займусь, а после обеда заберете.

Занятый главой монографии о советском конструктивизме двадцатых годов, Ратмир Дмитриевич даже не взглянул на стопку бумаг в разноцветных пачках, положенных Земнухиным на подоконник окна, рядом со столом профессора.

Наутро, как человек дисциплинированный и обязательный даже в мелочах, Ратмир Дмитриевич переложил студенческие работы на стол, начал было перебирать... и вздрогнул, увидев папку любимого фасона: черную с защелкой на торце. Раскрыл и увидел, вторично вздрогнув, фамилию студентки Коровкиной Екатерины Анатольевны, пятый курс экономического факультета. Именно такую фамилию имеет заведомо департамента культуры, которая, по словам всезнающей Лидии Семеновны, все эти пять лет отфутболивала его бумаги. Директор же департамента только подмахивал сопроводилки. Более того, почтенная доцентша, проведя углубленную разведку через делопроизводительницу департамента, несколько месяцев назад раскопала и доложила Челобанову причины немилости Коровкиной. Оказывается, еще на заре своей педагогической деятельности, будучи еще «холодным» доцентом, он с двух заходов еле-еле, поддавшись на злые девичьи слезы, поставил «тройбан» с двумя минусами дочери этой самой административной дамы Коровкиной.

Естественно, сам Ратмир Дмитриевич этого не помнил, тем более что по данным Лидии Семеновны дочурка была замужем и шла в университете под другой фамилией... Да-а, бабы таких унижений не прощают. Впрочем, теперь эту канитель с «Заслуженным» он выбросил из головы напрочь.

И вот опять эта Коровкина? Может однофамилица? Ратмир Дмитриевич закрыл папку, задумчиво повертел ее в руках и... не то что вздрогнул, но похолодел: на обратной стороне папки на наклеенной в правом нижнем углу торговой бумажной этикетки он увидел свою подпись! Сразу вспомнил: когда укладывал бумаги в очередную новую папку, готовясь послать Лидию Семеновну в «белдом» в предпоследний раз, к его столу подошел доцент Семенов и попросил поставить автограф на рецензии его статьи. Дело обычное, но ручка Челобанова, явно китайской подделки под корейскую гелевую, забастовала. Не найдя на своем аккуратно содержимом столе бросовой бумажки, он, увидев этикетку на папке, пару раз черкнул по ней и по инерции здесь же и расписался. Ручка «пошла», подпись получил и доцент Семенов.

◆ Дело приобретало детективный сюжет. В Челобанове пробудился азарт дознавателя. Набрал номер телефона Земнухина и поинтересовался, вроде как по делу, конкурсной работой студентки Коровкиной. Дескать, можно одобрить, но и застопорить также не сложно.

— Лучше одобрить, Ратмир Дмитриевич,— сразу проявил интерес Земнухин,— эта Катька — девица зловредная, прилипчивая и кляузная. Да и племянница какой-то деятельности и облминистрации — по мужу ее племянница. Фамилия поэтому у них одинаковая. Вы, конечно, Ратмир Дмитриевич, абсолютно вольны в своем решении, но мне приходится иногда бывать в тех местах, кланчить деньги на поощрение молодых ученых... Ну-у, словом, понимаете. А что вас заинтересовало в ее работе?

— А ничего, брат Земнухин, по содержанию, папка заинтересовала, люблю такие папки, очень удобные.

На другом конце провода облегченно рассмеялись:

— Так возьмите ее себе! А бумаги Катькины в обычный файл вставьте. Кстати, она уже не в первый раз заявы свои, с интернета распечатанные, мне приносит. И всегда в таких же папках!

...Через неделю, получив зарплату, Челобанов зашел в недалекий от его корпуса магазин учебной книги и канцтоваров «Знание — сила». К его радости продавщица отыскала в подсобке коробку с двадцатью черными папками любимого фасона. Де-

сять штук он сразу определил в дело: под десять же глав историко-архитектурной монографии. Второй десяток — без сопроводиловки — упаковал в бандероль без обратного адреса, написал адрес и фамилию Коровкиной и самолично сходил на почту и отправил.

...Еще через полгода услышал от Лидии Семеновны новость: Коровкина теперь останется без повышенной пенсии госслужащей, до которой ей оставалось чуть побольше года работы. Попалась на женской алчности: к юбилею первого вице-губернатора ей поручили купить подарок от департамента: швейцарские часы тысяч за шестьдесят. Простенько и со вкусом. Она же скрысятничала, купив китайскую подделку за четыре «штуки», подделала чек, а разницу, ничтоже сумняшеся, пустила на домашние хознужды.

Уже который год подсигивающая ее заместительница вскрыла подлог и донесла до верхнего начальства. Чтобы не выносить сор из «белой» избы, Коровкину вовсе не уводили, а вывели из ранга госслужащих и перевели в Замостовскую районную администрацию курьером почтовой экспедиции.

Последний же в городе книжный магазин «Знание — сила» к Новому году закрыли из-за нерентабельности, помещению задали евроремонт и сдали в аренду магазину «Отличный» — одежда и обувь по умеренным ценам.

КУВАЛДОМЕТР, ИЛИ ЗИМНЯЯ СКАЗКА

◆ Как-то в зимний субботний день к Прокофьючу с Тихоновной и, конечно, к освобожденному от налога на ловлю мышей коту Мичману нагрянули без предварающего звонка гости: дочь Вера с мужем Витьком и одной из дочерей-школьниц, а также со старшим братом Виктора профессором Игорем Васильевичем. Приехали на «лендровере» младшего брательника с гостинцами, ночевкой и завтрашним катаньем на лыжах, которые все родичи хозяев постоянно держали в заверандной кладовке без отопления.

Игорь Васильевич, с некоторой досадой оторвавшись от своих ученых упражнений, поехал на загородный пикник по настоянию супруги: для здоровья и социального оптимизма.

Приехали уже темным вечером и сразу приступили к делам. Тихоновна с Верой занялись ужином высокого класса — из домашних и привезенных запасов. Внучка затешкала Мичмана, а тот радостно носился за ней по комнатам и веранде дома. Прокофьюч нашел достойного себе собеседника в лице профессора: оба с увлечением и комментариями рассматривали староизданные книги с пепелища бывшей поселковой библиотеки. И хотя Тихоновна внесла в «диванную» этак по-барски малый жостовский поднос с графинчиком особо очищенной и настоящей на смородиновых почках, парой рюмок и тонко нарезанным домашним окороком — заморить червячка перед ужином, но оба истинных библиофила к угощению даже не притронулись, восхищаясь прекрасно переплетенным прижизненным изданием морских рассказов Станюковича. Витек же расчистил от снега широкую дорожку от ворот к сараю, загнал машину, укрыл ее от расходящегося к ночи мягкого, пушистого снега полиэтиленовой пленкой, что летом шла на теплицу, задумался: что еще сделать по хозяйству?

Сообразив, заскочил, не раздеваясь, в дом, далее в «диванную», подмигнул мужикам, колдующим над старой, пахнувшей заварным кремом книгой, одну за другой хлопнут пару стопок очищенной, зажевал бутербродом с домашним окороком, выскочил из дома. Покурил, наслаждаясь наполняющим желудок теплом, затем принялся расчищать дорожки вокруг дома и сарая — пока Тихоновна не позвала с крыльца зятя ужинать.

Собрались по-праздничному в гостиной комнате за овальным столом со скатертью. Мичман вспрыгнул на колени внучки-десятиклассницы и весь вечер сидел там, периодически сладко урча, засыпая под людской говор и вновь просыпаясь. Зря говорят, что коты сугубые индивидуалисты. Тем более — домашние, хозяйские. Они просто не любят, чтобы их брали на руки без их желания, а так они со вниманием слушают человеческую речь и усаживаются так, чтобы постоянно видеть всех присутствующих.

Утолив первый голод, поговорили о завтрашней пробежке «молодых», то есть всех кроме хозяев, включая Мичмана, а затем перешли к занятым зимним историям — в контексте со сказочным январским вечером. Дошла очередь и до Игоря Васильевича.

◆ — Хм-м, и у меня такая вот зимняя сказка приключилась: и время то же самое, сразу после старого Нового года, и погода такая же, морозец в меру, снежок пушистый падает-кружится... Только было мне на двадцать лет поменьше.

Я тогда уволился с *НПО «Меткость»*, поскольку докторская диссертация не то что готова была, но уже отпечатана, внедрена и так далее — по всей полной бюрократии. Академик же Гусаков, генеральный конструктор и начальник «Меткости» меня не знал, да и тема диссера никак не вписывалась в работы *НПО*. Словом, никто мне бумагу-направление на защиту, что тогда строго требовалось, не даст.

Но куда идти? Время-то собачье-волчье, девяностый год, горбачевщина-гайдаровщина, всюду лицемерные эти сокращения. Но, видно, господь бог меня опекает понемногу. Случайно узнал от общих знакомых, что Дмитрий Алексеевич, мой бывший начальник в *ЦКБ* агрегатостроения, где я трудился перед уходом в «Меткость», организовал самостоятельный информационно-аналитический центр при одном из департаментов областной администрации.

В *ЦКБ* же, куда я попал по распределению после политеха, по третьему году работы организовал отдел по разработке собственных микросхем для военной аппаратуры, так называемых микросхем специального, или частного, применения. Меня, как еще с политеха имевшего подготовку по микроэлектронике, назначили руководителем группы конструкторов-топологов по проектированию микросхем, а Дмитрия Алексеевича, только перешедшего к нам из радиолокационного НИИ, что в Пореченской стороне города, — начальником сектора, в который вошли топологи и химики-технологии. Так мы и трудились вместе лет пять.

Затем начался большой отток специалистов на более высокую зарплату в самую престижную в городе «Меткость», где начались работы по созданию ныне всемирно знаменитого ракетно-пушечного зенитного комплекса «Панцирь». И я примкнул к этому оттоку.

Дмитрий же Алексеевич проработал в *ЦКБ* еще лет десять, стал там вторым по должности человеком, но в конце горбачевщины наверх полезли люди нового склада мышления. Дмитрия Алексеевича, как человека трудолюбивого и добропорядочного, мигом «подсидели» и принудили уйти из *ЦКБ*. Хорошо, в те начальные годы перепрофилирования всего уклада жизни у власти еще пока держались порядочные люди прежнего закала, хорошо знавшие деловые качества Дмитрия Алексеевича. Они и помогли создать ему Центр, который он в короткие сроки умудрился сделать образцовым и ведущим по всероссийским меркам. А ведь такие центры директивно были созданы во всех областных городах с функциями вроде как крохотные конторы-машбюро, где с десяток девушек набирали бы тексты докладов и отчетов для департаментских боссов...

◆ Дмитрий Алексеевич, пышно теперь именовавшийся гендиректором, встретил радушно, мигом понял, что мне от него нужно, вызвал секретаршу и продиктовал

приказ о моем зачислении в штат с должностью ведущего конструктора — со среднестатистической приличной зарплатой:

— Вот, что, Васильич! Я так понял, у тебя все готово, а для сбора всяких бесчисленных бумаг, согласований и прочей мутатени наступающую осень и зиму будешь мотаться в Москву, а в начале следующего лета защитишься. Я все понимаю и приветствую, чем могу — помогу. Командировки любые подпишу. Заодно иногда и наши бумаги кой-куда станешь закидывать. Мы вот сейчас подвязались к Чернобыльскому регистру, а правит здесь всем Москва. Ну, это к слову.

Параллельно же с твоей основной заботой присматривайся к нашим делам, ищи, так сказать, будущий фронт своих работ. И я тебя время от времени начну привлекать по отдельным вопросам, где ты силен. Договорились?

Так все и пошло своим чередом. Весьма успешно пошло. Раз в неделю-две тряся на электричке в Москву, где бегал по корпусам Московского авиационного института: подписывал нужные бумаги, выступал с докладами по теме диссера на ведущей кафедре, где был оформлен соискателем, что-то доказывал, убеждал, дружески обедал с нужными людьми. И торопился на Каланчевку, чтобы успеть на последнюю, идущую в ночь электричку. По улицам столицы старался не ходить: тягостное зрелище. Все тротуары того же Волоколамского шоссе, где расположились корпуса *МАИ*, сплошь заполнены жмущимися к стенам домов стариками, пытающимися продать совершенно невообразимое: старые калоши, дырявые шерстяные носки, траченные мошью пальто рабфаковских времен. Вот она, гайдарономика, в действии...

Один любопытный момент, связанный с выполнением поручения Дмитрия Алексеевича.

Накануне очередной моей поездки, подписывая командировку, тот попросил выбрать в Москве пару часов и встретиться по делам Чернобыльского регистра с главврачом психиатрической больницы имени Сербского:

— Вот тебе ее координаты. Она в курсе. Передашь ей все эти бумаги и запиши ее комментарии и пожелания. Созвонись сегодня; она человек занятой.— Но в курсе наших дел и хочет сотрудничать.

Я дозвонился, спросил, как подъехать к Сербского. В ответ в трубке послышался смех: «Что вы! Это же тюрьма, туда особое разрешение для входа требуется. Мы со сторонними коллегами встречаемся в обычной поликлинике на Тверском бульваре. Так что туда и приезжайте завтра в двум часам».

...Встретились, поговорили, а через пару месяцев в газете увидел ее фото: новый министр здравоохранения. Еще разные истории случались, но давайте ближе к зимней сказке.

◆ Так вот, в такой же прекрасный зимний день, как сегодня, сидел я за своим рабочим столом и выверял отпечатанный текст автореферата диссертации. Уже договорился размножить его в ста положенных экземплярах на департаментском ротопринте, что размещался этажом выше. На машине работали два пожилых, понятливых отставника, а пару бутылок «за труды» я им уже передал перед праздником старого Нового года. Солнце зимнее еще не взошло, за окнами — серая блесткость выпавшего за ночь снега. В комнату вошел очень озабоченный начальник:

— Пойдем-ка, Васильич, ко мне в кабинет. Разговор есть.

А в кабинете продолжил:

— Слушай, у тебя ведь дача, как и у меня, в Шутино и на третьем участке?

— Да у меня, Дмитрий Алексеевич, не дача, а голый участок. В лучшие времена не успел, не сообразил, а сейчас и на собачью будку деньги два года копить нужно...

— Неважно, все равно заодно посмотришь на свой участок зимой. Тут дело в другом. Я-то успел, еще будучи начальником в *ЦКБ*, дом в двух уровнях сгломозить,

сарай бетонный. Вот в нем-то все и дело. Позвонил вчера под ночь сосед-пенсионер, то есть его дача через два участка от моего. Ездил он посмотреть что да как и говорит: у тебя стальная дверь сарая напрочь вывернута, на одном болте кособочится. А у меня в сарае-то про запас почти два куба строганных досок высшего сорта, мешки с цементом и прочий стройматериал, представляешь? Вдруг все сперли? Сосед побожился заглядывать. В любом случае надо срочно ехать, дверь ремонтировать. Одному сложно будет, так что по-соседски выручай! Был бы Генка за рулем, мы бы вдвоем управились, но он сегодня в отгуле. А Валерка молод и хлипок, на него полагаться нельзя. Поехали!

Поехали на приписанном к Центру медицинской окраски «рафике». За рулем подменный водитель Валерка, девятнадцатилетний парень с несколько слабым... ну, скажем, воображением. На полу салона машины здоровенная кувалда и другой инструмент для ремонта сарайной двери из почти что броневой плиты. — В ЦКБ, как заведении военно-промышленного профиля веников не вязали...

Проехали через весь город, а далее километров тридцать по московской дороге. Затем свернули на еле заметную под ночным снегом колею грунтовки, долго петляли мимо пустых зимой сезонных коровников, хлевов без дверей. Кругом и впереди ни души. Жизнь здесь замерла до весны.

Валерка, разумеется, дороги не знал, но ее даже под снегом четко угадывал начальник, поднаторев в этом при перевозке стройматериалов для дачи. Несколько раз «рафик» отчаянно буксовал в снегу. Приходилось мне и Дмитрию Алексеевичу брать в руки рачительно припасенные лопаты. Еще с полчаса переползание с бугра на бугор под снегом, и машина вышла невысокий берег речки, опоясывавший знакомый мне третий участок дачного кооператива, что расположился на другом, полном берегу.

Дмитрий Алексеевич на пальцах начал разъяснять шоферу, как спуститься к замерзшей до дна речке по замеченному снегом летнему грунтовому серпантину. Валерка тронул «рафик», но увяз на первом же развороте на сто восемьдесят градусов. Вместо того чтобы предложить всем выйти с лопатами, он дал полный, долгий газ. За боковым окном взметнулся выбрасываемый колесами белый вихрь, который вдруг сменился грязно-серым, после чего мотор резко заглох. Валерка обернулся с плачущим лицом: «Все, Дмитрий Алексеевич, диски сцепления полетели! Что делать?»

Начальник махнул рукой, дескать, что с малолетнего идиота возьмешь, и пояснил мне, как полному профану в автомобильном деле, что такой ремонт делается только в автомастерской, а ближайшая из таких только... в городе. Да и то, если там найдутся диски для «рафика», что маловероятно, ибо Латвия с ее *RAF* уже самостоятельное государство с выраженной враждебностью к нашему ошипанному по краям отечеству...

◆ Попинав снег около передних колес, зачерненный пятнами сгоревших металлических крошек, Дмитрий Алексеевич озвучил диспозицию:

— Ты, Валера, дуй по следу машины, пока снег снова не пошел, назад до трассы, там как раз автобусная остановка. На тебе деньги, сядешь на первый же рейсовый проходящий, доедешь до города и позвони Клейману: объясни ситуацию; пусть придет грузовик — дорогу он знает — и едет сюда, тащить «рафик» в город. Если до темноты не успеешь, пусть завтра с утра. А мы с тобой, Васильич, заберем инструмент и пойдем вниз, на дачу. Будем работать, а машину никто не тронет, ни души вокруг. С дачи, хоть и за километр, но на горке она нам будет видна... Дальше решим по обстоятельствам.

— А по мобильнику почему не позвонили? — встрепенулась внучка, невнимательно слушавшая неинтересный ей рассказ дяди-профессора, поглаживая разомлевшего на ее коленях Мичмана за ушками.

Витек рассмеялся:

— В те времена, дочь, мобильник стоил дороже «воли» и даже не у всех знатных воров и бандитов имелся. Ну-у, и дальше что с машиной сделали? — Его, как автомобилиста, рассказ старшего брательника очень заинтересовал.

— А дальше Валерка потопал сложным путем звать на выручку нашего завхоза Клеймана. Я взвалил на плечо этот самый здоровенный кувалдометр весом поболее полупуда, начальник взял мешок с инструментом — и двинулись. В направлении кооператива и далее — к основательной даче Дмитрия Алексеевича.

К счастью, из сарая похитители забрали только... пустые бутылки из-под водки. Сам начальник вообще никогда не пил, но потчевал строителей дачи. Все собирался выбросить, да так и не собрался. Недосуг. Из чего мы с ним решили: сарай «откупирили» алкаши с ближнего железнодорожного поселка. Стройматериалы их не интересовали: хлопотно реализовать и тяжело нести на виду.

Тем не менее, сборщики обменной стеклотары имели при себе лом-фомку и дверь из стальной плиты выворотили основательно, так что мы с Дмитрием Алексеевичем, поочередно или в пару работая почти пудовым «кувалдометром», ручной дрелью с победитовым сверлом, молотком, клещами и слесарной ножовкой по металлу, провозились часов до трех пополудни. Хорошо, в хозяйстве начальника нашелся и амбарный замок на место развороченного воровской фомкой.

В холодном доме пообедали захваченными тормозками. Еще с час подождали, выходя на пригорок дачной улицы посмотреть на еле видный отсюда замерший «рафик» на склоне высокого речного берега. Нигде ни души, только из лаза в дом ближней дачи вылезла полосатая кошечка, приветливо посмотрела на людей, но от остатков тормозков вежливо отказалась. Дмитрий Алексеевич пояснил, что хозяин Мурки, тот, что и позвонил ему о взломе сарая, приезжает сюда раз в три дня — для здоровья и охраны, топит печку, грея сразу обед, себя и Мурку, что в прошлом году к нему прибилась, оставляя ей в протопленной кухне еду и питье.

Начало темнеть, а с темнотой полетели редкие пушистые снежинки. Надо было что-то решать. Решает же начальник:

— Давай, Васильич, маршируй на станцию, дорогу знаешь. Как раз — с запасом времени — успеешь на семичасовую электричку. Домой приедешь — позвони Клейману, вот тебе на бумажке его домашний. Объясни, что да как, если Валерка не успел еще. Скажи: я еще пару часов здесь побуду, дойду до машины, проверю — закрыты ли двери на замок, а потом тоже двину на станцию на девятичасовую. И еще, прихвати кувалду. Я ее у знакомого до завтра взял — на работу утром и принесешь. Заодно здесь в лесу ею от волков отбиваться будешь, ха-ха! Да... истинно смех сквозь слезы, втянул тебя в авантюру. Правильно ты говорил: надо было на электричке ехать.

◆ Взвалив кувалду на плечо, пошел по дачной улице, вверх к лесу вдоль железной дороги. Напротив водонапорной башни взглянул влево на свой участок — ровный заснеженный квадрат. Вошел в лес и, свернув направо, взял курс на станцию. По договоренности со станционным начальством дорога в лесу зимой расчищалась бульдозером со скребком, а свежего снега небо подсыпало всего на несколько сантиметров, так что идти одно удовольствие. Даже с «кувалдометром» на плече.

Еще не совсем стемнело, через редкую лесополосу пробивался свет путейских фонарей, усилившийся прожекторами часто проносившихся товарняков и московских пассажирских поездов курского направления. Да еще почти полная луна высвечивала лесную дорогу сквозь медленно падающие лохматые снежинки.

Настоящая зимняя новогодняя сказка, хотя с ночи троицы «куранты — президент — оливье» прошло уже две с половиной недели. Жаль даже, что ни единого встречного-поперечного за всю дорогу длиной два с гаком километра. Наверное, ди-

ко бы смотрелся: в ранневечерней темноте под рассеянным, матовым лунным светом в одиночку идет человек в обычной городской одежде со здоровенной кувалдой на плече. Если встречный робкого десятка, на всякий случай свернет в лес переждать...

Но вот дорога раздвоилась. Мне налево к уже видной, ярко освещенной станции с вокзальчиком и бетонными платформами с перилами-ограждениями. Поскольку морозец к ночи крепчал, с четверть часа, ожидая электричку, просидел на вокзальной лавке. Был понедельник, потому в зале ожидали электрички в оба конца редкие дачники сразу из трех окрестных кооперативов и загостившиеся в выходные у поселковых родичей. Те и другие с некоторым недоумением смотрели на мою кувалду. Причем чувствовалось — смотрели с различных позиций. Дачники на кувалду, рабочий инструмент, глядели одобрительно, но их смущал мой не дачный, а гражданский фасон одежды. Праздник же, загостившийся народ, наоборот, приветствовал городскую форму одежды, но не понимал: каким образом кувалда стала принадлежностью «национального костюма»?

Кстати, от моего тормозка оставалась полулитровая банка гречневой каши с кусочками курицы, которую мы с начальником есть не стали — бутербродов хватило. Банку эту я нес в пакете, по-деревенски надетом на ручку кувалды, за спиной. Бодрая прогулка по сказочному лесу в начинающем звенеть морозце вдругорядь расстрожила аппетит. Поскольку личную ложку оставил в рабочем столе, то ел с ладони, вытряхивая из банки рассыпчатое вкусное, хотя и холодное, едо.

Дачники все понимали, смотрели одобрительно, а о чем задумались загостившиеся? Наверное, об ужине с парой стопок казенной или очищенной, навряд ли твоей, Прокофьевич, что ждали их дома...

◆ По станционному радио объявили о прибытии московской электрички. Народ потянулся на перрон; я с кувалдой тоже. Тогда электрички из Москвы еще соответствовали советскому образцу 70—80-х годов: «длинная, зеленая, пахнет колбасой», но люди несколько изменились. Конечно, по-прежнему большая часть их везла продовольствие, но не менее заметной была и группа, затаренная всевозможными коробками с иностранными надписями. Среди них выделялись крепкие, крупнотелые бабы с большими сумками в мелкую калейдоскопическую клетку, явно набитые мягкой торговой рухлядью и коробками с обувью. Их отличал неуместный для середины зимы загар, разговор друг с другом о диковинных тогда загранпаспортах, о Турции... Главное, верхняя одежда на них смотрелась как седло на корове: вроде импорт, платьишко даже на вечерние смахивают, но явно не для электрички и несколько не хватает по размеру для их мясистых округлостей...

По вечернему времени свободных мест хватало. Сел, поставив кувалду на пол между ног, оперся ладонями и подбородком на конец рукояти, даже чуть прикорнул в вагонном духмяном тепле после морозного перрона.

Захотелось курить. Оставив кувалду, вышел в тамбур, достал трубку, набил табак, что носил с собой в кожаной табакерке, задымил. Тогда сигареты и папиросы напрочь исчезли из продажи; по талонам совершеннолетним продавали две-три пачки на месяц. Ходили слухи: по гайдаровскому вредительству все табачные фабрики страны одновременно закрыли на капремонт. Курящий народ перешел на самокрутки, козьи ножки и трубки. Отец наш с Витьком еще с военных лет курил трубку; одну из своей небольшой коллекции презентовал мне. Вполне приличный листовой табак продавался на рынках. Я его досушивал над кухонной плитой, мелко резал на узкие полоски.

Не успел сделать пару-тройку затяжек, как в тамбур со стороны соседнего вагона вошли милицкий сержант и железнодорожный контролер. Оба, как и многие мелкие чины в те годы, уверенно навеселе.

— О! Смотрите, курит в общественном транспорте, явно хочет гражданин уплатить за штраф, да?

Я бы и заплатил, чтобы не связываться, но все немногие рубли, что имелись в кармане, ушли на билет. Объяснил: еду с дачи, денег нет, на даче работал, да еще по морозу два километра шагал, устал, вот и закурил. И так далее. Показал кондуктору билет и вернулся в вагон на свое место. Снова оперся на кувалду. Сержант с кондуктором устремились за мной.

— А-а это что?

— Кувалда,— коротко ответил я сержанту.

— Зачем?

— Я же говорю, что на даче работал,— и для убедительности приподнял кувалду на полметра от пола и вновь опустил.

Милиционер со спутником переглянулись, потоптались, опасливо поглядывая на «кувалдометр», и прошли дальше по вагону.

◆ И в городском троллейбусе народ опасливо расступался около моего сиденья, но уже тянуло в настоящий сон, потому внимания не обращал. Дома, не раздеваясь, позвонил Клейману. Тот ответил, что Валерка уже оповестил, и он принимает *меры* на завтрашнее утро. Через пару часов, разбудив меня, уже спящего, отзвонился и Дмитрий Алексеевич: прибыл домой, чем, Васильич, и докладываюсь! Вот и вся зимняя сказка со взломанным сараем.

— А я думаю так,— вступил на правах хозяина Прокофьич,— баловство все эти дачи. В доме надобно жить постоянно. От отсутствия хозяина самый что ни на есть распрекрасно выстроенный особняк, двухэтажная дача, новомодный коттедж быстро рушатся. Или разворовываются и поджигаются. Такая вот, как Васильич любит говорить, диалектика.

Дом без постоянного хозяина и без кота в особенности, что конура без собаки: стоит под солнцем или под дождем, тоску наводит, бродячих псов приманивает.

При этих словах хозяина Мичман недовольно поморщился, покрутил круглой своей головой и с колен внучки с обидой посмотрел на Прокофьича: какие, мол, ему собаки, да еще бродячие шелудивые понадобились? Но Прокофьич успокоил кота кивком головы: не будем мы, брат Мичман, никаких собак заводить, даже этих... новомодных по десять тысяч долларов за пару ушей. Или за один куцый хвост. Кому как нравится.

— Э-э, нет, батя,— вступился Витек,— сейчас времена другие настали. Я, конечно, не большой сторонник современного нашего капитализма с чиновничье-воровской мордой, но то, что человек может заработать честным способом деньги и иметь квартиру и загородный дом — это хорошо. А то, что не все стопроцентно могут себе такое позволить — есть реальность жизни.

— Не реальность, брат ты мой младший,— усмехнулся Игорь Васильевич,— а действие закона Архимеда о сообщающихся сосудах: сколько прибыло, столько в соседнем сосуде убыло. Как говорят в твоих офисно-торговых, а по-русски спекулятивных кругах: на всех бананов не хватит. В смысле, если жить банановой торговлей.

— Так-то оно так, Игореха, но не мы над собой власть ставим, а она нас расставляет по местам. Видишь, профессор, от тебя философствовать научился! Я смотрю, теща моя дорогая пошла чай заваривать и торт резать. А Прокофьич раскошегарил свой АГВ под сорокаградусный! Пошли-ка на крыльцо, охолонемся перед чаем. На погоды здешние посмотрим: какой мазью завтра лыжи ваксить.

Накинув на плечи пальто и куртки (Прокофьич — хозяйственную телогрейку), вышли через холодную веранду на широкое крыльцо под навесом. Мичман ничего не накидывал, только распушил шерсть и особенно хвост и последовал за компанией.

...В начале вечернего одиннадцатого часа на дворе и во всем пригородном поселке царила зимняя сказка. На белом поле под матовым лунным светом, усиливаемым фонарными лампами на столбах, во все стороны разбежались дома, домики и домишки с ярко горящими окнами. В полной подлунной тишине каждому, даже дитю своей эпохи внучке, мерещилась музыка высших сфер. И только кот Мичман, звериную естественную природу которого ни капельки не изменили пять тысяч лет — со времен египетских фараонов — условного подчинения человеку, прекрасно понимал, что музыку высших сфер создают медленно падающие, кружащиеся пушистые снежинки, что падают ему на нос, не защищенный шерстью.

— Да-а, как хороший флотский роман читаешь,— произнес Прокофьич.

— Лепота,— вспомнил старый фильм Витек.

— Классно,— восторженно произнесла внучка.

— Словом, зимняя сказка... без кувалдометра,— резюмировал профессор Скородумов.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА

Александр Викорук
(г. Москва)

ЛЮБОВЬ ОЛИГАРХОВ

Александр Владимирович Викорук родился в 1948 году. Окончил Московский энергетический институт и Литературный институт им. М. Горького (семинар Александра Рекемчука). Член Союза писателей. Автор философско-публицистической книги «Ковчег жизни». Печатался в различных журналах, газетах.

В середине августа в тихий час начальник детского оздоровительного лагеря отставной подполковник Сидоруха Иван Васильевич созвал дееспособную часть обслуживающего персонала и без долгих вступлений, рубанув воздух крепкой короткопалой рукой, проговорил тихо:

— Хозяева приняли решение... Рубикон перейден! В скором времени наш родной детский лагерь «Солнечный родник» будет продан на хрен олигархам. В соответствии с этим осенью все мы пойдем к такой-то матери. Предполагаю, все наши домики-теремочки пустят под бульдозер, понастроят замков-коттеджей и распродадут втридорога богатеям.

Электрик Петр Ефимонов, сидевший на первом ряду, в наступившей тишине почувствовал, как сексуальная волна зародилась в животе и утонула вниз, бередя плоть. Он подивился такой электрической реакции организма, затем погрузился в тягостную думу о том, что надо будет искать другой приработок, так как на одну пенсию долго не протянешь.

— Такая диспозиция,— прервал паузу начальник лагеря,— братья и сестры! — изрек, разведя руками, как будто обнимая присутствовавших, чем вверх всех в тихую тоску.

«Ну, теперь пойдет разврат!» — предположил Ефимонов и не ошибся.

На ужин в столовке через окно раздаточной видны были на кухне качающиеся фигуры, слышались всплески безудержного смеха, было разбито три тарелки.

Сидоруха к вечеру напился. Его жена-бухгалтер с подбитым глазом побежала в медпункт за примочками и подальше от гнева благоверного. Сам начальник стоял тучей на крыльце своего домика и смолит сигареты. Рядом дымила фигуристая шеф-повар, раздобревшая на обильных харчах. Потом они исчезли в директорских покоях

и предались усладе в море звуков древних битлов, музыка коих прорывалась на улицу через плотно закрытые окна.

«Исчезновение» наблюдал Петр своими глазами, когда закрыв дверь монтерской кладовки, направился к воротам мимо домика начальника. Сидоруха, метнув тлеющий огонек сигареты в урну, одной рукой открыл дверь в собственные апартаменты, а другой — звонко шлепнул по заднице повариху, придавая направление движения. Дверь закрылась, приглушив взрыв смеха.

Тропинка к дому лежала через мелкий лесок, просторный луг по берегу узкой вертлявой речки, мимо заброшенного карьера, а там — и тихая деревенька, где пятый дом от края, тот самый — родной. Мысли одолевали Петра тяжелые. Недобрые слухи о закрытии лагеря ходили с весны. Сократили дни заезда, с каждой сменой все меньше ребят привозили, говорили, что отменили дотации на оплату путевок, да и дети приезжали сущие оторвы. Самые наглые постарше курили за углами домиков. Мелюзга не слушалась воспитателей, стреляли вечерами из рогаток по фонарям. А директор потом выговаривал Петру. Как будто он мог вкрутить лампочки из бронированного стекла. Старался отлавливать хулиганов и отнимать рогатки.

На лугу размышления Петра прервались. Сначала на тропинке попала пустая бутылка водки, потом в траве увидел брошенную хозяйственную сумку, из которой торчала колбаса. Не успел Петр подивиться, как дальше увидел, что в траве лежит человек. Вблизи разглядел бездыханное тело завхоза. Но тут черный пиджак задвигался и прокричал:

— Здорово, мужик!

— Здорово, корова, — ответил Петр и увидел дальше лежащую бабу. Сообразив, что он тут лишний, пошел дальше. Завхоз и посудомойка, отметил про себя Петр, заскучав от наплыва плотского желания и мысли, что придется скоро так и ему закупить бутылку и определяться с соседками, так как жена его пять лет назад переселилась на кладбище и, как говорила дочка, оттуда смотрела на них и молилась за их здоровье и благополучие. И снова подивился Петр, что беда пришла, надо бы с мыслями собраться, задуматься, как судьбой распорядиться, а народ, смотри, первым делом — набухаться и в кусты завалиться.

На третий день Петр не выдержал. Дождавшись, когда из корпуса вышла уборщица Анжелка, чтобы выплеснуть грязную воду, окликнул ее и предложил встретиться в отбой на обычном месте за ельником.

В назначенное время Анжелка бесшумно предстала на тропинке из разогретого солнцем молодого ельника. Петр обхватил ее покрепче и почувствовал руками, что под плотно застегнутой джинсовой курточкой ничего больше нет. «Готовилась», — одобрительно подумал Ефимонов. Может, надо бы сойтись да жить вместе, в который раз мелькнула мысль, и снова поймал себя на том, что мысль эта приходила на волне любовной жажды, а потом куда-то исчезала, усмехнулся Петр. И по молодости Анжелка не была красавицей, а с годами деревенские ветра присушили румяные щеки да солнце припекло. Ну и говорила невнятно, часто обрывая слова из-за стеснения. Но под одеждой рука его легко нащупывала мягкое и томное податливое тело.

Прерывистой тропкой по мягкой хвойной подстилке дошли до ствола сломанной ураганом сосны, присели на теплые ломкие чешуйки. Ефимонов прижался губами к ее лицу, а рукой высвободил из курточки полные теплые груди. Анжелка стала захлебываться воздухом, охнула. Петр ласково повернул ее и уложил на сосновое ложе, задрал свободную юбку и неторопливо окунулся в нежное горячее облако. Он знал, что блаженство будет длиться вечно, и мысли в такие моменты приходили радостные, неожиданные.

— Счастье, Анжелка, — проговорил Петр ласково, чаще налегая на ее теплый

зад.— Пускай олигархи подавятся своими виаграми. Это мы олигархи по любви. Они гнилые внутри, сгинут, а наши бабы нарожают детишек, им все достанется: речка, луг, лес, солнце... переживут нас, их.

Ефимонов неторопливо приговаривал и словно плыл в теплом облаке радости, в котором тонули все неприятности. Изнемогая, постанывала Анжелка, тоже залопотала своими отрывистыми словами, потом ее слова слились в протяжное мычание.

— Куда им, дохлякам, до нас, мы, Анжелка, лучшие...

— Ну, цирк,— послышался сзади голос, и ребячьи смешки.

Анжелка дернулась, но Петр не упустил ее, достиг предела и почувствовал, как содрогнулось тело Анжелки и волна взорвалась в нем.

Подтянув брюки, Петр медленно повернулся, загоразивая Анжелку. Он услышал шорох ее одежды и быстрые шаги. В прогалине раздвинутых вервей куста торчала наглая физиономия парня из первого отряда, рядом — смущенная бледная физиономия второго парнишки и пацана помоложе.

— Ну что, стручки, теперь знаете, как вас делали? — спросил спокойно Ефимонов.

— Цирк,— проговорил наглый парень,— минут десять, у меня уж кипятик в штанах.

— Учитесь,— посоветовал Петр,— а то в следующее лето по домам сидеть будете. Продан лагерь олигархам.

— А вот,— наглый парень кивнул на бледного парнишку,— его папан и прикупил тут все.— Парень захохотал.— Так что, все его тут будет: речка, луг, лес и солнце.

— Ну, солнце — ты это врешь,— улыбнулся Ефимонов,— Все не проглотишь.

— Теперь мы тут баб трахать будем,— проговорил зло наглый парень.

— А чего же он не на Багамах? — спросил Петр, глянув на бледного парнишку.

— Дурачок он, говорит, надоело, решил жизнь простого народа изучать. Мне бы такого папаню,— наглый причмокнул,— меня тут давно не было бы.

В тот же день, ближе к вечеру, Ефимонов столкнулся с наглым парнем на дорожке к игровым площадкам. Парень, засунув руки в карманы, шел медленно вразвалочку, а когда увидел Петра, заржал довольно.

— А, стручок,— протянул Петр.— Ты смотри так осторожнее. Нарвешься на местных парней, ноги переломают за любопытство.

Парень остановился и нагло улыбнулся.

— Куда вам,— презрительно усмехнувшись, проронил он.— Алкоголики, пенсионеры. Вас с потрохами купили. А надо будет — головы оторвут и за пятак продадут. Так что, ваше дело — бутылка да по кустам париться.

— Ты сам-то не из наших-то? Вижу, все твое богатство — в штанах болтается, а в башке — сквозняк один.

— Ха, хочешь знать,— парень прищурился,— я на тебе с бабой тыщонку заработал. Это у вас в деревне все бесплатно, а в бизнесе и за удовольствие платить надо. Олигарх-то еще мальчик,— парень заржал.— А я ему наглядное пособие представил...— Слушай, идея! Давай так, тебе сотня — и повторишь с бабой? На том же месте.

Петр молча сплюнул.

— Ну, пятьсот.

— Морда у тебя наглая.

— Сто баксов! — парень с усмешкой смотрел на Ефимонова.— Зря думаешь. За сто баксов сам начальник с поварихой прибегут трахаться.

— Смотрю, вот, на тебя,— проговорил Петр с усмешкой.— Как наши отцы нас,

дураков, настрогали. Коммунизм строили, кэпэээс кричали. Так и мы вас, буратин, наделали. Такие же дураки. И вы, и ваш олигарх таких же дураков настрогают. Деньги, деньги!.. А то же дерьмо выйдет. Помяни мое слово.

— А, может, я Абрамовичем стану.

— Сортир ты у него облизывать будешь за тысячу баксов. Если его дружки не уроют. Абрамовичей десяток-другой, а сортиров у них сотни у каждого. Где ты и будешь.

— Ладно, мужик, не пыхти. Никто тебе платить не собирается,— хмыкнул парень и пошел дальше.

Через неделю, после прохладных августовских деньков, пришел сухой и теплый ветер. Днем сильно припекало солнце, шли последние дни смены. Петр сговорился с Анжелкой пойти в заброшенный колхозный сад за яблоками.

Сад тот насажен был больше тридцати лет назад, когда и жизнь была другая и Петр был работающим молодым мужиком, жива была его молодая женушка. И бегала у дома по травке маленькая несмышленная дочка, которой в радость были и голубые мотыльки, и пуховые котята, и простенькие цветы в огороде. Сад садили большой, в расчете на богатый урожай, сажали весело, с задором, шутили, что яблоки уже в коммунизме собирать будут. А потом вышла сильно морозная зима, под сорок. Деревья трещали и лопались, хлестко, как патроны, брошенные в костер. Сад поморозило, его и забросили. Но половина деревьев кое-как выжили, выбросили пару-другую листочков. Мертвые ветви обломились и сгнули с годами. Деревья коряво невпопад разрослись, выправились — и начали родить яблоки. Дрозды их расклевывали, налетая стаями, ребятишки из деревни ходили, сбивали палками и хрустели сочной сладкой плотью. Взрослые заходили набрать сладких дармовых яблок.

Петр нес корзину, радуясь теплому ветерку и солнцу, рядом шла Анжелка, румяная и свежая, с улыбкой на губах. Зашли в самую гущу сада по тропинкам, которые протоптали коровы. Тишина и солнце. Петр шестом сбивал яблоки. Они яркие, румяные сверкали боками, падая в листве. Некоторые сильно бились о толстые ветви и брызгали соком. Уцелевшие Анжелка складывала в корзину. Медленно переходили от дерева к дереву, высматривая самые крупные яблоки, словно яркие фонари, сиявшие в зеленой листве.

Петр тоже брал теплые яблоки, и трудно было удержаться и не надкусить. Белая мякоть сверкала на солнце и рот переполнялся сладостью сока. Щеки Анжелки тоже сияли, как яблоки, и грудь ее, обтянутая кофточкой, округлилась, как яблоки. Звенела тишина, сияло солнце, яблоки переполняли светом корзину. Петр чувствовал, как стали тесными брюки, он обнял Анжелку и коснулся рукой груди, потом расстегнул кофточку и утонул лицом в нежной груди.

Шелестели под теплым ветром листья, шепотом говорили губы Анжелки невнятные слова. Петр медленно освобождал ее от одежды, проникал все дальше, потом ветер их начал качать, как качал ветви с яблоками, и губы Анжелки вздыхали и лепетали, как листья.

— Это для нас, Анжелка,— привычно тихо приговаривал Ефимонов,— тепло, солнце, яблоки для нас, мы, как яблоки, мы живы, наша радость...

Ветер набегал теплыми волнами, касался листьев, их волос, распахнутой одежды, оголенной теплой кожи, улетал дальше в деревья, луга, и снова набегал новой волной.

Взгляд вверх Анжелки уловил силуэт, и Петр почуял холодок в груди. В мозаике листьев, ветвей проглянул мальчишка, тот бледный парнишка. Петр даже оглянулся, нет ли кого вокруг.

Парнишка странно двигался, как слепой, он тянулся руками к толстым ветвям

яблони метрах в тридцати. Петр увидел, что сверху с ветки свесилась веревка с петлей, и парнишка стал растягивать петлю. Здесь Петр сообразил, в чем дело, даже сердце на мгновение заглохло. На ходу он подхватил брюки, бегом обогнул яблоню и побежал к парню.

— Не балуй, парень,— зашептал Ефимонов,— нельзя так...

Он обхватил худое холодное тело парнишки и прижал к себе, стараясь согреть его, пытаясь прикосновением расшевелить, доказать, что не так все.

— Зачем? Не шали,— шептал он, распутывая веревку, и сбросил с безмолвной, обморочной головы петлю. Петр прижал бледное лицо к щеке.

— Глянь вверх... там солнце, яблоки, листья — все твое, для тебя, для твоего папки, для твоих детишек будущих.

По лицу парнишки потекли слезы, гримаса боли сжала глаза.

— У меня,— залепетал парнишка,— не получается с девушками...

— Ты что,— горячо зашептал Петр.— Они все хотят тебя, любят тебя, только приди... Со мной идем.

Он медленно вел его к Анжелке, которая все видела и с испугом смотрела на них, придерживая на груди расстегнутую кофточку.

— Вот, чудак, чего удумал,— говорил Петр, обращаясь к Анжелке.— У всех получается, а у него нет, получится у тебя.— Скинь,— кивнул он Анжелке, и она сбросила кофточку.

Петр прижал его руки к груди Анжелки.

— Теплая, как яблоко, закрой глаза. А ты обними.

Анжелка обняла парнишку и коснулась губами глаз.

— Это как в мамке. Все знаешь и умеешь. Они все любят тебя, ждут, хотят.

Петр освободил его от одежды.

— Анжелка, встань коровой, дура. Бычок пришел. Ты вот так держи за грудь, у нее, как у девки, сиськи. Толкай, толкай... Говорил не получается. Чего придумал, дурень...— Петр полюбовался на свое творение.— Давай, теперь гони, чаще.

Парнишка содрогнулся и со стоном прижался к Анжелке. Ефимонов засмеялся облегченно. Анжелка вся покраснела и довольная поправляла юбку, отряхивая сор.

— Ну, и хорош на первый раз,— довольно сказал Петр.— Теперь все знаешь, умеешь. А папке своему объясни, что деньги — это еще не все. Олигархам еще научиться любить надо. И веревку ему подари. Пусть сам повесится, если в жизни ничего не понял.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

БАБУШКА НАТАША

Очень забавно и интересно, когда у внучки и бабушки одно имя. Почти все время они проводят вместе. Мама Елена — человек важный и занятой, играет на скрипке и ездит с оркестром на гастроли в далекие города и страны. Папы у Наталки нет. Однажды бабушка рассказала ей о большом красивом аисте, который принес к ним в дом маленькую девочку.

— А мама тогда тоже была на гастро-лях? — спросила Наталка.

Некоторые слова для нее пока остаются трудными. Что поделаешь, — ей только четыре года! Но если их говорить почаще, они привыкают к человеку и говорят все легче. Проверено!

— Нет, в такой важный день мы обе дома были, — ответила бабушка. — Пили как раз чай, глядим, — а на балконе аист стоит и на нас нетерпеливо смотрит. Весна пришла! Апрель-месяц!

Сколько помнит себя Наталка, засыпает и просыпается она под бабушкиным взглядом. Глаза у бабушки бывают вечером сине-веселые, а утром весело-синие — Наталка всегда замечает разницу.

— Бабушка, — спрашивает Наталка, — а тебя тоже аист принес?

— Да нет, — отвечает бабушка, грустно улыбаясь, — тогда у детишек чаще папы были. Время сейчас другое, внуча.

— Да, — вздыхает Наталка, совсем, как бабушка, подперев щеку рукой, — а теперь все больше аисты... Другое время.

На самом деле девочке совсем не грустно. Те папы, которых она видела у подружек во дворе, ей не нравятся. Один толстый, неповоротливый, с большим животом, сердитый, ни на кого никогда не смотрит, ни с кем не разговаривает, даже со своей дочкой. О нем говорят — ди-рек-тор. Еще одно совсем не ручное слово. Другой — всегда веселый, но от него противно пахнет, он плохо держится на ногах и может упасть. Если это случается, ему без чьей-то помощи трудно подняться. А третий бывает дома только ночами да в воскресенье, и тогда целый день играет в компьютер. Бабушка рассказывала сказку про хорошего папу, но у Наталки свое мнение на этот счет.

Папа, — думает девочка, — как большая напольная ваза у них в комнате, которую кто-то маме подарил за ненадобностью. Она высокая, красивая, но бесполезная — даже цветы нельзя поставить, потому что провалятся, и их не будет видно. Одна помеха бабушке пол мыть, а выбросить жалко.

В гостиной у них живет еще один важный член семьи — Калужанка. Это блестящее коричневое пианино, но никто не называет его так, а только по имени. Наталка любит Калужанку и немного побаивается. Бабушка уже давно начала обучать внучку музыке, второй месяц пошел. Девочка очень старается, но устают пальчики — белые клавиши тугие. Но и тут Наталка заметила — если заниматься чаще, они, как и трудные слова, начинают привыкать к ней и лучше слушаются.

Однажды, когда мама гостила дома, бабушка повела их фотографироваться втроем. Снимок получился очень красивый и висит на стене в золоченой рамке. Бабушка вытирает с него пыль, а внучка часто и подолгу смотрит на маму. Представляет, как та играет на своей скрипке на Северном полюсе, ей холодно и хочется чаю, а белые медведи внимательно слушают и почему-то мурлычут, словно кошки, от удовольствия.

— Видишь, какие мы разные,— говорит бабушка,— ты, мама и я...

И Наталка знает, что будет у нее большая жизнь, в которой она успеет побыть такой, как мама, и такой, как бабушка.

Кошка у них тоже есть — Утятя. Теплая, хорошая, только старая уже и всегда сонная. Если кому-то из них нездоровится, Утятя обязательно приходит, греет и лижет лицо — лечит, то есть. Так бабушка Наташа говорит, и девочка тоже знает, что после кошачьей ласки всегда становится легче. Добрая у них семья, но у других бывает иначе.

Недавно вышли они погулять, на солнечную погоду полюбоваться. Во дворе к Наталке подбежала новая подружка Вася — Василиса, значит. Познакомились накануне, прежде не встречались. Васю папа с мамой привезли к их бабушке, Анне Ивановне, а сами по делам уехали. Девочкам было очень весело, во все игры успели поиграться. Когда пришло время собираться домой, бабушка Наташа подозвала внучку, за руку взяла... Внезапно раздался громкий пронзительный крик — это Вася не хотела уходить, замахивалась кулачком на Анну Ивановну.

— Нет, не пойду, ты глупая старуха! — надрывалась девочка.— Уйди от меня, противная бабка! Эй, ты куда меня ведешь, стой, не пойду!

— Васюта, Васюта, не шуми, обедать пора,— уговаривала Анна Ивановна...

Уходя, Наталка все оглядывалась назад, не понимая, зачем крик и слезы, ведь вечером снова можно гулять и играть друг с другом.

— Почему? — спросила она у бабушки Наташи.— Анна Ивановна обидела Васю?

— Не думаю, внуча. Скорее, наоборот.

За едой обе молчали, говорить как-то не хотелось. Получилось большое переживание.

Выходит, жизнь не всегда веселая штука, даже — если не болеешь...

После обеда, лежа в кровати, девочка размышляет об увиденном.

«Что же это за бабушка,— думается Наталке,— которую можно называть бабкой, старухой или даже «Эй, ты!»

Ей невдомек еще, что вина за грубость необязательно лежит на том, к кому она обращена. Чаще всего бывает виноват тот, кто грубит — или те, чьи слова человек повторяет.

Ласковый дневной сон в этот раз так и не пришел к Наталке, а вечером они опять играли во дворе с Васей, которая смеялась, словно ничего не произошло. Сидя на корточках, строили в песке пещеры и переходы. Бабушки тоже беседовали в полном согласии, избегая неприятных и болезненных тем. Наталка волновалась и не могла молчать.

— Вася, зачем ты кричала на свою бабушку? — очень тихо спросила девочка: казалось, сказать о таком можно только шепотом.

Подружка улыбнулась:

— А дура она у нас, нич-чо не понимает. И мама с ней вечно ругается...

Это озадачило Наталку.

— Разве бывают бабушки... дуры? — с трудом выговорила она последнее слово.

— А они все такие! — весело сообщила Вася.— Они же старые!

— Не знаю. Моя бабушка мудрая и... я ее люблю! И еще — мы тоже дуры будем, когда состаримся?

— Мы? Состаримся? Ты чо? Такого не бывает!

— Но мне бабушка рассказывала о том, как маленькая была, как молодая... И про маму тоже...

Вася свысока посмотрела на Наталку.

— Это она тебе сказку сочинила! Мы — такие, как есть, и они такие, как они. Только детки, которые в колясках, растут немножко, и все.

— Нет, это неправда! Я совсем не так знаю...

Подружка вскочила.

— Ну и сама дура... как твоя бабушка! — и, высунув язык, затанцевала на одной ножке, старательно поджимая другую.

Наталка отвернулась и направилась к бабушке. Вслед ей прилетела горсть песка, попала в волосы...

Дома бабушка мыла ей голову, поила чаем с медом и успокаивала.

— Люди бывают злые? — спрашивала Наталка. — И дети?

— Да, внуча, но ты не огорчайся. Есть и много добрых, хороших. Как мама...

— Мама... Она добрая. А улыбка у нее светлая-светлая... У меня не такая.

— Что ты, внуча, ты на маму очень похожа! И улыбаешься, как она...

— Правда?

— Точь-в-точь! А завтра мы пойдем гулять в парк с аттракционами!

Перед сном бабушка Наташа всегда рассказывает или читает сказки. Сегодня — о Золотой рыбке. Книжка большая и вся нарядная, в цветных картинках. Наталка уже умеет узнавать буквы — вот П, за ней У, дальше широкая буква Ш... Но они пока не хотят слушаться девочку и превращаться в слова. У бабушки это так легко выходит!

Буквы перед ней никогда не капризничают.

«Какая жадная у рыбака старуха! — размышляет Наталка. — И кричит, как Вася... Для чего?..»

Девочка спит. Бабушка долго смотрит на нее, жалея о том, как мало мама и дочка видят друг друга. Взглянув на часы, вспоминает, что идет концерт и, прикрыв глаза, старается представить, какое именно произведение звучит в этот момент. Затем идет мыть посуду и тоже ложится отдыхать...

Утром Наталка изучает свое отражение в зеркале. Ей необходимо убедиться в сходстве своей и маминой улыбки. Без этого дальше не прожить. Она старательно растягивает губы, иногда помогая им пальцами, но ничего не выходит. Мама совсем иначе улыбается. Бабушка, наверно, сказала так, чтобы внучке было приятно, — и все. Оставив бесполезные усилия, девочка отправляется завтракать.

За столом они обсуждают скучный серый дождь, который начался ночью и неутомимо продолжается до сих пор. Передумав идти в парк, решают навестить Калужанку и позаниматься музыкой. И вдруг звонит телефон!

— Лена? Это ты? — волнуясь, говорит в трубку бабушка. — Когда приезжаешь? Сегодня ночью?

Наталка прыгает вокруг и светится в улыбке — такой же, как у мамы. Но ей самой этого не видно.

День идет кувырком. Бабушка печет шоколадный торт, варит борщ — словом, готовит пир-на-весь-мир. У внучки все валится из рук. Девочка только ждет, больше она ничего не может делать. Пробует поиграть, но даже любимая кукла не занимает ее. Глядит в окно, где, не переставая, бормочет дождь, хоть ей понятно, что до темноты далеко, и мама еще долго не появится внизу, у подъезда. Быстро-быстро, почти без интереса, листает книжки с картинками. Немного капризничает за обедом. К вечеру Наталка совсем устает от ожидания и почти не протестует, когда бабушка укладывает ее спать раньше обычного.

— Только обязательно-обязательно разбуди меня, когда мама придет. — зевая, просит девочка.

— Обещаю. — торжественно говорит бабушка, но внучка этого не слышит, потому что во сне уже обнимает маму...

Евгения Курганова
(г. Москва)

Евгения Михайловна Курганова (Костина) родилась в Москве, окончила филологический факультет МГПУ им. Ленина по специальности русский язык (литература), долгое время работала в ТАСС. Первые рассказы опубликовала в газете «Московские новости». Печаталась в альманахах «Московский Парнас», «Лесной орех», «Ясноцвет», в болгарской газете «Есенински булевард» (приложение к газете «Литература и общество»), в литературном журнале «Страна и мы», в сборнике «Вечерами у балкона». Выпустила книги: «Люблю и верю» и «Снежный вальс». Член МГО Союза писателей России.

ШЛЯПКА

Море. Я люблю его с первой встречи. Мы с мамой едем в поезде. Маленькое купе, душно. И вдруг мама говорит: «Посмотри, это — море».

Носом прижимаюсь к окну и сначала вижу маленькую голубую полосу, которая, постепенно увеличиваясь, заполняет собой все пространство.

Приехав, оставив вещи в номере гостиницы, мы бежим к нему, теплomu, ласковому, что-то шепотом говорящему. Заходя в воду, ты ощущаешь ее нежность, качаясь на волнах, чувствуешь себя маленькой девочкой на руках у мамы. На душе тихо, спокойно.

Но были и штормовые дни. Море как бы предупреждало: «Я не всегда спокойное». Его грозный рык показывал всю силу природы, которую, как бы человек не хотел, приручить не сможет.

Сейчас я приехала к морю в конце бархатного сезона. После болезни. Врачи сказали, что мне очень полезен морской воздух, в отличие от солнца. И все свободное время я старалась проводить на пляже. Курортный сезон закончился. Народу осталось мало. Большинство разъехалось по домам. Поэтому на пару средних лет, гуляющую вдоль берега, я сразу обратила внимание. Женщина в длинной пляжной юбке, в легкой кофте, когда же море бурлило, она накидывала шаль. А на голове у нее была нелепая соломенная шляпка с лентами и цветами. Мужчина довольно статный, в летнем брючном костюме. Пройдя вдоль берега до мыса, пара заворачивала за него, где их не было видно. Я же продолжала сидеть в шезлонге и смотреть на море.

Через несколько дней он уехал. Женщина же продолжала по инерции ходить вдоль берега, заходила за мыс. С каменным лицом глядя на море, она его не видела и не слышала. Было заметно, что мысли ее с тем, кто уехал. Вскоре уехала и она.

Мне захотелось пройти их дорогой. День был прохладный, моросил мелкий

дождь. Я завернула за мыс и увидела небольшой пляж. В центре — шезлонг, а над ним — сломанный навес от солнца, и к нему прикреплена ее шляпка.

Ленты растрепались и бились на ветру, вытягивались, как руки, в струну. Было впечатление, что они просят не оставлять шляпку одну. Мокрые вылинявшие цветы плакали. А серый будничный день завершал картину одиночества. Это вызвало у меня в душе чувство грусти и сострадания по несостоявшейся любви. На сломанном шесте соломенная шляпка — жест отчаяния. И я подумала: как же бережно мы должны относиться к чувствам других, не играть ими. А море, вторя мне, тихо билось у моих ног, своим успокаивая шепотом.

ЧАСЫ ЖИЗНИ

Пожилая женщина сидела возле окна и смотрела на улицу. С возрастом ей стало все тяжелее выходить из квартиры. Дети приезжают по выходным дням, стараются звонить каждый день. С друзьями теперь она общается только по телефону. Беседы с ними чаще всего сводились к разговорам об их болезнях, и это вызывало у нее легкую грусть. Теперь интересы женщины сузились до жизни за окном, общения с котом Прошей и боя старинных настенных часов.

Сколько Мария Викторовна их помнила, они всегда висели в ее комнате и отбивали каждый час. И это мешало, но родители не соглашались перенести их в гостиную. Так они учили дочь, как им казалось, ценить время. Постепенно та привыкла к бою, иногда даже не замечая его.

С годами звук стал более степенным. Сами же часы своим видом придавали комнате солидность, какое-то благородство. Друзья, приходя в гости, всегда говорили: «Какой у Вас антиквариат! Это же здорово!». Собираясь на празднование Нового года в ее доме, они поднимали бокалы с шампанским под ее собственные «куранты».

Время шло, дети разъехались, друзья с каждым годом становились тяжелее на подъем, встречи происходили все реже. В бое часов теперь слышался лишь скрип старости. Но пожилая женщина не обращала на это внимание. Она жила воспоминаниями. Эти «куранты» объединили в себе годы ее жизни. Годы, когда все бурлило и звало ее за пределы квартиры. И под их бой она заново проживала это...

Марии Викторовне не было скучно, она не замечала, что время идет вперед, прошлое всегда было с ней.

Старая женщина жила памятью собственных лет, а бой часов только отбивал их вехи.

УШЛА В НОЧЬ

Проходя по площади трех вокзалов, Юлия заметила нищенку, сидевшую на мешке со своим небольшим скарбом и неумело просящую милостыню. Она не приставала, не липла к прохожим, как другие. Остановившись, Юлька увидела ее неухоженное, плохо вымытое лицо, с остатками былой красоты, копну спутанных, наполовину седых волос.

В детстве мама часто говорила: «Давать легче, чем просить». Она запомнила это на всю жизнь. Подойдя к женщине, дав ей немного денег, приглядевшись, узнала в ней Ленку, свою подругу, по ее необыкновенным черным глазам. Раньше они напоминали южную ночь, теперь потускнели, и обрамляла их сеть мелких морщин. Лишь по ним еще можно было узнать подругу. В юности девушки вместе работали и очень дружили.

Лена — дочь генерала, жила на Фрунзенской набережной, в большой квартире. Принимали там ее друзей неохотно, со словами: «Опять Ленка привела свой плебс». Мать Лены из обычной семьи, но старалась, доказать всем, что является дамой из высшего общества. Она не могла простить дочери, что та вышла замуж за простого парня. А Ленка — черноглазая красавица с длинными волосами до плеч, добрая, готовая прийти каждому из друзей на помощь.

После окончания института их с мужем отправили в командировку, в Алжир. Оказалось, при посольстве не было русской школы, и дочку пришлось оставить с бабушкой. Девочка и Лена очень скучали. Слез было много. Но работа есть работа, пришлось ехать. После отъезда родители с ней долго не виделись.

— Подруга, привет, как я рада, что снова с тобой встретилась!

Повернув к Юле лицо измученной жизнью женщины, она насторожилась, как человек давно не слышавший нормальных, добрых слов в свой адрес. Но постепенно лицо разгладилось, появилось подобие улыбки.

— Юлька, ты?!

— Узнала.

— Да. Ты правду говоришь, что рада видеть? Меня теперь стараются не замечать своими друзьями и даже переходят на другую сторону дороги.

Нервная гримаса пробежала по ее лицу.

— Знаешь, давай пойдем куда-нибудь, посидим, поболтаем. Хочешь, пойдем ко мне. Познакомлю с мужем, с сыном.

— Не надо. Посидим мы здесь, меня теперь в приличные места не пускают. Да и твои не поймут, ведь они не знают, как много нас с тобой связывает. Скидываемся пополам, и ты идешь в Макдональдс, бомжей туда не пускают, купишь чего-нибудь поесть, да еще несколько бутылочек пива — и это будет настоящий наш праздник.

Юля быстро сбежала и купила все, что было сказано. И вот, расстелив газету на скамейке, разложив на ней продовольственный запас, они разговорились.

— Мы с мужем пробыли в Алжире четыре года. Все было хорошо, только очень скучали по дочери. Свободное время, помимо работы, проводили, знакомясь со страной, посещали прекрасные места, изучали нравы местного населения. На это ушел год. А потом у нас началась ужасная тоска по Родине, по дочери, по друзьям. В году два месяца отпуска — это так мало, чтобы объяснить малышке, что самое главное — это она, постараться окунуться в ее детские проблемы и постараться разъяснить ей, что если бы не работа, я от нее никуда бы не уехала.

— Ты же знаешь, что мой муж никогда не был особенно компанейским человеком. А тогда, оставаясь вечерами вдвоем, в чужой стране, вывести его куда-нибудь было очень тяжело. Постепенно, для веселья, мы стали брать бутылочку вина, а потом — что-нибудь и покрепче. Мы не заметили, как пристрастились к выпивке.

Лена, глубоко вздохнув, замолчала. Около них остановилось такси, высадив пассажиров, помчалось дальше. Немного передохнув, подруга продолжила:

— Когда вернулись домой, нас ждало разочарование: дочь радовалась подаркам больше, чем родителям. Девочке было уже двенадцать лет. Бабушка приложила все усилия, чтобы мы для ребенка стали чужими людьми. Через шесть лет умер муж. Я из АПН перешла в «Правду», там платили больше.

По моей просьбе Катя устроилась к нам на работу, но долго дочь не задержалась, из-за скверного характера. После потери мужа, я стала больше выпивать. Понимаю, сама виновата, слабохарактерная. Чувствовала, что опускаюсь, но ничего не могла сделать. На работе коллектив был недружный. Звонила тебе, но ты взяла отпуск на полгода и уехала жить к свекрови. Дома меня окружали чужие люди, которые во всем попрекали, не стараясь помочь. Катя договорилась с бабушкой, что та перепишет квартиру на нее, а когда старухи не стало, дочь выгнала меня из дома.

Да не жалею меня, я сейчас более счастливая, чем раньше. Моя совесть чиста. Мной никто не помыкает. Я не вижу перекошенного от злости лица дочери. Она же понимает, как и все остальные, что поступила со мной по-свински. Нормальные люди, такие как ты, видят во мне человека. Ты, Юлька, осталась такая же, как и была, ведь тебя считали на работе не от мира сего. Ты во всех и во всем всегда видела только хорошее. За это я и люблю тебя. Давай выпьем.

Выпили, посидели, вспомнили бывших друзей. Вечерело. Юля стала уговаривать подругу переночевать у нее.

— Хорошо, — сказала Лена, — только вот тебе деньги, купи шоколадку сыну. Так не пойду.

Вернувшись с шоколадкой, Юля не увидела подруги. Она ушла. Ушла в ночь...

Том Нойер
(г. Москва)

ХЛЕБ

Том Нойер (псевдоним, настоящее имя Артем Сергеевич Зиборов) — журналист, писатель. Родился 24 июля 1989 года в Туле в семье музыкантов. В 2011 году окончил Московскую академию туризма при Правительстве Москвы, а в 2009 году параллельно получил квалификацию теле-радио журналиста, окончив Останкинский институт телевидения и радиовещания, где защитил диплом «Домъ России» об архитектуре Москвы. Работал с испанским Информационно-аналитическим агентством United Europe News в качестве внештатного спортивного обозревателя. Лауреат Восьмого Всероссийского конкурса журналистов местных изданий «Власть народная». Автор рассказов «Просто устал», «Кельнер», «Хлеб», а так же романов «Зонтик», «Айзен» и сборника стихов «Сказочный сон». Публиковался в «Литературном журнале», журнале «Кольцо А», а также на порталах «Стихи.ру» и «Про.за.ру». В «Приокских зорях» публикуется впервые.

Когда мой старший сын был еще маленьким, мы жили на Октябрьской улице в квартире моего тестя. По вечерам в доме пахло горелым хлебом: тесть сушил в духовке сухари. Всем уже, честно говоря, порядком надоела эта печная романтика, с каждым днем настойчиво напоминающая о том, что в мире ароматов существует не только запах цветов или чего бы то ни было еще. Домашние спасались от этого кто где: ребенок нарочно заигрывался подольше во дворе, жена приглядывала за ним с балкона или на лавочке, а я набирал ванну, ну или как придется. В этот раз я предложил яде Вене пойти погулять, надеясь в это время проветрить помещение.

Он согласился, кончив прежде свою кипучую деятельность с фасовкой сухарей и заправкой новой трехлитровой банки квасу.

Было это в начале мая, пошли мы, значит, гулять в Комсомольский парк — он правда, парк по старинке все называл Александровским садом, как до революции. Идем мы: я сзади, как обычно, а он впереди — в коляске. Свернули с центральной аллеи, и я сел перекурить на лавочку. Все случилось так быстро и неожиданно, что я даже сигарету изо рта выронил.

— Что ж ты делаешь, а? — захрипел побледневший дед. — А ну подними!!

Я поднял взгляд: перед нами стоял мальчуган, который, как я понял, бросил в урну рядом с нашей лавочкой кусок хлеба недоеденного хот-дога. Парень оторопел от пронзительного баса.

— Я? Ничего, — протянул было тот.

— Ты хоть понимаешь, сколько труда нужно, чтоб его вырастить, приготовить? Это не яблоко тебе какое-нибудь. Или, по-твоему, на колосьях буханки сразу болтаются? — он смотрел на мальчишку своим слезящимся взглядом, как на личного врага.

— Дедушка все правильно говорит,— вмешался я.— Возьми булку, отдай вон лучше собачке. Иди мальчик, иди.

Мальчик поднял хлеб и ушел, скорчив деду напоследок гримасу.

— Я таких как ты на ноге видал! — буркнул ему дед вслед.

В общем, можно сказать, парень легко отделался, потому что ног у нашего деда, как раз таки и нет...

* * *

На самом деле дядя Веня был добрейшей души человеком. Просто к хлебу у него отношение было особое, можно сказать, он относился к нему с придыханием. Это слово из его уст даже звучало как-то по-особенному: что-то вроде «хлиб» — не могу описать этот звук. Наверное, все потому, что писалось оно раньше через ыть.

В семье у нас насчет хлеба целая градация выходит. Жена моя хлеб не ест почти: сейчас вот диета очередная, хотя она и так стройная — тесть ее даже зовет «освенцимом». А я — любитель корочек. Мы раньше купим батон, срежем себе по краюшке с тестем, а остальные серединку доедают. Правда, дядя Веня последнее время тоже перешел на мякиш — зубов-то нет. Так что мне все корочки доставались. Дети же в этом плане не определились, они баловаться любят. Ломтик серого хлеба порежем вдоль, так они из серединки выгрызают два отверстия и играют кусочком, похожим теперь на автобус или машинку. Дед как увидит — давай их по рукам. И смех и грех.

* * *

Он без хлеба жить не мог просто, все ел с ним в прикуску — не важно: макароны на столе или пельмени. На завтрак любил положить что-нибудь на кусочек — творог там или яйцо, не говоря уж о масле и колбасе. А если мы покупали «сырные палочки» в Доме хлеба — так он просто был счастлив, настоящий праздник, прямо ни торта ему не надо, ни конфет шоколадных. Да, я говорил? Он и шоколад с хлебом ел и арбуз. Такая, говорит, вкуснятина! Вы тоже, мол, попробуйте. Да еще ввернет фразочку: «*Fructus cape cum pane, si vis vivere sane*»^{*} — откуда он ее только взял эту словицу латинскую и запомнил же!

* * *

Нам его не понять, конечно — поколение такое, дети войны. Тот, кто когда-то испытывал длительный голод, навсегда сохранит этот страх. Поэтому гостей и родственников он первым делом усаживал за стол и не выпускал, пока они не наполнят желудок, как воздушный шарик.

Сам он никогда не оставлял на тарелке ни крошки — ее практически даже можно было и не мыть после этого. Сколько положат, столько и съест. Ни единого недоеденного куса хлеба он никогда не выбрасывал: просто терпеливо обрезал обгрызенные места. Крошки выкладывал за окно — в кормушку для птиц, а остальное высыпал на противень и сушил, доводя всех до белого каления, покуда кухня не заполнится мучным чадом. Когда сухари поостынут, дядя Веня расфасовывал их в полиэтиленовые мешки, которые плотно завязывал сверху и убирал в кладовку.

Время от времени он устраивал своеобразную инвентаризацию, проверяя свои запасы, выбрасывал попортившиеся упаковки и докладывал новые. По всей трехкомнатной квартире, как в амбаре, находились укромные уголки, которые были буквально забиты этими вездесущими мешками.

^{*} Ешь плоды с хлебом, если хочешь быть здоровым (лат.).

Между тем, человеком он был образованным — очень много читал, да и жили мы не то, чтобы беднее всех. Однако все попытки отговорить его от этой затеи были обречены на провал. В последний раз он заявил: «Если начнется голод, то я должен быть уверен, что нам есть на чем продержаться хоть какое-то время. Еще благодарить будете — не дай, конечно, бог!». И тут под шелест парка он погрузился в воспоминания:

* * *

Тогда вот тоже, если бы только не было этой войны, мы жили бы как у Христа за пазухой. Вы только представьте себе, невесть откуда пришли эти немцы, как гром среди ясного неба. Из страны, которую мы все ведь считали дружественной, культурной. Мы читали Гете и Гейне, а тут на тебе! В газетах-то писали, что Англия — главная зачинщица войн и про пакт о ненападении.

Такая паника поднялась в поселке! Отец давай в магазин бежать — там очередь уже жуткая, хватают все подряд, сколько только могут унести. Мама в банк кинулась, надеясь снять деньги со сберкнижки, да опоздала — наличные закончились.

Не успели оглянуться, как враг уже к Ясной Поляне подошел, а тут и до нас прямо рукой подать — на Косой горе мы жили. Конец октября стоял, когда они поселок взяли. Шныряют по улицам, каски сверкают. Немцы эти были — хуже Ирода самого, хотя не только немцы.

Был вот среди них эсэсовец один — финн, звали его вроде Хаапе, по крайней мере, я слышал, что его так окликали. Он зовет меня как-то, мол: «Эй, рюсся, рюсся», — без перевода понятно, что пренебрежительно как-то. Ну и что? Поманит, как козочку какую, хлебом или морковкой, а сам не дает, бросит потом, как кость собаке. А жрать так хотелось, что я и козявки готов был съесть. Я и слопал кусок, мне-то показалось, что это картошка была, а оказалось, что мыло хозяйственное. Живот заурчал, а этот ржет и напевает себе «*Uraliin*». Угу, думаю, раскатал губу до Урала. Ну, я возьми и намурлыкай ему в ответ «Принимай нас Суоми-красавица»... Ох, и злющий был финн этот, с мерзкой бородой рыжей. Как отвесит мне своим огромным сапожищем такого пинка смачного, я аж подпрыгнул. Долго хромал потом.

* * *

Немцы все обозлились постепенно — за Тулу-то наши стояли накрепко, а морозы все больше крепчают. Говорят, что генерал их Гудериан объявил своим солдатам, дескать, бой идет за зимние квартиры в Туле. Эсэсовцы стали тщательно партизан искать и комиссаров выведывать, многие просто под горячую руку попали.

Когда зашли в нашу хату, увидели на стене фотографию бойца-артиллериста — мать забыла отцовскую карточку снять. Ну и все, спалили дом, хорошо еще нас на улицу выгнали. Так и болтались по соседям: кто переночевать пустит, кто одеждой поделится — кто чем, у нас-то все ведь сгорело.

Еды особенно ни у кого и не было, да и где ее возьмешь: погребов немцы обшарили, магазины пустые, на рынке цены взлетели, ни в деревню не сходишь, ни в город. Так и мучались числа до 15 декабря, пока наши не пришли, отбив поселок, потом всю войну еще, да и после...

* * *

Фантом голода преследовал его до самой смерти — его, человека сурового и сильного, пережившего в детстве еще и потерю ног. Причем, пытаясь раздобыть провианта.

* Ryssä (фин.) — уничижительное прозвище русских в финском языке.

Однажды прошел слухок, что на ближайшую станцию должен прибыть продовольственный поезд вермахта — было это еще во время оккупации. И вот как-то ночью, мальчишки отправились на разведку, глядишь, раздобыть чего съестного. Потихоньку подкрались к станции, перемахнули через забор, но тут одного из них высветил прожектор. Часовой свистнул, они давай наутек через пути. А дядь Веня-то хромой на одну ногу — бежать не может, да еще засуетился, только и успел заметить, как нога застряла между рельс. В тот момент стрелки перевели некстати. В общем, полкилометра проволокло его за поездом, ноги обе отняли по колено хирурги немецкие в госпитале. Спасибо, что еще взялись, могли и пристрелить ведь.

С тех пор у него не так уж и много радостей было. А немцев он ненавидит лютой ненавистью, несмотря на операцию, считая, что не будь войны, то и на станцию он бы не полез. А еще французов все в пример ставит, дескать, и с ними война была не на живот, а на смерть, в которой мы также вышли победителями и отступали до Москвы. При этом, заметьте, говорит, разве есть к ним ненависть? Нету ее: «Потому что нравы другие были, и война была другая — о чести у людей больше понятия было, не то, что нынче».

* * *

Лично я не совсем разделяю его точку зрения и дореволюционные придыхания, ибо что касается войны, то это все одно: голод, смерть и падение нравов идут с ней рука об руку во все времена. Бывали, конечно, исключения, но они все эпизодические. А может все потому, что я и сам наполовину немец — моя фамилия Шмидт.

Мой отец был немецким военнопленным, как и еще почти три миллиона солдат. После войны попал в Бутырку, потом работал на строительстве дорог и мостов в Москве и других областях. Служил он в инженерных войсках и до войны работал строителем, так что дело свое знал.

Домой он не вернулся, доселе неприкаянный был принят русской женщиной, моей мамой и осел в Тульской области. Зла на него она не держала, хоть и потеряла мужа. Война — это общее горе, которое обостряет чувства. О том, сколько преступлений на совести немцев, причем не только на территории России, но и в концентрационных лагерях Европы, он узнал только в лагере — сам-то оружия толком в руках и не держал. Причем сначала считал это пропагандистской шелухой, но, когда были представлены веские доказательства, крепко задумался... Так он ей говорил и она поверила.

Русский он неплохо освоил, по-немецки только иногда говорил дома — в основном, когда ругался. А вообще, таких семей у нас в области немало — достаточно хотя бы пройти по кладбищу и почитать фамилии на памятниках.

Правда, тестю мы эту историю не рассказывали — зачем память ворошить? Так и не знал до самой смерти, а, может, и знал, но промолчал. Его, по-видимому, больше другое заботило — заначки. Когда дядя Веня переменил миры, свертки с сухарями находились повсюду: на кухне, в антресолях, а также в самых неожиданных местах, включая матрас, на котором он спал, и даже под подушкой...

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

АЛТУХОВСКИЙ КАИН

*Член Союза писателей России, лауреат литературной премии «Левша» имени
Н. С. Лескова*

*История — искусство, как и всякое
искусство, идет не вишь, а вглубь*

Л. Н. Толстой

Восемнадцатого мая 1767 года в Крапивенскую уездную воеводскую канцелярию, находившуюся на Околотоководном стане, поступил рапорт старосты канцелярии Тита Алексеевича Трунова. На плотном листе бумаги, больше напоминающим тонкий картон, он писал: «Сего 1767 года мая 18 дня именованному в деревне Алтухово Крапивенского уезда однодворец Иван Андреев объявил мне, что живущего в оном дворе отставного конюха Петра Прокофьева сына Трунова имеющейся нынча ночью повешен на снасти. По сему рапорту для осмотра и известейства истины удавления на сия деревни Алтухово прошу выйти...»

В 18 веке в России началось успешное развитие промышленности, и торговли по участию в которой лидировали такие города как Москва и Петербург. В Туле образовались и набирали силу мукомольные, пивоваренные и маслобойные предприятия, а в Крапивне изготавливались телеги и сани, распространился бондарный промысел, изготавливались кадушки, бочки, обручи для тележных колес. В деревнях плелись корзины, лукошки, лапти и рыболовные сети. Однодворец деревни Алтухово Иван Андреев, рассказывая старосте Титу Трунову о ночном происшествии, под снастью имел в виду сплетенную из тонкой веревки рыболовную сеть. На такой сети и висел в своем доме отставной конюх Петр Трунов, когда на место происшествия прибыли Тит Трунов, врач Митрофанов, однодворец Иван Андреев и возглавивший, как сейчас сказали бы, следственно-оперативную группу пристав Крапивенской уездной воеводской канцелярии подпоручик Иван Ярой (возможно Яров. Авт.). «Сам себя жизни лишил, — сказал младший брат покойного Григорий Прокофьевич Трунов. — Одиноким был, вот и удавился от одиночества». Однако Тит Алексеевич верхоглядством не отличался. Внимательно осматривая комнату, где висел покойный, он обратил внимание на тот факт, что на полу не было скамейки или какого-либо другого приспособления способствующего самоубийству.

— Получается, ваше высокобродь, что упокойник, чтобы сунуть голову в петлю, подпрыгнул. И почему он для удавления выбрал не веревку, а рыболовную сеть? Словно был впопыхах, — высказал он Ярому свое сомнение.

Пристав Иван Ярой в своем деле тоже не был новичком. Осматривая вместе с

врачом Митрофановым покойного, он увидел на его щеке едва заметный след от потека слюны, причем его направление было не сверху вниз, а вопреки всем законам земного притяжения от края губ к мочке уха. Это обстоятельство подсказывало то, что смерть отставного конюха наступила в тот момент, когда он находился в положении лежа на спине. А когда врач дал заключение, что на теле Трунова имеются прижизненные ссадины и сломано ребро, сомнений не осталось — совершено убийство, которое кто-то искусственно попытался представить в виде самоубийства. Но кто? Теперь Титу Трунову и Ивану Ярому это и предстояло выяснить.

Расследование любого преступления включает в себя целую систему следственных действий. Это и осмотр места происшествия, и проведение различных экспертиз, и изъятие вещественных доказательств и, конечно же, допрос свидетелей преступления, который, согласно уголовно-процессуальному кодексу, оформляется протоколом. Во времена правления на Руси Екатерины Великой при допросах протоколов не оформляли, а показания свидетелей записывали на обычном листе бумаги. Первым по факту убийства отставного конюха был допрошен его младший брат Григорий. Подпоручик Иван Ярой, отражая его показания, записывал: «Мая сего 22 дня 1767 года в Крапивенской уездной воеводской канцелярии в Околотоководном стане слушал в оном крестьянина Григория Прокофьева сына Трунова, который сказал: жившего с ним в оной избе в деревне Алтухово брату его родному Петру удушение не чинил и смерти его естества причинить мог с целью разбою беглый солдат, живший вместе с братом в оной избе...». Допрошенная жена Григория Евлампия также показала, что в доме брата ее мужа некоторое время жил какой-то беглый солдат. Но кто он и куда мог уйти после убийства Петра она не знает.

Оставшись наедине с собой, Иван Ярой, по всей видимости, задался вопросами: кому была выгодна смерть тихого и безобидного отставного конюха? Виновен ли в его смерти живший у него беглый солдат? Стал бы он имитировать самоубийство Трунова или просто-напросто сбежал бы? Чтобы ответить на эти и другие вопросы нужно было одно — найти беглого солдата. К его поиску были привлечены канцелярские служащие, люди из купеческого сословия, однодворцы, солдаты Крапивенской стражи, владельцы магазинов и питейных домов. И результат не заставил себя долго ждать.

Ресторан. В это уютное питейное заведение, с его неоновыми огнями, легкой оркестровой музыкой, запахами сигарет и дорогих женских духов, услужливыми официантами и аккуратно сервированными столиками с накрахмаленными белыми скатертями, посетители приходят для того, чтобы в компании с друзьями отметить торжественные события, праздничные юбилеи или просто пообщаться после тяжелого трудового дня. В наше недавнее советское прошлое простой трудовой люд в рестораны ходил редко. Не по карману. Завсегдатаями ресторанов были властимущие, инженерно-технические работники крупных промышленных предприятий, торговцы и, конечно же, люди криминальной направленности. Такие люди рестораны посещали всегда, поэтому во все времена кабаки находились под особым, негласным надзором «ока государева». Каждый уважающий себя милицкий опер, полицейский сыскарь или канцелярский пристав имел в ресторанах, кабаках или питейных домах по одному, а то и по несколько негласных осведомителей. Пристав Иван Ярой исключением не был. Вскоре он получил информацию о том, что к владельцу одного из питейных домов приходил некто и просил хозяина устроить его дворовым человеком. Этот некто сейчас проживает у крестьянки Пашковой в деревне Ягодка (возможно Ягодное. Авт.), а до этого проживал в деревне Алтухово. К Пашковой выехали ночью, взяв с собой двух солдат из Крапивенской стражи. Беглого солдата задержали быстро и без труда. Навалились на спящего, связали и загрузили в телегу. На

допросе беглый солдат, которым оказался Тимофей Мешков, клялся и божился в том, что к убийству Трунова Петра никакого отношения не имеет. Да жил у него несколько дней, но потом ушел.

— Когда ушел и почему? — спросил Иван Ярой.

— Числа пятнадцатого ушел, точно таперча не вспомню. Опосля того, как брат его, Гришатка, с каким-то господином приходили. Господин ентот в сенцах стояли, а Гришатка все спрашивал у Петруни, согласен ли он? А Петруня говорит, что не согласен.

— С чем должен был согласиться убиенный Петр?

— Не знаю. Гришатка Петруни что-то на ухо шептал, а Петруня рассмеялся в ответ. Не убивал я Петруню, господа хорошие. Как перед Богом клянусь, не убивал, — глядя то на Ярого, то на Тита, запричитал Мешков. — Зачем мне убивать-то его? Знамо дело было бы за что, а так... Он меня приютил, а я что зверь лютый?

— Будя причитать-то! Сказывай, что дале было, — перебил его Тит.

— Опосля, господин ентот, что в сенцах стояли, говорит мне, кто я таков и что делаю тут? Я ответил ему, что крестьянин из Чернского уезда. А он спрашивает, чей крестьянин, каких господ? А потом, вдруг, спрашивает: не бесписьменный ли я? (Проживающий без регистрации. Авт.) Я опосля сбежал от них. Не убивал я Петруню, — заплакал Мешков.

Иван Ярой и Тит Трунов уже и сами поняли то, что Тимофей Мешков к убийству отставного конюха никакого отношения не имеет. А вот, что за господин вместе с Григорием приходил к Петру, и почему Григорий скрыл об этом факте на допросе, оставалось загадкой, которую предстояло разгадать. На повторном допросе Григорий Трунов показал, что он в дом к своему брату заходил часто и всегда один. Кого беглый солдат имел в виду под неизвестным господином, он не знает. «Наверное, показалось беглому», — засмеялся Григорий.

Тем временем староста Тит Трунов подал рапорт, в котором указал, что крестьянин деревни Алтухово Иван Петров объявил о том, что его жена Авдотья 17 мая стирала на реке белье, и в это время неизвестно какой господин, пьяный, стал ей высказывать непристойные слова и трогать ее руками, она стала кричать. На крик пришел Стахонов и увел того господина.

Избодворца деревни Алтухово Данилу Стахонова Иван Ярой допросил 23 мая. Стахонов поведал о том, что 17 мая он был на речке и мыл лошадей. В это время он услышал крики и увидел, что пьяный господин обхватил руками Авдотью Петрову. Этого пьяного господина он отвел в дом к Григорию Трунову, так как раньше видел их вместе. Господина этого зовут Архипом, он живет в Крапивне у своей сестры по имени Лиза, а у Григория хочет купить дом.

Теперь сыщикам все стало ясно. Наконец-то они поняли, кому именно мешал отставной конюх Петр Прокофьевич Трунов. В дом на Околотокогородном стане в Крапивне к Елизавете Еремеевне Юдиной вошли без стука, только покашливая, чтобы привлечь внимание хозяев. Архип Еремеевич Малоросихин находился в отдельной комнате. Узнав, зачем к нему пришли незнакомые господа, он не стал запираяться и все рассказал.

Малоросихин приехал из села Митрополя, чтобы купить у Григория Трунова дом. Половина дома принадлежала брату Григория Петру. Петр свою половину дома продавать категорически отказывался, несмотря на то, что ему предлагали хорошую сумму денег. 17 мая он в очередной раз пришел к Труновым в гости. Днем они с Григорием выпили вина, и он остался у него переночевать. Ночью они с Григорием решили еще раз поговорить с Петром о продаже его половины дома. Петр вновь ответил отказом, и тогда между братьями завязалась драка. Малоросихин, заступаясь за

Григория, обхватил Петра сзади за руки, и они упали. Петр начал кричать, но Григорий, навалившись на него, сдавил ему руками горло.

Двадцать седьмого мая вечером в Алтухово, напротив дома Григория Трунова, остановилась повозка. С нее сошли Иван Ярой, Тит Трунов и двое вооруженных ружьями солдат. Сошедшие оправили от долгого сиденья свои одежды, привязали к изгороди лошадь и, посмотрев в сторону закатывающегося солнца, вошли в дом.

На следующий день 28 мая 1767 года пристав Крапивенской уездной воеводской канцелярии подпоручик Иван Ярой составлял документ. Наверное, это было обвинительное заключение: «...Григорий Прокофьев сын Трунов тож Архип Еремеев сын Малоросихин в ночь 18 мая сего 1767 года в доме отставного конюха егоного брата Петра Прокофьева сына Трунова в деревне Алтухово Крапивенского уезда в содеянии грубого действия учинили отставному конюху удушение в то время чинившего крики... Дело 0586 по убийству отправить в Крапивенский уездный суд. К сему руку приложил, пристав Иван Ярой».

Вот такой маленький эпизод произошел в жизни наших земляков несколько веков назад. К сожалению, мне в Государственном архиве Тульской области не удалось найти дальнейших сведений о героях этого исторического очерка. Остается надеяться, что злодеи понесли заслуженное наказание, а пристав Иван Ярой и староста Тит Трунов за раскрытие особо опасного преступления пошли на повышение. Впрочем, это уже совершенно другая история.

Валерий Маслов
(г. Тула)

ПРОВИНЦИЯ АЛКА

Автор 34 книг, изданных не только в России, но и за рубежом. Заслуженный работник культуры России, председатель Тульского Фонда поддержки творческой интеллигенции, руководитель Тульского отделения литфонда, председатель межрегионального Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова..

Алла получила приглашение в Москву совершенно неожиданно: бывший одноклассник, которого прописал у себя дядя, просил приехать в гости. Девушка согласилась, не раздумывая: ей уже двадцать, а она, победительница городского конкурса красоты, до сих пор в провинции. «Мисс города» много чего обещали местные бизнесмены. Но Алла не дура, она смотрит «Жизнь Барвихи» и другие жизненные сериалы про богатых людей, и твердо знает: чтобы все это иметь, надо жить только в столице.

Название ее городка за сто первым километром от Москвы очень громкое — Новомосковск. Но от этого Новой Москвой он так и не стал. Обычное захолустье, где могут транжирить красоту и молодость только лохи. Выйти за москвича и обрести желанную регистрацию — вот единственная возможность получить настоящую жизнь.

Надо сказать, что данные для превращения Золушки в принцессу у Аллы были. Училась она отлично, обладала острым умом, умела достичь поставленных целей, а к своему совершеннолетию еще и расцвела физически. Точеная фигурка, нежная, упругая кожа, роскошные волосы и, к тому же, великолепный здоровый румянец во все щеки. Словом, Алла давно готова на подвиги, нужен только случай. И вот он представился: влюбленный в Аллу Сергей в свое время был отвергнут, как неподходящий жених. Теперь же, студент Московского государственного университета, прописанный у богатого дяди, казался ей принцем, которого нельзя упускать.

С Павелецкого вокзала столицы к квартире дяди Сергея на Тверской улице Алла добралась удачно: таксист, вожделенно поглядывая на привлекательную девушку, не стал брать с нее деньги. Но она быстро охладила его пыл, когда снисходительно улыбнулась и вышла из машины. Но в квартире родственников одноклассника ее одолела робость: сумрак длинного коридора, уходящего вдаль, высоченные потолки, которые, казалось, подпирают небо, огромная кухня, заставленная старинной мебелью — все это заставляло восхищаться и удивляться ненужной расточительности москвичей.

Сергей и его дядя гостью ждали. На кухне накрыли стол, перед каждым поставили старинные бокалы богемского стекла и фарфоровые тарелки Санкт-Петербург-

ского императорского завода. Из огромной супницы разлили наваристый борщ, налили вина. Тост взялся произнести Аполинарый, моложавый породистый мужчина с лихо закрученными изящными усиками:

— Жизнь состоит из еды, сна и проблем! — торжественно провозгласил он. — Так вот, чтобы проблем не было, надо вкусно есть и чтобы было с кем спать!

Алла заметила, что дядя как-то по-особенному поглядывает на нее, словно портной, который снимает мерки. Он был красноречив и сыпал остротами. Затем повернулся к маленькому ломберному столику, на котором стоял музыкальный центр и включил его:

— Это ранний Высоцкий. Класс: талантливо и правдиво! Особенно это: «И невеста вся в прыщах — созрела, значит!» Или «Сидим, вдвоем играем в дурака. И кто из нас кого троих дурее, не угадали мы еще пока!» Нравится, Аллочка?

Алле показалась в его вопросе скрытая издевка, особенно в намеке на созревшую невесту. И она твердо произнесла:

— Нет, не нравится.

Аполинарый не смутился и тут же поставил другой диск. Зазвучали приятная музыка и красивый хрипловатый голос.

— Леонардо Козн. Он нравится всем женщинам. Знаете его песни?

Она не слышала такого имени, но сделала вид, что понимает, о ком идет речь. Однако скрыть ей это не удалось:

— Не стесняйтесь признаваться в том, чего не знаете. Или лучше солгите, — весело произнес он. — Ложь принесла человечеству довольно много пользы. Все великие творцы были лгунами!

— И вы тоже? — неожиданно спросила Алла.

— Браво, девочка, — делаете успехи. Дайте я вас за это поцелую.

И он быстро, не дав опомниться девушке, наклонился к ней и смачно поцеловал в губы. Все было настолько неожиданно и стремительно, что Алла даже не подумала сопротивляться. Но тут не выдержал Сергей. Он вскочил, схватил гостью за руку и сказал:

— Пойдем: у меня есть кое-что поинтереснее, чем его Леонардо!

— Ну-ну, — иронично заметил дядя. — Покажи, на что способен! *Ars longa, vita brevis!*

— При чем здесь искусство? — не оборачиваясь, произнес Сергей.

— Притом, что путь его долог, а жизнь коротка, — пояснил Аполинарый. — Лови момент!

Алла чувствовала себя растерянной. Она догадывалась, что стала причиной ссоры племянника с дядей. Но на нее навалилось такое огромное количество новых впечатлений, что анализировать случившееся было некогда. Да и Сергей стал проявлять не совсем дружеские чувства. И, когда он в очередной раз попытался ее поцеловать, Алла произнесла:

— Надеюсь, в этой огромной квартире для меня найдется отдельная комната? Я устала с дороги.

Утром Алла проснулась раньше всех, прошла на кухню, перемыла посуду и приготовила кофе. Вскоре, с виноватым видом, появился Сергей. Они сели за стол и стали завтракать. За окном гудели машины, холодный зимний ветер раскачивал покрытые серебристой коркой льда ветки деревьев, а в просторной кухне было тепло, уютно и очень приятно пахло хорошим кофе. Сергей рассказывал подруге план посещения музеев, и Алла улыбалась, предвкушая знакомство с шедеврами мировой классики.

Но тут появился Аполинарый. Он был гладко выбрит, свеж и распространял вокруг запах хорошего французского одеколona. Алла невольно втянула ноздрями не-

обычайно возбуждающий аромат и закрыла глаза. Когда она их открыла, то увидела протянутую ей изящную коробочку:

— Конечно, лучше, чем естественный запах молодого женского тела, ни природа, ни человек ничего придумать не смогли. Но я все же рискну подарить тебе классику французских духов — «Шанель» номер пять.

— Бойтесь данайцев, дары приносящих, — неожиданно произнес Сергей.

— О, как влияет московский климат на провинциалов, — небрежно проронил дядя Сергея. — Уже цитируем Евангелие. Людям свойственно думать о себе лучше, чем они есть на самом деле.

— Я это не возьму, — поддержала Сергея Алла. — Не хочу никому быть обязанной. Вам кофе налить?

— Конечно! Самый божественный напиток из тех, что подарила нам природа. Кстати, какие у вас планы на сегодняшний вечер?

— Мы решили пойти в Третьяковку и музей имени Пушкина, — ответил за Аллу Сергей.

— Похвально. Но музеи могут и подождать. А что вы скажете на это? Приглашенные билеты в телестудию Первого канала на съемки популярной программы «Поле чудес»!

— И нас покажут по телевизору? — наивно поинтересовалась Алла.

— Конечно, я хорошо знаком с ведущим. Он обещал, что покажет твое прекрасное лицо крупным планом. Я ему шепнул, что ты — фотомодель. Он заинтересовался: есть шанс попасть на телевидение. Ну, как: идете?

— Конечно, пойдём! — поддержал Сергей дядю. — Мои друзья-студенты готовы на все, чтобы попасть на эти съемки!

— А тебе, к сожалению, придется остаться, — констатировал дядя. — У меня только два билета.

— Я согласна, — сказала Алла и почувствовала себя предательницей. Но лишь на короткое время: молодость эгоистична и раскаяние ей не свойственно.

Поздним вечером, когда они вернулись из телестудии, в квартире их ожидал сюрприз: на кухне сидела непричесанная, одетая в мешковатую кофту и брюки женщина и нервно курила тонкую длинную сигарету.

— Это кто? — не стесняясь, спросила она Аполинария.

— Знакомьтесь: Алла, подруга Сергея. А это... — неловко замялся он, — моя сестра Валерия.

— Все люди братья и сестры, — произнесла хриплым голосом женщина. — А почему она не с Сергеем?

— Потом объясню. Ты надолго?

— Меня выперла из квартиры мама, так что поживу. Надеюсь, эта фря не в моей комнате?

— Комнат у нас, слава Богу, хватает.

— И откуда красавица?

— Из Новомосковска, — решила, наконец, вставить слово в родственную перепалку гостя.

— А, из провинции! Имеете виды на московскую недвижимость?

— Вызовите мне, пожалуйста, такси: я поеду домой.

— Не горячись: Лера так шутит. Она — прекрасная женщина. Есть два способа умирить ее, но никто их не знает. Уверен, вы подружитесь. А, знаешь, Лера, какой прекрасный кофе готовит Алла?

— Уже горячее, — смягчилась Валерия. — Если бы она еще мыла посуду...

— Это мое любимое занятие, — серьезно сказала девушка.

— Тогда мы уже друзья. Хочешь сигарету с ментолом? Прекрасно вставляет!

— Нет, ее ждет Сергей. И так, чувствует мое сердце, он на дядю в обиде: ему не досталось билета,— сказал Аполинарий, и, галантно поцеловав девушке руку, подтолкнул в направлении ее комнаты.

Алла легла в кровать и стала вспоминать подробности телесъемки. Вдруг дверь комнаты с легким скрипом открылась, и кто-то тихо прошмыгнул в нее.

— Это ты, Сергей?

Тень не ответила, но моментально оказалась в постели рядом с девушкой. Горячее тело прильнуло к Алле, и та чуть было не поддалась мгновенному порыву. Но быстро вскочила и прижала к груди подушку.

— Дядя?! Вы что здесь делаете?!

— Я... хочу тебя. Я сделаю тебя счастливой!

— Может, для начала вы сделаете меня женой?

Аполинарий молчал лишь несколько секунд. Затем страстно зашептал:

— Да, ты будешь моей королевой! Мы распишемся. Ты станешь москвичкой и хозяйкой этой квартиры. Согласна?

И, не дожидаясь, пока гостья ответит, он повалил ее на постель и стал жадно целовать. С каждым поцелуем и вздохом сопротивление девушки все больше ослабевало. Наконец, они слились в едином порыве страсти, когда властвуют только чувства.

Утром Алла напрасно ждала Аполинария к столу. Вместо него на кухне появилась Валерия. Она холодно кивнула гостье, заварила себе кофе и, только когда наслаждалась бодрящим напитком, сухо произнесла:

— Чувствуешь себя хозяйкой? Напрасно — я его жена.

— Как?! Вы же сестра!

— Муж попросил, пока ты здесь, побыть его сестрой. Впрочем, не волнуйся: мы давно не спим вместе.

— А Сергей? Почему он молчал?!

— А ты? Почему не спешишь рассказать ему о бурной ночи с моим мужем?

— Врете — вы ему не жена. Он мне обещал!

Валерия брезгливо взглянула на соперницу и молча вышла из кухни.

Алла посидела пару минут и вдруг, словно вспомнив нечто важное, побежала в комнату Сергея. Он еще не встал и встретил одноклассницу недоуменным взглядом. Но гостью это не смутило. Она села на кровать, затем наклонилась к парню и поцеловала в губы.

Сергей сначала напряженно отстранился, затем притянул Аллу и стал иступленно ласкать. Сорвал с девушки кофточку, повалил на кровать, но тут Алла совершенно спокойно произнесла:

— Сначала ЗАГС, затем постель.

— Но...

— Ты любишь меня?

— Да, еще с пятого класса!

— Тогда собирайся и бери паспорт. В ЗАГСе скажем, что я беременна: так быстрее распишут. А пока будешь оформлять документы, я поживу дома. И просьба: не рассказывай родственникам — думаю, они не очень обрадуются.

На этот раз Сергей встречал Аллу на вокзале. Он протянул цветы, поздравил с законным браком и показал паспорт, в котором стоял заветный штампик.

— Ну, вот,— удовлетворенно произнесла девушка.— Теперь я — не провинциалка.

— Да это не главное,— радостно произнес Сергей.— Мы будем неразлучны!

— Может, с милым и рай в шалаше, но я в этом не уверена. Нам еще надо решить с твоими родственниками главное — квартирный вопрос.

В доме на самой престижной и дорогой улице столицы ее встретили враждебно. Лишь Аполинарий смотрел на красивую девушку с нескрываемым вожделением. С него Алла и решила начать. Она зашла в комнату нового родственника и откровенно спросила:

— Ты хочешь по-прежнему быть со мной?

— Спрашиваешь! Да и Сергей в постели дяде проиграет: муж — это то, что осталось от любовника после удаления нерва.

— Тогда только одно условие: я хочу получить долю от этой квартиры.

— Согласен, — пылко произнес родственник и кинулся обнимать девушку.

Но она холодно отстранилась.

— Больше я не глупая провинциАлка, — сказала девушка с ударением на начальную букву «А» в своем имени. — Сначала деньги, потом — стулья.

— О! — с удивлением произнес родственник. — Девушка умнеет на глазах. Цитаты знает. Безнравственность — это мораль тех, кто живет лучше других. Впрочем, к делу! И он вновь обнял Аллу, покрывая ее лицо поцелуями.

— Закрой хотя бы дверь!

Родственник кинулся к двери комнаты, щелкнул замком и вновь занялся привычным делом. Они уже лежали голыми в постели, как дверь внезапно распахнулась, и в комнату ввалились Валерия и Сергей.

— Так вот ты какая! — горестно произнес Сергей. — А я не верил! Значит, тебе была нужна квартира, а не я? Ну, смотри!

Он достал из кармана пиджака паспорт Аллы, вырвал из него страничку со штампом о регистрации брака и кинул ей в постель.

— Это ничего не изменит, — холодно отреагировала Алла. — Я восстановлю документ — наш брак зарегистрирован. Я — твоя жена, и часть этой квартиры по закону моя!

— Ошибаешься, дорогая, — презрительно процедила сквозь зубы Валерия. — Мы предусмотрели этот случай. Сергей отозвал из ЗАГСА свое заявление.

— А штамп регистрации брака?! Мне же муж показал его на вокзале!

— Это — фальшивка. Сейчас можно подделать хоть удостоверение самого Господа Бога. Так что выметайся из нашей квартиры и не порти судьбу Сергея.

— Ну, уж нет! С паршивой овцы хоть шерсти клок: дядя мне тоже нравится!

Услышав эти слова, Аполинарий поспешно выскочил из кровати, мгновенно собрал одежду и выбежал из комнаты со словами:

— Она запросила слишком дорогую цену: в Москве проститутки дешевле.

На улице начиналась весна, и в раскрытую форточку влетал свежий, бодрящий ветер, напоминающий, что жизнь, несмотря на все ее перипетии, продолжается.

Елена Богданович
(г. Алексин)

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ПИРОГ

Елена Алексеевна Богданович. Родилась в 1968 в городе Алексине Тульской области. Имеет высшее техническое и экономическое образование. Всю жизнь живет и работает в Алексине.

В кабинете, рассчитанном на троих, сидели и трудились на благо отечественной статистики пятеро. Как они туда втиснулись, оставалось загадкой даже для них самих. Сидели не то чтобы дружно, но спокойно, почти не замечая друг друга. Был среди них и мужчина — Владик. Женщины настолько привыкли к нему, что в его присутствии спокойно подтягивали колготки и поправляли лифчики. Владику было около тридцати пяти лет. Он был холост. Жил где-то на краю города один в однокомнатной квартире, в которой вырос не только он, но и его отец.

После окончания института Владик даже не успел растеряться, как уже оказался пристроенным папой в городской отдел статистики (временно, чтобы осмотреться). Отец вскоре умер, за ним и мама, а Владик из-за своей врожденной скромности все никак не решался пойти попросить повышения или начать искать новую работу. Так и сидел в левом углу кабинета возле сейфа, от которого уже давно был потерян ключ. Сейф не выносили из кабинета, потому что боялись, что на освободившееся место втиснут еще один стол, а значит и еще одного сотрудника.

Верочка сидела напротив Владика. Она была хохотушкой. Когда Верунчик впервые появилась на рабочем месте, то Владик мгновенно влюбился в нее, сильно покраснел и не смел полгода смотреть в ее сторону.

Со временем Верочка сделалась доброй подругой. Точнее Владик стал для нее верной подругой, потому что Вера делилась с ним всем самым сокровенным, — и когда она познакомилась с Николаем, и как ей понравился Артем, и каково ей было при расставании с Мишей, и о том, что Василий сделал ей предложение и как она его приняла. Даже о том, что Верочка беременна, Владик узнал на полчаса позже, чем сама Верочка (полчаса — это время на дорогу от женской консультации до работы).

Владик переживал, что Вера не разглядела, не поняла его души. А ведь у них была бы дружная семья, двое, а может быть, даже трое детей, а впоследствии огромное количество внуков.

Время шло, Верунчик располнела, и, как все замужние женщины, пыталась с завидной настойчивостью познакомить Владика с очередной замечательной девушкой, со временем — с замечательной женщиной, а по прошествии еще нескольких лет — с замечательной женщиной, имеющей очаровательного ребенка. С такой же завидной настойчивостью Владик пресекал все эти попытки. Он патологически стеснялся идти на первое свидание, а без первого никогда не бывает второго. И потом любовь — это

чудо. И только с такой любовью надо создавать семью. А эти знакомства. Нет, это слишком прозаично.

В конце рабочего дня Веруня вбежала в кабинет с поллитровой банкой и аккуратно поставила ее на тумбочку. Женщины не заставили себя ждать и тут же поинтересовались, что такое она принесла. Верочка с улыбкой рассказала, что Люся из парикмахерской дала ей тесто для «иерусалимского пирога» и зачитала рецепт. «1-ый день — тесто привыкает к дому. 2-ой день — добавить 1 стакан муки, 1 стакан сахара, 1 стакан молока. 3-ий день — тесто не трогать. 4-ый день — те же продукты, что и во 2-ой день. 5-ый день — тесто разделить на 4 части. 3 части раздать добрым людям с рецептом. В 4-ю часть добавить 3 яйца, $\frac{1}{4}$ часть стакана сахара, 1 стакан муки, $\frac{1}{4}$ ложки растительного масла, $\frac{1}{2}$ чайной ложки соды. Размешать, выпекать 30—40 минут при температуре 200 градусов. Есть всей семьей, никого не угощать, ломать руками». И уже от себя Верочка добавила, что прежде чем начать есть нужно что-то пожелать, очень важное. И желание обязательно сбудется.

У Владика в горле пересохло. Вот оно. ЧУДО!

На пятый день Веруня притащила пол-литровую банку для Светки из соседнего кабинета, но та заболела и не пришла. Верочка расстроенная сидела за столом и совершенно не знала, что ей делать, ведь надо пристроить третью часть теста доброму человеку, или хотя бы кому-нибудь. Владик с грустным лицом сидел напротив. Верочка с осторожностью предложила Владiku тесто, а тот, краснея от радости, не отказался.

Владик строго по рецепту добавлял нужные ингредиенты, перемешивал и выпес-товывал свое желание — добрая, милая, нежная, заботливая, красивая, стройная, любящая, спокойная, верная.

На пятый день Владик достал из духовки пирог и положил на стол остывать. Чтобы не было томно сидеть и ждать, когда пирог остынет и его можно будет разломить и начать есть, Владик включил радио. Он с большим удовольствием включил бы телевизор, но тот уже полгода как сломался, а набрать необходимую сумму на новый еще не удалось. Передавали песни по заявкам радиослушателей. Потом пошел блок новостей. Пирог ждал. Желание ждало. А Владик уже не мог ждать. Чтобы ничто не отвлекало от формулирования желания, он решил выключить радио, но замер. Радио вещало: «По данным статистики...,— Владик любил свою работу, и все, что касалось статистики, ему казалось священным,— ...а бедные слои населения составили 18 %. Вчера в Красноярске прошел форум молодых...» Владик выключил радио и потянулся к пирогу, отломил от него кусочек и поднес ко рту. Запах был нежным, каким-то добрым и успокаивающим. Слезы навернулись на глаза, а в горле застрял комок невысказанных чувств. И Владик решил, что настал момент в его жизни свершить что-то важное и главное. Он откусил от пирога и подумал: «Желаю, чтобы в нашей стране больше не было бедных».

На следующий день из двенадцати работников городского отдела статистики пришли только трое. Владика среди них не было. Ведь он был из бедных.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

Игорь Лукьянов — постоянный автор журнала «Приокские зори», лауреат все-российской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Предлагаем вниманию читателей новые стихи русского поэта.

* * *

Достопочтенный нечитатель —
Жратвы и зрелищ почитатель!
Увы, в стране с каких-то пор
С тобою явный перебор.
Кого винить? Такие годы —
Герой осмеян до костей.
И в пачке нынешней колоды
Шестерки выше королей...
Они поют, хохочут, пляшут.
Отрава хлещет через край.
Пошли их коротко — по-нашему...
И Дон-Кихота почитай...

* * *

В предвечерних евангельских сумерках
рощи и пашни.
Ледяного ручья
златопенная ярая хмель.
Светлый гул над землей
от небесных невидимых башен
освящает в очнувшихся далях —
весны акварель.
И отрада мечтателей
русских кондовых провинций —

над дыханьем берез,
над ликующим посвистом птиц
запечалится прозелень неба
печалью провидца.
И падут перед ней
все весенние радости ниц...

* * *

Хоть впору зажечь в себе циника.
Сорваться и сжать кулаки.
Какая тут, бросьте вы, лирика —
Цветочки, туманы, лужки.
Какая тут, бросьте, романтика.
Все это иль глупость, иль ложь,
Когда за иудины фантики
Идет озверелый дележ.
И гибнет страна в озверении.
И помнить не стало ей сил,
Что в мир наш придет бессребреник,
Который уже приходил...

* * *

Русь,
Не трусь
Пред рожей антихриста.
Сила в правде,
А она — с тобой.
Дали б Югославии С-300*,
Не прошел бы
Натовский разбой.
Я твой сын,
Такой же
Как и прежний —
Светлых сил
В себе не растерял.
Может быть,
Порой играл я в грешность.
В честность —
Никогда я
Не играл...

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Келейность, алчность и елейность —
Вы жметесь к власти под крыло.
И в этом сборище лакеев,
Кто не лакей — большое зло.
Но обезьяньих демократий,

* С-300 — ракетно-зенитный комплекс.

Как ни вцепись — не удержать...
Ведь все вранье!
Ведь нету платья!
Король-то голый!..

КАСТА

Каста — не кастет зубодробильный,
Но ее удары посильней,
Коль не проявляете сервильность,
Коли в рот не смотрите вы ей.

У нее глаза добрей овечьих.
У нее улыбка простака.
Но коль бьет,
Так бьет под дых и в печень
Касты подколотная рука...

ПОЭТ

Был бывший уголовник тих и вежлив.
Поклонник поэтической строки,
Он приносил то часто, то пореже
Своих стихов тетрадные листки.
Перемолов немало лет по зонам,
С есенинской душевностью почти
Писал он без блатного лексикона
О всем, что удалось в себе спасти.
Средь пьяных драк, средь зверских поножовщин
Физических и нравственных калек
Он сохранил святую обнаженность,
Без коей человек — не человек.
Без коей не почувствуешь дорогу,
Как Родину, сквозь русский лунный свет.
Рецидивист. Старик. Поэт Серега.
Пусть не Есенин — все равно поэт.

* * *

Обидно это знать. Обидно.
Как что-то прокричав иль спев,
Под правду ряженная кривда
Морочит голову толпе.

Обидно, как свои же люди
На всем серьезе — не во сне,
Все православные по сути
Внимают сердцем сатане.

Пока меж кривдою и правдой
Идет война. Я в той войне

Стою на божьих баррикадах —
И не уйти отсюда мне...

* * *

Завертит жизни карусель.
Но надо все ж остановиться.
Чтоб быть собой, нужна позиция.
Чтоб быть собой, потребна цель.

А кто ты есть? И что в тебе —
Всегда меж добрыми и злыми.
Способен ли, вдохнув полынью,
Понять — что русский по судьбе.

* * *

Жизнь порою — такая отравя.
Но постой,
 вот маэстро придет.
Все, что было
 мертво и коряво,
У него зазвучит, запоем.
Это все ты увидишь,
 услышишь
В тихом снеге
И в буйстве ветвей.
Ты поверь
 в эти глупые вирши,
Как последней надежде своей.

Александр Хадарцев
(г. Тула)

С ГОДОМ ЗМЕИ!

Год Змеи над вечностью маячит
годы ускользнули в никуда.
Просто новый цикл Природой начат.
Значит, бесконечность — навсегда!

Свету — нет конца! И нет сомнений
в том, что жить осталось тыщи лет!
Нет у нас серьезных возражений
против круговертия планет!

Строятся планеты по ранжиру.
Вместо хоровода — четкий строй.
Звездному мерцающему миру
предназначен праведный покой!

Ни при чем тут предсказания майя
и цикличность их календарей!
Старый Год Дракона провожая,
ждем Змею у праздничных дверей!

С Новым Годом! С верой и в надежде,
что в змеиный год нам повезет!
Что любовь, здоровье, как и прежде,
будут вместе с нами в этот Год!

С ФРАКТАЛЬНЫМ ЮБИЛЕЕМ СУДАКОВА

В юбилей — оставим церемонии!
Возраст — он приходит, как награда,
в полном соответствии с гармонией
чисел Фибоначчиева ряда!

Восемьдесят лет — эпоха целая!
В то же время — это миг кратчайший!
Судаков, эпоху эту делая,
перенаполняет знаний чаши!

От улитки до системоквантов —
шаг один, но в глубину астральную!
Толщиной ученых фолиантов —
не измерить истину реальную!

Но наука, как игрушка детская,
завлекает непонятьем странности.
А, по сути, истина — простецкая,
лишь укрыта облаком туманности.

Пусть десятков — восемь — отмечено!
Пусть — тринадцать станется десятков!
Числами фрактальными устелено
поле нашей жизни — без остатка!

Нет в физиологии нормальности,
столь желанной нашему сознанию!
Только юбилейные реальности
превозносят тяжкий путь к познанию!

Пусть желаний в жизни — не убавится!
Пусть всегда еще чего-то хочется!
Творческий запал пускай не старится!
И на женщин зуб — пускай не сточится!

8 МАРТА

На перепутье меж зимой и летом —
в начале марта вновь чудит погода.
Но женщина согреет нежным светом
остывший мир в любое время года!

Поэтому восьмое марта — песня
весенних чувств, цветов и поздравлений.
А с песней жить — намного интересней,
чем с пустотой указов и решений.

Путь к сердцу женскому порой бывает сложен
но в этот день — возможен и реален!
Мужчина в марте — не всегда надежен,
но искренен в душе и не формален!

Пускай весны бурлящее цветенье
объединит букет желаний разных!
Пусть воссияет женский день рожденья:
восьмое марта — долгожданный праздник!

Нет в юбилеях ничего хорошего!
Еще десяток лет скользнули мимо.

Как будто жизнью нам перчатка брошена,
хоть эта жизнь была всегда любима.

У времени — оружие бесстрастное:
отчетливость в зеркальном отражении.
Но возраста — старания напрасные!
Потерпит он, бесспорно, поражение!

Негласно — чудеса еще встречаются!
Ведь молодость — в поступках отражается!
В бурление дел — нам некогда покаяться!
Чуть-чуть грешить — ей Богу, разрешается!

Нет возраста! Особенно — у женщины!
Она всегда в девическом цветении!
Навеки с юным возрастом повенчана.
Не юбилей с ней, а дни рождения!

∞ — ЗНАК БЕСКОНЕЧНОСТИ

Восьмерка — бесконечности сродни,
но только не в таком лежащем виде!
Мы вертикалью вяжем наши дни,
как нам вещал когда-то чей-то лидер!

Всевышнего опять благодарю,
но не за то, что посетила муза!
Спасибо, что пишу секретарю
писательского нашего союза!

Он в седине и мудрости — велик!
Оно понятно, звать его — Пахомов!
Судьбу стихослагающий мужик,
чье слово и надежно, и весомо.

Страна живет в эпоху пустословья,
к которому иммунитета — нет!
Но вот ему — желаем мы здоровья
и новых рифм на восемьдесят лет!

Пусть пройдет и столько, и полстолька,
в согласии с друзьями и собой!
И пусть его не огорчит нисколько
почтенный возраст позднею весной!

Игорь Мельников
(г. Тула)

ЗДРАВСТВУЙ, ГОРОД...

Игорь Мельников родился 1 января 1981 г. в Туле. Работает фельдшером-лаборантом в Детской областной клинической больнице. Студент Брянского государственного университета им. Петровского. В 2005 году окончил МГТУ им. Шолохова. Дипломант городского литературного турнира «Венок Пушкину» (1999 г.). Участник областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева (г. Тула). В составе «Музы» регулярно выступает на площадках Москвы, Тулы и Тульской области. Автор сборника стихотворений «От и до». Имеет публикации в журналах: «Приокские зори» (Тула), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Русский писатель» (Санкт-Петербург), «Студенческий меридиан» (Москва), а также альманахах «Тула», «Муза» и «Иван-Озеро» (все Тула).

* * *

Ты зол на жизнь, что означает — на себя.
Ты бунтовал, но это выглядело странным:
Восстанье слов под руководством муравья.
С дивана на пол, как в неведомые страны.

Что рассказать, о чем напишут в ЖЗЛ?
А может, там уже биографы потеют:
«Сбылась мечта, но он не этого хотел!
Друзья — фальшивки в знаменитой галерее!»

Уже за тридцать, но по-прежнему полно
Иллюзий старых. Впрочем, в них не очень веришь.
Пусть наша жизнь слегка похожа на кино,
Но нашу скуку кинолентой не измеришь.

Смешно, старик... Но, понимаешь — все течет!
Хотя до нас об этом мудрые прознали.
Ты поумнел, поставив личный свой рекорд.
И даже в мыслях наградил себя медалью.

Читаешь книги, где отменное вранье
Перемешалось с глупой правдою в бокале,

Где ты себя в мерзавцах всяких узнаешь,
Как мы детьми себя в героях узнавали.

СВОЙ ГОРОД

Тот же снег и синицы на ветках
То ли в праздности, то ли в трудах...
О хорошем здесь думают редко.
О насущном твердят, как всегда.

Здесь талантливым быть бесполезно.
За такое не жалуют тут...
Те же рельсы дороги железной,
По которым составы ползут.

Чуть поодаль — река ледяная.
Тот же мост примостился над ней.
Эти дали, от края до края,
Нету в мире для сердца милей

Может быть это неинтересно,
Я себе говорю, но постой!
И на карте найди это место,
И узнаешь свой город родной.

РАЗНООБРАЗИЕ

От максимализма
до маразма,
Если без придилок посмотреть,
Жизнь течет весьма разнообразно.
И, наверно,
так и будет впредь.

Можно быть ограбленным под вечер,
Или помяукать на луну,
Даже поболтать
по-человечьи
С девушкой про деньги и весну.

Можно стать голодным и опасным,
Истиной считая всякий вздор.
Сколько здесь возможностей прекрасных!
Но — не придираться! Уговор!

СОЛДАТЫ

Ну какие мы солдаты?
Мы — голодные грачи.
Перелатанные латы.
Заржавелые мечи.

Наши кони из фанеры.
Наш удел — людей смешить.
Но за правду, каждый первый
Счастлив голову сложить!

Танк стреляет фразой резкой.
Бомбы зреют на ветвях.
Вам подобного гротеска
Не найти в других войсках.

На расчесочке сыграем,
Выпьем пива и споем...
Да с тяжелыми боями
Город ваш к утру возьмем.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

* * *

Утихла первая метель,
Снежинки сонные пропали...
Ты от меня ушла теперь,
Все оттого, что мы устали.
Устали верить и любить,
Устали нежиться в постели...
Пора расстаться и забыть...
И ты растаяла в метели.

КРОШКА

Весело шагаешь,
всех ты привлекаешь,
Сердце замирает —
 если поглядишь!
На меня взглянула,
 вроде подмигнула,
Улыбнулась нежно,
 как здесь устоишь?!
Ай, да крошка,
 а какая ножка?
Белая сережка
 радостно блестит.
Но другой навстречу
 вышел ей с цветами.
И она под руку
 с парнем тем ушла.
А теперь гуляют
 вместе вечерами...
Мы вдогонку смотрим —
 как же хороша!
Ты порой приснишься —
 не судьба, но все же!
Хоть во сне приходишь
 не к нему — ко мне!
Знаю, для тебя он,
 может быть, дороже.
Улыбнись хотя бы
 для меня во сне!
Ай, да крошка,
 а какая ножка?

Белая сережка
 радостно блестит.
Ты откуда взялась,
 как мне повстречалась?..
И глаза сверкнули,
 словно малахит...

* * *

О, наша жизнь! Печаль и радость,
Удача, ненависть, надежда...
Любовь и женщина и сладость,
И горечь от разлуки прежней...

* * *

Сыплет бисером пурга за окном,
И стучится белый снег в белый дом.
Как уютно у печи нам вдвоем,
Мы о чем-то говорим, что-то пьем...
Бродят отблески огня по глазам,
Бродят тени по стенам и по нам.
Тени прошлого в душе пробегут,
Радость прошлую, быть может, вернут?
Сыплет бисером пурга за окном...
Нам по-прежнему тепло в доме том...

* * *

Сколько раз я любил —
 столько раз и люблю...
Нет, любовь не уходит навек...
Помню всех... Помню все...
Даже юность свою —
Видно, создан таким человек...

НЕБЕСНЫЙ АНГЕЛ

Кружится снег над белым городом,
И улетает в никуда...
Когда-то все мы были молоды,
И не страшили нас года...
Мы жили, верили, надеялись,
Теряли голову порой...
Но все ушло, как снег, развеялось,
Воздалось каждому судьбой.
Короткий срок снежинки тающей,
Короток нашей жизни век...
Парит, летит во тьме мелькающий
Небесный ангел, а не снег.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Пантюхин Олег Викторович — член Союза писателей России, член редколлегии литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», директор издательства Тульского государственного университета.

* * *

Ожиданье — тягостная мука,
Заставляет будущим нас жить.
Там, за поворотом, счастье иль разлуку
Нам судьба готовится вручить?

Время — это самый скорый поезд,
Устремленный вдаль, за горизонт,
Любит тех, кто с ним шагает вровень,
И не любит тех, кто прошлым днем живет.

Человек, выстраивая планы,
В будущего грезы погружен,
Сам порой бывает нереален:
Мысли и мечты всего лишь сон.

Жизнь проходит в планах предстоящих,
День вчерашний требуя забыть.
Я предпочитаю жить лишь настоящим —
Только в нем возможность есть любить!

БЕЛАЯ ПТИЦА

Я уеду к морю,
В край, где нет людей,
Чтоб душа на воле
Ожила скорей,

Чтобы насладиться
Свежестью ветров,

Чтоб освободиться
От земных оков.

Стану белой птицей,
Улечу на юг
От ненужных сердцу
Долгих зимних вьюг

* * *

Глоток весны... Так хочется его!
Он где-то задержался по дороге.
И с холодом покончено давно,
Ведь у зимы закончились все сроки.

И дни длиннее стали, свет даря.
И душам не дано бродить в потемках.
Они не существуют, не любя,
А разбиваются на мелкие осколки.

Всем нам немного света, хоть чуть-чуть,
Так не хватает после зимней стужи.
Планета снова к солнцу держит путь,
Чтоб воскресить израненные души...

Анна Барсова
(г. Екатеринбург)

Анна Барсова (это литературный псевдоним Анны Барсегян) поэт, публицист, переводчик, обладатель Национальной литературной премии Золотое перо Руси (М. 2009), премии имени А. С. Грибоедова, (М. 2010) и ряда других наград. По образованию — филолог, культуролог. А. Барсова — автор четырнадцати книг стихов, баллад, поэм: «Река времени» (1994), «Голубой огонь» (1996), «Рубеж» (1998), «Время и пепел» (2003), «И день, и ночь...» (2002), «Очарованная странница», (2003) «Бие-ние сердца» (2005), «Камская тетрадь» (2007, 2009)), «Звезды над Араратом» (2008), «Обласканная солнцем» (2009) и др. Основные темы стихотворений, баллад, поэм: раздумья о судьбах России в переломную эпоху, о жизни и смерти, любви, верности и дружбе, единстве человека, природы и мироздания, традициях русской классической поэзии.

ЛЮБИМЫЙ КРАЙ

Где любимый край мой, речка Ангара,
Волны голубые в искрах серебра,
Лес — каймой у берега и уходит вдаль,
Хорошо в Америке, а у нас — февраль!
Пусть кружит и вьюжит, это ничего,
После зимней стужи будет нам тепло!
Полечу голубкою в милый, светлый край,
Стану незабудкою... Родина, встречай!
Иль травой зеленою вырасту в степи,
Родина, красавица, лучше нет земли!

ДУМЫ

Ночь ложится на сонный город.
Засыпает звезда в вышине.
Я одна. Подниму шубы ворот,
Что-то зябко мне по весне.
То ли студит ветер-бродяга,
То ли страхи мешают идти,
Где вы, молодость и отвага,
Нам всегда было по пути?!
А по улице катят машины,

Все подъезды закрыты давно.
Домофоны, реклама, витрины,
Жизнь шальная и здесь, и в кино.
Убивают, играя, стреляют
В казино и на мостовой...
Время в вечность свой путь продолжает,
Мы бежим дорогой какой?!

* * *

Из цикла «Жемчужины»

* * *

Ах, как годы пролетели,
Время мчится, тает, тает...
Ветер свищет, рвет одежды,
Третий возраст наступает!

БИБЛИЯ

1

Божественное дыхание
И негасимый свет.
Вобрала в себя мирозданье,
На все нам дала ответ!

2

В какой из книг мы узнаем себя,
Смеемся, плача, и живем, скорбя?
В какой из книг нам Богом дан завет?
То — Библия! В ней — вечный свет!

* * *

Все — надеждам доверьте,
Жизнь дорогой проверьте!
Она — света начало,
Живешь век, а все мало.
Она — солнца напиток,
Но в ней яда избыток!

ОКТАБРЬ

Задумчивый, октябрь,
Янтарный, золотой,
Поговори, октябрь,
Поговори со мной!
Пойдем с тобою рядом
По солнечной листве,
Нет лучше в мире сада
На голубой земле!

Мы постоим у Камы,
На реку поглядим,
Потом с тобой, октябрь,
О прошлом загрустим:
О лете синеглазом,
О луге полевым,
О солнце златовласом,
О милом, дорогом.
Найдем покой и счастье
В небесной вышине...
Побудь со мной, октябрь,
На ласковой земле!

* * *

На севере дальнем леса и леса,
Белесое небо и глаз бирюза.
Озера, что звезды, горят на земле,
О чем-то мечтая в серебряном сне.

На севере дальнем, у Белой реки,
У Вятки-певуны, белы пески,
Что белые груди на солнце лежат,
И полон черемухи тихий наш сад!

ЦАРИЦА-ПРИРОДА

Октябрьское утро,
уже морозный день.
На небе перламутром
начертанная тень.
Бегут, летят дороги
в задумчивую даль,
исчезните, тревоги,
мне ничего не жаль.
И ничего не надо
творить и сочинять,
природа все сказала,
чтоб всем нам попенять,
чтоб показать, что судьи
мы только лишь себе
и жаждем вечно чуда,
жизнь, проводя в борьбе.
Она живет собою,
своя в ней глубина,
и в мире бесконечном
царит она — одна!

Яков Шафран
(г. Тула)

PERSONALIA

Поэт и прозаик, автор четырех книг стихов и прозы. Печатается в журналах «Приокские зори», «Московский Парнас» и «Голос эпохи» (Москва), в альманахах и коллективных сборниках. Составитель альманаха «Ковчег» при журнале «Приокские зори».

* * *

*К 10-летию гибели
в огне пожара
Ольги Подъемицковой*

Ты была изюминкой, цветком,
Неба беспредельного явлением...
Бездна, ночь, огонь, исчезновение,
Крик предупредительным звонком.
Ты была кувшинкой на пруду,
Зябнувшей в ночной октябрьской стыни...
Утро, свет, сиянье, но... отныне
Я кувшинку эту не найду.
Ты жила в неведение потерь
Птицею веселой и отважной.
Небо, небо, у земли сермяжной
Птицы певчей нет такой теперь.
Где ты, где ты, певчая сейчас?
А у нас зима последней пробы
Все метет, метет свои сугробы,
Пряча место, где костер погас...

* * *

Ольге Подъемицковой

Мне так хотелось бы вернуть —
Я так тоскую и жалею,
И по ночам в мечтах лелею —
Пройти непройденный наш путь.
Вот улица — ты так близка,
И говоришь о чем-то важном.

А в домике одноэтажном —
Дочурка-инвалид. Пока...
Мне так хотелось бы... Но нет
Тебя уж рядом и не будет,
И кто меня теперь осудит
За нескладину давних лет.
Но почему-то тянет вновь
Тот дом, где я ни разу не был.
И четверть века — день у неба,
И душ вне времени любовь.

* * *

Утро штрихует стекло
Мелким осенним дождем,
Тихо скребется в окно
Желтым пожухлым листом.
Голым ветвям уж не скрыть
Блики настырных реклам;
Их электронная прыть
Бьет по глазам и мозгам.
Мечутся тени людей,
Плавают шляпки зонтов
В море дождя и огней,
И вездесущих авто.
Я на балконе стою,
Створки окна распахнул.
Осень, напиток твой пью
И, тяжелея, тону.

* * *

Ноябрь. Ни листика, ни краски —
Ну, просто не на что глядеть.
И только слякотные маски,
И только слякотная клеть.

Уйти, уехать! Где мой поезд?
Через октябрь, сентябрь — туда,
Где лета васильковый пояс,
Где буйство красок у пруда...

Но лишь сухие пальцы веток
Под ветром тычутся в лицо
И в лужах ставят сотни меток —
Плетут, как могут, кружевцо.

И тучи рвано ходят-бродят,
И ветер дует так и сяк,
И мусор хороводы водит —
Бездомный слякотный босяк.

* * *

*И поведают нам здесь живущие люди,
На года свою жизнь не деля,
Как глушил небеса гром тяжелых орудий,
И фонтанами была земля.*

В. Пахомов. Минное поле.

Я не слышал раскатов тяжелых орудий
И не видел, как била фонтаном земля.
И нашествие той оболваненной чуди
По рассказам я знаю, старейшим внемля □.
И не слышал я криков горящих живыми,
И не видел зарывшихся в почву солдат.
Но с годами все больше считаю своими
Раны тех, кто горел и сражался тогда.
Оттремели давно уже марши победы,
И упала холодной години стена.
Но еще беспокойно душе, словно беды
Еще длятся, и долгая длится война.

* * *

Возлегла зима на землю —
Белым снегом пеньюар, —
Сделав собственной постелью
Крышу, дверь и тротуар.

Распахнула шелк свой белый
И покрыла рошу им.
— Приходи, Морозец смелый,
Чтоб любиться нам двоим!

Но Мороз, наверно, «в пробке»
На дороге, на пути...
И раздался тихий, робкий
Вздых из девичьей груди.

Пеньюар опал и сник весь.
И, зарыв лицо в постель,
Плачет тихо, не противясь.
И звенит, звенит капель.

* * *

Наконец наш морозец-пострел
Разбросал по земле зеркала.
Ночью он за дождями поспел,
Пока вьюга еще не мела.

И лежат поскользушки разинь
И забавы для звонких детей,

И глядятся в них солнце и синь,
А ночами огни фонарей.

* * *

*Ох, и погода на Руси:
То врет, то притворяется.
Того гляди — заморосит,
А может, разгуляется.*

Г. Леондева «Ох, и погода на Руси...»

Обнаженной женой пред супругом,
Словно в первую брачную ночь,
Перед первыми снегом и вьюгой
Ждать земле уже больше невмочь.

Снег и вьюга, да ветер-пройдоха
Разгулялись давно по лесам,
Закрутили березки и дохи
Распахнули сосенкам на срам.

Мостовая ж в постели холодной,
Без пуховых совсем одеял,
Смотрит в окна собакой голодной,
Кто б согреть ее, мерзлую, взял.

Мы сидим в стенах нашей домины,
Электричеством греясь в ночи,
И читаем стихи про камины:
Как метель завывала в печи,

Как пушистою белою сказкой,
Волшебством нам являлась зима,
Как мороз серебристою краской,
На окне рисовал письмамена.

* * *

«Деда, дедушка,
две копеечки!» —
просит девушка
с костылей.
А сама, хотя
в телогреечке,
пьет из баночки
в сто рублей.

Жалко тянет так:
«По-мо-ги-те!..»
Руки целы,
глаза умны.

Так хочу
ей сказать:
«Пойдите,
потрудитесь-ка,
вы сильны!»

Не понять —
для нее загвоздка.
Ведь поболе,
чем треть страны,
деньги делают
впрямь из воздуха,
сделав лодырем
остальных.

* * *

Когда бессмысленность во взоре
И позабыто мастерство,
Когда уж и чужое горе
Не будоражит естество,

Когда и дети уж не дети,
А марсиане на постой —
Висят в бездонном Интернете,
Не отрываясь, день-деньской;

Когда мой дом уже не крепость,
А телевизор — брешь в стене:
Оттуда грязь, вражда, нелепость
Да ложь в туманном телесне,—

Так хочется воскликнуть: «Боже,
Верни мне гордость за страну,
Да чтоб она вместила тоже
И ту Великую войну,

И труд, и ум, и милосердие,
Детей и дружбу, и любовь,
И мудрость знания, и усердие,
И милый безопасный кров;

Чтобы ее предметом стала
Забота в старости седой,
Чтоб память наша не устала
Гордиться гордостью такой!

* * *

*Господи правый, яви свое чудо,
Раны омой и утри,
И на бессрочную службу отсюда
Душу мою заberi!*

В. Бояринов. Солдатский сон

Где б я ни был, с кем и кем бы,
Об одном прошу, Господь:
Не покинь — в досрочный «дембель»
Не отправь меня, погодь!
Пригожусь на тропке узкой,
Там, где заросли травы;
Все поля равнины русской —
Лишь сурепка да ковыль.
Из бурьяновых обманов
Вьется, вьется тропка вдаль.
От нескошенных дурманов
Уходить, по правде, жаль.
Но возьму косу я в руки
И, хотя плохой косец,
Чрез мозолевые муки
Положу сему конец.
А потом пройдуся я плугом,
Вслед за этим — бороной,
Чтоб земля не только лугом
Стала будущей весной.
Где б я ни был, с кем и кем бы,
Об одном прошу Тебя:
Не единым живы хлебом,
Но всего нужней — хлеба!

К 70-ЛЕТИЮ ПОДВИГА МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ЮРА, СЕРЕЖА И БЕССМЕРТИЕ
(К 70-летию подвига героев-комсомольцев
краснодонской подпольной организации
«Молодая Гвардия»)

*«Мы молодая гвардия
Рабочих и крестьян!»*

А. Безыменский

ЮРА

Эту фотографию мне впервые показали еще тогда, когда я только учился говорить: «Смотри, это твой дядя Юрочка». На снимке, сделанном около 1928 года, милый лобастый мальчуган лет четырех с печальными и удивительно глубокими глазами. Их взгляд устремлен куда-то очень далеко — то ли в пространство, то ли сквозь время. Правой своей ручкой он подпирает щеку, левая спокойно лежит на спинке стульчика, который он оседлал. Во всем облике мальчика какая-то невыразимая и необъятная скорбь. Кажется, что через годы он видит свою судьбу, неизбежную и трагическую.

На обороте фотокарточки рукой старшей сестры моей бабушки, Марии Александровны Виценовской, мамы мальчика, сделана надпись, обращенная ко мне. Она просит меня помнить о тех, «кто отдал свою юную жизнь за нас... и за тебя!.. Чтобы жилось нам легче, веселее и красивее».

* * *

На рубеже XIX и XX веков в селе Церковном* Луганской губернии проживала большая и дружная семья Бурлуцких, в чьих жилах текла кровь разных народов. Глава семьи, Александр Алексеевич, учитель пения в местной церковно-приходской школе и регент церковного хора, был сыном чистокровного цыгана, родившегося в

* После революции село было переименовано и стало называться Красное.

таборе еще при жизни Пушкина, в 1830 году. Повзрослев, молодой цыган женился на украинке, осел в Луганской губернии и обзавелся многочисленными детьми, получившими по наследству от отца редкие музыкальные способности. Я очень хорошо помню, как за новогодним столом 1970 года у нас дома престарелые внуки его, среди которых была и моя бабушка, неподражаемо пели русские и украинские песни на три голоса. Дед Алешка, как все его звали, прожил долгую жизнь и умер в 1930 году в возрасте ста лет.

У жены Александра Алексеевича, Акулины Иосифовны, отец был грек, также женатый на украинке. Он рыбачил на Азовском море. Прабабушку Кулю я помню отлично. Она меня очень любила и ласково называла «Вовта».

Двое детей супругов умерло в младенчестве, но зато живых детей было девять: пять девочек — Мария, Валентина, Софья, Галина и Любовь, и четыре мальчика — Александр, Василий, Михаил и Николай.

Был у Бурлуцких неплохой земельный надел сообразно численности семьи. Это давало определенный достаток. Александру Алексеевичу даже приходилось нанимать батраков, поскольку в разное время то одни дети были еще малы, то другие уезжали учиться. Прадед пользовался большим уважением у односельчан и расплачивался с наемными работниками всегда честно. Он и его дети, с малолетства приученные к труду, работали в поле вместе с батраками, а те по-семейному ели с хозяевами за одним столом. Так продолжалось до конца 20-х годов, когда было решено старого сельского учителя раскулачить и «дать волю» батракам. Впрочем, последние, будучи «несознательными» и «неблагодарными», обретенной «волей» остались очень недовольны.

Однажды, до революции, в село Церковное из Луганской епархии Русской православной церкви приехал с инспекцией архиерей. Он был до того растроган прекрасным пением сельского церковного хора, которым руководил мой прадед, что проследился и даровал Александру Алексеевичу духовный сан псаломщика.

Сан, конечно, маленький, но зато он давал Бурлуцким существенную привилегию. Теперь их дети имели право обучаться в епархиальных учебных заведениях на полном пансионе. Причем, поскольку семья была многодетной, один ребенок учился бесплатно, за счет РПЦ. Этим ребенком была моя бабушка, Софья, учившаяся в Мариупольском епархиальном училище.

Старшая, Мария, училась в Киеве. Она мне рассказывала, как в 1911 году их, воспитанниц училища, в парадных белых фартуках вывели на улицу для встречи высочайшей особы. Мимо Марии в автомобиле проехал государь-император Николай II в сопровождении премьер-министра П. А. Столыпина. Кортёж направлялся как раз в тот самый театр, где спустя пару часов прогремел выстрел террориста Багрова. Как известно, он оборвал жизнь Столыпина. Мария училась тогда в выпускном классе.

На каникулы Мария приезжала домой. Вместе с родителями она занималась хозяйством, присматривала за младшими, а еще занималась с детьми зажиточных односельчан, чтобы помочь отцу платить за учебу братьев и сестер.

Здесь надо упомянуть о том, что епархиальные училища давали образование повыше, чем обычные средние учебные заведения. Выпускники имели право работать школьными учителями, что и произошло с моей бабушкой, чей педагогический стаж начал свой отсчет в сентябре 1917 года на ее малой родине. Здесь же чуть раньше начала учительствовать и Мария.

Ветры Гражданской войны занесли на Луганщину двух братьев Резцовых — Ивана и Василия. Родом они были из слободы Великомихайловской Старооскольского уезда ныне Белгородской области, а тогда — Курской губернии. Выходцы из се-

мьи ремесленников, о чем свидетельствует их фамилия, оба брата, тем не менее, имели педагогическое образование. Старший на девять лет Иван окончил Курскую учительскую семинарию, а Василий — аналогичную семинарию под Полтавой. Оба успели повоевать в Первую Мировую войну. Василий в чине прапорщика русской армии был командиром взвода на Галицийском фронте и участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве 1916 года. Было ему тогда двадцать лет. Их старший брат, Алексей Резцов, правая рука своего мастеровитого отца, Ивана Павловича, плотника и столяра, также был призван на фронт в 1914 году, но погиб в первом же бою тридцати лет от роду.

Вернувшись с войны домой, братья решили работать в школе. Но когда в Великомихайловской началось формирование Первой Конной армии, Иван и Василий покинули родные места, пока не начался призыв. Им было непонятно, кто с кем и за что воюет, и почему русские стреляют в русских. Они просто хотели жить и учить детей.

Так произошла встреча моего дедушки и моей бабушки — Резцова Василия Ивановича и Бурлуцкой Софьи Александровны. Они стали мужем и женой и прожили вместе всю оставшуюся жизнь. 1 ноября 1928 года в большом шахтерском поселке Сорокинский рудник (с 1938 г. — г. Краснодон) у них родился сын Вадим — мой отец. Бабушка рожала дома, а жили они тогда в той самой квартире, где позже поселилась Елена Николаевна Кошечкина со своим сыном Олегом, ставшим во время гитлеровской оккупации комиссаром «Молодой Гвардии», подпольной организации краснодонских комсомольцев-патриотов.

Дом, в котором жил комиссар «Молодой гвардии» Олег Кошевой

Мария Александровна вышла замуж за горного инженера Семена Яковлевича Виценовского, и несколько лет их семья жила в Ростовской области, где тогда работал инженер. Там, в г. Шахты, 23 февраля 1924 года у них родился первенец Юрий, а через пару лет второй сын — Леонид.

В середине 20-х годов большинство Бурлуцких переехало в находящийся неподалеку от их села Сорокинский рудник. Там же теперь жила и семья Галины Александровны, у которой, кажется, в 1930 году родилась дочь Аллочка.

Сан псаломщика, дарованный архиереем Александру Алексеевичу и принесший до революции его семье выгоды, с приходом Советской власти сыграл с ним злую шутку. Старик-учитель угодил в разряд «чуждых элементов». До самой смерти в 1935 году он пытался убедить не шибко грамотных представителей рабоче-крестьянской власти в своей лояльности и даже через газету отказывался от сана.

В семье Виценовских царил мир и лад. Юра рос очень добрым, ласковым, застенчивым мальчиком. Тихий и аккуратный, он с пяти лет выучился читать. Очень любил младшего братишку Леню. Одно огорчало родителей: мальчик сильно заикался. В раннем детстве его испугала большая собака. Врачи оказались бессильны, но помог счастливый случай. В Луганской (тогда Ворошиловградской) области гастролировал гипнотизер, к которому Мария Александровна привела сынишку. Маэстро пообщался с Юрой, а затем погрузил его в гипнотический сон. В конце сеанса он приказал Юре: «Скажи свое имя, отчество и фамилию!» Юра тут же без всякой запинки произнес: «Юрий Семенович Виценовский». Тогда гипнотизер вывел мальчика из гипнотического сна командой: «Проснись! У тебя головка не болит!» Юра проснулся и к радости мамы уже не заикался, а если и заикался, то только чуть-чуть — когда нервничал. К сожалению, радость была настолько большой, что Мария Александровна забыла, а потом так и не смогла вспомнить имя спасителя-гипнотизера.

Дети сестер воспитывались вместе, и Юра как самый старший заботливо опекал младших: брата Леню и двоюродных брата и сестру — Вадика Резцова и Аллочку Рябову.

Слева направо: Леня Виценовский, Вадик Резцов и Юра Виценовский, п. Сорокинский рудник, 1933 г.

Слева направо: Аллочка Рябова, Вадик Резцов, Леня и Юра Виценовские, п. Сорокинский рудник, 1933 г.

В 1931 году Юра поступил в первый класс школы № 1 имени А. М. Горького, где работали мои бабушка и дедушка. Через четыре года он перешел в школу № 4, где сдружился с Сережей Тюлениным. Учился увлеченно. Мария Александровна вспоминала: *«Аккуратен был со своими учебниками и тетрадями. Ни одной пометки, кляксы на тетрадях и книгах. В книгах у него закладки. Так уж берег их! Бывало, сядет готовить письменные уроки, сначала делает в черновой тетради, а затем переписывает в чистовую. Но трудно было понять, где какая. Обе были чистыми. Учился хорошо. Только на «четыре» и «пять».*

Краснодон, школа № 1 им. А. М. Горького

В 1933 году, когда Юре исполнилось девять лет, умер отец, Семен Яковлевич, у которого было большое сердце. На плечи Юры легли все заботы о младшем брате: матери приходилось работать в школе в две смены.

В Краснодоне учительницу Марию Александровну Виценовскую знал буквально каждый. Она очень любила детей, свою работу. Всю душу вкладывала она в подрастающих мальчишек и девчонок. Среди них были и будущие молодогвардейцы.

После уроков, наскоро завернув в газету огромную кипу ученических тетрадей, Мария Александровна спешила домой к сыновьям. Мальчишки радостно мчались ей навстречу, спеша сообщить о том, что случилось за день. Они очень любили свою мать, дорожили ее дружбой.

Мария Александровна никогда не волновалась за сыновей, оставляя мальчишек одних или с сестрой Галиной: они были послушными и прилежными. Вдвоем они ходили в магазин, делали уборку, гуляли. Братья дружили, хотя были совсем разными: Юра - серьезный, очень застенчивый и не по летам высокий, а Леня — черноглазый и подвижный шалун. Летними вечерами всей семьей ходили в городской парк. Там играл духовой оркестр, гуляла молодежь, родители с детьми. Набегавшись, братья просили купить им мороженое с вафлями.

Летом Мария Александровна с учениками уезжала в пионерский лагерь, который находился на берегу Северского Донца, и брала с собой сыновей. В семейном альбоме хранилась фотография: на фоне плакучих ив запечатлен пионерский отряд. В центре улыбается Мария Александровна, а рядом в обнимку с товарищами — Леня и Юра...

М. А. Виценовская (в первом ряду вторая слева) среди коллег по работе. Крайняя слева в первом ряду — ее сестра С. А. Резцова. 8 декабря 1933 г.

Посетило горе и семью Резцовых. Пришло известие о том, что умерли отец и мать Василия Ивановича. На Луганщине с продовольствием было лучше, чем в голодавшей слободе Великомихайловской, и дедушка регулярно отправлял своему отцу продовольственные посылки. Последняя из них вернулась с пометкой: «Адресат умер». Отец рассказывал мне, как дедушка над этой посылкой рыдал ...

В 1934 году Резцовы переехали в Рязанскую область, и теперь регулярно общались с Марией Александровной по переписке с перерывом на гитлеровскую оккупацию Луганщины.

Юра рос и мужал. Менялись его увлечения, желания, мечты. Он увлекался музыкой, радио, футболом, пробовал свои силы в поэзии, хорошо рисовал и в старших классах редактировал стенгазету.

Рисунок Юрия Виценовского

С братом Леней Юра часто что-нибудь мастерил по книге «Умелые руки». Он так увлекался химией, что делал химические опыты прямо у себя дома. Леся (так называли младшего брата в семье) любил биологию, а Юра ему помогал. Вместе они посадили в саду дуб и абрикосовые деревья. Когда через много лет я приезжал летом в Краснодар, то вместе с Марией Александровной собирал урожай абрикосов с деревьев, посаженных ее сыновьями.

Юра активно участвовал в литературном кружке, обожал поэзию В. В. Маяковского. Роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь» был у него настольной книгой. В Павке Корчагине Юру восхищало мужество, стойкость, отвага и беззаветная любовь к своей Родине. В старших классах он дружил с одноклассницей Шурой Рымарь. В 1938 году Юру приняли в комсомол.

Юрий Виценовский, около 1941 г.

О том, каким был старшеклассник Юра Виценовский, сохранился рассказ его классного руководителя Анны Дмитриевны Колотович:

«Очень ясно мне представляется стройная фигура Юрия Виценовского, выдержанного, уравновешенного, спокойного, но довольно замкнутого юноши. Часто во время перемен десятиклассник Юра направлялся к младшим классам, где учился его брат Лень, живой, юркий мальчишка, который ни минуты не мог усидеть на месте. Юра часто перехватывал брата, вылетающего из двери раньше учителя. Это значит, что пропала у непоседы веселая перемена. Лене волей-неволей приходилось степенно шагать рядом со старшим, в то время как шумная ватага товарищей носилась по двору.

Аккуратный в мелочах, в обращении с вещами, книгами, Юра всегда выглядел очень опрятным.

Как-то, идя по коридору школы, я увидела его у дверей гардеробной. Встряхивая в руках пальто Шуры Рымарь, он еще издали приветливо улыбался ей. Увидев меня, Юра смутился, отвел взгляд. Я быстро повернулась, вошла в одну из классных комнат, тем самым избавив Юру от неприятных минут. Девочкам нравилась взрослая предупредительность Юры...

Однажды в школе был вечер. Старшеклассники, особенно девчата, непрерывно кружились в вальсе. Любители шашек и шахмат играли в соседней комнате. В числе шахматистов был и Юра. Зная, что он неплохо танцует, я пригласила его и еще нескольких ребят из этой комнаты пройти туда, где играла музыка.

Шура с девчоночьей непосредственностью подбежала к Виценовскому:
— Юра, ты же приглашал меня на вальс, а сам скрылся...
Я видела, что Юра покраснел, мельком оглянулся на меня и шепнул:
— Анна Дмитриевна, уведите маму, тогда я пойду танцевать...
Это было величайшим доверием. Без лишних слов я взяла под руку Марию Александровну:
— Давайте пройдемся по коридору. Здесь немного душно.
Возвращаясь через четверть часа, мы увидели Юру танцующим.
Мария Александровна сейчас же направилась в зал и, став у двери, начала делиться со мной своими замечаниями:
— Рука у Юры не так должна лежать... Слишком торопится, можно такт потерять.
Мне стала понятна просьба Юры увести мать. (По рассказам моей бабушки, в епархиальных училищах бальные танцы преподавали на высоком уровне. Так что Мария Александровна сама танцевала великолепно и знала что говорит. — В. Р.)
Как-то у Виценовского произошла размолвка с Шурой Рымарь. Он не поднимался из-за парты на переменах, а Шура неестественно громко смеялась, расточая свои улыбки направо и налево.
Однажды в классе я увидела преобладающий букет и спросила, кто его принес.
— Юра, — поспешили сообщить девочки. — А Рымарь поставила на стол.
После занятий я увидела этот букет в руках Шуры. Следом за девушкой шел повеселевший Юрий. Я порадовалась, рассчитывая, что теперь оба будут хорошо заниматься.
Однако на другой день Виценовский убежал с моего урока. К концу занятий он снова появился:
— Простите, Анна Дмитриевна, что без вашего разрешения ушел.
В Краснодоне давала тогда представления труппа Харьковского драматического театра. Я догадалась, что после примирения Шура попросила Виценовского достать билеты. Юра, конечно, не мог ей отказать.
Через неделю он сам зашел ко мне в кабинет и подробно рассказал, как было дело.
Просидели мы с Юрой в тот вечер долго. Спорили, говорили о жизни, о спектаклях, о нашей школе. И о Шуре Рымарь...
Я вновь, в который уже раз, убедилась, что он честный, правдивый, очень искренний юноша. Такому человеку можно было довериться...» (А. Колотович, Н. Осинин «Дорогие мои краснодонцы»)

В 1941 г. Юра учился в 9 классе. 20 июня окончились экзамены, а 21-го Юра уже держал экзамен в артиллерийское училище. Его приняли, но на следующий день началась война.

На рассвете 22 июня 1941 года вероломно, без объявления войны, Гитлер напал на нашу Родину. Вся мощь германского вермахта обрушилась на территорию Советского Союза практически по всей протяженности западной границы. Фашистские войска начали стремительное продвижение вглубь страны. Под бомбами немецких бомбардировщиков оказались многие города, среди которых столицы союзных республик Украины и Белоруссии — Киев и Минск. Вскоре они были захвачены агрессором.

Но привыкшим к легким победам фашистским войскам достался противник совсем иного свойства. Части Красной Армии, откатившиеся под ударом врага, в отличие от европейских армий на каждый удар отвечали четырьмя-пятью, пытаясь отвоевать потерянный плацдарм. Пускай позиции вернуть не удавалось, и контрудары были не такими мощными, как немецкий натиск, но они замедляли продвижение захватчиков и изматывали их.

Под руководством большевистской партии и советского правительства до приближения фронта промышленные предприятия организованно эвакуировались на Урал и в Сибирь. Там они начинали работать на оборону прямо с колес. Станки, едва выгруженные из товарных вагонов, подключались к электропитанию, и рабочий класс под открытым небом начинал давать фронту оружие, боеприпасы и технику еще до возведения стен и крыш. Промышленные объекты, которые не успевали эвакуировать до прихода немцев, взрывали, чтобы они не достались врагу. Такой организации еще не знала мировая практика!

На оккупированных фашистами территориях создавались партизанские отряды. Во главе партизанского движения на местах стояли, как правило, председатели областных, городских и районных исполкомов, а также секретари обкомов, горкомов и райкомов комсомола. Общее стратегическое руководство партизанским движением осуществляла Ставка Верховного Главнокомандующего — И. В. Сталина. Население великой страны поднималось на борьбу с поработителями. В 1941 году всему советскому народу стали известны имена юных героев-партизан Зои Космодемьянской и Саши Чекалина, замученных фашистскими извергами. Весть о Зое и Саше дошла и до Краснодона.

С первых дней войны Юра стремился на фронт, но мобилизовывали юношей 1923 года рождения, а он родился на год позже. Юрий эвакуировался, но в августе 1941 г. вернулся домой и пошел в 10 класс школы им. Горького, который успешно закончил.

В феврале 1942 года Краснодонский РК ВЛКСМ назначил Юру пионервожатым в школе имени С. М. Кирова. Юноша с большим желанием принял за дело. Он занимался с ребятами строевой подготовкой, изучал оружие. По словам М. А. Виценовской, Юрий отлично стрелял и получил значок «ворошиловского стрелка».

К этому времени Красная Армия под Москвой нанесла гитлеровцам тяжелое поражение и прогнала их от столицы нашей Родины. «Блицкриг» («молниеносная война»), о котором с первого дня агрессии разглагольствовал Гитлер, был сорван. Эта победа воодушевила советских людей, вселила уверенность в своих силах и конечной победе. Но в середине 1942 года чаша весов качнулась, и пошли неудачи. Фашистские войска рвались к Волге, чтобы перерезать водную артерию, по которой для советской военной техники поставлялось бакинское топливо, а для всей страны — кубанский и ставропольский хлеб.

В Краснодоне объявили вторую эвакуацию. Все ближе становились разрывы бомб и снарядов, и в воздухе распространялся удушливый запах гари.

Юрий решил покинуть город. У ближнего колодца притормозила автомашина с военными, одна из последних. Измученные жаждой солдаты по очереди жадно пили воду из ведра. Юра подошел к командиру и попросил взять с собой. Молодой лейтенант бросил взгляд на юношу и спросил:

— Стрелять умеешь?

— Выбиваю 48 из 50, — ответил Юрий.

— Тогда садись, — сказал лейтенант.

Мать не успела даже обнять сына. С тощим рюкзаком он уже сидел в кузове машины...

Но под Ставрополем их обложили со всех сторон немецкие части. Юрию удалось вырваться из окружения, а когда он вернулся домой, в Краснодоне уже хозяйничали оккупанты.

Краснодон был оккупирован 20 июля. Перед отступлением наши взорвали все краснодонские шахты. С первого дня оккупации гитлеровцы начали грабить население, установили режим зверства и уничтожения, угоняли население в германское

рабство, убивали.

Уже в первом приказе немецкого коменданта говорилось:

«За неподчинение новому порядку — расстрел.

За уклонение от сдачи оружия — расстрел.

За неявку на регистрацию в полицию — расстрел.

За слушание радиоприемника — расстрел.

За появление на улицах после 18.00 — расстрел...»

А чего стоит объявление, которое вывесили возле водопроводной колонки: **«Вода — только для немецких солдат. Русские, берущие отсюда воду, будут расстреляны. Вода для русских — на другой стороне»!** Иными словами, «высшая раса», гости незваные, будут пить здесь, а вы, «рабы», знайте свое место!

В ответ на оккупационный террор немецкого командования в Краснодоне и его окрестностях стали появляться листовки, призывавшие саботировать распоряжения оккупантов и вести с ними решительную борьбу. Эти листовки распространялись членами подпольной партийной организации Краснодона. Организатором и руководителем большевистского подполья был коммунист ленинского призыва Филипп Петрович Лютиков. Его ближайшим помощником по организации и руководству партийным подпольем стал коммунист инженер-механик Николай Петрович Бараков.

Филипп Петрович Лютиков

Николай Петрович Бараков

Дом, в котором жил Ф. П. Лютиков
Большевики-подпольщики верили, что комсомольцы и передовая часть несоюз-

ной молодежи поднимутся на борьбу с гитлеровцами. И они не ошиблись! В начале сентября 1942 года, когда «Молодая Гвардия» еще не была сформирована организационно, уже насчитывалось порядка 25 комсомольцев, распространявших листовки и по заданию большевистского подполья совершавших нападения на немцев с целью завладения оружием.

Оружие из арсенала «Молодой Гвардии»

По городу прокатилась серия дерзких поджогов, которые совершил в одиночку Сережа Тюленин.

Последним толчком к созданию комсомольской подпольной организации «Молодая Гвардия» послужила зверская казнь 32 краснодонских шахтеров и начальников городских организаций, отказавшихся работать на оккупантов. 29 сентября 1942 года их, связанных проволокой, фашистские палачи живьем закопали в городском парке в глубоком рву. Из последних сил отбиваясь от палачей, начальник шахты № 22 Андрей Андреевич Валько крикнул:

— Знайте, проклятые, за каждую каплю нашей крови вы дорого заплатите!..

И вместе с комсоргом шахты № 5 Петром Зиминим бесстрашный коммунист запел «Интернационал»...

Мои дедушка и бабушка хорошо знали Андрея Андреевича по Краснодону и дружили с ним. Он жил по соседству, на той же улице Садовой через один дом. Помнили они его серьезным, но очень доброжелательным человеком. Андрей Андреевич всегда умел помочь, поддержать, подбодрить. С особым вниманием и доверием относился А.А. Валько к молодежи. Люди любили его за простоту и душевность...

На место погибших встали новые борцы — молодогвардейцы, объединенные в монолит мудростью и отвагой коммунистов, непобедимым большевистским духом. Командиром «Молодой Гвардии» стал Иван Туркенич.

Парк г. Краснодона. 29 сентября 1942 г. в эту братскую могилу фашистские не люди заживо закопали 32 красnodонских шахтера, отказавшихся сотрудничать с оккупационным режимом

Андрей Андреевич Валько

Командир «Молодой Гвардии»
Иван Туркенич

Лейтенант Красной Армии, в мае-июле 1942 года он находился на фронте, был помощником начальника штаба 614-го истребительного противотанкового артполка. В одном из боев на среднем Дону Туркенич попал в плен, но бежал и вернулся в оккупированный Красnodон. Его боевой опыт очень пригодился вновь созданной подпольной организации молодых патриотов.

Комиссаром «Молодой Гвардии» был избран 16-летний Олег Кошевой, а членами штаба — Сергей Тюленин, Иван Земнухов, Василий Левашов, Виктор Третьякевич, Ульяна Громова и Любовь Шевцова.

Организация была раздроблена на изолированные друг от друга пятерки. Они получали задания из штаба и докладывали об их выполнении через связных. Иван Земнухов разработал специальный шифр для связи с руководителями пятерок. Ис-

пользовались многочисленными паролями. К концу ноября «Молодая Гвардия» насчитывала уже до 100 человек. Подпольные комсомольские группы действовали в Краснодоне, Первомайске и других населенных пунктах. О деятельности молодогвардейцев в Ворошиловграде и области знали все.

Олег Кошевой

Сергей Тюленин

Иван Земнухов

Василий Левашов

Виктор Третьякевич

Ульяна Громова

Любовь Шевцова

Всей семьей Виценовские советовались, как жить дальше. Но Юра уже принял решение — бороться с врагом в рядах «Молодой Гвардии». Он вступил в организацию вместе со своими друзьями — Сережей Тюлениным, Витей Третьякевичем и Жорой Арутюнянцем. Вместе со всеми Юрий принес клятву молодогвардейца:

«Я, ЮРИЙ ВИЦЕНОВСКИЙ, ВСТУПАЯ В РЯДЫ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ», ПЕРЕД ЛИЦОМ СВОИХ ДРУЗЕЙ ПО ОРУЖИЮ, ПЕРЕД ЛИЦОМ СВОЕЙ РОДНОЙ МНОГОСТРАДАЛЬНОЙ ЗЕМЛИ, ПЕРЕД ЛИЦОМ ВСЕГО НАРОДА ТОРЖЕСТВЕННО КЛЯНУСЬ:

БЕСПРЕКОСЛОВНО ВЫПОЛНЯТЬ ЛЮБОЕ ЗАДАНИЕ, ДАННОЕ МНЕ СТАРШИМ ТОВАРИЩЕМ;

ХРАНИТЬ В ГЛУБОЧАЙШЕЙ ТАЙНЕ ВСЕ, ЧТО КАСАЕТСЯ МОЕЙ РАБОТЫ В «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ».

Я КЛЯНУСЬ МСТИТЬ БЕСПОЩАДНО ЗА СОЖЖЕННЫЕ, РАЗОРЕННЫЕ ГОРОДА И СЕЛА, ЗА КРОВЬ НАШИХ ЛЮДЕЙ, ЗА МУЧЕНИЧЕСКУЮ СМЕРТЬ 30 ШАХТЕРОВ-ГЕРОЕВ. И ЕСЛИ ДЛЯ ЭТОЙ МСТИ ПОТРЕБУЕТСЯ МОЯ ЖИЗНЬ, Я ОТДАМ ЕЕ БЕЗ МИНУТЫ КОЛЕБАНИЯ.

ЕСЛИ ЖЕ Я НАРУШУ ЭТУ СВЯЩЕННУЮ КЛЯТВУ ПОД ПЫТКАМИ ИЛИ ИЗ-ЗА ТРУСОСТИ, ТО ПУСТЬ МОЕ ИМЯ, МОИ РОДНЫЕ БУДУТ НАВЕКИ ПРОКЛЯТЫ, А МЕНЯ САМОГО ПОКАРАЕТ СУРОВАЯ РУКА МОИХ ТОВАРИЩЕЙ.

КРОВЬ ЗА КРОВЬ! СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ!»

В организации он был таким же дисциплинированным и исполнительным, как в школе. Все диверсионные задания, какие поручались ему штабом, выполнял добросовестно.

Юрий часто уходил с товарищами, якобы на вечеринки, но через полчаса возвращался,— иногда веселый и беспечный, а иногда — грустный и сосредоточенный.

Однажды Юра попросил у матери разрешения собрать у себя дома друзей. Мария Александровна разрешила и поинтересовалась, чем они собираются заняться.

— Фокстрот поучимся танцевать,— ответил с усмешкой Юрий.

Дело было в ноябре. Вечером пришли юноши и девушки. Среди них Мария Александровна узнала нескольких своих бывших учеников. Поздоровавшись с ребятами, она ушла в свою комнату, но звуков музыки так и не услышала. В комнате сына все время было тихо. Потом, когда ночью гости ушли, она спросила Юру, зачем приходили его товарищи. Юра улыбнулся, поцеловал мать в щеку и ответил:

— Будешь все знать, скоро состаришься, а я хочу, чтобы ты всегда была молодой!

Мария Александровна рассказала мне, как однажды Юра пришел домой вместе с Жорой Арутюнянцем. Жора сразу же повалился на диван и принялся громко хохотать, а Юра стоял, прислонившись к дверному косяку, и сдержанно улыбался.

— В чем дело, Жора? — удивилась Мария Александровна.

— Ой, не могу!..— давился от смеха Арутюнянец.— Мы только что были на базаре, так Юрка незаметно полицая на спину приклеил листовку: «СМЕРТЬ ПОЛИЦАЯМ!» Полицай, дурак, идет себе и в ус не дует, а народ ему вслед смотрит да посмеивается!

Жора Арутюнянц

Радик Юркин

И такое проделывал не только Юра. Все они были отважны, по-хорошему дерзки и очень молоды. Самому старшему, Михаилу Шищенко, 25 лет, а самому юному, отчаянно храброму мальчишке Радiku Юркину — 14. Там же, в молодогвардейском подполье, Радика приняли в ВЛКСМ. Комсомольский билет вручил ему комиссар «Молодой Гвардии» Олег Кошевой.

Юра участвовал в разгоне скота, приготовленного фашистами для отправки в Германию. Вместе с товарищами на хуторе Водяном он совершил нападение на немецкую машину с оружием. Молодогвардейцы перебили охрану, а оружие взяли в свой арсенал, хранившийся в разрушенной бане. На рассвете Юрий вернулся домой, забрызганный грязью, одежда разорвана, и, не раздеваясь, тяжело опустился на диван. Он рассказал матери про свое участие в нападении на вражескую автомашину. Мария Александровна была потрясена:

— Да как же вы этих зверей... *голыми руками?! —* И она крепко прижала к себе сына...

Да... С точки зрения оккупационных властей они были, как бы сейчас выразились, отъявленными «экстремистами». Но в глазах краснодонцев они навсегда остались героями.

Дерзкие нападения на оккупантов стали для молодогвардейцев нормой. Они отлавливали полицаев по одному и вешали как изменников Родины. Осенним вечером Иван Туркенич, Василий Пирожок, Василий Борисов и Михаил Григорьев нашли за городским парком еле присыпанное землей тело расстрелянного коммуниста. Желая отомстить за него, они пошли в парк и повесили на дереве сразу двоих полицаев. Произошло это так быстро и бесшумно, что другие полицаи, патрулировавшие соседние аллеи, ничего не услышали и только позже обнаружили находку, приведшую их в ужас. Фашисты и полицаи рвали и метали, но народные мстители были неуловимы. Об этих актах возмездия знали все жители оккупированного Краснодона. Люди видели, что Советская власть не ушла навсегда: она здесь, рядом, и беспощадно карает предателей. Крепла вера в то, что она скоро вернется и прогонит оккупантов!

Мария Александровна писала в своих воспоминаниях: *«Против нашего дома расположен гараж, в котором в дни оккупации помещалась ремонтная база. Работало там много наших военнопленных. С ними знакомится Юра. И в момент, когда немецкие машины собрались из Краснодона выезжать, Юра привел к нам 10 человек военнопленных. Наутро они разошлись по другим квартирам, у нас остался один Василий из Ставропольского края. Три недели мы его прятали, а когда немцы пришли с обыском, Василия не нашли. Нас предупредили вовремя, мы успели его перепрятать».*

Захватчики объявили набор «желающих трудиться в пользу великой Германии». На бирже фашисты и полицаи принудительно регистрировали тех, кому предстояло восстанавливать разрушенные шахты. Мария Александровна была уверена, что Юрий поступит, как настоящий комсомолец, и откажется работать на врага. Как же поразила ее, когда, возвратившись домой в компании с Жорой Арутюнянцем, Юра объявил ей, что устроился слесарем в механические мастерские, где уже работали Ф. П. Лютиков, Н. П. Бараков и молодогвардеец Володя Осьмухин!

Леня задохнулся от негодования:

— Ты что, с ума сошел, фашистам помогать?!

Но старший брат весело перемигнулся с Арутюнянцем:

— Ничего, братишка, мы им там наработаем...

Юра нарочно работал плохо, портил оборудование. Работы по восстановлению шахты № 1 «Сорокино» подвигались медленно. Часто «почему-то» отсутствовало электричество...

Вскоре М. А. Виценовскую срочно вызвали в дирекцию оккупационных властей, размещавшийся в школе имени Горького. На нее орали:

— Какая же вы учительница, если не смогли воспитать своего сына? Он же лодырь!

И пригрозили повесить Юру как саботажника.

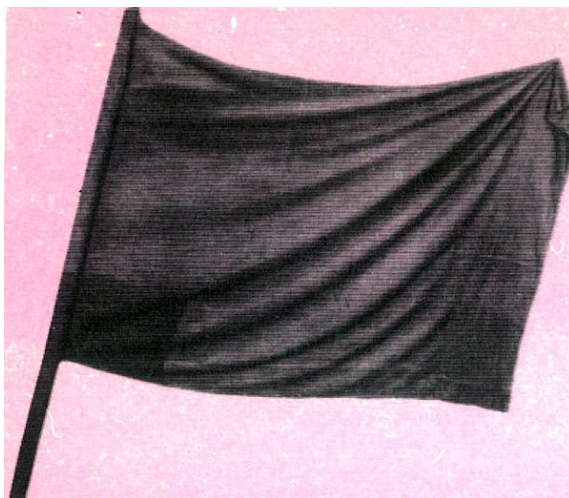
Эти слова не были пустой угрозой: почти ежедневно в Краснодоне совершались казни. Вечером Юра вернулся с шахты и сел ужинать. Мать рассказала ему об угрозе оккупантов и просила быть осторожнее.

— Не волнуйся, мамочка,— ответил сын.— Мы на рожон не лезем. А они нагребутся донбасским угольком, как же! Сами-то в шахту лезть боятся, ругаются, а сделать ничего не могут.

Штаб «Молодой Гвардии» принял решение отметить четверть века нашей революции — вывесить над Краснодоном красные флаги. В ночь на 7 ноября 1942 года

ушли боевые пятерки на выполнение задания: развесить по городу красные флаги. Над родной школой № 4 Сергей Тюленин со своей боевой группой водрузил красный флаг и около него оставил табличку: «Не трогать — заминировано!» Такой же флаг взвился над шахтой № 1-бис. Утром гитлеровцы и полицаи отчаянно ругались, но снимать флаги долго не решались.

Почти целый день развевались алые полотнища над Краснодоном, напоминая о празднике, о непобедимости народа, совершившего Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Мать молодогвардейца Володи Осьмухина вспоминала, как в тот день в их дом со слезами радости на глазах вбежала ее сестра и сообщила: «Наши родненькие флаг вывесили!»

Этот флаг молодогвардейцев пламенел над непокоренным Краснодоном 7 ноября 1942 г.

Рисунок. Юрий Виценовский подпиливает канат спусковой клетки на шахте №1 «Сорокино»

Пила, которой Юрий Виценовский подпилит канат спусковой клетки на шахте №1 «Сорокино», и часть подпиленного каната. Стенд музея «Молодой Гвардии», г. Краснодар

В конце ноября по заданию штаба и лично коммуниста Н. П. Баракова Юра совершил диверсию на шахте № 1 «Сорокино», где он работал слесарем. Это была единственная отремонтированная шахта, которую фашисты уже собирались пустить. Рискую жизнью, прямо под носом у часовых Юрий подпилит канат подъема. При пробном спуске пустую клеть спустили до самого низа и благополучно подняли на-

верх. Но когда ее загрузили оборудованием и начали спуск, канат оборвался, и клеть понеслась в черную 250-метровую пропасть. Она оборвала электропроводку, поломала опалубку, коммуникации водоснабжения и заклинила ствол шахты. Надежды захватчиков наладить добычу краснодонского угля рухнули окончательно. Шахта № 1 «Сорокино» была полностью восстановлена только после освобождения города Красной Армией.

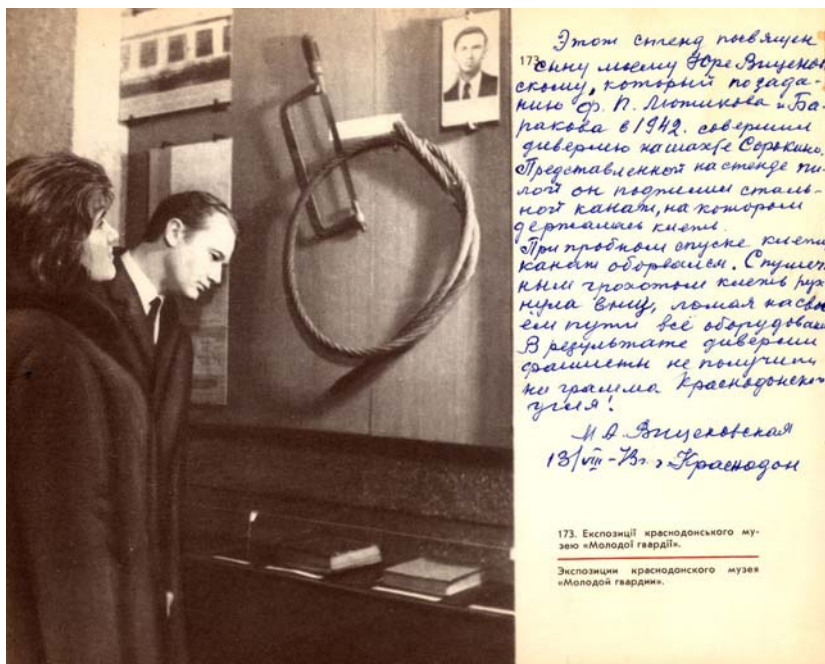
Музей «Молодой Гвардии» в г. Краснодоне. Экскурсовод рассказывает пионерам о подвиге Юрия Виценовского у стенда, посвященного ему. 1971 г.

У меня дома как реликвия хранится красочный альбом, который посвящен краснодонской подпольной организации «Молодая Гвардия», изданный в 1972 году на украинском языке в Киеве издательством «Молодь» («Молодежь»). На одном из снимков в этом альбоме посетители рассматривают стенд, посвященный дяде Юре, а сбоку от снимка - приписка, сделанная рукой Марии Александровны Виценовской:

«Этот стенд посвящен сыну моему Юре Виценовскому, который по заданию Ф.П. Лютикова и Баракова в 1942 году совершил диверсию на шахте Сорокино. Представленной на стенде пилой он подпилил стальной канат, на котором держалась клеть. При пробном спуске клетки канат оборвался. С пушечным грохотом клеть рухнула вниз, ломая на своем пути все оборудование. В результате диверсии фашисты не получили ни грамма краснодонского угля!»

*М.А. Виценовская
13/VIII- 73 г.»*

Я сразу же узнал эту пилу. В хозяйстве Марии Александровны имелась точно такая же, сестра-близнец той, что на стенде. Ею мне приходилось работать. А до меня она знала прикосновение рук Юры и Лени Виценовских...

У стенда, посвященного Юрию Вицневскому

В декабре 1942 года молодогвардейцы устроили концерт в клубе имени А. М. Горького. Сделано это было нарочно для того, чтобы собрать в одном месте как можно больше гитлеровцев и полицейских, чтобы на улицах города их оставалось как можно меньше. Пока оккупанты и их верные прислужники развлекались в клубе, взяла да и сгорела городская биржа. Вместе с ней сгинули списки жителей, подлежащих отправке в Германию. На составление новых списков требовалось много времени, и изготовить их до освобождения города Красной Армией фашисты так и не успели. Таким образом, благодаря «Молодой Гвардии» краснодонцы были избавлены от угона в фашистское рабство.

Под Новый 1943 год в городе появились немецкие грузовики с новогодними подарками для солдат и офицеров вермахта. Члены штаба «Молодой Гвардии» приняли решение эти машины, что называется, «разгрузить». Мешки с подарками спрятали по квартирам, а часть принесли в клуб имени А. М. Горького — центр подпольной работы.

И все бы прошло незаметно, но ребята решили часть сигарет из новогодних подарков продать на базаре. Это была роковая ошибка. Один из привлеченных к этому делу мальчишек попался с поличным, был схвачен полицейскими, не выдержал побоев и ночью 31 декабря выдал тех, кто дал ему сигареты.

Выслуживаясь перед своими хозяевами, полиция утром 1 января 1943 года ворвалась в зрительный зал клуба имени А. М. Горького, арестовали директора — молодого коммуниста Евгения Мошкова, а затем схватили руководителя струнного кружка Виктора Третьякевича. Не многим позже арестовали Ивана Земнухова.

Однако эти аресты еще не означали провала организации. Полиция полагала, что имеет дело всего лишь с воришками. Начальник краснодонской полиции Соликовский, узнав, за какие «проделки» задержаны эти юноши, приказал следователю Кулешову:

— Подержи их несколько дней в холодной, выпори хорошенько, а потом гони в шею. И так в камере тесно...

Но среди молодогвардейцев нашелся предатель. В тот самый день, когда полиция собирались выпустить Мошкова, Земнухова и Третьякевича, произошло событие, ставшее трагическим для «Молодой Гвардии». Начальник шахты № 1-бис — изменник Родины Жуков — передал начальнику районной жандармерии гауптвахтмайстеру Зонсу заявление, поступившее от Геннадия Почепцова. Тот, опасаясь за свою шкуру, сначала рассказал об организации своему отчиму, инженеру Василию Громо-ву (не имеет никакого отношения к Ульяне Громовой). Отчим был агентом полиции, и под его диктовку Почепцов написал донос, выдав «Молодую Гвардию». Он составил большой список фамилий молодогвардейцев, которых знал. За помощь немцы обещали Почепцову деньги и хорошую жизнь...

Новый год молодежь Краснодона встречала в приподнятом настроении. Все знали, что фашистов бьют под Сталинградом, и это поднимало настроение, вселяло надежду на скорое освобождение. Были тосты за победу, вполголоса пели советские песни...

Но потом начались аресты. В первую же ночь было схвачено восемнадцать юных подпольщиков. Штаб «Молодой Гвардии» принял решение приостановить деятельность подпольной организации и разойтись. Часть комсомольцев, в том числе и Юрий Виценовский, осталась в городе, полагая, что о них ничего не знают, и ничто им не грозит, но другая часть город покинула. Ушел в сторону линии фронта Сережа Тюленин. Туда же, но другой дорогой, отправился и Радик Юркин, прихватив с собой автомат, который передала ему Надя Тюленина. Компанию Радик составил его закадычный друг Степа Сафонов. По пути они расправились с двумя полицейскими, а позже наткнулись на группу гитлеровцев. Вскинув автомат, Радик длинной очередью покрошил их всех до одного. Забрав у убитых немцев оружие, друзья двинулись дальше. Потом их пути разошлись. Степа двинулся в сторону Каменска, где вскоре погиб. Радик пошел в сторону городка Красный Луч, благополучно добрался до расположения наших войск и остался жив.

Вместе с Аней Соповой, Сеней Остапенко, Мишей Григорьевым, Витей Субботиным и Димой Огурцовым Юрий составлял план освобождения томлящихся в полиции товарищей. За эти январские дни он исхудал, начал курить и все время о чем-то напряженно думал.

— Эх, жаль, Сережки нет! — услышала однажды возглас сына Мария Александровна. Она ничего не сказала, но догадывалась, зачем нужен был Юрию Тюленин.

Юра и Аня Сопова подготовили 2 автомата, 700 патронов и гранаты. Нападение на полицию должно было состояться 17 января. Юре и Сергею Левашову (двоюродный брат Василия Левашова) поручили взорвать дирекцион, но в последнюю минуту от этого плана пришлось отказаться, так как при взрыве могло пострадать много мирных жителей...

В середине января обагрились первой кровью стены шурфа шахты № 5, а беда все еще обходила стороной дом Виценовских. 25 января Юрий попросил у матери разрешения на то, чтобы у них дома переночевал «один человек». Мария Александровна ни о чем не спросила и согласилась. Юра ушел на работу в ночную смену, а поздно вечером в окно постучали. Выйдя в заснеженный двор, Мария Александровна сразу узнала Васю Левашова. Его по всему городу разыскивала полиция...

Василий Левашов, единственный оставшийся в живых член штаба «Молодой Гвардии», через много лет написал в своих воспоминаниях о том, что в семье Виценовских он нашел приют в такое тяжелое и опасное для себя время.

Все было готово к нападению на полицию. Группа Юры уже вот-вот должна была освободить арестованных товарищей. Из бани принесли гранаты и бикфордов шнур, приготовили огнестрельное оружие. Но предательство не позволило осуществить задуманное.

С 18 до 26 января включительно в городе арестов не было. Но 27-го Юру арестовали. Он дежурил ночью охранником в горноспасательном отряде, куда его недавно перевели. Об этом дне Мария Александровна вспоминала так: *«В эту ночь, видно, не хотелось ему идти на работу... Уходя, он остановился, прислонился к косяку двери, долго смотрел на всех нас, как будто прощаясь с нами...»*

Через какое-то время к дому подъехали сани с полицией. В дверь яростно застучали. Мария Александровна сбросила дверной крючок. Ее грубо оттолкнули и загромыхали коваными сапогами по коридору, ведущему в комнаты.

Полиции орало:

— Где твой комсомолец, учительша? И до него очередь дошла!

Мать поняла, что случилось то страшное, чего она больше всего боялась все эти проклятые пять месяцев вражеской оккупации. Она сама удивилась своему спокойствию:

— Не знаю. Теперь ведь такая молодежь, матери не докладывают, куда уходят...

Сквернословя, полиция ушли. Выйдя за ними, Мария Александровна заметила в саях, запряженных двумя лошадьми, парня, лежавшего лицом вниз с руками, скрученными сзади проволокой. Потом она узнала, что это был молодогвардеец Миша Григорьев — из пятерки Бориса Главана, пятерки, в которой состоял предатель Почецов.

Примерно через три часа полиция вернулись — забирать имущество. Мать сразу все поняла: сына взяли. Она будто окаменела: стояла и безучастно смотрела, как гитлеровские прихвостни швыряли в мешок какие-то вещи...

Мария Александровна рассказала мне, как арестовали дядю Юру. В 2 часа ночи полиция пришла в дирекцию шахты, потребовали вахтера и велели ему найти Вице-новского. Разыскав Юрия, вахтер бросил ему:

— Иди в дирекцию. Там тебя вызывают.

Если бы вахтер сказал: «Там тебя полиция спрашивает» или еще как-нибудь намекнул на то, кому он понадобился! Забор, огораживавший территорию шахты, был невысоким. Спортивному Юре не составляло никакого труда его перемахнуть, и он был бы спасен! Но вахтер этого не сделал. Ничего не подозревая, Юра пришел в дирекцию и был схвачен полицией...

Я не мог сдержать охватившей меня ярости. Из души вырвалось:

— Бабушка Муся! Что стало потом с этим вахтером? Его нашли, этого предателя? Расстреляли гада?!

Но этого Мария Александровна не знала...

27 января почти в тот же час, что и Юрий, был арестован Сергей Тюленин, который вернулся домой с линии фронта, серьезно раненный в руку. На него донесла соседка по фамилии Лазуренко. Тогда же схватили Аню Сопову, Семена Остапенко и Витю Субботина.

Мария Александровна и ее сестра Галина Александровна считали, что Юрия выдала некая Толстенева, на квартире у которой иногда встречались ребята из Юриной группы. Жаль, что мне неизвестны результаты расследования этого факта советскими компетентными органами.

В фашистских застенках молодогвардейцы подвергались бесчеловечным пыткам. Били. Ломали кости. Жгли. Сажали на раскаленную печь. Рвали губы и уши. Выкалывали глаза. Отрубали конечности. И делали это, как правило, не немцы, а предатели-полицейские — долго маскировавшееся при Советской власти контрреволюционное отребье, вырожда. Желая выведать тайну подпольной организации, палачи шли на самые жестокие и самые зверские пытки, перед которыми бледнеет средневековая инквизиция. Кабинет начальника городской полиции был главным местом истязаний

арестованных. В нем абсолютно все было забрызгано кровью. Особенно зверствовали сам начальник полиции Соликовский, его заместитель Захаров, следователь Кулешов и полицейский Подтынный. Но никакие пытки не сломили героев-молодогвардейцев. Пощады не просили. Когда в 1959 году был разоблачен и предан суду, пожалуй, самый лютый палач молодогвардейцев Василий Подтынный, тот рассказал, как мужественно вели себя на допросах и не сломались под страшными истязаниями Сергей Тюленин, Ульяна Громова, Виктор Третьякевич, Юрий Виценовский...

Орудия пыток. Ими пытали молодогвардейцев.

Из застенка Юрий присылал домой записки, оборудовав тайник в термосе, в котором мать передавала ему пищу. Несмотря на физические муки, ожидание близкой казни, он беспокоился о матери и младшем брате Лене.

31 января Мария Александровна вместе с сестрой Галиной понесла Юре передачу в надежде что-нибудь узнать о нем. У ворот полиции она встретила с матерями Любы Шевцовой, Ани Соповой, Вити Субботина, Димы Огурцова и Миши Григорьева. Никто ничего не знал о судьбе своих детей. Забрав пустую посуду от передачи, обе сестры поспешили домой, надеясь найти записку от Юры. И не ошиблись. Юра писал:

«Дорогие мои!

Я нахожусь в одной камере с П. А. Крутецким. Обвиняемся в одном и том же. Так что ваши предположения не верны. Помиритесь с П. А. В камере с нами сидят политические и воры. Одни смеются, др. плачут. Нашу судьбу решает фронт. Если отгонят, попадем в конц. лагерь. Но этот гул сделает свое дело. С тревогой жду ночи. Обо мне не беспокойтесь, берегитесь сами. Спасибо за бурки и одеяло. Теперь

мне тепло. Передачу получил. Не присылайте так много. Здесь что-то есть не хочется. Не передавайте хорошей посуды. Если что... пропадет.

Мамочка! Получи мой паек хлеба и зарплату, все это вам пригодится».

(Документ из фонда Московской школы № 312)

Записку Юрий Виценовский передал родным утром 31 января 1943 года за несколько часов перед казнью.

Он был романтик. До последней минуты в его душе теплилась надежда, что его судьбу решит фронт: бои шли в нескольких километрах от Краснодона, и орудийный гул в камерах слышали. Он гордился тем, что палачи не могут сломить его волю, и, подражая любимым литературным героям, записки из тюрьмы писал шуточные и патетические.

Крутецкий, о котором упомянул в своей последней записке Юра, был начальником связи и жил рядом с Виценовскими. В детстве Юра дружил с его детьми. Крутецкий пошел на службу к немцам, и поэтому Виценовские порвали с ним отношения. Правда, Крутецкий потом помог Юрию устроиться слесарем на шахту, но на его счет Юрий глубоко заблуждался: тот сидел с ним в камере в качестве фашистского провокатора.

Вечером Юрий Виценовский мужественно принял смерть. Молодогвардейцев сталкивали в шурф шахты № 5 в связке по пять человек. Юрия гитлеровские палачи сбросили вместе с его школьным другом, Сергеем Тюлениным. Вместе с молодогвардейцами были казнены и руководители большевистского подполья — коммунисты Ф. П. Лютиков и Н. П. Бараков.

У Юрия на теле остались следы от плети. На спине была вырезана ножом красная звезда. Некоторые источники утверждают, что он был расстрелян, но это не соответствует действительности. Когда тела молодогвардейцев были извлечены из шурфа, следов от пуль на теле Юрия не было. В шурф его сбросили живым. Через 23 дня Юре исполнилось бы девятнадцать лет.

Шурф шахты № 5, место казни молодогвардейцев

Похороны молодогвардейцев

9 февраля после изощренных пыток в Гремучем лесу возле городка под названием Ровеньки были расстреляны Олег Кошевой, Люба Шевцова, Дима Огурцов, Витя Субботин и Сенья Остапенко.

Спустя две недели после казни Юры и его товарищей в город вошли части Красной Армии. Леня Виценовский выбежал навстречу нашим, бросился к первому попавшемуся советскому танку и со слезами целовал его гусеницы. Не описать словами ту радость, которая охватила жителей шахтерского городка. Многим не верилось, что закончились эти проклятые пять месяцев фашистского кошмара...

Тела казненных подняли из шахты. Узнать Юру было невозможно: лица не было. Леня опознал брата только по росту, сорочке и расческе, которую вытащили у Юрия из кармана. Мария Александровна рассказывала мне, как Леня плакал и говорил: «Ой, расчесочка! Расскажи, как вы с братом в шахту падали...»

Юрий Виценовский посмертно награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени и похоронен в братской могиле героев на центральной площади города Краснодона.

Многих изменников настигло возмездие. В августе были преданы суду, а в сентябре 1943 года принародно расстреляны старший следователь полиции Михаил Кулешов, предатель Геннадий Почепцов и его отчим Василий Громов. Мария Александровна присутствовала при их расстреле. Рассказывала, что Громов вел себя вызывающе, а Почепцов стоял, опустив голову, и молчал. О чем думал тогда этот негодяй? Может быть, перед смертью он вспоминал оклеветанного им перед Советской властью Виктора Третьякевича, который на очной ставке в полиции выгораживал его, не догадываясь, что выгораживает предателя? А может, и вовсе не было у него никаких мыслей...

Не ушла от заслуженной кары и Лазуренко, соседка Тюлениных, выдавшая Сергея. Ее тоже расстреляли. Жаль, что удалось скрыться начальнику полиции Соликовскому и его заместителю Захарову. Их потом так и не нашли.

Леня тяжело переживал смерть старшего брата. Вскоре он добровольцем ушел на фронт мстить за Юру. На прощание сказал матери: «Знай, мама, стыдно тебе за меня не будет. За наших ребят мы будем мстить до последнего дыхания».

Но в том же 1943 году в дом Марии Александровны пришла новая беда. Она получила извещение о младшем сыне: «...пропал без вести на реке Миус». Кто-то из

однополчан рассказывал, что видел Леонида Виценовского, стоявшим рядом с пушкой, когда случилось прямое попадание снаряда. После того, как рассеялся дым, и улеглась поднявшаяся пыль, ни пушки, ни человека уже не было. Лене исполнилось только семнадцать лет.

Как передать словами горе матери, в один год потерявшей всех детей, матери, которой никогда не суждено стать бабушкой?.. Мария Александровна в жизни всегда была веселой и жизнерадостной. Я помню, как на встречу Нового 1970 года она приехала к нам, в Тулу, вместе с самой младшей сестрой — Любовью Александровной. Вместе с моей бабушкой они так уморительно шутили и заразительно смеялись за накрытым праздничным столом! Но, бывало, оставшись в комнате одна, Мария Александровна стояла и смотрела в окно, уставившись в одну точку. В такие минуты, возможно, незаметно для самой себя она напевала песню, где были такие слова:

*«Потеряла детей,
Грустно, бедненькой, ей...»*

От этого щемило сердце, и наворачивались слезы. Я, молча, подходил к ней, обнимал, и так мы стояли...

Краснодонский поэт Геннадий Кирсанов в своем стихотворении, посвященном М. А. Виценовской, писал:

*«Но январской полночью
Он ушел в бессмертие,
Мужественно вынесши
Пытки палачей.
Марья Александровна,
Вы сейчас поверьте мне,
Что теперь имеет
Сотни сыновей!»*

Мария Александровна Виценовская, 1976 г.

Когда позволяло здоровье, Мария Александровна ехала туда, где хотели увидеть мать молодогвардейца из Краснодона. Тогда, в советское время, были пионерские дружины, производственные бригады имени Юрия Виценовского. Молодежь слушала ее рассказы о молодогвардейцах, затаив дыхание. Выступала она и в ставшей для меня родной Туле. Она делала все, что было в ее силах, чтобы сохранить в народной памяти светлый образ юных патриотов...

Никогда не забуду день 19 июня 1972 года. Мы с отцом гостили тогда у Марии Александровны. Ее пригласили в пионерский лагерь «Веселый улей» на реке Северский Донец. Там должно было состояться торжественное открытие бронзовых бюстов пяти погибших членов штаба «Молодой Гвардии» и зажжение вечного огня. Мы поехали с ней. В специально присланном за нами микроавтобусе я познакомился с легендарным Радием Петровичем Юркиным, который тоже ехал на церемонию открытия. С ним была его дочь Лена, перешедшая в седьмой класс. Приехав в лагерь, мы отправились вдвоем с Радием Петровичем на берег реки. Плавали, загорали на берегу, беседовали о «Молодой Гвардии», об авиации и флоте, где ему довелось служить после войны.

Радий Юркин — летчик морской авиации

После этого состоялась встреча с пионерами. Выступали Р. П. Юркин и М. А. Виченовская. Я фотографировал. Церемония открытия была вечером. Ничего торжественнее не видел. Уже одно то, что вечный огонь зажегся в пионерском лагере, — событие небывалое! Звучали стихи, торжественная музыка и литавры, пылали факелы в руках пионеров, несли гирлянду славы. И на этом фоне — пение цикад, а над головой — черное-пречерное звездное небо, какое бывает, наверное, только на Украине...

Ворошиловградская область. Пионерский лагерь «Веселый улей». Зачехленные бюсты Олега Кошевого, Сергея Тюленина, Ивана Земнухова, Ульяны Громовой и Любви Шевцовой до церемонии открытия и зажжения вечного огня. 19 июня 1972 г.

Слева направо: М. А. Виценовская, Р. П. Юркин, Лена Юркина и воспитатель пионерского лагеря «Веселый улей». 19 июня 1972 г.

У себя дома Мария Александровна бережно хранила почетные грамоты от воинских частей, где ее благодарили за активное участие в воспитании воинского состава. Советская Армия помнила о подвиге «Молодой Гвардии». Советские солдаты держали равнение на героизм краснодонских молодогвардейцев.

Перед пионерами с микрофоном в руке выступает Р. П. Юркин. Справа от него — М. А. Виценовская. Пионерский лагерь «Веселый улей». 19 июня 1972 г.

Мария Александровна Виценовская пережила своих сыновей ровно на сорок лет. Она не дожидая до времени, когда Краснодар стал для России заграничным городом, а российская школа с послушанием и усердием вытравляет из памяти нового поколения подвиг молодогвардейцев и нравственные ценности того героического времени.

Наверное, хорошо, что не дожила. Ей, Учителю и Человеку с большой буквы, было бы стыдно за своих коллег и очень больно...

С сестрой Галиной она часто приходила к покрытой гранитом братской могиле, где покоится ее сын, безмолвно стояла у стелы «Скорбящая мать». Она и сама в такие минуты была похожа на изваяние, как, впрочем, и все матери молодогвардейцев, сюда приходившие. Это сходство чутко уловил Геннадий Кирсанов, написавший:

*«На центральной площади
Я на стеле каменной,
Около которой
Вечные цветы,
Мамы Виценовского
Вижу образ пламенный —
Сердцу дорогие,
Милые черты...»*

Скорбь краснодонских матерей... Стела Скорбящей Родины-матери с Вечным огнем. Авторы — луганские скульпторы П. Кизиев, А. Редькин, А. Самусь, архитектор Г. Головченко. Установлена в мае 1965 года, в ознаменование 20-летия Великой Победы. На фоне стелы — Мария Даниловна Лукашова, мать молодогвардейца Геннадия Лукашова.

СЕРЕЖА

Я стоял на площади перед школой имени А. М. Горького в глубокой задумчивости. Чем больше я смотрел на школьную крышу, тем больше овладевало мной какое-то непонятное волнение. Я с недоумением переводил взгляд на здание, находившееся напротив школы. Во время фашистской оккупации Краснодона в нем был штаб гитлеровцев. В его окна влетели бутылки с зажигательной смесью, брошенные рукой Сережи Тюленина, и здание быстро занялось пожаром. В романе Александра Фадеева «Молодая Гвардия» говорилось о том, что Сергей бросал бутылки из слухового окна школьного чердака. То же самое утверждали и другие источники. Об этом часто говорили между собой жители Краснодона.

Я снова посмотрел туда, где находился школьный чердак, и, наконец, оформилась крамольная мысль: а не далековато ли он находится от здания бывшего штаба? И я решился на эксперимент. Подойдя к школьной стене и повернувшись к ней спиной, стал отсчитывать шаги. Их оказалось что-то около ста. Если мой шаг примерно равен 50 сантиметрам, то получается метров 50. На такое расстояние бутылку, наполненную зажигательной смесью, может послать только хорошо тренированный, физически сильный спортсмен, да и то с разбега. А худенький паренек, каким был Сережа, да без разбега, да еще из положения на коленях?... И ведь мало добросить,— главное — точно попасть в окно, а не в стену... Нет. Невозможно.

Но ведь поджог штаба действительно был, и абсолютно точно известно, что совершил его именно Сережа Тюленин!

Полагаю, что здесь произошло наложение друг на друга двух действительно имевших место фактов. Факт первый: Сережа вел наблюдение за зданием фашистского штаба со школьного чердака, высматривая, куда бросать бутылки. Из слухового окна лучше всего просматривались окна штаба. Факт второй: Сережа действительно поджег гитлеровский штаб. Но чтобы точно попасть, ему надо было приблизиться на достаточное расстояние, *подбежать* к самому зданию штаба. По сравнению с общепринятой версией, оказавшись на довольно широком и открытом пространстве, Сергей серьезно рисковал жизнью. Ведь если бы его заметили, то могли скосить из автомата. До чего же отважен был этот семнадцатилетний парень!

Да, похоже, действительность оказалась куда более героической, чем то, что донесла до писателя людская молва. Но если уж людям так хочется, пусть живет эта красивая легенда!

Я повернулся и направился в сторону музея «Молодой Гвардии».

Возвращался я, переполненный самыми светлыми чувствами, и на ходу рассматривал только что приобретенный красочный альбом, посвященный подвигу краснодонских комсомольцев. Возникла мысль собрать автографы родителей и ближайших родственников молодогвардейцев. Мария Александровна это одобрила. Как раз в это время к ней зашла сначала сестра Владимира Осьмухина, а потом сестра Сергея Левашова.

На другой день пришла мать Жоры Арутюнянца, Татьяна Никитична, носившая траур по сыну. Георгий Минаевич Арутюнянц, друг Юрия, умер от рака в конце апреля шедшего 1973 года.

В дом Левашовых я заглянул, когда приехал в отпуск с детьми капитан первого ранга Василий Иванович Левашов, единственный оставшийся в живых член штаба «Молодой Гвардии». Он искренне обрадовался, когда ему сказали, что пришел племянник Виценовского, и я получил автограф. Василий Иванович Левашов остался в моей памяти простым, улыбчивым, радушным и очень скромным человеком. Мне стоило труда упросить его написать рядом с автографом слова «член штаба».

Конечно же, сделала записи на страницах альбома и Мария Александровна.

Стояла середина августа 1973 года. Через две недели должны были начаться занятия в институте, и я стал готовиться к отъезду домой. Между делом я как-то вздохнул и пожалел о том, что в альбоме нет автографа матери Сережи Тюленина. Мария Александровна сказала:

— А ты сходи к ней. Она живет на улице Ломоносова. Вообще-то она никого не принимает: ей уже за девяносто, но ты скажи, что от меня...

Дом, где жила Александра Васильевна Тюленина, находился в частном секторе, одноэтажный, огороженный крепким дощатым забором темно-зеленого цвета. Я постучал, а сердце от волнения так колотилось... Дверь открыла седая женщина, и я понял, что это сестра Сергея. Когда она узнала, от кого я пришел, немедленно впустила и пошла сказать матери. Несмотря на такой почтенный возраст, на крыльце порывисто, быстрым шагом, появилась, опираясь на палку, сама Александра Васильевна и протянула мне руку. До чего же крепкое было рукопожатие! От многих в Краснодоне я слышал о решительном и твердом характере Сережиной матери, ее тяжелой руке, под которую, бывало, попадал ее озорной сын. Одни (наверное, те, кому от нее доставалось на орехи) называли ее «крутой бабой», другие — уважительно и с оттенком благоговения — «великой бабкой». На левой щеке ее отчетливо проступал шрам, полученный в фашистском застенке. Голос Сережиной мамы был тверд и приветлив.

Александра Васильевна Тюленина, мать Сергея Тюленина.

Александра Васильевна провела меня на кухню, и мы сели за небольшой столик лицом к лицу. Я представился, сказал, что живу в Туле и учусь на факультете иностранных языков Тульского пединститута имени Л. Н. Толстого. Неожиданно это произвело на нее сильное впечатление. Она всплеснула руками и воскликнула:

— Из Тулы! Господи! Да мы же тульские! Сережа родился в Новосильском районе. Правда, этот район теперь относится к Орловской области, но мой отец сидел в 1905 году в тульской тюрьме, и я к нему туда добиралась...

Василий Афанасьевич Галкин, отец Александры Васильевны, жил со своей семьей в Киселевке Новосильского уезда, ныне Орловской области. Где только ни приходилось ему побывать в поисках заработка! В своих странствиях он познакомился с большевиками и по их поручению распространял по селам нелегальную литературу. Во время революции 1905 г. принял участие в крестьянском бунте и попал в тульскую тюрьму.

«Много сил для освобождения Василия Афанасьевича приложила его жена, т.е. наша бабушка,— писала в воспоминаниях Надежда Тюленина.— Сначала она съездила в Москву к известному адвокату того времени Ф.В. Плевако, а потом сходилась и в Ясную Поляну ко Льву Николаевичу Толстому... Через год после тюремного заключения нашего дедушку с волчьим билетом выпустили на свободу».

Но испытания не сломили Василия Афанасьевича. Он все равно держал связь с большевиками и выполнял их задания. Дочь Александра, будущая мать Сергея Тюленина, помогла в этом отцу. Когда Сережа учился в школе, она часто рассказывала ему об этом.

Отец Сергея, Гаврила Петрович Тюленин, в 12 лет покинул родную Тулу — тоже в поисках заработка. Оказавшись в Донбассе, он стал работать на шахте «Мария». Работа была тяжелой, но профессия забойщика ему понравилась. Первая жена Г. П. Тюленина умерла, осиротив пятерых маленьких детей. Вскоре двое из них тоже умерли.

В годы гражданской войны погиб первенец Тюлениных — Сергей. Тот первый Сергей работал на шахте «Мария» и был секретарем комсомольской ячейки. Из воспоминаний Надежды Тюлениной: *«Когда летом 1919 г. в Донбасс ворвались денкинцы, они учинили жестокую расправу над Сергеем. Привезли его в Юзовку (ныне город Донецк — В. Р.), замучили там и сбросили в шахту. В память о нем родители назвали самого младшего члена нашей семьи тоже Сергеем. Хотя старший и младший Сергей жили в разное время, но их судьбы совпали. Ужасное совпадение!»*

Александра Васильевна спросила меня, кем я довожусь Марии Александровне Виценовской. Я ответил, что моя бабушка приходится ей родной сестрой, что она местная уроженка и работала вместе с дедушкой в школах имени А. М. Горького и № 4.

— А мой дедушка был учителем биологии у Василия, старшего брата Сережи.

— Вот как!- сказала Александра Васильевна.— Вообще-то Вася не мой сын. Я ведь у Гаврилы Петровича вторая жена. И он у меня второй. Но наши дети стали нашими общими детьми. И Васю я сыном считаю.

Осенью 1923 г., взяв оставшихся в живых детей, дочь Марфу и сына Василия, Г. П. Тюленин приехал на жительство в Киселевку. Здесь он встретился с Александрой Васильевной. Первый ее муж, Алексей Тимофеевич Жучков, умер от тифа в марте 1923 г., и Александра Васильевна осталась с шестью дочерьми. У нее была избенка, лошадь, корова и пара овец. Чтобы прокормить детей, она трудилась, не разгибая спины, но концы с концами сводились плохо. Да и Гавриле Петровичу нелегко было

одному воспитывать двух детей. Приглянулись они друг другу и в октябре 1923 г. поженились. Всех дочерей жены Гаврила Петрович записал на свою фамилию. Объединив детей от первых браков, они создали одну большую и дружную семью. Она еще больше сплотилась, когда там же, в Киселевке, 12 августа 1925 года родился их общий сын и братишка Сережа, самый младший.

Спустя некоторое время Гаврила Петрович затосковал по привычному шахтерскому делу и уехал обратно в Донбасс. Он устроился на шахту в Сорокинском руднике на Луганщине. Вслед за ним всем табором переехала к нему огромная семья, а с ней и Сережа, которому тогда исполнилось всего несколько месяцев.

Время было трудное. Детских ясель и садов в шахтерском поселке еще не было, и малыша приходилось часто оставлять дома одного, без присмотра. Для Сережи оставаться одному стало делом привычным, и он познавал мир самостоятельно, осматривая все вокруг себя живыми и пытливыми глазенками. Очень его интересовало оконное стекло, которое от уличного шума дребезжало. Это очень нравилось Сереже. Было ему тогда годик с небольшим. Он вскарабкался сначала на лавку, потом на стол, подполз к оконному стеклу и стал его изучать. Он давил на него до тех пор, пока оно не лопнуло. К счастью, обошлось без порезов. В образовавшуюся дырку он начал сбрасывать все, что было под рукой и проходило по габаритам. Заметившие это соседи подняли тревогу, и вскоре домой прибежала мать.

Дом, в котором жил Сергей Тюленин

В пять лет он решил выяснить, почему у коров рога. Увидел, что пастух гонит стадо, и выбежал навстречу.

— А в стаде была одна сивая корова, такая бодливая! — рассказывала Александра Васильевна. — Она к Сережке и поддень его на рога! И как через себя бросит... Ударился он о дорогу больно, а не заплакал. Да и плакать-то когда? Эта корова опять бежит к нему, — ведь рогами проткнет, затопчет копытами! Сережка схватил горсть пыли и швырнул ей в глаза, а потом еще, еще... Та мордой мотает, не видит ничего. Да, наверно, все равно она б его растоптала, но, спасибо, мимо какой-то рабочий проходил, он ее палкой отогнал. Тут и пастух подбежал. «Цел?» — спрашивает. А у малого нога в крови. Больно. Заплакал Сережа. «А почему, — спрашивает, — она драться кинулась? Я ж ее не трогал». Пастух его поднял: «Не падаешь? Ну, и ладно. Дуй домой». Сережка опять: «А почему...» Пастух ему: «Давай до дому, а то Сивая вернется, она тебе так почемукнет!»

На другой день Сережка опять вышел навстречу стаду, а в руке палка. Пастух увидел его, удивился: «Ты что ж это, Сивую бить пришел?!» Сережка говорит: «Нет. Это чтоб она не думала, что я испугался...»

Сережа рос добрым и сердечным мальчишкой. Очень любил разных зверюшек. Как-то Гаврила Петрович пришел с работы раздраженный, запустил в кошку молотком и сломал ей лапку. Услышав душераздирающий крик своей любимицы, примчался маленький Сережа. «Кто Мурку бил?!» — закричал он, гневно сверкая глазами, хотя сразу понял, кто обидел кошку. Та забилась под шкаф и там жалобно мяукала. «Дед», как звали в семье Гаврилу Петровича, ворчал что-то насчет того, что жизнь слюнявев и жалостливых не любит, а кошку надо за хвост да об угол. Сережа плакал, доставая ее из-под шкафа, и упрекал отца в жестокости.

— Я, как в комнату вошла, — продолжала Александра Васильевна, — так на «деда» напустилась: «Да чему ж ты детей учишь? Не со зверями им жить-то — с людьми!»

Гаврила Петрович зачастую был крут с домашними, но Александру Васильевну, женщину боевую, решительную, острую на язык, уважал и побаивался.

Потом Сережа и сестры наложили Мурке на лапку шину. Кошка поправилась, хотя и немного прихрамывала.

Его, самого младшего в семье, все любили и немного баловали. Гаврила Петрович часто приносил Сереже ржаных пряников, но мальчик всегда делился ими с сестрами и братом Василием.

Особенно дружен он был с младшими из семьи Тюлениных — Васей, Феней, Дашей и Машей. Никогда от них не отставал. Если он им надоедал, они, сговорившись, пытались убежать от него на реку. Но Сережа бегал очень быстро и всегда их отыскивал, а отыскав, торжествующе кричал: «А, гады, удрать хотели? Не удерете!»

За старшим братом, Василием, он бегал по пятам. Для Сережи было счастьем слушать Василия, делать ему приятное, даже просто нести Васину сумку с книжками. Он так и скакал, так и вертелся вокруг брата и задавал свои бесконечные вопросы, начинавшиеся с «зачем?» и «почему?».

Сережа очень хотел скорее пойти в школу, но ему говорили, что он еще маленький, и он с нетерпением ждал, когда вырастет. Старшие дети давали ему поносить школьный портфель. Он деловито расхаживал с ним по дому, как будто идет в школу. Потом доставал и рассматривал книги, тетради, пеналы.

Память имел поразительно цепкую. Однажды Василий, готовя домашнее задание, учил наизусть стихотворение к уроку украинского языка: «Сидить зайчик на морозі». Не успел брат выучить стихотворение, как маленький Сережа без всякой запинки его продекламировал, и все в доме хлопали ему в ладоши.

В семье Тюлениных дети были приучены к труду, и Сережа не отставал от старших. Когда в 1932 году Александра Васильевна привела его в школу имени Горького, на учительницу он произвел большое впечатление своей самостоятельностью и взрослостью, которая находилась в забавной дисгармонии с его маленьким ростом и копной непокорных волос (мать извинялась, что не успели подстричь). «Хочешь учиться в моем классе?» — спросила учительница. «Там видно будет, — солидно ответил Сережа. — Куда определят, там и буду учиться». И, заложив руки за спину, пошел за матерью.

Учиться в первом классе Сереже было откровенно скучно, так как всему, что проходили на уроках, его уже до школы научили брат и сестры: он и читать умел хорошо и считал лучше сверстников. Поэтому на уроках непоседа постоянно вертелся, толкал соседа, корчил девочкам рожи. Нередко за такие проказы его удаляли из класса. Но когда началось изучение материала, ему незнакомого, отношение к учебе

резко изменилось: он стал серьезен и внимателен. Учился без напряжения, чему помогала способность к быстрому и прочному запоминанию. Много и жадно читал. Библиотекарь школы даже пригрозила, что не будет давать ему книги, если чтение пойдет в ущерб учебе.

В тридцатые годы в школах работали педологи — представители науки, истинность которой и по сей день вызывает споры. В семидесятые годы XX века, когда я учился в пединституте, ее называли лженаукой и, на мой взгляд, справедливо. У педологов, по сути дела, все сводилось к тестам, так обожаемым современной российской школой. Но за деревьями педологи, похоже, не видели леса. И то, что произошло с Сережей Тюлениным, тому подтверждение.

Педологи задали Сереже вопрос: «Сколько вас, Тюлениных, братьев и сестер?» Мальчик ответил: «Шесть сестер и два брата». «А сколько всего детей в семье?» «Семь!» — сказал Сережа. Ему предложили посчитать лучше. «Семь!» — повторил он. В третий раз стали вместе считать на пальцах. «Так сколько будет детей?» «Все равно семь!» — стоял на своем мальчик. Педологи даже не попытались разобраться, почему Сережа так считает. И напрасно! У мальчика была своя логика, и он был прав. Действительно, сестер было шесть, но одна из них уже вышла замуж и жила в семье мужа, так что в семье Тюлениных детей и на самом деле было семь. А его сочли умственно отсталым!

Педологи настояли на переводе Сережи в класс для детей с замедленным развитием. Тех, кто там учился, в школе дразнили придурками. Александра Васильевна пришла в школу разъяренная, высказала педагогическому коллективу все, что она о нем думает, и перевела Сережу в школу № 4 имени Ворошилова, где педагоги на поверку оказались сильнее. Сережа попал к очень хорошим учителям. В школе № 4 работала М. А. Виценовская, и там Сережа подружился с ее сыном Юрой, учившимся на один класс старше, тоже, как и он, большим книголюбом. Соседкой по парте у Сережи была Люба Шевцова, девочка боевая и справедливая, под стать самому Тюленину. Сережа попробовал было над ней беззлобно подшучивать, но получил такой отпор, что к Шевцовой прочно приклеилось прозвище «Тюленин в юбке». Впрочем, отношения у них сложились самые товарищеские.

Вот что писала о Сергее Тюленине его учительница А.Д. Колотович в своей книге «Дорогие мои краснодонцы»: *«Сережа показался мне мальчиком со своими задатками, к которым надо было относиться очень осторожно и серьезно. Заводила ребячьих игр и проделок вовсе не производил впечатления неисправимого баловника. Он любил пошутить, устроить игру, но вовсе не во вред кому-нибудь. Как все ребята сильного характера, Сережа предпочитал, чтобы с ним разговаривали, как со взрослым, и игры его принимали, как серьезные игры».*

Сережа имел очень большой авторитет среди ребят. Он был активным и общительным, к тому же храбр и решителен. Он умел постоять за себя и заступался за слабых. Не боялся вступить в драку с теми, кто был крупнее его. Однако умел улаживать конфликты и без рукоприкладства, если в том не было серьезной необходимости.

Удивительно одаренный от природы, Сережа играл на многих музыкальных инструментах, участвовал в школьной самодеятельности, замечательно танцевал лезгинку и гопака. Посещал практически все кружки — драматический, хоровой, струнный. С особенным увлечением занимался он в авиамodelьном кружке. С одной из своих работ на выставке в Ворошиловграде (Луганске) он занял первое место.

Сережа мечтал стать летчиком и бредил Валерием Чкаловым. Втайне от всех смастерив из простыни самодельный парашют, он стал тренироваться прыгать с крыши дома. Один из прыжков оказался неудачным, и он лишился половины верхнего зуба.

Агитбригада краснодонской школы №4. В кубанке — Сережа Тюленин. Вторая справа — Люба Шевцова.

Сергей Тюленин (первый слева в первом ряду) среди учеников художественной самодеятельности клуба имени А. М. Горького.

Может быть, его прыжок со второго этажа школы, на глазах всех учеников, тоже отчасти явился результатом влияния подвигов В. Чкалова. Подробности этого эпизода я узнал из рассказов М. А. Виценовской и самой Александры Васильевны. Интерпретации несколько различались, но сходились в главном. Дело было вот как. На перемене Сережа заметил, как один мальчик ест пирожки, принесенные из дома. Сереже очень захотелось пирожка, и он стал просить мальчика поделиться. Тот нипочем не хотел этого делать, дескать, самому мало. Тогда Сережа спросил:

— Хочешь, со второго этажа прыгну?

Мальчишка вытаращил глаза:

— Врешь, побоишься!

— Дай пирожок — прыгну.

Честность Сережи была известна всем: если дал слово, выполнит, чего бы это ни стоило. Сережа съел пирожок и прыгнул из окна. Приземлился он на клумбу, к тому же — стояла зима — в сугроб. В школе был переполох. К директору тут же вызвали мать. Пока директор и Александра Васильевна отчитывали его, Сережа молчал, опустив голову. Как только взрослые выбились из сил, он вдруг снизу вверх лукаво сверкнул глазами на мать:

— Мам, а хочешь, я еще раз прыгну?

— Жилистый был, сильный, ловкий,— говорила Александра Васильевна.— На крышу дома залезет по лестнице, а оттуда только прыгивал.

Смелость и находчивость Сережа проявлял не раз. Сережин друг детства Н. И. Сыщенко вспоминал: *«...однажды поздно вечером, проходя мимо школы (возвращались из парка домой, после занятия прыжками с парашютом), услышали крик, призывающий о помощи. Сережа понял с полуслова сторожа, разбил локтем стекло рамы, скрылся в темноте. Когда мы открыли входную дверь в школьный буфет, то увидели Сережу и троих мальчишек, изрядно помятых и исцарапанных, зажатых за прилавок. У Сережи болталась, как плеть, рука. Оказывается, в схватке воришки бросили в Сережу гири от весов и сломали ему руку. Однако, преодолевая боль, он выстоял неравный поединок».*

Сергей отличался трудолюбием. Если уж его класс отправлялся в колхоз на прополку, он всегда был первым: все делал на совесть. Лентяев изводил язвительными насмешками. Очень интересовал его шахтерский труд, и он любил слушать рассказы шахтеров, приходивших в гости к его отцу.

Сережа был большим юмористом, любил пошутить и посмеяться. За это его любили и очень уважали сельские ребята. С ним хорошо было дружить. Он здорово рисовал портреты вождей и полководцев, что пригодились ему потом в «Молодой Гвардии». Сережа знал наизусть много стихотворений и был отменным рассказчиком. Ребята любили, когда Сережа что-нибудь рассказывал.

В школьные годы Сергей заинтересовался революционной деятельностью В. И. Ленина. Этому содействовали учителя, которые помогли ему много узнать об Ильиче, а родители его интерес одобряли. Несколько раз Сергей пробовал читать труды В. И. Ленина и сокрушался по поводу того, что они ему не под силу. Сестра Надежда, к тому времени уже вступившая в ВКП (б), посоветовала ему:

— Ты сначала побольше узнай о жизни и деятельности соратников В. И. Ленина.

— А что это даст? — спросил Сергей.

— Тогда и труды В. И. Ленина начнешь понимать.

Когда его принимали в комсомол, он очень волновался, зная за собой немало проступков в виде различных шалостей. Его спросили, почему он хочет вступить в ВЛКСМ. Сергей ответил: «Хочу быть членом организации, которая борется за счастье человечества, за нашу красивую, полную радости жизнь, за то, чтобы в нашей стране быстрее построить коммунизм...» Потом застеснялся несвойственной себе патетики, усмехнулся и добавил:

— Это брат мне так написал. Но теперь я тоже так думаю.

Тюленина приняли единогласно.

В 1940 г. он решил осуществить свою мечту и вместе с товарищами подал документы в Ворошиловградскую летную школу. Медицинская комиссия признала его годным, но в зачислении было отказано, так как он не подошел по возрасту. Вернувшись домой, он продолжил обучение в школе, поступил в радиокружок при Краснодонской радиостанции; сам сделал приемник, по которому его семья слушала радиопередачи.

В 1941 году он не оставил попыток стать летчиком, отправив заявление и документы в Сталинградскую летную школу. Однако ответа он так и не получил: началась война, которая не одному Сергею спутала намеченные планы.

— Он всегда любил возиться с собаками,— продолжала свой рассказ Александра Васильевна.— Была у него собака Джульбарс, овчарка. Так его одного и слушалась. Разные команды выполняла, но если команду даст кто-то другой,— и ухом не поведет. Чему только Сережа этого пса не научил... Смотрю как-то, а Сережка Джульбарса-то запряг в корыто и заставляет таскать. Я ему говорю: «Что ж ты собаку мучаешь?» А он мне: «Ты, мать, не понимаешь. На войне собака вот так может, особенно по снегу, и медикаменты перевозить, и патроны, и раненого, если что. А попадет под обстрел, на брюхе проползет и что надо доставит». Потом у Сережи всех его обученных собак забрали в Красную Армию.

Нет никакого сомнения в том, что Сережины питомцы принесли пользу нашей армии.

С начала войны Сережа трудился на шахте № 1-бис. Потом он работал на строительстве оборонительных рубежей. Уже тогда Сергей начал собирать оружие. Дома появились автомат, патроны и несколько гранат.

Красная Армия отступала. До гитлеровской оккупации оставались считанные дни и часы.

— Иду это я по дороге,— рассказывала Александра Васильевна,— а на обочине стоит разбитая грузовая машина. Видно, с самолета подбили. В кузове какие-то ящики. Я посмотрела, а в ящиках бутылки. Рядом люди стоят. Я у них спрашиваю: «Что в бутылках?» «Да кто ж его знает! Говорят, мед какой-то искусственный». «Мед? — говорю.— Это хорошо. Это в хозяйстве пригодится». Позвала я дочь, Надю. Мы вместе этот «мед» домой и перенесли. Тут из комнаты Сережа вышел: «Что это у вас?» А я за что-то сердита на него была. «Иди отсюда!» — говорю. «Да ладно,— говорит Сережа.— Жалко, что ли, сказать?» «Ну, мед это искусственный!» А он взял одну бутылку, посмотрел, понюхал, пальцем горлышко потрогал, усмехнулся и говорит: «Мать, что ж ты принесла? Это не мед. Это бутылки с зажигательной смесью — танки подбивать». Я растерялась и, конечно, расстроилась. Что ж теперь с этим со всем делать? Выбросить? «Нет,— говорит Сережа,— выбрасывать не надо». Когда совсем стемнело, он нам с Надей сказал: «А ну, давайте это хозяйство на огород». Мы все туда перетаскивали и закопали бутылки возле стеблей ботвы. Горлышко каждой бутылки чуть землей присыпали, чтоб не видно было, а рукой сразу можно нащупать. «Пригодится»,— Сережа говорит, а сам, вижу, о чем-то своим думает.

18 и 19 июля 1942 г. Сережа помогал красноармейцам взрывать здания. Были взорваны база с горючим, хлебозавод и шахта № 1-бис.

20 июля в Краснодон вошли немцы. Сережа долго стоял на улице, стиснув зубы, и во все глаза смотрел на вооруженных до зубов вражеских солдат и офицеров, проезжавшую мимо фашистскую технику. Стоял, как статуя, не проронив ни слова. Но когда вернулся домой, его прорвало. С болью и гневом он кричал:

— Нет, с этим мириться нельзя! Смотрите, что творят эти варвары! Заходят в дома, забирают все, что хотят, заставляют женщин носить воду для их лошадей. Поразвесили уже свои гнусные приказы. Только вряд ли кто их будет выполнять. Нужно их срывать, а гадов этих уничтожать беспощадно!

Сестра Надя пыталась успокоить Сергея, но он как будто не слышал ее.

— Да что же ты сможешь сделать, дите ты мое дорогое, против такой-то тучи...— заплакала мать. Рядом стояли растерянные Надя, Даша и Гаврила Петрович.

Увидев слезы матери, Сергей притих. Помолчал немного, а потом спокойно произнес:

— Один, конечно, не смогу. А вот вместе с товарищами... Будет им «новый поря-док!»

Он люто ненавидел фашистов и все время искал способы бороться с ними.

В те дни он часто пропадал со своими друзьями — Володей Куликовым, Леней Дадышевым, Степой Сафоновым и Валерией Борц. Возвращался домой очень поздно, а иногда и утром. С приходом фашистов дружба этих ребят стала еще крепче. Сережа начал организовывать работу по сопротивлению захватчикам среди мальчишек. Радий Юркин вспоминал: *«Я был самым старшим из восьми ребят, которые под руководством Тюленина начали собирать оружие и патроны. Мы еще не совсем ясно представляли себе, когда и как будем применять оружие, но твердо знали одно: нельзя в такое время бездействовать».*

На пятые сутки оккупации, когда немцы пошли мыться в баню, та вдруг загорелась. Баня была совершенно новая, отстроенная только перед войной. Она была хорошо оборудована, с прекрасными ванными комнатами.

— Сережа был у мальчишек авторитетом. Хотя ему было семнадцать лет, пацаны называли его дядей и ходили следом,— вспоминала тот день Александра Васильевна.— Вот они с ним и увязались, когда он погнал нашу корову пастись. По пути Сережа заметил, что немцы идут в баню. Прошли еще немного. Сережа и говорит: мол, ребята, гоните корову дальше, я вас позже догоню. А сам сделал бегом крюк (ноги-то у него были, как ветер), прибежал на огород, надергал бутылок, незаметно подобрался к бане и закидал ее. После этого опять сделал крюк и пулей догнал ребят уже на лугу. Фашисты из горящей бани голые выскакивают, орут. Стали спрашивать полицаев: кто это мог сделать? А эти шкуры продажные и говорят: кто ж еще, кроме Тюленина! Пришли полицаи к нам. «Где сын?» — спрашивают. «Корову пошел пасти»,— говорю. «Знаем мы,— ругаются,— какая это корова!» А тут и Сережа с ребятами возвращается. Полицаи к нему: «Ты баню поджег?» «Да вы что! — удивляется Сережа.— Меня тут и не было. Видите, мы с ребятами только что с луга». Ну, те покрутились: вроде как, действительно, только что парень пришел совсем с другой стороны и, правда, с коровой. Да и ребята с ним... Ушли полицаи ни с чем. А Сережка смотрит туда, где дым от пожара, и говорит потихоньку: «Ух ты, как горит...» Покосился, увидел, что полицаи отошли подальше и уже погромче: «Хорошо горит... Жалко, мало!» Это он добавил еще громче, когда полицаи были далеко. Тут один пацанчик ко мне и тихо так говорит: «Тетя Шура, а это он...» И на Сережу пальцем... Услыхал это Сережа. Рядом в колоде, на которой дрова рубят, топор торчал. Он его выхватил и с перекошенным лицом к мальчишке. Замахнулся топором. «Убью!» — говорит. Пацаненок перепугался, руками закрылся: «Дядя... Дядя... Я не буду...» Сережа топор обратно в колоду вогнал, недобрым таким взглядом еще раз посмотрел на парнишку и отвернулся. Потом, дома, спрашиваем его: «Зачем ты это сделал?» А он и отвечает: «Это чтоб вшивые немцы не купались».

Здание бани, сожженной Сергеем Тюлениным

В сентябре 1942 г. фашисты начали поголовную вербовку в Германию. Людей хватали прямо на улицах, пригоняли в полицию, регистрировали и потом насильно отправляли в Германию.

В семье Тюлениных подлежали отправке в Германию три сестры и Сережа. Они стали уходить из дому и целыми днями бродили в степи, шли в дальние села, прятались в лесах за Донцом. Это было трудное для Сергея время, время вынужденного бездействия. Он все время думал над тем, как помочь оставшейся в Краснодоне молодежи, и рвался домой. В Краснодоне ему приходили повестка за повесткой. Квартальный, хороший знакомый Сергея, Митрофан Бесхлебный, помогал ему, на повестках делал отметку, что Сережи нет дома. Для того чтобы легализовать свое присутствие в Краснодоне, он поступил на работу в клуб. Там был организован струнный кружок, которым руководил Виктор Третьякевич. Этот кружок почти целиком состоял из членов «Молодой Гвардии» и был ширмой, за которой молодежь спасалась от вербовки в Германию.

И Сергей с головой окунулся в подпольную работу. Когда дела шли хорошо, был весел и приходил домой с песнями.

Однажды Сергею надо было перенести патроны и гранаты. Он положил на дно двух кошелок боеприпасы, а сверху засыпал их картошкой. Но по дороге он напоролся на полицаев, которые отвели его в комендатуру. На этот раз Сереже повезло. Его недолго продержали в комендатуре, а потом выгнали, не обратив на корзины никакого внимания.

24 октября немцы организовали в городе парад полиции. В ночь перед этим Сергей вместе с сестрой писал листовки. На базарной площади собралось много народу. Улучив момент, Сергей прилепил на спину одному здоровенному полицая листовку: «Смерть немецким оккупантам!» То-то потом забегали фашистские холуи, когда увидели ее!

— И не страшно тебе было? — спрашивала потом старшая сестра Надя.

— Есть же на свете дураки, — усмехнулся Сережа. — Он мой шлепок за дружеское похлопывание принял. А когда они спохватились, мы с хлопцами уже были далеко.

В самый торжественный момент парада, когда полиция проходила в немецкой форме, рухнули крыши базарных рундуков. Началась паника. Товарищи Сергея, воспользовавшись неразберихой, прилепили на спину полицаям еще несколько листовок.

Группа Тюленина блестяще справляется с поручениями штаба «Молодой Гвардии» и выполняет ряд боевых заданий. За деревней Шевыревка Сергей с товарищами разгоняет скот, приготовленный для отправки в Германию, нападает на вражеский обоз.

Наступил канун 25-й годовщины Великого Октября. В ночь с 6 на 7 ноября 1942 года Сергей Тюленин со своей группой вывесил красный флаг на школе № 4 имени К. Е. Ворошилова, в то время как другая группа водрузила такой же флаг над шахтой № 1-бис. Ночная темень помогла отважным молодогвардейцам.

Вот как вспоминал об этом оставшийся в живых молодогвардеец Радий Юркин: *«Первого ноября меня вызвал Виктор (Третьякевич — В. Р.) и сказал, чтобы я, Тюленин, Сафонов и Дадышев приготовились к Октябрьским торжествам. Мы с жаром принялись за работу. Достали полотнище для знамени, приготовили гранаты, привезенные мною из Миллерова, и в долгожданную ночь, накануне праздника, отправились выполнять задание. Шел дождь. Погода отвратительная, но на душе было легко и радостно.*

Вот и школа имени Ворошилова. В здание мы вошли через черный ход. Поднялись на площадку верхнего этажа, откуда узенькая лесенка вела к тяжелой кованой двери чердака. Сережа Тюленин первым поднялся по шаткой скрипучей лесенке. За ним

с гранатами наготове мы. Осмотрелись и сразу же принялись за работу. Степа и Сережа по скреплениям и проволоке влезли под самую крышу. Леня Дадышев стал у слухового окна, всматриваясь и прислушиваясь, не подбирается ли кто к нам. Я прикрепил полотнище к трубе.

Все готово. Старший минер Степа Сафонов, как мы потом его прозвали, заявил, что мины готовы... Я выглянул в слуховое окно и увидел человек шесть полицейских. Наряд прошел мимо, ничего не заметив. Я вылез на крышу посмотреть на знамя, которое мы так тщательно прикрепили.

Моросит осенний дождь, дует свирепый ветер. Наше знамя гордо реет в воздухе, а внизу на чердаке лежат противотанковые мины, прикрепленные к древку знамени...

Утром около школы собралось много народу. Вzbешенные полицейские бросились на чердак, но сейчас же вернулись назад, растерянные, бормоча что-то о минах. А знамя развевалось в воздухе и звало народ к борьбе.

В ту же ночь все улицы и базар были оклеены листовками и карикатурами на немцев. После 7 ноября листовки появлялись систематически».

«Черная биржа» — так называли краснодонцы фашистское учреждение, в котором к началу декабря были подготовлены списки для угона в рабство около двух тысяч краснодонцев. Штаб «Молодой Гвардии» принял решение биржу сжечь. Ночью 5 декабря, воспользовавшись тем, что большинство немцев и полицаев отправилось в клуб на устроенный молодогвардейцами концерт, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова и Виктор Лукьянченко отправились на задание. Они засели в густом кустарнике, который примыкал к западной стороне здания. Было еще светло. Дождавшись темноты, они бесшумно пробрались к бирже, выдавили стекло в одном из окон и пробрались внутрь. По воспоминаниям Ивана Туркенича, биржу, подожженную в трех местах, быстро охватило пламя. Оно поднялось над домами шахтерского города, и жители выбежали из своих домов, не веря своим глазам. Многие плакали от счастья...

Здание биржи, сожженной Сергеем Тюлениным, Любовью Шевцовой и Виктором Лукьянченко

После того, как в начале января начались аресты членов «Молодой Гвардии», и было принято решение разойтись, Сергей ушел из города в надежде перейти линию фронта, но попытка оказалась неудачной, и 11 января он вынужден был вернуться домой.

Вторая попытка 15 января удалась. Сергей с сестрами Надей и Дашей оказался в расположении наших войск. Сергей сразу отправился в разведуправление. Его личность там выясняли в течении трех дней. По его настойчивой просьбе Сережу направили в одну из воинских частей, которая вела наступление на город Каменск. В течение нескольких дней он работал в разведке этой части. 24 января завязался ожесточенный бой на подступах к Каменску. Сергей с группой красноармейцев отправился разведать огневые точки противника. Но фашисты разведчиков обнаружили и окружили. Многие бойцы погибли. Сергея серьезно ранило в руку, но ему удалось вы-

рваться. Однако он был вынужден идти по направлению к городу, а не к своим. Так как Сергей был в штатской одежде, то на него внимания почти не обращали. Сергей старался не подавать вида, что ранен. Заметив, что на повороте стоят немцы, Сергей забежал в ближайшую хату. Там никого не оказалось. Тогда он схватил подвернувшееся под руку ведро и спокойно вышел на улицу. Немцы приняли его за местного жителя и заставили носить воду на кухню. Сергей с трудом преодолевал боль. Рана давала о себе знать. Рукав, пропитанный кровью, заledenел. К вечеру ему удалось уйти из Каменска и, в конце концов, добраться домой.

Сестра Сергея, Хабаровова Наталья Алексеевна, вспоминала последнее возвращение брата: *«25-го января 1943 года под вечер я возвращалась домой от соседей. Подхожу к дому: дверь закрыта. Стучу. Выходит маленький сынишка и тихим взволнованным голосом спрашивает:*

— Кто там?

— Это я!

— А ты одна, мама? — спрашивает он меня.

— Одна.

Только я вошла, он радостным шепотом сообщает:

— Мамочка, Сергей к нам пришел!

Я так и обомлела. Вбегаю в комнату. Сидит он, за руку держится.

— Что с тобой, Сереженька?

— Так пустяки, ранило немного.

Я... переодев его в женское платье, укутав большим темным платком, на второй день отвела домой. Он меня впереди, я немного сзади. Побыл он дома всего лишь сутки. Выдали его. Сука Лазуренко продала. А получилось-то вот как: Сергея очень любил его племянник, сын средней сестры. Ему и было тогда 1 год и 3 месяца. На второй день, т.е. 27-го января заходит эта Лазуренко в дом. Дома был только старик больной. А мальчик ползет в другую комнату, протягивает руки, смеется. Лазуренко и спрашивает его:

— Где дядя? Там? — и указывает на комнату. Мальчик закивал головой, закивал. Она туда, а Сергей лежит в постели. Старик не придавал этому вначале никакого значения, думая, что она не заметила Сергея. Ее родственники служили в полиции. В тот же день его и забрали».

— А забирали Сережу совсем не так, как в кино показали. Не было никаких немцев. Пришли за ним наши, местные, полицаи,— с горечью говорила Александра Васильевна.— Двое их было. Сережа стоит перед ними, бледный, шатается. Много он крови потерял, в руку раненный. Если бы не это, он бы их обоих побил и ушел бы. Он же у меня сильный и ловкий был... Я плачу, к одному из них, Ваньке Изварину, обращаюсь: «Ваня! Ну, ты же русский! Дай ему уйти, он же такой молодой, не губи его! Возьми что хочешь!..» А он глаза отвел. «Не могу,— говорит.— На него донесли. Если мы его в полицию не доставим... У нас же у самих семьи...» И увели Сереженьку. А через час за нами пришли. И меня, и «деда», и дочку... Даже годовалого внука Валерика забрали... Привели в полицию. Заместитель начальника полиции Захаров сразу на меня с матерщиной. «У нее,— кричит,— сын партизан, красная сволочь, а она стоит, как молодая роза!» И что ни слово, сплошной мат. Соликовский на диване лежал. Потом поднялся и говорит: «Имущество у них конфисковать, а этих (неприличное слово сказал) пустить на ветер, но сначала пытаться». Тут Валерик заплакал. Соликовский велел взять его за ноги и головой об стенку... Но тут вошел полицай и сказал, что немецкое начальство приехало. Соликовский ушел, а нас посадили в холодную камеру. «Деда» отдельно от меня. Дочь с ребенком, правда, через не-

сколько часов выпустили. Но ведь какие сволочи,— и ребенка не пожалели, щипали его, по щекам хлестали! Долго у него синяки не проходили.

— В камере,— продолжала Александра Васильевна,— я сидела с Любой Шевцовой, Раей Лавреновой и ее матерью, а еще там были мать и отец Степы Сафонова. На другой день, утром, к нам попала Аня Сопова. Тут же ее стали допрашивать. Камера наша от ихней канцелярии была отделена деревянной перегородкой, все слышно и даже в щелочки кое-что видно. Спрашивают, кого она знает, с кем имела связь, что делала. Она молчит. Приказали ей раздеться догола. А она такая красивая была, косы большущие, пышные, до пояса. Сорвали с нее одежду, уложили на пол и стали бить проволочной плеткой. Она страшно кричала. А как начали бить по рукам, голове, не выдержала, бедненькая, стала пощады просить. Потом снова замолчала. Тогда Плохих, палач проклятый, чем-то ее ударил в голову. Она упала, и ее снова били... Наконец, избитую, всю в крови приволокли в камеру. Она долго лежала. Потом встала, походила так и сказала: «Кабы не руки, я бы терпела. А то перед такой мразью унижаться...»

Аня Сопова

Потом вызывали на допрос меня. Спросили, что я знаю о действиях сына. Я ответила, что ничего не знаю. Тогда Захаров дал знак, а полицейские Севастьянов и Плохих раздели меня и бросили на пол. Страшно вспомнить, как били — по голове, по спине, по ногам. Как плеткой ударят, так сразу кожа рассекается, и кровь идет. А Захаров надо мной приговаривал: «Рассказывай, сука, к кому сын ходил, кто к нему приходил». Не помню, как я в камере очутилась.

После Александры Васильевны допрашивали Сергея. Об этом ей рассказали соседи по камере. Он смотрел на палачей насмешливо. Когда начали бить, только зубами скрипел. Таким допросам каждый день подвергали всех арестованных. Ковалева Анатолия однажды били три раза подряд. Били Севастьянов, Плохих и Захаров.

— Устанут, отдохнут и снова бьют. А чтобы крики заглушить, заводили патефон. И под музыку истязали наших дорогих детей.

Только на четвертый день увидела мать своего Сережу. Захаров сделал матери и сыну очную ставку, надеялся сломить обоих. Александру Васильевну ввели в жарко натопленную комнату, и у нее сдавило горло, перехватило дыхание. Под стенкой, пошатываясь, стоял Сергей. Он был весь в окровавленных лохмотьях, переносица перебита. Как только Сережа увидел мать, оживился. Их взгляды встретились. Он ничего не говорил, но как много сказали его глаза! Александра Васильевна поняла, что означал взгляд сына, и тоже ответила ему взглядом.

— Захаров встал и говорит мне: «Ну, говори, старая, кто приходил к твоему сыну?» Я ответила, что ничего не знаю и никого не видела. Тогда он бросился к Сереже и рас-

каленный шомпол воткнул ему в рану на руке. Я стиснула зубы, молчу. Захаров говорит: «Ну, сейчас заговорите!» Тут два полиция тащат Сережу к двери и его пальцы в дверную щель засовывают. Сережа крикнул: «Мама, закрой уши, молчи! Ничего, наши придут и отомстят гадам за все. Вон уже совсем близко грохочет, чувствуете?» Как стали они дверь закрывать, как захрустели косточки, Сережа так страшно закричал... Я только прошептала: «Сереженька, сыночек мой...» И все потемнело, я потеряла сознание...

Потускневшие от прожитых лет глаза Александры Васильевны были полны слез. Все время, пока она вела рассказ, я, не отрываясь, смотрел в них и не мог отвести взгляда. Казалось, то, о чем она говорила, проходило передо мной — зримо и осязаемо. Я думал о том, что все это она рассказывала не раз еще до моего рождения, а теперь рассказывает и мне, заново проживая не выразимые словами ужас и сердечную боль, — боль, которая терзает в тысячный раз, как впервые. Я читал эту боль в ее наполненных слезами глазах, было больно вместе с ней, и те же чувства владеют мной, когда я пишу об этом спустя сорок лет после нашей встречи. Но и тогда в свои двенадцать я понимал, зачем эта мужественная женщина вновь и вновь бережит незаживающую рану. Пока она рассказывает о сыне, она живет, живет он сам, а вместе с ним — его несгибаемое мужество, его подвиг! Пока ее рассказ будет передаваться от поколения к поколению, ее сын не умрет!

Ранним утром 31 января в коридоре забегали полицаи. Доносилась их мерзкая ругань, слышались крики. Лязгнул засов камере, где сидела Александра Васильевна.

— Сопова, на выход!

Собираясь, Аня спросила у Шевцовой:

— Любочка, что мне взять с собой? Может, бидончик?

Люба Шевцова разрыдалась.

— Какой там бидончик! На расстрел тебя ведут, подруженька...

И бросилась на шею Ане.

— Тут Аня повернулась ко мне и спокойно так говорит: «Тетя Шура, если останетесь живы, скажите маме, пусть не плачет. Я перед Родиной чиста». Потом помолчала и грустно так: «Вот, умираю, а у меня и любви еще не было...»

Когда Аню выводили, в коридоре уже стояло нескольких парней со скрученными за спиной руками. Среди них был Сережа. Он успел крикнуть матери:

— Прощай, мамочка, спасибо! — И получил удар прикладом от полиция.

Вечером 31 января 1943 года Сережу в последний раз подвергли страшным пыткам, но сломить так и не смогли. Сергей кричал:

— Бейте, бейте, гады, все равно взойдет солнце над Краснодоном!

Потом он потерял сознание. Полумертвого его повезли в санях к шурфу шахты № 5. С ним были его товарищи: Витя Лукьянченко, Аня Сопова, Юра Виценовский и Толя Ковалев, связанные телефонным проводом.

Анатолию Ковалеву единственному удалось бежать с места казни. Будучи физически сильным парнем, он ценой невероятных усилий сумел ослабить путы и высвободить руки. В решающий момент он оттолкнул полиция и побежал. Раненный пулей в плечо, он сбросил с себя верхнюю одежду, чтобы, оставшись в исподнем, быть менее заметным на фоне снега. Анатолий добрался до дома, где жили друзья, которые его спрятали и перевязали. Позже Анатолий Ковалев тайно покинул Краснодон и пропал без вести.

Почти всех молодоговардейцев бросили в ствол шахты живыми. Единственный свидетель этой жуткой расправы, сторож, рассказывал, что в течение нескольких дней из глубины доносились стоны...

Арестованных родственников казненных комсомольцев, в том числе и Александру Васильевну, должны были повесить 13 февраля. Но эта казнь не состоялась: Красная Армия подошла к Краснодону, и уже шел бой. Фашистам и их холоумам было не до арестантов: надо было уносить ноги.

14 февраля наши войска вступили в город, и Краснодар снова стал свободным. Многие не верили, что это произошло на самом деле, говорили: «А может быть, это только сон? Вот проснусь и снова увижу этих гадов...»

Братья и сестры погибших уходили добровольцами на войну. Они говорили: «Пусть будут трижды прокляты немецкие оккупанты и предатели, погубившие нашу рабочую молодежь! Пока бьется сердце, будем мстить! Смерть паразитам, посягнувшим на нашу свободу, на нашу жизнь!»

В конце февраля трупы замученных молодогвардейцев были извлечены из шахты. Они были до того обезображены и разложились, что родители узнавали своих детей только по одежде и отдельным приметам. Героев-молодогвардейцев похоронили в городском парке в братской могиле. Десятки гробов стояли в день похорон. Воздух оглашался громким плачем, стенаниями, душераздирающими криками.

От перенесенных страданий и горя Александра Васильевна ослепла. Зрение вернулось к ней лишь полгода спустя, когда в Краснодаре находился писатель А. А. Фадеев, собиравший материал для романа о «Молодой Гвардии». В это же самое время шло следствие над предателями и гитлеровскими палачами.

Видя, что от расплаты не уйти, бывший следователь полиции М. Кулешов и предавший организацию Г. Почепцов своими показаниями оклеветали Виктора Третьякевича, члена штаба и фактического организатора «Молодой Гвардии». Они заявили, что Виктор на допросах выдавал своих товарищей. На самом же деле все происходило вот как. Третьякевич сидел в одной камере с Евгением Мошковым и Иваном Земнуховым. Когда ребята узнали, что в городе идет волна арестов, и соседние камеры наполняются их товарищами, все трое приняли решение на допросах путать следователей и давать показания друг на друга, чтобы отвести подозрение от остальных. Третьякевич давал показания на Мошкова и Земнухова, Мошков — на Третьякевича и Земнухова, Земнухов — на Мошкова и Третьякевича. Они не знали, что полиция уже многое известно, а настоящим виновником арестов их товарищей является Г. Почепцов. На очной ставке с ним, Виктор не мог не заметить, что того в отличие от него даже не били, но, тем не менее, отвечал Кулешову так, чтобы не скомпрометировать Почепцова. Он не догадывался, что стоит лицом к лицу с предателем.

На честное имя настоящего героя и патриота легла тень подозрения. В своем романе о молодогвардейцах А. А. Фадеев вывел вымышленный персонаж предателя Стаховича, чья фамилия созвучна фамилии Третьякевич. Это добавило масла в огонь. Мать Виктора, Анну Иосифовну, горожане начали обходить стороной, как прокаженную. Но побывавшая в фашистском застенке и терпевшая пытки вместе с молодогвардейцами Александра Васильевна Тюленина знала истинное положение дел. Она демонстративно ходила по городу под руку с матерью Виктора. Лишь в 1959 году, когда состоялся суд над изменником Родины В. Подтынным, была установлена истина.

В этой драматической истории не может не вызывать удивления следующее обстоятельство. Почему наших следователей не насторожил тот факт, что, несмотря на якобы сотрудничество с фашистами, В. Третьякевич наравне с другими молодогвардейцами подвергался бесчеловечным пыткам, был изуродован (как мне говорили, ему оторвали нижнюю губу, раздробили обе руки), и в «благодарность» за ценные сведения его казнили вместе с другими членами «Молодой Гвардии»?

В 1960 году Виктор Третьякевич был реабилитирован, но посмертно награжден всего лишь орденом Отечественной войны 1-й степени. Это тоже плохо укладывается в голову.

— Я не понимаю,— возмущалась Александра Васильевна,— почему Героя Советского Союза дали только пятерым?! А Витя Третьякевич? Вася Левашов? Вася-то чем виноват? Только тем, что остался жив? А Ваня Туркенич, командир*?.. Да я же сама с ними была и видела: они все герои,— всем надо дать Героя Советского Союза, а им только ордена да медали! Несправедливо поступили!

Перед расставанием Александра Васильевна провела меня в зал, где висел большой карандашный портрет Сергея Тюленина в раме. Художник выполнил его по фотографии и сделал это талантливо. Несмотря на черно-белое изображение, глаза получились живыми. На меня был устремлен открытый и немного насмешливый взгляд с притаившейся в уголках рта грустной полуулыбкой. Под портретом я прочел: *«Герой Советского Союза Сергей Гаврилович Тюленин, участник почти всех боевых операций “Молодой Гвардии”»*.

— Ты похож на Сережу,— вздохнула Александра Васильевна.

На это я ничего не сказал. Наверное, матери казалось, что на ее сына похожи все советские юноши. По крайней мере, ей очень того хотелось...

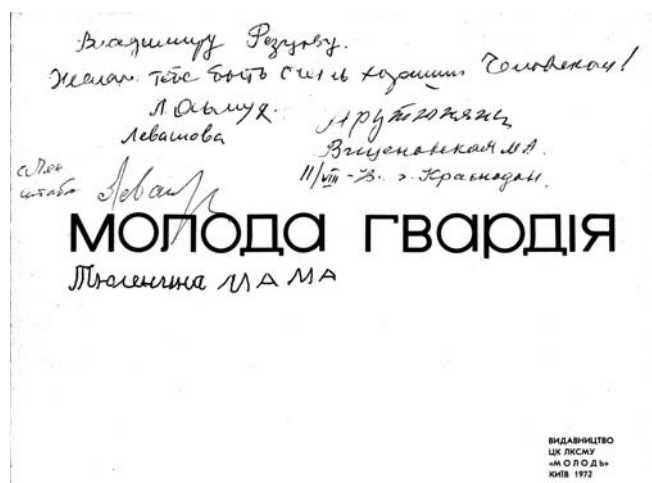
Я попросил Александру Васильевну расписаться в моем альбоме и услышал в ответ:

— Да ведь я же неграмотная! Когда-то училась в ликбезе, но только фамилию свою и могу нацарапать. Пишу, как курица лапой... Ну, давай попробую...

Она взялась за шариковую ручку сразу двумя руками. Невольно подумалось, что так обычно держат что-то тяжелое вроде лома. Неровными буквами Александра Васильевна вывела слово «Тюленина». Потом подумала и спросила:

— А как пишется буква «м»?.. А буква «а» — это так?..

И рядом с фамилией дописала слово «мама».

Автографы сестер Владимира Осьмухина и Сергея Левашова, матерей Георгия Арутюнянца, Юрия Вице-новского и Сергея Тюленина, а также члена штаба «Молодой Гвардии» Василия Ивановича Левашова

* В отношении И. Туркенича, командира «Молодой Гвардии», справедливость все же была восстановлена. 5 мая 1990 года, в канун 45-летия Великой Победы, вышел Указ Президента СССР о присвоении ему посмертно звания Героя Советского Союза «за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Но это случилось через 15 лет после того, как не стало А. В. Тюлениной.

БЕССМЕРТИЕ

В начале 60-х годов, дедушка и бабушка привозили меня, второклассника, в Краснодон, и мы ходили в музей «Молодой Гвардии», который тогда находился еще в старом помещении. Я плохо помню, где тогда размещался музей, остались одни впечатления от увиденного. Вряд ли, приехав теперь на родину молодогвардейцев, я найду то старое здание. Но не найти новый музей невозможно! Он находится в самом сердце Краснодона, на площади, которая получила новое наименование — площадь имени «Молодой Гвардии». Торжественное открытие нового музея состоялось 6 мая 1970 года.

Украинская ССР. Ворошиловградская область. Краснодон. 6 мая 1970 г. Митинг, посвященный открытию нового мемориального комплекса-музея «Молодая Гвардия»

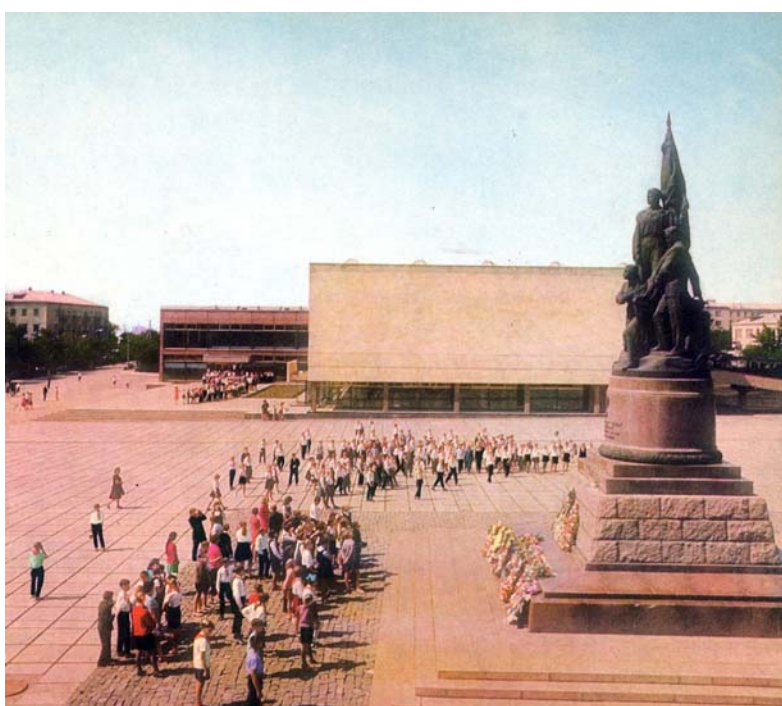
Рядом с музеем находится ставший символом города памятник «Клятва», который был открыт 12 сентября 1954 года. Его создали скульпторы В. И. Агibalов (г. Харьков), В. И. Мухин, В. Х. Федченко (г. Луганск). Авторам удалось не только добиться портретного сходства героев, объединить их в одну гармоничную композицию, но и передать лучшие черты духовного облика молодежи времен минувшей войны. У пьедестала памятника всегда были цветы, и я не верю, что в наши дни дело обстоит иначе.

В этом потрясшем меня до глубины души музее я побывал сорок лет назад. Стоит только войти внутрь, сразу же охватывает ощущение того, что ты соприкоснулся с чем-то неземным, высоким и прекрасным. Даже воздух музея кажется кристально чистым, до того там светло и легко дышится. Лестниц практически нет. На второй этаж посетители поднимаются по наклонному полу с блестящим покрытием. Невольно думаешь, не поскользнуться бы, но поверхность совсем не сколькая. Приятное, не режущее глаза освещение...

Не помню, сколько времени я провел в музее «Молодой Гвардии», подолгу останавливаясь перед каждым стендом... А в музей все шли и шли посетители. Были приезжие, но приходили также местные жители и родственники героев с детьми и внуками.

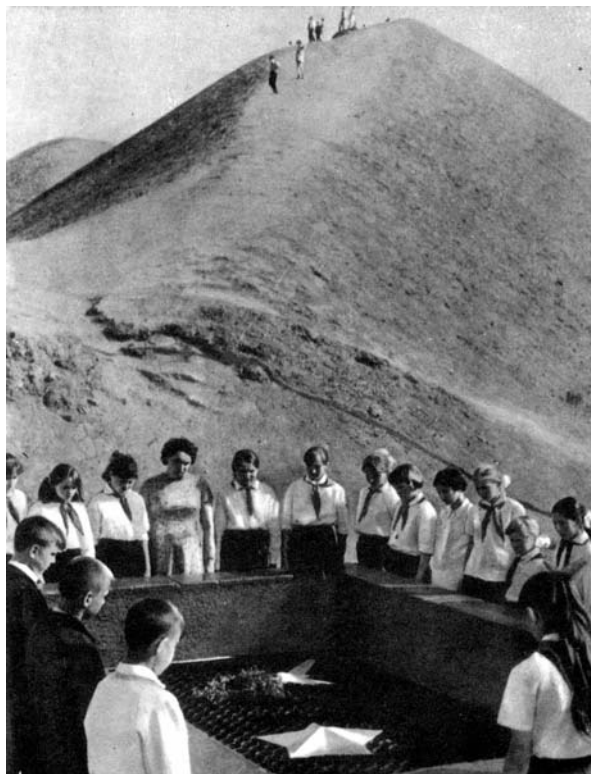

Величественный комплекс-музей «Молодая Гвардия». На заднем плане — памятник молодогвардейцам «Клятва»

Символ Краснодона — памятник героям «Молодой Гвардии». На заднем плане — музей «Молодой Гвардии»

Краснодонцы вообще народ особенный. В повседневных разговорах они непременно касаются темы «Молодой Гвардии», упоминают имена молодогвардейцев, их родственников или события, так или иначе, с ними связанные. Не отпускает ощущение, что погибшие герои живы и находятся где-то поблизости, среди жителей Краснодона, растворившись в них ...

Пионеры у места гибели молодогвардейцев

Музей «Молодой Гвардии». Пионеры у бюстов молодогвардейцев — Героев Советского Союза

Музей «Молодой Гвардии». Монументальное панно «Верность знамени Октября»

Перед тем, как уйти, я взял в руки книгу отзывов. В ней были записи, оставленные посетителями из разных городов и стран, известными в Советском Союзе людьми, советскими космонавтами. Взяв ручку, я написал:

«Сейчас нам по 19 лет. Мне и моему дяде. Но если через год мне будет уже 20, то ему так и останется 19. Так будет и через 100, и через 200 лет. Навсегда останутся молодыми мой дядя и его прекрасные товарищи. Просто непостижимо — такие молодые хлопцы и девчата за такой короткий промежуток времени успели сделать столько славных героических дел, что застыл в изумлении перед их мужеством весь мир! Дела их поистине бессмертны. Я уже четвертый раз приезжаю в Краснодар. Но еще много и много раз буду возвращаться сюда, чтобы прийти в этот чудесный храм «Молодой Гвардии» (согласитесь, это ведь и правда храм!). Вновь приду я на могилу этих очень хороших ребят. Человек должен посещать это священное место, потому что оно удивительно еще и тем, что делает каждого человека лучше... Горжусь, что во мне течет кровь молодогвардейца!

Владимир Резцов, племянник Юрия Виценовского, студент Тульского госпединститута им. Л. Н. Толстого».

Об истоках подвига молодогвардейцев А. А. Фадеев писал так:

«Ценность советского человека — молод он или стар — с особенной силой проявляется в дни больших трудностей, великих испытаний в жизни всего народа и государства. Юноши и девушки Краснодона в великих испытаниях Отечественной войны проявили себя как героические советские люди. Но нельзя забывать, что они не смогли бы проявить этих качеств, если бы в условиях мирного труда большевистская партия, комсомол, весь строй советской жизни не воспитали в наших юношах и девушках этих качеств, если бы сами юноши и девушки не прививали себе этих качеств в учебе и труде. В наши дни быть такими,

как краснодонцы,— это, прежде всего, трудиться и учиться на благо народа и нашего Советского государства».

Времена изменились. Распалась великая страна. Нет власти у большевистской партии, о которой писал А. А. Фадеев. Другой строй воспитывает совсем иные качества у нашей молодежи. Через средства массовой информации и произведения некоторых деятелей искусства не прекращаются попытки принизить значение подвига героев Великой Отечественной войны и Великой Победы советского Народа над фашизмом. Находятся молодежные организации, которые присваивают себе имя «Молодой Гвардии». Но слишком далеки их помыслы от тех, которые были у героев Краснодона, диаметрально противоположны их идеалы! Юра Виценовский, Сережа Тюленин и их товарищи, не задумываясь, приняли страшные муки и ушли в бессмертие, отдав свои молодые жизни за Родину Октября, за счастье и благополучие всех простых людей своей страны. Хватит ли духу у этих, нынешних, с той же готовностью пожертвовать собой ради тех, чьи интересы они защищают, отстаивая привитые им идеалы — идеалы, которые были чужды краснодонским молодогвардейцам? Знаю, что нет. То, на что способно орлиное племя людей-созидателей, «грамотному потребителю» не по плечу.

Я пишу эти строки, когда голова моя седа, и стал взрослым мужчиной мой сын. Ему теперь показываю я старую фотографию, на которой изображен четырехлетний мальчик с печальными глазами. Я рассказываю сыну о подвиге молодогвардейцев, которыми мы можем гордиться по-особенному, потому что они наши близкие и родные. Он знает, как в Краснодоне я ходил в магазин мимо домика Ивана Земнухова на улице Банковской, а на лавочке всегда сидела мать Вани — Анастасия Ивановна. Я, как и все прохожие, с ней здоровался. Мы рассматриваем с сыном заветный альбом «Молода Гвардія», где есть снимок братской могилы, покрытой гранитным надгробьем, вокруг которой стоят притихшие пионеры. Здесь лежит навсегда оставшийся молодым наш Юра Виценовский вместе со своими боевыми друзьями.

Анастасия Ивановна Земнухова

В мае 1965 года, в ознаменование 20-летия Великой Победы, на месте захоронения молодогвардейцев установлено гранитное надгробие

Нет, никакая пропаганда не сможет убить в нашем Народе память о беспримерном подвиге Краснодона, свести на нет скорбное подвижничество безутешных матерей павших героев! Пока живы мы, племянники и дети краснодонских комсомольцев, пока живут наши дети и будут жить наши внуки, правнуки и их потомки, жива «Молодая Гвардия»! Память о ней подобно пеплу Клааса стучит в наши сердца, а в душе вечно будет звучать песня, давшая имя подпольной организации юных патриотов:

*«Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.
Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян!»*

*/Использованы материалы сайта «Молодая Гвардия» <http://www.molodguard.ru>,
книги-альбома «Молода Гвардія» (видавництво ЦК ЛКСМУ «Молодь», Київ, 1972) и
семейного архива/*

19 февраля 2013 г. 19 час 22 мин. г. Тула

ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ

Раздел ведут Сергей Лебедев и Сергей Прохоров

Олег Яковлев
(г. Орск Оренбургской обл.)

АВТОНОМНОЕ ПЛАВАНИЕ
(Повесть)

Родился 2 марта 1945 г. в г. Шуе Ивановской области. С 1957 года проживает в г. Орске Оренбургской обл. Прослужил на Северном флоте 10 лет на атомных подводных лодках. Первые публикации начались на службе в 1967 году. Печатался в столичных газетах и журналах. Участник нескольких коллективных сборников, вышедших в издательстве «Золотая аллея» г. Калуга. Там же вышел в свет сборник стихов «Врачующее время».

Недавно издана книга стихов и прозы «Возвращение».

С 2000 г. член Союза писателей России. Повесть «Автономное плавание» автобиографичная.

Нигде в мире нет такого единства и сплоченности перед лицом смерти, как на подводной лодке, где все или погибает, или побеждает

Магомед Гаджиев

Глава 1

Что-то снилось. Стволы деревьев в незнакомом лесу, какие-то люди, бегущие в никуда. Женщина с расплывчатым лицом что-то говорила и время от времени потряхивала темной рукой мое плечо. В уши царапался то ли скрип, то ли звон.

— Сережа, да проснись же ты, наконец! Кто-то в дверь звонит!

До моего сознания доходит, что надо вставать — тревога, наверное! И за дверью стоит рассыльный матрос. Ч-черт, не вовремя! (А когда оно было вовремя?)

Картины сна немедленно исчезли, открываю глаза и сажусь, свесив ноги с кроватки.

ти. Голова как звонкий сосуд, наполненный болью. Вчера с ребятами хорошо отметили возвращение с ракетных стрельб. Надеялись на пару суток отдыха и... вот тебе!

— Время сколько?

Александра сладко зевнула:

— Четыре часа утра!

Над дверью противно проскрипел звонок.

— Да иди же открывай, к тебе, наверное!

Чертыхаясь и глотая горькую слюну, поплелся открывать. Ноги, словно ватные.

На пороге запыхавшийся матрос Зенкин.

— Товарищ мичман, боевая тревога! Всем явиться на корабль — выход в море!

Я хмуро киваю, матрос козырнул и побежал вниз по лестнице.

Александра уже встала и торопливо укладывала в мою дорожную сумку необходимые в таких случаях причиндалы — электробритву, умывальные принадлежности, сигареты, записные книжки...

А я, тем временем, подставляю голову под холодную струю воды на кухне и ощущаю, как медленно отступает боль в голове и рассеивается в глазах вязкий туман. Зубы решаю почистить потом, на корабле. Одеюсь быстро, без лишней суеты. Привычка к частым тревогам приучила держать все вещи под рукой.

— Надолго теперь? — Александра стояла, скрестив на груди руки и зябко пожевываясь.

«Кто бы мне самому на это ответил», — подумал я.

— Не знаю, не должно быть, — говорю вслух, надевая шинель.

Наскоро обнимаю жену, и она, стоя на площадке, слушает, как по лестнице стучат, удаляясь, мои торопливые шаги.

Серое, неприветливое небо низко висит над поселком подводников. С моря дует влажный, холодный бриз. То тут, то там в сумеречном свете фонарей виднеются одиночные фигурки бегущих людей.

«Судя по всему, тревога объявлена двум, или трем кораблям. Наверное, какие-нибудь стрельбы, или обеспечение сил ПЛЮ, — подумалось мне. — А что, — поправляя на ходу шапку, продолжаю размышлять, — учебные боеприпасы загружены, продукты питания тоже. Но почему такая спешка? Проверка боеготовности? Ну, да не все ли равно... Лишь бы не война! Вон, американские субмарины так и шныряют вдоль нейтральных вод! Черт бы их побрал совсем... Спал бы сейчас, да спал спокойненько!»

Снег по дороге к бухте был плотным, утоптаным, дорога шла чуть под уклон, и поэтому бежалось легко. Впереди колыхалось черное пятно бегущих строем моряков какой-то лодки. Может даже моей!

Дорога плавно обогнула небольшую каменистую сопку, и взору предстал узкий залив с извилистой причальной линией. Черные, тяжелые сигары атомоходов неподвижно стояли, прижавшись обрезиненными бортами к пирсам.

Мне нравятся эти места, хотя многие сослуживцы проклинаят и это заполярье, и бескрайнюю тундру, летом богатую не только грибами и морошкой, но и полчищами злющих комаров.

Зимой же это бескрайняя, заснеженная пустыня с жесткой щетиной редкого кустарника. Но мне по сердцу и пустыньность, и дикость этих мест, наша бухта, каменистые берега с вкрапленными в них створными знаками. А еще редкие корявые стволы карликовых березок. Нравятся гулкие, стальные причалы со стоящими у них подводными лодками.

А вот и наша красавица! Причал номер три! Мощный, черный корпус гигантской субмарины зловеще стоит, поблескивая инеем, осевшим на нее за ночь.

Мне припомнился мой первый день службы на атомоходе. С первого взгляда было трудно предположить, что такая машина способна развивать под водой скорость автомобиля и так легко, одним движением кисти руки быть управляемой.

Да не осудят меня за излишнюю сентиментальность, но я влюблен в нашу «красотку-подводную лодку»! — как поется в известной подводникам песенке. Влюблен, как в женщину! Хотя, по сути, эта женщина настоящий монстр в десятки тысяч лошадиных сил и с вооружением, способным одним ударом стереть с лица земли несколько стран. Ну, да Бог с ними, со странами. (Что только люди не придумают для уничтожения себе подобных!) Ужас!

Мои башмаки прогрохотали по причалу, и я, впрыгнув на сходни, козырнул военно-морскому флагу на корме, и ступил на широкую палубу. Здесь можно пробежать совершенно бесшумно. Толстая резина, покрывающая корпус подводного флибустера, надежно приглушает топот полтора сотен пар ног экипажа. Но все это детали... Ныряя в дверь надстройки, и по узкому стальному трапу поднимаюсь на мостик. Здесь начинается мое заведение, рабочее место, так сказать. Рулевая колонка, приборы giro- и магнитного компасов, сигнальный прожектор. Но если бы только это... У главного боцмана корабля в заведовании, практически, весь корабль!

Быстро оглядываю мостик. Все на своих местах! Последние члены экипажа исчезают в круглой пасти рубочного люка. Спускаюсь последним. Боевую рубку пролетел, не касаясь ногами перекладин трапа. В предбаннике центрального поста тепло и чисто, как может быть в доме у заботливой хозяйки.

В центральном мигание многочисленных лампочек на приборах и тихий, убаюкивающий гул работающей электроники. Сажусь в удобное кресло у своего «Шпата» — главного пульта рулевого управления, и вопросительно смотрю на вахтенного офицера. Сегодня дежурит командир БЧ-3, капитан-лейтенант Шувалов. Поймав мой взгляд, Шувалов лишь плечами пожал — кто знает, что за тревога?

Через открытую дверь штурманской рубки доносятся приглушенные голоса штурманов. Слева, за широким пультом ракетных пусковых установок восседает командир БЧ-2, капитан 1 ранга Вишняков. Он сосредоточенно щелкает клавиатурой ЭВМ, проверяет параметры установки. По сути, это наиглавнейший пульт на корабле. На него и для него, в основном, и работает весь экипаж.

У меня за спиной пульт управления главного механика, пост радиометристов и рубка акустиков. В центре огромного зала ЦП большое кресло и рабочий стол командира корабля. Под ногами, на нижней палубе, расположились радисты, шифровальщики и прочие элитные службы подлодки.

— Товарищи офицеры! — скомандовал Шувалов.

Все быстро встали в приветствии.

— Сидите, сидите... — Командир корабля, контр-адмирал Сабуров появился в ЦП.

Наш КЭП самый молодой контр-адмирал на Северном флоте. Красивый, стройный, темноволосый мужчина тридцати пяти лет!

Войдя в центральный пост, и быстро оглядев посты, коротко бросил:

— Боевая тревога! Корабль к бою, походу, погружению изготовить!

Во все отсеки лодки, во все ее уголки обрушился долгий, басовитый рев сигнала тревоги.

Не знаю, как у других, а у меня при этом по телу пробегают мурашки.

Наклонившись к микрофону переговорного устройства, командир БЧ-3 четко, с расстановкой продублировал приказ КЭПа. Защелкали динамики. Из отсеков корабля коротко отвечали:

— Есть корабль к бою, походу, погружению изготовить!

По той сосредоточенности, с которой командир прислушивался к докладам, по необычной, напряженной атмосфере, царящей вокруг, я понял, что выход в море предстоит не рядовой. Интересно, что бы это все значило?

Видю, как люди в ЦП непонимающе оглядываются друг на друга, на командира.

Обычно, любому выходу в море предшествует тщательная подготовка, и времени для приготовления дается предостаточно. Наши сомнения разрешил спокойный и решительный голос контр-адмирала:

— Товарищи офицеры! Получен приказ штаба флота. Идет на загрузку специзделий!

КЭП на минуту замолчал, потер лоб и, вздохнув, бросил:

— Автономное плавание!

— Ух, ты! — это восклицание вырвалось у меня как-то непроизвольно. Все, кто был в ЦП, в первые минуты опешили и вопросительно посмотрели на командира.

Адмирал вздохнул, снова потер лоб:

— В Атлантическом океане на одной из наших лодок вышла из строя турбина. Наша задача — сменить эту лодку. Уходим на сто суток! Командирам боевых частей тщательно осмотреть материальную часть. Докладывать о малейших неисправностях! Обнаруженные неполадки будем устранять во время загрузки изделий.

«Вот тебе — раз! — подумал я, — обычно готовишься заранее, планируешь свои служебные и семейные дела, отправляешь семью на «большую землю». Что им здесь целых три месяца делать? А теперь что?»

Примерно о том же подумал каждый из присутствующих.

Ну, да ладно! Куревом запасемся при загрузке. В городке семьям сообщает и без нас. Вот ведь службишка — будь она неладна! Приучаешь себя ко всяким неожиданностям, и каждый раз они тебя захватывают врасплох! Хорошо еще, что матчасть у меня сейчас в норме, и профилактический ремонт только недавно провели. Все крутится, все работает... Проблем возникнуть не должно!

Включаю свой «шпат», проверяю перекладку рулей. Все отлично! Теперь наверх, на палубу...

Над базой небо заметно изменилось. Оно стало сплошь затянутым тяжелыми, серыми тучами, усилившийся ветер сечет лицо колючими снежинками. Впрочем, все признаки надвигающегося шторма. Тщательно проверяю свое хозяйство на верхней палубе. То тут, то там вскрикивают сиренами подводные лодки. Это готовится к походу группа нашего сопровождения. Первый, самый трудный рубеж американской противолодочной обороны будем проходить под прикрытием наших соседей по стоянке. Потом они вернутся на базу, а мы надежно укрытые бездонной тьмой океанских глубин, двинемся дальше, через просторы Атлантики!

Спускаюсь в лодку, докладываю штурману — моему непосредственному начальнику, о готовности боевого поста. По громкоговорящей связи слышу, как из отсеков поочередно поступают доклады о готовности.

— По местам стоять, со швартовых сниматься!

«Ну, вот и тронулись, — с грустью подумалось мне, ну и Бог с ним! Ну, и будь, что будет!»

Переключаю управление рулем на мостик и снова поднимаюсь наверх.

Швартовые команды уже выстроились на своих местах. Занимаю пост у рулевого манипулятора, оглядываюсь на сигнальный мостик. Рулевой-сигнальщик матрос Киселев уже на месте. Молодой еще. Первый год на флоте, но сигнальщик неплохой. Расчехлил прожектор и теперь протирает ветошью стекло.

— Как настроение? — спрашиваю. — Прожектор работает?

— Так точно, товарищ мичман, работает! — и для наглядности щелкнул тумблером. За металлическими жалюзи ярко вспыхнул и погас свет.

— Ну, смотри там внимательно! Хорошенько запомни позывные и не забывай, что ты должен первым заметить любую цель. Не дай Бог, командир заметит раньше тебя. Тогда и тебе, и мне «втык» будет!

— Ясно, товарищ мичман!

— Ну, как,— спрашиваю,— не боишься в автономку? Все-таки, в первый раз!

— Не то, чтобы боюсь, товарищ мичман, только вот здесь,— он приложил руку к груди,— холодок какой-то.

— Ничего,— говорю,— привыкнешь! Главное, делай свое дело, и бояться будет некогда. Не ты первый, не ты последний.

Наш разговор прервал появившийся на мостике командир со старпомом. КЭП поднес к губам мегафон:

— Отдать носовые!

Провожающая лодку команда на причале сбросила с кнехтов толстые, капроновые канаты.

— Отдать кормовые! Боцман, право руля! Центральный, правая малый вперед!

Лодка медленно, словно нехотя отошла от причала. Стоящий наготове буксир прижался к носу лодки, за его кормой вспенился, закипел бурун.

Бухта довольно узкая, и без помощи буксира субмарине не развернуться. Нос лодки медленно двинулся вправо.

Командир оглядел берега и снова поднес к губам мегафон:

— На буксире, стоп! Спасибо за работу, возвращайтесь на место!

Коротко твякнув сиреной, тудяга-буксир отвалил от борта.

— Боцман, курс на выход! Держаться створов!

Начинается моя работа. В море штормит, а здесь, в бухте, спокойно, и лодка легко слушается руля.

— Обе машины самый малый вперед!

За кормой забурила вода и, скользя по маслянистой темной воде, корабль двинулся к выходу в открытое море!

Глава 2

Уже сутки за окном купе мелькала сплошная стена леса. Еловые массивы сменились светлыми березовыми, затем гордо высились прямые, как струна, корабельные сосны.

Скорый поезд «Мурманск-Москва» проезжал Карелию.

Александра отложила книгу и, подперев ладонью голову, с тоской наблюдала за улетающими назад столбами, деревьями, будками путевых обходчиков. Рядом тихо посапывал трехлетний Юрка. Видно, сладко ему спалось под мерный перестук колес.

Путь лежал домой, в Орск, к родителям и в свою бронированную комнату в семейном общежитии.

Но невеселые, унылые мысли не покидали молодую женщину.

«Зачем эти поездки туда-сюда? К чему это заполярье и, вообще, замужество? Сережка постоянно в отлучках — то в море, то на учебных сборах! А ты сиди и бесконечно его ожидай. Потом встречай, готовь обеды и ужины... Ох, уж эта кухня — терпеть не могу! — думала Шура, сдерживая постоянную зевоту.— Теперь вот снова ушел в море на три с лишним месяца! Тоска! И как ему самому не надоело... Дернул его черт на этот контракт! Мало ему показалось четыре года срочной службы, так в мичманах захотелось походить. Ну и что с того, что зарплата хорошая! Разве в деньгах счастье? А друг его, этот... Володька Кочан только и знает, что об автономках, да о бабах своих рассуждать. И что они все нашли в этих лодках? Гробы плавучие...»

Александра досадливо дернула верхней губой, и достала из-под сиденья дорожную сумку. Пора бы и перекусить! Выложила на стол колбасу, сыр, баночку красной икры и небольшой складной ножик.

Проснулся попутчик на верхней полке. Он сел на поезд ночью и с соседями по купе познакомиться не успел. Свесил вниз голову и спросил:

— Не подскажите, который час, девушка?

Александра взглянула на часы:

— Двенадцать ноль-ноль!

— Спасибо,— ответил мужчина, которому можно было дать приблизительно тридцать пять лет. От силы — сорок! Ровная, короткая стрижка и уверенный голос выдавали в нем военного.

Александра невольно прикинула: не ниже майора будет... Открыла нож, взяла баночку икры.

— Разрешите помочь? — мужчина легко соскочил с полки и присел рядом.

Шура протянула попутчику нож и улыбнулась:

— Пожалуйста, вы очень любезны!

— Вот, держите,— мужчина протянул Александре аккуратно вскрытую банку.

— Спасибо,— смутилась она.— Простите, а вы кто по званию будете?

— О, да вы проницательны, как разведчик! Разгадали во мне военного. Молодец! А по званию я капитан. Ракетчик. Кстати, что же мы так? Давайте познакомимся,— капитан встал, галантно поклонился, протянул руку:

— Валера!

— Александра,— ответив на рукопожатие, сказала она,— очень приятно!

— Мне тоже,— еще раз поклонившись, ответил Валерий,— давайте вместе пообедаем! У меня тут тоже кое-какие припасы имеются. А это,— он кивнул на спящего малыша,— ваш сын?

— Да,— развела она руками,— приходится вот возить с собой! С кем его оставишь?

— Понимаю,— кивнул капитан, и достал из-под стола кожаный, объемистый портфель.— Можно поинтересоваться, Саша, куда едем, откуда?

Валерий поставил на стол коробку с вялеными креветками, красивую, импортную банку ветчины и большой кусок вкусно пахнущей красной рыбы:

— Это семга,— пояснил военный,— так куда вы едете?

— Домой, к родителям! Из Грехи,— добавила Александра, и махнула рукой в хвост поезда.

— Ясно,— весело сказал Валерий, тонкими ломтиками нарезаая ветчину,— муж моряк?

— Да, мичманом на подводной лодке. Постоянно по морям, по волнам. Вот и сейчас на три месяца ушел...— Александра вздохнула и внимательно посмотрела на капитана.

— Я тоже недалеко от вас служу. На Кильдине. Знаете такой остров?

— Да, муж на карте показывал. Они там, как-то, на рейде стояли. Залив «Могильный» называется!

— Вот видите,— доставая из портфеля бутылку коньяка, сказал капитан,— мы, вроде бы, соседи с вами.

— Может без этого? — Александра кивнула на бутылку.

— О, такого вы еще не пробовали,— покачал головой Валерий,— настоящий французский! Больше десяти лет выдержки. Да вы не волнуйтесь, мы за знакомство и за удачную дорогу понемножку... Да и для аппетита полезно! — капитан снова пошарил в портфеле и достал два красивых, пластмассовых стаканчика. Налил светлую, янтарную жидкость:

— Ну, за знакомство!

Коньяк, действительно, оказался превосходным! Александра почувствовала, как жгучая волна вкусной, ароматной жидкости пронизала ее сверху до низу.

— Даже закусывать не хочется,— засмеялась она.

— А я что вам говорил! — поднял указательный палец капитан.— Плохого не держим! Но закусывать все равно надо. Вот, пожалуйста,— Валерий подал спутнице тонкий ломтик семги,— ешьте, не стесняйтесь! Это меня жена так упаковала.

— А вы едете...

— В командировку, Саша. Мне часто приходится уезжать из дома. Служба! — Валерий улыбнулся.— Вы же сами знаете, что это такое. По крайней мере, должны знать, как жена моряка...

— Да-да, конечно,— закивала Шура, почувствовав невесть откуда взявшуюся досаду.— И вы считаете, что это нормальная семейная жизнь?

Капитан слегка пожал плечами, отправляя в рот кусок колбасы:

— А как же иначе? Мы же военные люди! И если я, допустим, всю жизнь служу, так мне что, прикажете не жениться вовсе? — Валерий засмеялся.— Ну что, еще по глоточку?

Александра молча кивнула и задумчиво посмотрела в окно. Проснулся малыш. Сел, потер кулачками глаза:

— Мама, пить хочу!

Александра взяла со стола стакан остывшего чая:

— Проснулся? Ну вот и хорошо! На, чайку попей. Кушать хочешь?

Юрик покрутил головой:

— Не хочу!

— О, какие мы большие и красивые! — Валерий протянул руку и погладил малыша по голове:

— Меня зовут дядя Валера, а тебя как?

Малыш, широко открыв глаза, молча смотрел на незнакомого дядю.

Александра усмехнулась:

— Ну, скажи дяде, как тебя зовут?

— Юла,— тихо проговорил мальчик и снова потер кулачками глаза.

— Вот и познакомились,— со смехом сказал капитан и, достав из портфеля большой золотистый апельсин, протянул ребенку.

Мальчик, не сводя глаз с Валерия, взял гостинец обеими руками и приложил его к своим губам.

— Что надо сказать дяде? — спросила Шура и благодарно взглянула на капитана.

— Пасибо,— тихо, почти шепотом ответил Юрик.

— Давай, я тебе почищу,— протянула руку Шура.

Мальчик радостно улыбнулся и дал матери апельсин.

— У нас в Гремике тоже круглый год citrusовые продают,— сказала Шура, очищая плод,— что ни говори, а какие-то витамины людям нужны.

Валерий встал:

— Пойду в тамбур, покурю! — Он ласково потрепал малыша по голове и вышел.

Александра отделила от апельсина несколько долек и протянула сыну. Мальчик вкусно зачмокал, а Шура снова, подперев голову ладонью, стала смотреть на улетающие в прошлое леса. Она подумала о капитане и с удивлением заметила, что ей нравится этот веселый красавец-мужчина. Даже больше, чем нравится...

Она невольно представила себя с ним. Представила, как он поднимает ее на руки и куда-то далеко-далеко уносит. Встряхнула головой:

— Фу, наваждение какое-то,— неожиданно для себя проговорила она вслух и улыбнулась сыну тихо и загадочно.

Глава 3

Полярная, беззвездная ночь закручивала над заливом снежные вихри. Огромное, высокое тело баллистической ракеты висело над лодкой на стальных тросах и матово-зловеще поблескивало в лучах базовых прожекторов.

Погрузка заканчивалась. Стрела гидравлического крана опускала в шахту последнюю ракету.

По расписанию во время погрузочных работ мое место — на мостике у включенного рулевого управления. За три часа погрузки холод давал о себе знать. меховая куртка и толстый водолазный свитер под ней все меньше сохраняли тепло тела. Но это не мешало течению мыслей. А подумать всегда есть о чем. Например, о собственной жене. Странная она! В первую очередь ее странность заключается в безрассудной холодности. Женщина, без каких либо эмоций. То есть, вообще! Даже в постели. Может думать в самый трогательный момент о чем-то постороннем, или задумчиво водить пальцем по стене. Ссоры в семье штука неприятная. Ссоры с Александрой — невыносимая!

Мои мысли прервал прибежавший на мостик матрос Рязанов:

— Товарищ мичман, большие горизонтальные рули не переключаются. Мы там проверили на всякий случай — не работает!

— В десятом смотрели насосы?

— Так точно, насосы в норме. Но рули из центрального не переключаются.

— Так-так, — говорю, — иди, подними Нефедова, он разберется!

— Товарищ мичман, так меня Нефедов и послал к вам.

— Бегом вниз, пусть он оденется и заменит меня.

Матрос козырнул, и его маленькая, щуплая фигурка скрылась в жерле рубочного люка.

«Этого еще не хватало, — с досадой подумалось мне, — теперь, пока все проверишь, сколько времени уйдет!»

Поиск неисправности, к счастью, занял не больше двадцати минут — оказался неисправным прибор обратной связи. Вскрыть коробку, зачистить контакт и проверить работу прибора — вот и вся работа! За такой успех решил себя вознаградить. Сходил в кают-компанию и напился кофе с галетами.

Погрузка наверху закончилась. Тело последней ракеты почти скрылось в черной бездне шахты. Пройдет еще два-три часа, пока ракетчики проверят все свои системы. Свободного времени у меня еще предостаточно. Так вот, Александра...

Ссориться нам приходилось частенько. И чаще неизвестно из-за чего. Ну, взбредет ей в голову вдруг надуться и замолчать. Ни с того, ни с чего! И бесполезно пытаться у нее причину. Хоть пытай ее, не скажет! И сидишь, как дурак, ломаешь голову: «В чем же я провинился?»

Иной раз до утра не давал спать ни себе, ни ей, пытаясь докопаться до истины. Все впустую!

Кто-то спросит: «А зачем тогда женился?»

Отвечу: «А я не знаю!» Четыре года отслужил на срочной, приехал домой, и нас сразу же познакомили. Отцы наши работали в одном учреждении. Вот и свели нас...

И ведь не было такого в первые дни нашего знакомства. Холодность была! Но была и надежда, что со временем потеплеет, повзрослеет, что ли... Ан, нет!

Сейчас, наверное, домой, в Орск едет. С Юриком. Хороший, симпатичный мальчишка. И не капризный, как мать.

На мостик поднялся командир. Щелчок переговорного устройства:

— По местам стоять, со швартовых сниматься!

Ну, вот и все, поехали! Впереди моя седьмая автономка. Даст Бог, обойдется без особых приключений. Интересно, как там моя Шура сейчас? Если в дороге, то, что делает? Может, спят с Юриком, а может, сидит и молча смотрит в окно. И, может быть, в данную минуту одновременно со мной думает? Она обо мне, а я о ней...

Но, скорее всего, едва села в поезд, как меня из сердца вон! Из памяти тоже! Обидно!

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

22 сентября. Баренцево море. Кольский залив.

Сегодня во время загрузки «годки» сильно побили молодого матроса из трюмной команды, Федорова. Тот или не выполнил какого-то их требования, то ли нагрубил кому...

Ходил разбираться. В четырехместной матросской каюте сидело пятеро моряков, служивших на флоте по последнему году. На мои вопросы, что, да как? — один из них, Крупнин, усмехнулся:

— Так этот салажонок к вам жаловаться прибегал?

— Да нет,— говорю,— мне другие молодые рассказали. Не пора ли, мужики, кончать этот беспредел?

— Товарищ мичман, мы ближе всех к молодым, и нам здесь видно, что к чему... Вы же прекрасно понимаете, что дисциплина, в основном, держится на годках!

— Вы нам не мешайте,— вставил другой,— а то мы опустим руки, они совсем разболтаются! Даже вас начнут посылать куда подальше...

— Так нельзя же,— говорю,— вот так жестоко, по-бандитски! Подай он на вас рапорт командиру — и все... трибуналом пахнет!

— Не в первый раз, товарищ мичман! Жаловаться никто не посмеет! А показать что к чему, некоторым, которые не понимают слов, очень даже нужно! Да вы не беспокойтесь, все будет хорошо, и дисциплину на корабле мы вам гарантируем. Только рук нам не обрубайте!

А я вспомнил свою молодость. Как пришел первый раз на лодку девятнадцати-летним пацаном. И, ох, как доставалось поначалу от годков! И били, и заставляли зубной щеткой толчки драить. Всякое было... Пока сам не стал годком, и проделывать с молодыми то же самое. Конечно, годковщина — дело поганое, незаконное, но, видимо, изжить его удастся еще не скоро. Пусть старая, но, пока еще, флотская традиция, переходящая из поколения в поколение.

Снегопад уже прекратился, но чувствовалось, что ветер усиливается. Остался позади погрузочный причал, получено «добро» на выход из залива, и лодка быстро шла вдоль диких, пустынных берегов. Верхушки волн все гуще покрывали белоснежные гребешки. Началась килевая качка. Нос субмарины то высоко поднимается, то опускается по самую палубу в кипящую воду.

— Обе самый полный вперед! Боцман, держать курс Ноль градусов!

За кормой лодки вскипела вода, и корабль резко увеличил скорость. Нос корабля почти полностью зарывается в воду, белоснежные усы волн отходят от форштевня чуть в стороны и красиво обрамляют весь корпус. За кормой обозначился светлый кильватерный след. Картина, я вам доложу, изумительной красоты, когда атомоход полным ходом идет в надводном положении.

Их переговоров КЭПа со штурманом я понял, что до точки погружения идти ровно три часа. Вглядываюсь в небо над головой, вслушиваюсь в гул ветра в надстройке. Невольно начинаю глубоко и часто дышать. Скоро ничего этого не станет. Ни неба, ни ветра, ни чаек, как всегда сопровождающих корабль. Весь мир изменится.

Замкнутое пространство, неоновое освещение и неумолчный гуд приборов. Полторы сотни человек составят маленькое автономное государство со своими законами, укладом, традициями, с полной оторванностью от остального мира. Единственная наша привилегия — радиоэфир. На сеансах связи радисты принимают и передают сообщения. О последних событиях в мире экипаж узнает своевременно.

Объявили боевую готовность номер «два», и меня на руле сменил матрос Рязанов. Через час обед. Жаль, что обедать придется в надводном положении. Чем дальше мы отходим от залива, тем ощутимее становится качка. Спускаюсь вниз, иду в свою каюту. Широко расставив ноги и держась за переборки. Сосет под ложечкой, и слегка кружится голова. Каждый моряк переносит морскую болезнь по-своему. Одних просто мутит, у других болит голова, третьи ничего не могут есть и постоянно блюют, четвертые, наоборот, испытывают приступы бешеного голода, и готовы поглощать все подряд в огромных количествах. К последним отношусь я сам и считаю, что мне в этом плане повезло. Тем более, я в детстве отличался отменным аппетитом. А в условиях автономки подводники чем-чем, а в еде не обижены.

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

Тот же день. 15 часов. Баренцево море.

С этого момента начинается отсчет времени автономки. Надеяться нам отныне не на кого. Продуктов у нас достаточно. Кислород вырабатываем сами, пресную воду тоже. На борту имеется кинопроектор. Фильмами запаслись...

И вот долгожданная команда:

— Срочное погружение!

Меня эта команда застала на послеобеденном отдыхе. Я лежал, не раздеваясь в каюте, и думал о предстоящем походе. Об Александре и маленьком сыне.

В центральном у пульта уже сидит старшина первой статьи Проворников Володя. Сейчас он вертикальщик. Сажусь рядом, в соседнее кресло, включаю пульт, проверяю перекладку рулей. Проворников сидит, почему-то, хмурый — чем-то расстроен. Потом надо будет расспросить, в чем дело. На всякий случай все же спрашиваю, все ли в порядке? Он подумал, что я интересуюсь материальной частью, ответил утвердительно. Значит, его мучает что-то другое. Мы сидим, почти касаясь друг друга плечами.

Наверху послышался приглушенный удар. Это захлопнулся верхний рубочный люк! В ЦП вошли КЭП и старпом:

— Заполнить среднюю группу!

Слышно, как вода с шумом врывается в балластные цистерны.

— Боцман, погружаться на глубину 100 метров!

Лодка с дифферентом на нос пошла вниз. Стрелка глубиномера поползла вправо, отсчитывая метры.

— Глубина 100 метров!

Щелкнул динамик:

— Осмотреться в отсеках!

— Боцман, погружаться на глубину 300 метров!

Перекладываю рули на погружение. Субмарина клюнула носом и пошла на заданную глубину. Кисти моих рук легко касаются рукояток манипуляторов. Легкое движение больших пальцев, и лодка накренилась на нос еще больше.

— Глубина 300 метров!

Командир стоит в центре ЦП и внимательно вглядывается в многочисленные приборы.

— Механик, обе средние вперед!

Я почувствовал, как моя спина слегка вжалась в спинку кресла. Атомоход помчался через черную океанскую глубину.

В момент погружения я всегда ощущаю нечто таинственно-волнительное. В любом случае, это меняет не только настроение, но и весь уклад жизни. Наверное, то же происходит и с космонавтами при выходе ракеты на орбиту.

— Самый полный вперед!

Моя спина еще сильнее вдавилась в кресло. Подлодка со скоростью скорого поезда устремилась в таинственный мир Атлантики.

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

23 сентября. Норвежское море. 23 часа.

Уже несколько часов идем на рабочей глубине. КЭП поздравил экипаж с началом выполнения боевой задачи. Где-то в глубинах нас ожидают такие же парни, как и мы. Точно в заданном районе мы незримо встретимся и поход для той лодки можно считать законченным. Счастливчики!

Мы же продолжим боевое патрулирование с севера до тропических широт и обратно. Впереди главное испытание — преодоление первой линии противолодочной обороны. Акустики хорошо слышат две сопровождающие нас лодки и постоянно докладывают КЭПу о контакте. Пока все идет как запланировано!

Внезапно заболел матрос Рязанов, мой подчиненный. Положили в лазарет. Я ходил к корабельному врачу, капитану Николаеву. Оказывается, у Рязанова нервный срыв. Ведь это его первое погружение. Сильно переволновался и получил что-то вроде шока. Доктор говорит, что ничего тут страшного нет. Сутки отлежится и в строй, на вахту! Пока же придется распределить время на оставшуюся рулевую команду. Ну, это не страшно! Говорил с Проворниковым по поводу его настроения. Оказывается, перед выходом в море он получил неприятное известие. Его девушка вышла замуж. Не дождалась моряка. Как мог, успокоил его, говорю:

— Плюнь! Недостойна она тебя! Подумай, кто ты, и кто она... И, вообще, будь мужчиной! Вернешься домой, все девчонки твоими будут!

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

Граница Северного и Норвежского морей. 18.00.

По кораблю объявлен режим тишины. Приближаемся к линии ПЛО. Скорость хода снизили до минимальной.

*«Мы по отсекам
В мягких сланцах.
И тишина, и чуток сон!
Мы — тень «Летучего Голландца»,
Мы — затаенный вздох времен»...*

Глубину погружения, наоборот, увеличили до максимальной. Небо над этим районом систематически бороздят противолодочные самолеты стран НАТО. Они, заразы, контролируют глубины при помощи акустических буев, которые сбрасывают в море. Постоянно патрулируют противолодочные же корабли. Прорваться через такие заграждения задача не из легких.

Рязанов оклемался быстро и сегодня заступил на вахту. Сидит за вертикальным рулем. Но бледность с его лица еще не сошла. Малейший перепад давления в отсеках

воспринимает настороженно, с внутренним напряжением. Я сижу рядом, гляжу на него и бодро улыбаюсь:

— Да ты расслабься, Костя! Подумай, если весь экипаж будет вот так бледнеть и трястись, то далеко мы не уйдем.

— Не знаю, товарищ мичман, но мучает меня, то ли предчувствие чего-то хренового, то ли еще что...

— Ну, это у тебя синдром глубины, иногда, по первому разу, бывает так.

Матрос поинтересовался, а был ли у меня самого синдром этот?

И я вспомнил, как десять лет назад впервые вышел в море. Был не то, что бы страх, а чувство схожее с тем, которое испытываешь на качелях, когда они с высоты устремляются вниз. Захолонет сердце, и будто холодом всего обдаст.

— Был,— говорю,— синдром, но в обморок не падал. А ты прямо как красная девица!..

Матрос только покраснел и крепче вцепился в манипулятор.

— Ну, ты что в него вцепился? Поставь на автопилот и расслабься... Вот так, молодец!

Лодка медленно, словно крадучись, шла на большой глубине. Где-то позади, по сторонам шло наше сопровождение. В динамике, за моей спиной звенькали эхом акустические посылки. Акустики вслушивались в глубины. Мир звуков океана настолько богат, что неискушенному уху разобраться в нем почти невозможно. Здесь и косяки проплывающих рыб, и переключки китов, и клеканье касаток. Кроме того, спешащие по своим делам торговые корабли, рыболовные траулеры, шумы винтов которых опытный акустик никогда не спутает с противолодочным кораблем или подводной лодкой.

— Центральный! — громкий голос акустика, мичмана Родионова взорвал тишину отсека.— Акустический буй слева девяносто, дистанция — десять кабельтовых!

Дежуривший в ЦП старпом по переговорному устройству тут же доложил о контакте командиру. Через минуту КЭП был уже на месте:

— Боевая тревога! Право руля! Обе турбины самый полный вперед!

Ну все, мы на крючке! Нас засекла аппаратура буя, теперь о контакте с нами узнает противолодочная авиация. Будут задействованы военно-морские силы США в этом районе. Сообщение об обнаружении русской субмарины немедленно уйдет в Пентагон... Ну ничего, авось прорвемся! Хотя, надеяться на «авось» — последнее дело.

Лодка резко увеличила скорость, я получаю команду погружаться на максимальную глубину и отжимаю манипулятор от себя. Главное сейчас, уйти от буя как можно дальше. А затем мы, по идее, должны затаиться и грамотно сманеврировать. Все должно получиться. КЭП мужик головастый, и опыта ему не занимать. «Адмиралов» за здорово живешь не присваивают! Бесперывно поступают доклады акустиков. Расстояние от буя увеличивается. Но контакт еще достаточно сильный. И, вдруг, новая неприятность. Сигнал буя приняла американская подлодка. Это уже совсем плохо! Звуки акустического импульса чужого корабля хорошо слышны в ЦП:

— Пью-ю-ю-у-у, пью-ю-ю-у-у...

Из разговоров в ЦП понимаю, что контакт мощный, и «сели нам на хвост» капитально!

В отсеке повисло тревожное молчание. И вдруг:

— Боевая тревога! Первый и второй торпедные аппараты к выстрелу приготовить!

Напряжение передалось на весь корабль, и мне подумалось, что все правильно, и излишняя предосторожность не помешает. Никто ведь не знает, что там, у них на уме. Если надумают атаковать, мы должны немедленно среагировать. На полном ходу делаем полную циркуляцию, затем противолодочный зигзаг. Обе сопровождающие нас лодки выполняют свою задачу, стараясь отвлечь противника на себя. На ка-

кое-то время нас потеряли из виду. Но радоваться долго не пришлось. Контакт возобновился! Матрос Рязанов побледнел еще больше и рукоятку манипулятора так сдавил в ладони, что даже пот на лбу выступил! Сильно толкаю его кулаком в плечо:

— А ну, расслабься,— шепчу,— или заменить тебя?

Но ему на смену уже явился старшина 1 статьи Проворников. По боевой тревоге его место именно здесь.

Рязанов глубоко вздохнул, передал управление и быстро исчез.

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ:

24 сентября. Северная Атлантика. 23.00

Ура, нас потеряли! КЭП выбрал самый удачный момент и дал приказ остановить обе турбины. Лодка неподвижно повисла в пучине.

*«Запрет на шум —
Так, значит, надо!
На громкий разговор запрет...
И лишь акустика доклады:
Все хорошо, контактов нет!»*

Чужая субмарина пронеслась над нами и несколько в стороне. Прошло время — час, а может быть, два. Американцы проскочили мимо, затем вернулись и сделали полную циркуляцию.

В центральном все сидели с каменными лицами, невольно сдерживая даже дыхание.

Пронесло!.. Мы медленно, очень медленно и тихо двинулись по своему маршруту.

Глава 4

Сентябрь в этом году выдался холодным и дождливым. Ветер вздыхал и ворочался в кучах опавшей, волглой листвы. Недавно прошел дождь, и воздух в городе был насыщен влагой и ознобом.

Александра шла от матери с испорченным настроением. Еще в поезде «Москва-Орск» ей пришла мысль больше не возвращаться на север, а ждать Сергея дома. Ведь он и так каждый год приезжает в отпуск. «Два-три месяца срок достаточный, чтобы побыть вдвоем»,— думала она. Шура пыталась доказать матери правильность своего решения — мол, и с сыном мотаться накладно и Сергею до окончания контракта осталось каких-то два года...

— Чего это тебе, дочка, в голову взбрело? — хмурилась мать. — А ты подумай, каково ему там одному придется? Ни проводить, ни встретить некому. А Юрка... Ты собираешься его без отца оставить?

— Мама, не впадай в крайности,— с раздражением отвечала Александра. — Куда он денется? Устала я с ребенком туда-сюда летать! Да и там, на севере, почти всегда одна. Он постоянно в море уходит. По неделе, по две его нет. А то и месяцами пропадает. Да я его лучше здесь буду ждать! И ты рядышком, и комната наша в общежитии под присмотром будет.

— Ты подумай, дочь, хорошо ли это? Муж приходит из плавания, а его никто не встречает. Не оставляй его одного. Кстати, как он сам к этому относится?

— Да он еще не знает о моем решении.

Мать укоризненно покачала головой:

— Ох, Шурка, потеряешь ты его. Не боишься, что другую найдет? Юрика пожайлей!

Александра шла к трамвайной остановке и чувствовала, как растет и ширится в ней досада на весь мир. На Сережку с его подводными лодками, на мать, не желающую ее понять, на Юрку, которого приходится всюду таскать за собой, на погоду занудную.

Еще она чувствовала жалость. Ей было до слез жаль себя. Ощущались отчуждение и брошенность. Да-да! Ее, молодую, красивую женщину все бросили, не понимают. Даже капитан этот, Валера, в поезде не одобрил ее. А ведь какой красавец-мужчина! А она, фактически, предоставлена сама себе. И что вы прикажете делать в таком случае? Ведь годы то уходят, а для себя еще не жила. Нет уж, с меня хватит!

Поднявшись на третий этаж семейной общаги, Александра огляделась. Длинный, полутемный коридор, как всегда, был грязен и неуютен. Возле дверей стояли мусорные ведра, ночные горшки, старая, стоптанная обувь. И запах! Традиционный запах любого общежития.

Шура открыла комнату, быстро разделась и поставила на плитку чайник. Достала из стенного шкафчика красивый, розовый халатик, привезенный Сергеем из Эстонии. В прошлом году его экипаж ездил в центр межрейсовой подготовки.

Она переоделась и прилегла отдохнуть на диванчике. Закрыв глаза, она стала думать о себе, Сергее и о сыне...

Разбудил ее острожный стук в дверь. Она встала, поправила перед зеркалом прическу. На плитке давно кипел чайник. Окно занавесил сумрак осеннего вечера. Стук в дверь повторился. Александра подошла, открыла. На пороге стоял Анатолий, сосед!

— Здравствуй, Шурочка, с приездом!

— А, Толя, проходи! — Александра улыбнулась и впустила полноватого молодого человека лет тридцати.

— Надеюсь, ты одна?

— Одна, одна, Толик, — Шура прильнула к мужчине, положив руки ему на плечи. Анатолий обхватил ладонями ее лицо:

— Соскучилась?

Александра молча прильнула к его губам:

— А ты не спрашивай... Чай будем пить?

— И только то? Год не виделись, а ты меня чаем угощаешь?

— Извини, милый, но у меня больше ничего нет.

— Так я быстро сбегаю, ладно?

Александра молча поцеловала соседа:

— Ты иди в магазин, а я что-нибудь на стол организую.

Анатолий быстро вышел, а Шура принялась хлопотать по немудреному хозяйству комнаты.

(Окончание следует)

Семен Краснов
(г. Тольятти)

ЗЕМЛЯ МОЯ — САМАРСКАЯ ЛУКА

Семен Васильевич Краснов родился 13 октября 1962 года в городе Ставрополе, ныне городе Тольятти Самарской губернии.

Окончил Тольяттинский политехнический институт в 1984 году. Учился в Литературном институте им. Горького, мастерская Инны Ростовцевой (поступил в 2006 году). Работает заведующим лабораторией литературного творчества Тольяттинского государственного университета с 2006 года. В 2009, 2010 годах изданы сборники стихов «Последний из сторожевых» и «Дело десятое».

Член Союза писателей России с 2007 года.

ЛУКОРЕЧЬЕ

За рекой, за Волгой — Лукоречье,
Сказочная дивная страна.
Закрывает ласковую вечность
Древних гор зеленая стена.

Жигули в тумане, в паре, в дыме —
Пеленой окутаны леса.
По ущельям пятками босыми
Бродит эхо, будит голоса

Молчаливых каменных утесов,
Тишина висит по-над водой.
В зеркалах небесно-синих плесов
Челн плывет с изящною ладьей.

Запах трав больную душу лечит,
Красота ласкает слух и взор.
Сторона родная — Лукоречье,
Вотчина Хозяйки Девьих гор.

* * *

Стихи пишу...
Откуда это? —
В потоке неземного света
Блеснет магический кристалл:
И то, что знал,
И что не знал,

И то, что было
И что будет
Среди дождей, в сплетенье судеб,
Среди любви и суеты,
Среди словесной маеты....

И между «настьем» и ненастьем
Возникнет половодье счастья,
Переведутся все напасти,
Уйдут в себя разливы страсти,
Появится покой души.
Еще все будет.
Не спеши...

* * *

Осиновка. В руинах древний храм.
Июньский дождь, как помин по усопшим,
Щербатых окон шелестящий шепот:
«Молитесь, дети, верьте. Аз воздам!»

Пустой причал. Молчащая река.
Поля, поля... Пустынная дорога.
С немой душой нельзя дойти до Бога.
...Земля моя — Самарская лука.

ГОРОД НЕДОСКАЗАННОЙ ДУШИ

*Писатель Петр Проскурин
побывав в Тольятти, назвал его
«городом без души»*

Клеймо поставил: «Город без души...»
И растворился в суете столичной;
Большой писатель. Странник безразличный.
С хулой огульной, право, не спеши!

Усталый град, за тяжкие грехи,
Возводит, в искупленье, Божьи храмы,
И к ним идет Душа, в платочке Мамы,
Лаская взглядом куполов верхи;

Вульгарность ярких улиц. Этажи.
Спесивый город, нервный и манерный.
Глоток воды — цветы собаке Верной —
Живой родник в окраинной глуши;

Татищев-всадник, спрятанный в лесу,
За сотни лет, выдавший много крови,
Могучей дланью вестника любви,
Святую Душу держит на весу;

...Звезда с луной уйдут в ночной дозор,
Украсив небо в серебристом тоне;
И Божий сын в пурпуровом хитоне,
Сойдет на склоны Жигулевских гор...

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ЭМИГРАНТЫ ИЗ АТЛАНТИДЫ ЗЫБУЧЕГО ВРЕМЕНИ

(повесть нашей жизни с фрагментарным вкраплением
отрывков из авторских очерков) *

Ефим Гаммер родился в Оренбурге, на Урале, в 1945 году. Жил в Риге. Закончил Латвийский госуниверситет, отделение журналистики. В Израиле с 1978 года. Автор 15 книг прозы и стихов. Печатается в Израиле, России, США, Франции, Германии, Дании, Финляндии и в других странах Европы. Лауреат ряда международных премий по литературе. В том числе Бунинской, Москва, 2008 год, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007 год, «Золотое перо Руси», Москва, 2005 год. В 2010 году Оргкомитет Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси» наградил Ефима Гаммера именной медалью на постаменте с надписью, что он является одним из 50-ти «Лучших авторов нового тысячелетия». Награда вручена за создание нового жанра — повести и романа ассоциаций.

Член редколлегии «Приокских зорь», постоянный автор журнала.

Глава шестая

- Твоя девушка приходила,— сказала мама, убирая со стола.
— Моя Лариса?
— Наша Руфиночка, дочка Кларочки с Большой Арнаутской.
— А-а, это та одесситка, что приехала погостить в Ригу?
— Тетя ее — рижанка!
— Мне от этого не легче.
— Послушай, не спеши так со своими глупостями. Тетя ее — эта твоя учительница по математике в вечерней школе. Мария Исааковна.
— Что с того, мама?
— А то, что Мария Исааковна сказала нашей Руфиночке: «Он из такой семьи, что бери его обеими руками и не отпускай!»
— И вы меня сразу отдали? — засмеялся я.
— Почему сразу? Ты бы слышал Руфиночку на пианино — Ван Клиберн, только без конкурса Чайковского и путевки в Москву.

* Окончание; начало см. в «ПЗ» № 1, 2013, С.162—184.

— Мама! У нее есть какие-то опознавательные знаки, кроме «пианино»? Фамилию у нее ты хоть спросила?

— Она такая активная, что я как-то забыла. А фамилия... фамилия... Должна быть еврейская. У Кларочки фамилия была Шварцман.

— В следующий раз спроси.

— Она тебе уже понравилась, да?

— Мама, ты мне нравишься с рождения. Но это не значит...

— Я тебя не гоню на ней жениться. Но присмотреться имей все же желание. Ты еще никогда не был в Одессе. А здесь такой случай... Поедешь, посмотришь, познакомишься с родственниками. Они там все одесситы.

— И у меня одесситы. Может быть, я уже устал от одесситов, мама?

— Как можно устать от одесситов? У тебя уже температура? Посмотри на себя в зеркало — ты себя не узнаешь.

— Мама...

— Не доводи меня до могилы, а то я подумаю, что на твою голову уже случился солнечный удар. Посмотрите на него, он устал от папы и мамы.

— От одесситов.

— Это от дедушки и бабушки с папиной стороны, позвольте спросить? Это от дедушки и бабушки с моей стороны? От тети Фани и дяди Абраши? От Софы, Сильвы, Гриши? А сам от себя ты не устал? Запомни, не будь войны, то и тебя родили бы в Одессе! Я этому Гитлеру голову готова оторвать, что он загнал нас в эмиграцию-эвакуацию, и дети наши теперь, как иностранцы. Сильва — из Одессы. Ты — из Оренбурга, Боря — из Риги. Три заграничные республики в одной семье! Здравствуйте, приехали! Украина — Россия — Латвия! И как это я не заметила, что рожала каждый раз на другой нашей родине. А если завтра война, если завтра в поход? Вам ведь, Боже упаси, воевать придется. Сильва — за Украину, ты — за Россию, Боря — за Латвию. И кто тогда свой, кто тогда враг? Господи, поедем лучше в Израиль.

Глава седьмая

Что кормит надежду?

Если надежда беззуба, ее кормит душевная усталость. С ложечки. Кровью.

Если надежда зубаста, ее кормит болезненное честолюбие. С ножа огрызками сердца.

Моя надежда — зубасто-беззубая, с разбитой челюстью. Кормлена кровью моей и сердцем. От пуза. Досыта.

Мне было тридцать три года. Весил я семьдесят килограмм. При росте — один метр, шестьдесят три сантиметра.

Мои легкие были занавешены табачным дымом.

Сердце заморожено неосуществленными фантазиями — благодатными удобрениями для микроинфаркта.

Череп расколот вдоль лобовой кости. И по сей день ощутим под кожей рубец заживленной трещины.

Позвоночник проколот хирургической иглой. Во имя пункции.

Все эти прелести висели на мне, как жернова на шее утопленника.

Я вышел на ринг, чтобы не утонуть в житейском море.

Глупые Дон Кихоты двадцатого века. Сами себе мельницы. Сами себе рыцари Печального образа.

— Что вам нужно для отчаянной решимости?

— Ничего, кроме безумия, — отвечают Дон Кихоты.

— Что вам нужно, евреи, для Дон Кихотского безумия?

— Ничего, кроме отчаянной решимости,— отвечают евреи.

Пока у еврея есть хоть малейшая лазейка в какое-то проблематичное «завтра» — пусть уже не для себя, а только для детей — он будет далек от безумия. Весь свой ум он направит на то, чтобы подвести крепкий фундамент под воздушные замки «завтрашнего дня». Всю свою энергию он направит на то, чтобы возвести прочные воздушные стены. Воздух — самый благодатный строительный материал для еврея. Никогда за тысячелетия рассеяния он не был дефицитным. Бери его пригоршнями — созидай на века!

Отбери у еврея его древнейшую историю...

Он создаст новейшую, интернациональную.

Отбери у еврея его исторически сложившуюся культуру...

Он вольется в чужую.

Отбери у еврея полноценное счастье...

Он сумеет из неполноценного построить милый сердцу мирок.

Но не смей отбирать у него воздух.

Польститесь на этот строительный материал, и он впадет в безумие. Превратится в Дон Кихота и начнет творить поступки с отчаянной решимостью.

У меня отняли все — вплоть до воздуха. Мне оставили только сальный жернов на шее, ибо еще не пришло время конфисковать и его — личное мое приобретение. И я с отчаянной решимостью впал в безумие.

— Бокс!

Что я мог противопоставить противнику — этому сальному жернову?

Сотню побед в прошлом? Но они ничем не отличны теперь от поражений.

Спортивные регалии? Звания чемпиона Латвии, Прибалтики? Но они занесены донным песком реки, впадающей в Лету?

Что? Ничего, кроме жажды жизни.

Месяц назад я проводил папу и маму в Израиль.

Три недели назад меня вызвали в отдел кадров и настоятельно порекомендовали отразить свое негативное отношение к поступку родителей. В печати.

Две недели назад я подал заявление с просьбой об увольнении «по собственному желанию».

Неделю назад был выброшен из редакции.

Сегодня получил вызов из Израиля. От папы и мамы.

И вышел на ринг.

Раунд первый...

Болетворные раны мне апперкот в солнечное сплетение.

Я валидол за щеку.

Отравленные легкие — по мне одышкой.

Я в отместку — спурт.

Раунд второй...

Вздых жены, дожидаящейся меня с тренировки в обнимку с аптечкой.

Мое — «обойдется!»

Обеспокоенные взгляды друзей: «Ты на себя непохож. Сдохнешь!»

«Выживу!»

Ехидные замечания поэтической братии: «Безумству храбрых поем мы славу!»

«Парнас российский дрызгами засеян!»

Раунд третий...

Но где мой противник? Нет его, растворился на брезентовом полу ринга. Бесследно.

Бесследно ли? Разве жировое пятно на тенте — не его след?
 След. Однако...
 Ладно, поживем — увидим. Не увидим, так услышим.
 Слышу:
 — Занялся боксом? Опять? Ну-ну! Значит, допекли, дальше некуда.
 — В соревнованиях участвовал? В каком весе? Во втором полусреднем? Ого-го — 67 кг. И мозги не высыпали? Жив остался? Что? Выиграл? Что выиграл? Олимпиаду? Ври-ври, да не зави... Ах, заводскую... Тогда, конечно...
 — Машешь все кулаками? Маши-маши, дуракам закон не писан! Выбьют тебе мозги, станешь как все. Нормальным станешь, без претензий и выкрутасов.
 А время идет. Время жизни, время смерти и воскресения.
 Два месяца назад я проводил родителей в Израиль.
 Директор завода, на котором работал мой папа Арон, рвал на себе волосы. Его завод, знаменитый на весь Союз опытный завод авиационной промышленной № 85 ГВФ сорвал поставку продукции на Кубу.
 Той самой продукции, которую от начала до конца изготовил мой отец собственными руками, полагая, что она еще требует доводки и усовершенствования, и поэтому будет в виде опытного образца представлена только на ВДНХ, без запуска в серию и последующей перепродажи за рубеж.
 Той самой продукции, которую не воспроизвести по записям технологов, надзирающих над изобретателем, создающим «из головы» — без чертежей — это чудо техники. Помимо записей нужны еще руки моего папы Арона. А он теперь — иностранный специалист. Ему теперь доллары надо платить за работу, а не «зряплату» в рублях.
 Месяц и три недели назад меня вызвали в отдел кадров.
 — Как же так? Почему вы — журналист! — не разъяснили родителям? Не перевоспитали, не уберегли их от отъезда? Получается, сквозь пальцы, так сказать, смотрели на их моральное разложение...
 — С ними все в порядке! Живы они, живы! И будут жить до 120!
 — На чьи подачки? Сионистского лобби? Разве это не коварные происки? Разоблачите! Пригвоздите их к позорному столбу! Вот вам перо в руки. Гвоздите! Приравняйте перо к штыку, как просил Маяковский!
 — Увольте меня от таких просьб...
 И уволили. Насовсем. Из редакции. Из жизни. Из своего времени.
 А время идет. Его не уволишь.
 Время идет. По мне. Как рашпиль.
 Сдирает с меня шкуру вместе с мясом. Под певучий аккомпанемент гонга.
 Было семьдесят. Стало гораздо меньше.
 Были руки пухлыми. Стали гибкими, как змеи. И в каждом кулаке по нокауту.
 Было более сотни боев в прошлом. И все ныне ничем не отличимые от поражений. Стало всего пять боев. Но каждый весом в золотую медаль.
 Первенство Рижского судоремонтного завода ММФ.
 Спарринги, спарринги, спарринги.
 Февраль — май. Минус десять килограммов лишнего веса.
 Тренер Сакумс:
 — Через неделю республиканские соревнования, первенство Центрального Совета спортобщества «Даугава». Выступишь?
 — Да.
 — Что ж, будем готовиться.
 Парилка. Скалка. Груша. Спарринг.
 Тренер гонял меня на лапах, как надежду на лотерейное счастье. Бывший тяже-

ловес-нокаутер вынимал хрипучую душу из бывшего мухача-технаря. Бригадир такелажников Рижского судоремонтного завода ММФ, организатор боксерской секции, добряк с могучими бицепсами — Саукумс. Влюбился однажды и навсегда в бокс. И подобно всем остальным влюбленным мог говорить только на одну тему — о боксе.

Меня он приветил поначалу разве лишь потому, что я был корреспондентом газеты «Латвийский моряк», и нам было о чем потолковать, кроме интервью, вспомнить о былых встречах на ринге, именитых соперниках, громких победах и обидных поражениях. Вспомнить о том времени, когда мы жили в боксе, а не ушли из него, казалось бы, навсегда. Я попросился в секцию. Перспектив никаких, но все же... Надежда юношей питает, даже если они великовозрастные «бородачи-возвращенцы».

Саукумс не питал на мой счет никаких иллюзий. Но видя, как с меня от тренировки к тренировке сползают жировые одежды, уверовал в невозможное.

С чего начинается вера? С чуда.

Чудо первое...

Я лежал на сером тенте ринга, зная, мне уже не подняться. А если и подняться, то ради того, чтобы на носилках — в травмпункт.

«Все! Конец! Ребро сломано!»

Такой боли я не испытывал сроду. Казалось, стоит лишь пошевелиться — и смерть.

— Боже! — докатилось до меня из глухонемого мира.

И боль ушла, чтобы вернуться после финального гонга. С победой.

А затем рентген и — «Прекратить тренировки. Трещина в ребре».

Я перетянул грудную клетку эластичным бинтом — туго, как, вероятно, упаковывают мумию.

— Бокс!

Чудо второе...

В рижском Стрелковом парке, под люминесцентным светом звезд, я вел бой с тенью, легко передвигаясь по аллейке, чтобы не повредить потревоженное ребро.

— Ишь ты, боксер! Посмотри на него, Вася. Борода как у Троцкого, а кулаками машет, будто мало его били.

— Мало тебя били? — деланно поинтересовался у меня Вася, пыхтя в лицо винным перегаром.

— Отойди. Мешаешь, — вздохнул я, понимая, что драки не миновать. Ох, как мне не хотелось драться в канун соревнований!

— Вася, «борода» нас обижает.

— А ну-кась.

И Вася своей рачьей клешней вознамерился заграбастать... Но до бородки не достал. Интуитивно я ушел в сторону и четко положил боковой слева на его бугристую скулу. И Вася тихо сполз под ноги дружбана, который в растерянности уже поблескивал стальным лезвием. Финка стрельнула в меня стремительным огнем и, оцарапав кожу, упала вместе с владельцем.

Я остался жив.

Мне нельзя было погибать. До срока. До чемпионата.

Афиши — «Первенство республиканского ЦС Даугава». Участвуют сильнейшие боксеры Латвии — выманивали болельщиков в Дом спорта, расположенный у знаменитого городского канала на улице Вингротаю, 1.

Началось...

Вес полупулегкий, 57 кг.

Сотня прошлых боев — не в счет. Нынешних боев — 5. Побед — 5.

Жеребьевка.

— На ринг вызываются...

Мой противник — мастер спорта Кириллов, призер первенства профсоюзов СССР. Возраст — 25 лет, 87 боев, 79 побед.

В коридоре, идя к рингу, я мысленно представляю себе противника. Какой он? Высокий или коренастый? Как ведет бой?

— Вот он,— шепнул мне Сакумс.

Кириллов сидел, расслабившись, в кресле, благосклонно взирал на снующего массажиста. Широкая грудь, покатые плечи, приглаженные вазелином брови. Он был в двух шагах от меня, но я был для него, как бы за горизонтом. Надо ли маститому присматриваться к новичку с пятью боями, да еще если этот новичок в пенсионном для спорта возрасте? Кириллов, даже не глядя на меня, знал своим, выпестованным в турнирах знанием, что такое напускное равнодушие к предстоящей схватке должно парализовать меня, лишить воли к победе, выдуть из мышц моих силу.

Это он знал твердо.

Это знал и я.

Но этого не знали мои мышцы, заново «рожденные» в 1978 году, после десятилетней отключки от бокса. Эти мышцы знали другое. Они знали, каково непроизвольно сжиматься в приемной отдела кадров, когда после очередного — «нет вакансий» — не разрядишься ударом по такому же напускному равнодушию. Мышцы знали, какой болью отдается в каждой клеточке тела нерастроченная сила, как тяжело тащить ее на погост несбывшихся надежд. Неподвластные разуму, они жили в ожидании гонга своей, особой жизнью, питая себя радостью предстоящей разрядки.

— Боксеры на центр ринга!

Вышли. Пожимаем друг другу руки. Ловим на себе взгляды болельщиков. Вернее, Кириллов ловит, я вылавливаю. Кто будет болеть за «старика-бородача», явившегося неведомо откуда, чтобы вернуться в родную обитель с парочкой нокдаунов в зубах? Нет таких? Есть! Мой брат Боря. Он будет болеть за меня, несмотря ни на что. Но болеть за меня — это оставаться в одиночестве среди переполненного зала. Это слышать — «бей бороду!» — и кричать до надрыва, прорезаясь сквозь гвалт: «Фима! Фима-а-а!» Это быть против всех и верить до конца в то, во что по логике вещей верить нелегко. Но Боря помнил меня в лучшие мои годы. А память такого рода — прочный фундамент для веры.

— Секунданты за ринг!

Боря медленно приподнимается на скамейке, напряженно вслушивается в тишину.

Гонг!

Теперь...

Мы — я и Кириллов — сближаемся, настороженно, вкрадчиво. По диагонали ринга. И весь-то путь — восемь шагов. Мне четыре. И ему четыре.

Раз, два, три... Четвертый шаг — в сторону и, перекрываясь левой, бью, резко, четко, правой в голову.

Старый мой прием, отлаженный. Если без промаха, то...

Не промахнулся! Угодил в самую точку.

И «поплыл» Кириллов, не понимая, по какому случаю сыплются на него удары «наглой бороды».

А «наглой бороде» надо вести бой расчетливо, чтобы не израсходоваться до срока.

Левой — по лбу и в корпус. Правой — по скуле.

Все! Нокдаун!

Упал Кириллов. Упал мне под ноги, в своем, красном углу.

Сейчас откроют счет. И передышка. Мне.

Но нет! Слишком невероятно, чтобы Кириллов — этот нокаутер с крепким, ли-

тым из мускулов телом — упал на брезент от кулака никому ныне не ведомого «старика».

И судья Зига Ясинский поднимает Кириллова, обтирает его перчатки о чемпионскую майку, дает знать болельщикам, что парень не в грогги, а... просто-напросто — что? — ах, поскользнулся, видите ли, он на «ледовом» покрытии ринга. Оттого и упал. Но мы не в хоккей играем. Упал? Поскользнулся? Мне все понятно. И брату моему Боре понятно. Он вскакивает, машет руками, кричит:

— Нокдаун!

— Стоп! — сдергивают его назад на скамейку болельщики моего противника. — Уймись!

— Нокдаун!

— Будет тебе нокдаун! — злится его сосед, скорей всего, «болельщик» моего противника. — Сейчас будет нокдаун. Твоему «бородачу». Костей не соберет. Кириллов, он знаешь какой, разозли его только...

Разозлить? Его? Куда уж больше?

Ринг не знает ничьих.

Кириллов практически не знает поражений.

Что остается мне?

Судья Зига Ясинский свел нас вновь в центре ринга.

— Бокс!

Кириллов был зол, как смерть на человека.

Четыре года назад я разозлил смерть. Диагноз: сотрясение мозга, черепно-мозговая травма.

Четыре года назад, пробыв в неподвижном состоянии почти месяц на больничной койке, я учился ходить заново, как младенец. Было это в августе 1974-го. И вот сегодня, в мае 1978-го, мне доказывать самому себе, что долго рядиться в «младенцы» я не имею права, если мне выпало жить.

Три месяца назад, в феврале, я надел боевые перчатки, чтобы, если мне выпало жить, вновь победить смерть, но теперь уже в виде физической немощи и духовной слабости. Мне надо было подготовить себя к отъезду в Израиль — в страну, которую в случае войны мне предстояло защищать с оружием в руках. Так что я победил смерть не для того, чтобы проигрывать Кириллову, будь он даже зол, как все черти, не заполучившие мою душу.

Злость Кириллова мечется в его глазах. И атака нижется на атаку. Перчатки мелькают, как увесистые гантели.

— Кириллов! Кириллов!

— Фима!

Хрип в легких, скользкий до свиста. Сухо в горле.

И вдруг замечаю, не достает вражья злость до меня, выжигает протуберанцами не грудь мою, не лицо — воздух. Как же так? Молодость за него. Сила за него. И реакция на удар... она всегда лучше у молодых. Мне тридцать три. Я стар для бокса. Я... я... Последняя буква в алфавите. Что за меня? Память, закодированная в мышцах? Наверное, память...

Пять месяцев назад у моего отца спросили в Бресте. На таможне:

— Есть ли у вас с собой золото?

— Да, — ответил мой папа, старый одессит с юморной начинкой, углядевший подначку в обыденном вопросе советского служащего, задолбанного инструкциями и приказами. И показал обомлевшим таможенникам свои натруженные руки.

Вывормыши газетного петита, пожиратели штампованных фраз и мыслей пропустили его в Израиль с каким-то суеверным ужасом, вдруг, с внезапной ясностью

осознав, что неприкосновенный запас СССР, самый оберегаемый и воспеваемый в песнях, открыто, без всяческих ухищрений, вывозится из страны. И его, как ни упорствуй, не конфискуешь. Поздно!

Папин «золотой запас» уже в Израиле. Мой — еще в Риге. И я не жалея, делюсь им со своим соперником на сером квадрате ринга.

Правой в солнечное сплетение, левой апперкотом в подбородок.

Все! На этот раз все! Больше сил нет!

Где Кириллов? На коленях. Да-да, на коленях, у канатов. Качает его. И все же он с трудом поднимается.

Поднимается? Что же это, право?

— Счет! Счет! — кричит мой брат.

Но счет судья и в этот раз не открывает.

И в третий раз Зига Ясинский не откроет счет...

Много раньше, лет за 17 до этого, когда судья был еще ребенком, я боксировал с его старшим братом Бруно Ясинским. Но разве должен он помнить соперников старшего брата? Разве должен он помнить тех, у кого учился мастерству? А если и помнит, что это меняет?

Я пришел сюда, на поле боксерских ристалищ, из другого, полузабытого мира, где уже навечно распределены все регалии. О том мире позволительно ныне слагать легенды, приукрашивая бывшее, изымая из него неблагозвучные имена. Это мир мумий, своеобразный музей мадам Тиссо. Мумии могут лежать под музейно-стойким стеклом, могут стоять на постаментах, но ни при каких обстоятельствах не должны оживать.

Мой судья ничем не лучше других. И не хуже. В прошлом отличный боксер. Как и его старший брат. Просто он жил в боксе в то время, когда я якобы уже умер для этого вида спорта. Поэтому и память его атрофирована на предшественников.

— Бокс!

И гонг.

Кончен раунд.

Секундант Саукумс усадил меня на стул. Сунул под майку мокрую губку. И зашептал, стряхивая с полотенца в лицо мое брызги. Он шептал порывисто, заглатывая слова, стремясь скорей — всего минута! — впихнуть в меня все известные ему секреты бокса.

Но какие секреты? Мне не до секретов. Мне и без них ясно: время жизни, смерти и воскресения, умри или победи.

— Бокс!

И зал затих, еще не веря в меня, уже не веря в Кириллова.

Только один человек в зале знал, что победа будет за мной. Мой брат Боря.

После третьего раунда я не дошел до своего — синего — угла. Обессиленный повис на канатах, слыша вибрирующее, как затухающий гонг:

— Я же говорил! У него в каждом кулаке по нокауту!

«Это о ком? — подумал я. И понял: — Обо мне».

Мой секундант Саукумс вымахнул на ринг. Подхватил меня. Поднял под беспощадный свет многоламповой люстры.

— Чемпион!

Бывший тяжеловес поднял бывшего мухача, ныне полулегковеса. И долго стоял так, выпрямив над собой руки, будто победил он сам.

Через месяц, в июне 1978 года, было первенство Латвии.

Кириллов не вышел на ринг. Он бросил бокс.

Я вышел. И победил.

Первый раз я взошел на Пьедестал почета чемпионата Латвии в 1962 году, последний раз в 1978.

Свой боксерский марафон в Риге я начал при весе в семьдесят килограмм. Согнал девятнадцать, выигрывая поэтапно соревнования различного ранга. Сначала во втором полусреднем — 67 кг. Потом в полулегком — 57 кг. Последний бой в Рижском дворце спорта я провел на первенстве Латвии в «мухе» — 51 кг. Все мои противники той поры сегодня «на пенсии», а я остался в боксе и участвую в соревнованиях по сей день, хотя мне уже 65 лет.

Что кормит надежду?

Если надежда беззуба, ее кормит душевная усталость.

С ложечки. Кровью.

Если надежда зубаста, ее кормит болезненное честолюбие.

С ножа. Огрызками сердца.

Моя надежда — зубасто-беззубая, с разбитой челюстью.

Я не умею проигрывать.

Глава восьмая

Двойственность, эта прилипчивая двойственность эмигранта, да к тому же еврея, она существует, как ее ни гони...

Ты ее в шею — она тебе в душу.

Ты ее хлыстом, она тебя по шерстке.

Ты в нее камнем, она в тебя медовым пряником.

У тебя еще есть альтернатива. А у нее нет. Ей надо выжить в тебе, иначе кому она нужна, если отвергнута даже евреем.

Но однажды наступает минута, когда и у тебя нет альтернативы, и ты вдруг с детской ясностью понимаешь, что — все! баста! — ты еврей однозначно, как нож это нож, как взрыв это взрыв, как боль это боль. Ты еврей, и все — точка!

Это физически ощутимое понятие накатило на меня внезапно. И не за чашечкой кофе, не за пишущей машинкой. А в поезде «Варшава — Вена». В тот момент, когда еще хочется по привычке сгладить обстановку, выискать обходной маневр, улизнуть из своей однозначности. В журналистских командировках улизнешь от нее, скроешься за облизанными формулировками. На кинофестивалях, интервьюируя звезд экрана, тоже. Но в поезде «Варшава — Вена» врешь, не уйдешь! Что за тобой стоит? Ничего! Ни должности, ни звания, ни мировоззрения. И страна, в которой ты родился и вырос, не стоит за тобой. Сзади — пустота! Что ты представляешь для окружающих? Только то, что впитывает их зрение, чувствует их нос. Ты голенький, как в покойницкой. И будь ты даже омыт стократно, вражьи ноздри не обманешь. Будет пахнуть от тебя не лавандой, не лавровыми венками лауреата и чемпиона, а характерным, не воспринимаемым самим собой, душком. Каким конкретно? Я и сам не знаю, каким. Однако если он не выветрился из нас за два тысячелетия рассеяния, значит, очень стойким. И главное, неприятным для любого арийца, будь он немец, поляк — да кто угодно! Тем более что он стоит на своей земле, дышит своим воздухом, ест свой хлеб.

Он имеет полное право воротить нос.

Ибо когда ты стоишь на его земле, он вынужден тесниться.

Когда ты дышишь его воздухом, ему не хватает кислорода.

Когда ты ешь его хлеб...

Впрочем, ты никогда не ел чужой хлеб. Однако это никому не мешало попрекать тебя лишним куском. Не потому, что жалко куска, а потому что надо же кого-то попрекать.

Стоп! К чему доморощенная философия, когда пришло время загружаться в поезд «Варшава — Вена».

Варшавский вокзал радушно выкатил его к перрону.

Окна вагонов приветливо улыбаются нам — паломникам веков, с чемоданами и саквояжами, вступившим в тот промежуток жизни, когда «вчера» осталось на рубеже двух миров, а «сегодня» еще не проступило в огнях израильского аэропорта.

Мы с нетерпением поглядываем по сторонам, выискивая проводника. «Братская Польша» — все еще «братская» для нашего, приученного к советским формулировкам мозга — затасовала его мощную, пятиведерную, налитую пивом до ушей тушу в полумгле наступающего вечера, в толпе носильщиков и пассажиров.

И мы в ожидании посадки могли присмотреться друг к другу: любопытно все же, как они выглядят, евреи разных республик?

О, евреи, евреи, рабы мимикрии! Как вы внешне изменчивы! Где ваш, типичный для сторонних наблюдателей антисемитского тупичка, разрез глаз? Горбатый нос? Брызжащие слюной губы?

Вот стоит передо мной бухарец, вылитый сын востока, в тюбетейке, с ковром, охватывающим шею, как хомут, с выводком детей и женой на сносках. Еврей? В паспорт не заглянешь...

Вот стоит передо мной худощавый старик с обожженным лицом. У какой печки он столь сурово обжегся? Не у той ли, из которой таскал каштаны для вышестоящего начальства? Но почему же на его груди нашивки за ранения? Почему пиджак вызывает как на пожар рында? Ах, орденами и медалями вызывает пиджак, призывает всех окружающих к почтительности. Еврей ли старик, вдетый в столь достопримечательный пиджак? Кто его знает... Еврей, как помнится из дразнилок, «воевали в Ташкенте».

Вот передо мной... Да, а чего это вдруг приглядываются ко мне? Голубые глаза? Светлые, каштанового отлива волосы? И всего-то — раз-два — почти нет чемоданов. Ясное дело, прикидывают, какого я рода-племени.

Что ж, придадим себе независимый вид. Независимость — лучший друг и товарищ в дороге, в особенности на первых порах, когда не знаешь, кто есть кто...

Я не знал, кто есть кто. Люди на перроне тоже не знали.

Проводник это знал превосходно.

Он появился.

Он навис над нами, как дамоклов меч.

— Мест нет! — сказал на неведомом языке, но очень понятно.

Заволновались все, забурлили.

— У нас билеты!

— Не действительны ваши билеты без посадочного талона, — невозмутимо пояснил проводник.

— А где взять посадочные талоны?

— В билетной кассе, на вокзале, — отвечал проводник.

Носильщики, гибкие, как хлысты, постегивали по ушам русскими словами:

— 50 долларов, найдем место. Баксы гони! Деньги! Деньги!

Деньги? Доллары? Так за все уплачено еще в Риге, в рублях, при покупке билетов.

— За все уплачено! — кричу проводнику.

И моя двухлетняя дочь Белла начинает плакать.

Мой трехлетний племянник Натан готов цапнуть зубами нехорошего дядю.

Нехороший дядя с нехорошей улыбкой нехорошо смотрит на ручные часы. Скоро, очень скоро отправление.

Я бегу на вокзал.
 За мной бежит бухарец.
 Далеко позади старик-орденоносец.
 Касса. И финишный рывок.
 Касса. И трепетное, с придыхом: «Мне нужен посадочный талон на поезд Варшава — Вена».
 Под ложечкой сосет: «А что, если кассирша ни слова по-русски не понимает?»
 Нет, она «разумет». Это я ничего «не понимаю».
 — Нет посадочных талонов! Кончились! — говорит она и улыбается: на, мол, посмотри, разгоряченный марафонец, на улыбочку польской дамы. Это тебе истинный сервис, на западный лад — не хухры-мухры!
 Посмотрел я на этот сервис, а потом на часы. И накатывает на меня, что вот-вот свисток паровоза, и «едем, едем, едем в далекие края» — без меня.
 И опять рывок.
 И опять — финиш.
 А проводник — два метра в высь, два метра в ширь — по-прежнему неприступен. Полякам — пожалуйста. Евреям — ни в какую!
 Поляки проходят мимо по перрону, косятся на нас:
 — Жидовский вагон!
 Наша бригада «зайцев поневоле» инициативно ищет «вход» к сердцу конвоира... оговорился, часового-охранника... тьфу!.. проводника. «Вход» — он же и «выход» из положения.
 Кто попроворней, так это, конечно, старушенция в платочке, что бочком-бочком и в лапу носильщика вкомкала пятидесятку с портретом какого-то, по лицу незнакомого американского президента.
 Кто поизворотливей, так это, конечно, бухарец. Влез с ковром на подножку, впихнул носильщику зелененькую.
 А остальные? Остальные тоже изыскивают тропинку к сердцу носильщика, проложенную заморской «зеленью». Суют ему в рот долларовую «капусту», а он... Он не берет. Он, этот охотник за головами американских президентов, что красуются на баксах, уже требует не пятьдесят — сто. Пока я бегал туда-сюда, у них, видимо, девальвация произошла.
 Куда теперь бежать? Дать сколько хочет?
 «О, евреи! — восклицаю нутром, чтобы никто не услышал. — Где же ваша солидарность? С чего это вы терпите издевательскую девальвацию?»
 А евреи уже и не евреи вовсе. Они уже — новое поколение хваленой мимикрии! — чувствуют себя на польский манер «жидами».
 Старик-орденоносец цепляется за рукав проводника, чтобы не упасть от физической немощи, шамкает ему с рабской угодливостью:
 — Я Польшу освобождал. От фашистов.
 — Доллары! Доллары! Гони сюда бабки! — вполз в его обгорелое ухо носильщик.
 Русскими словами вполз поляк в ухо еврея.
 — Нет долларов. Я внукам отдал. Они едут в Америку. А я... Я... Зачем мне в Израиле доллары?
 — Советский орден тебе там тоже незачем. Снимай-скручивай. Он из платины.
 Старик дрожащими пальцами стал отвинчивать орден с драгоценным — в денежном эквиваленте — профилем Ленина.
 И тогда я с братом Борисом, видя дрожащие пальцы старого солдата, видя, как начинают вращаться спицы колес, внесли его, втокнули в дверь, побросали следом чемоданы, на них детей, схватились за поручни. И вдруг с ужасом осознали, что вкинули на площадку детей бухарца — не своих.

— Белла!

— Натан!

Носильщик — услужливый малый — детей на руки и бегом за вагоном.

— Доллары! Бабки! Детей в «капусте» находят — не забывай, а то напомним!

Гвалт и визг вокруг. Стоны, плач.

И брат мой Борис воткнул в пасть носильщика доллары, не считая, сколько выхватил из кармана. Забрал детей и рванулся, не глядя, в тамбур — на узлы, чемоданы, портфели.

Скорей бы протиснуться в купе, спрятать свое сокровище!

Спрятал. Затем и мы спрятались. «Ну,— думаем,— доберемся до Вены, а там...»

Какое «там»!

Здесь еще, оказывается, ничего не кончено.

Здесь еще, оказывается, не затаиться в раковине двойственности.

Здесь еще, оказывается, надо оставаться для всех евреем или жидом — вот и все многообразие превращений.

Проводник, будто трахнутый пыльным мешком по кумполу, ревет на весь вагон, заходится. Что он ревет? Чем он недоволен на сей раз?

Ах, орет он потому, что мы — я и брат мой Борис — обманули его ожидания. Обманули... Скорее, носильщик их обманул, смотав удочки в какую-нибудь варшавскую «Березку». Мы-то при чем? Все честь по чести, если пристойно ее упомянуть.

Орет он... И выясняется с опозданием, что мы не в ту лапу сунули. Главную лапу, самую волосатую, обделили.

Как же быть?

И мы вынырнули из купе, чтобы посмотреть, где он, буюк компромисса, и как до него, не потонув, легче доплыть.

Но пока мы глазеи-искали этот буюк, нас залило волной осуждающих взглядов, злых фраз польских дам и их кавалеров с отвисшим пузом и стукнуло друг о друга, как два кремня. Искры из глаз, и в сердце. Наше сердце полыхнуло скрытым огнем, но так жестоко, как некогда танк попутчика нашего, старика с обожженным лицом, напрасно вызывающего медалями в надежде на снисхождение.

«Псякрев!» — донеслось до меня.

«Псякрев!» — донеслось до моего брата.

«Сукин сын!»

Нет, это не кто-то посторонний. Это я, это брат мой — «псякрев!»

Это мы, «сучьи дети», обманули порядочного человека, сунув не ему, а в чужую лапу деньги. Он к нам с душой, открытой нараспашку. А мы в нее — нож подлого жидовского коварства.

Кто?

Мы?

И кто это нам такое? Женщины, ухоженные дамы, направляющиеся на туристический променад в Чехословакию.

Женщины?

Какие же вы женщины?

Вы видели, как наших — еврейских — детей превратили в товар.

Вы видели, как детей наших попутчиков — еврейских детей — бросали на площадку. Бросали ваши носильщики. Деловито, ухватисто, как, наверное, бросали бы в печь крематория.

Вы все видели. И ни слова против?

В ваших глазах написано крупным шрифтом: «КАЖДОМУ СВОЕ», как на воротах Бухенвальда.

Что ж, выхода нет. Мы согласны на свое.
 И мы вынули ножи.
 Свои ножи.
 Мы встали у двери в купе.
 В свое купе.
 Встали как на пост у заглохшей от нехватки топлива из «живого мяса» печи крематория.
 Больше мы не будем подстраиваться под вас. Не будем искать сочувствия или понимания.
 Мы евреи и только евреи.
 Или мы евреи, или нам смерть!
 И смерть — эта древняя богиня охотников на человека — вытащила из небытия обойму убийственных фраз.
 — Куда податься бедному поляку, когда кругом одни евреи?
 — Польше не по пути с евреями, потому что «куда жиды не повернуть, он смотрит в сторону древнего Иерусалима».
 Польским дамочкам было не по пути с нами. Проводнику было не по пути с нами. Но он не мог сойти с поезда. Служба у него такая — быть попутчиком евреев.
 Попутчиком?
 Он счел нужным им не быть, скинуть нас с поезда. Он подошел вплотную к нашим ножам и, впитывая кожей их змеиный холодок, сказал: вызвана полиция, и на промежуточной станции нас — безбилетников и хулиганов — выбросят вон со всеми манатками.
 — Нас выбросят мертвыми, — продуло его сквозняком морга.
 Проводник поехал. И предложил расплатиться за проезд — чем богаты. Если кончились доллары, он примет злотые, а нет злотых, не откажется и от рублей.
 — С изображением смерти на ассигнации, — пояснили наши ножи.
 И проводник притих-примолк. Он ушел в свою конуру. И долго не показывался оттуда: то ли пересчитывал барыши, то ли наливался шнапсом.
 Выгаданная передышка позволила нам препроводить по коридору детей в туалет и без потерь — осколочные ранения от взрывной ярости польских дам и их оскорбительных слов не в счет! — вернуться назад в убежище.
 И вновь перед нами вырос проводник, запотелый от полноты чувств.
 — Ваше купе, как и все прочие в вагоне — сидячее. Оно на восемь человек. Сейчас будет остановка. Вы должны потесниться, уступить места новым пассажирам.
 Он говорил. Он косился на ножи. И ножи дали ему понять, что ни для пассажиров, ни для полицейских свободных мест в нашем купе не предвидится.
 И была остановка на какой-то польской станции. И была посадка. И было то, чего случиться по теории вероятности не могло. Но случилось. Случилось в соответствии с другой теорией, тоже еврейской по существу, но совершенно невероятной.
 Поляки, не понимая происходящего, проходили мимо нас — меня и моего брата — и не имели возможности даже заглянуть в наше купе. Проходили мимо нас, мимо наших ножей и усаживались на чемоданах в проходе.
 Не голоса — дизеля ревели: «Польша закрыта! В Польше нет уже свободного места для поляков! Куда деваться бедным полякам, когда их места в купе скорого поезда, идущего по территории Польши, заняли жида?»
 Некуда поляку деваться, когда у еврея нет запасного выхода.
 Еврею надо стоять на смерть. Или встать на колени.
 Колеса стучали: «Смерть! Смерть! Смерть!»
 Приближался конец. Приближалась граница с Чехословакией.

И вот она, граница. Ныне для меня не столько географическое понятие, сколько граница жизни и смерти.

Проводник понесся по вагону.

Что это он? Собирается сыграть тревогу?

С чего это он такой взволнованный и красный?

Стряслось что?

Ничего не стряслось! Просто-напросто он раздает посадочные талоны.

Он! Раздает! Евреям! Посадочные талоны!

Те талоны, за которыми гонял нас на вокзал.

Те талоны, вместо которых требовал от нас доллары.

Мы отказались от посадочных талонов. Я и мой брат Борис.

Мы сказали:

— Пусть нас забирает ваша полиция. Мы примем бой.

И подняли ножи на уровень груди.

Это было для него слишком. Он стал умолять нас быть людьми. Ибо, если мы не будем людьми, с него снимут голову.

Мы не хотели быть людьми в понимании этого гада-проводника. Нас не занимала участь его головы.

И тогда он чуть не изошел пеной. Нас колыхнуло пивным прибоем. На своем хребте прибор принес: надо учесть, что у него маленькие дети, и в случае, если его лишат работы, они будут пухнуть от голода.

А доллары? Какие доллары? Ах, те самые, еврейские. Да ведь доллары есть не будешь. И к тому же их надо сдавать. Куда? В известное учреждение. В Большой Дом...

Доступно, не правда ли?

Но мы — я и мой брат Борис — отказывались понимать его доступную правду.

Видя это, проводник сказал свое — «псякрев!» И со злостью бросил нам под ноги посадочные талоны.

Два желтых листка лежали на затертой ковровой дорожке. Две жалкие бумажки, похожие на осенние листья.

Мы не нагнулись за ними... Теперь мы были уже не эмигрантами, израильтянами были.

Так нам хотелось думать.

Глава девятая

1

Судьба ли, характер беглого именинника, но 16 апреля 2000 года застало меня там же, где и пятнадцать лет назад, у покрытых ершистой травой и козьими тропами сопки Самарии — в боевых порядках царицы полей...

На кружевном небе, за пыльными стеклами казармы-дощатика, подрагивала от озноба дама червей, вытканная звездными спицами в зеркальном противоречии — справа налево — с карточной красоткой. С козырной азартностью косо прошла по воздуху. И в отблесках электрических светляков Шхема, плашмя, клетчатой рубашкой наружу, легла на подрумяненное личико валета.

— Дуракам закон не писан, — сказал я, отстраняясь от зеленого оружейного ящика, нашего походного стола: в центре атласная колода и пепельница, дальше по периметру початая бутылка водки, пластиковые стаканы, яйца — вкрутую, со щербатыми носами, помидоры, хлебцы для сэндвичей и пакет с обрезками копченой колбасы.

— Подставь нос. Щелбану, — насмешливо, с деланной угрозой Мишаня, мой давний приятель, иерусалимского склада, взмахнул веером карт.

— Лучше предлагаю выпить,— Левка Ецис, потомственный брадобрей из Риги с галутной фамилией, настоенной в Латвии на ивритском корне — («ец» на древнееврейском — дерево) — упредил нарочитый порыв Мишани и разлил по шатким без достойного наполнения емкостям.— Результат для носа тот же. Что от карт. Что от водки,— пояснил он.— Результат мы имеем в цвете носа. А нос мы имеем какой? Правильно... красный!

— Верное цветовое решение,— насмешливо согласился Мишаня, искусствоведческое образование не давало ему покоя и лишало творческой души, когда он становился к мольберту. — Сизый, красный... какая разница... Главное, чтобы водка была свежая.

— Другую не держим,— откликнулся Левка Ецис.— Не рижский бальзам. Бальзам пока доберется... Аэропорт Румбула, цвейки-здрасте! — выгрузка-погрузка... Аэропорт Бен Гурион, литраот-до свиданья! — погрузка-выгрузка...

Водка оказалась первой свежести. По неписанному вердикту, уходя в «милуим» — (на армейские сборы) — каждый из нас обзавелся пузырем. Теперь, по традиции, эти пузыри мы разменивали на стопари. Не на троих, упаси господи! На всех! А их,— «всех», в особенности «желающих на троих» в «Русском батальоне» с избытком. Не зря же он и наречен мной «Русским батальоном», почитай, еще в начале восьмидесятых, со времен первой войны в Ливане. С тех же времен, потаенных поныне в чернильнице, нашим «встречинам» и «проводинам» традиционно не мешали израильские сограждане, слабые по части «принять на грудь, и ни в одном глазу».

Мы разлили по фляжкам оставшееся питье, рассовали по карманам закус. И прихватив с кровати американские винторезы М-16, скользнули из дощатика в набегающую темень. Прогуляться на сон грядущий.

В двухэтажном каменном особнячке со сторожевой будкой на крыше и длинной, рвущейся к звездам антенной, плескала залетная, пластинками шестидесятых годов привечаемая мелодия, для меня ностальгически родниковая.

— Аленький цветок,— сказал я Мишане, указывая пальцем на открытое под сторожевой будкой окно.

— Маленький...— поправил меня искусствовед, к музыке имеющий малое отношение.

— Аленький-маленький, какая разница,— настроился на игривый лад Левка Ецис.— Главное, под такую музыку, в результате мичуринской селекции — да-да, произрастают, по моему разумению, цветы жизни.

— Думаешь, есть смысл потоптаться на этой клумбе?

— Распутин! — назвал меня на армейский лад Левка.— Какие сомнения в ясную ночь? Но не топтаться, боже мой, упаси! Фу, как неприлично! А вдыхать волшебный аромат...

— Цветочного одеколона? — намекнул я рижскому парикмахеру на его профессию.

— Принято-подписано. Так и скажу у входа в Пенаты райского сада: «Цвейки-здрасте! Я пришел к вам вдыхать...»

Я толкнул Мишаню локтем.

— Как ты?

Мишаня, прежде чем кивнуть утвердительно, глотнул из фляжки.

— Пойдем — подышим,— согласился.— Где наше не пропадало...

Он, единственный из нас, был семейным в полном объеме, без разводов и распрей с женой. Посему дорожил именем-положением и помнил незыблемое правило древнего Израиля: «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется».

Произнесешь его в Эйлате, не помня даже по какому поводу, наутро оно отклик-

нется на твоих ребрах в самом пекле Иудейской пустыни. И хорошо еще, если не станешь соляным сталактитом, как жена Лота. Ведь сказано было ей словом, честно, по-божески: «Не оглядывайся, мать человечья». Ан, оглянулась, вопреки наказу,— и... А ведь будь в тот момент у ее сопровождаителя и мужа, безгрешного пока еще Лота, хоть на капельку поэтического чувства, он, несомненно, и стал бы автором нетленного — «нам не дано предугадать...» Но не стал. В тот исторический момент он, судя по всему, растерял от внезапного жара небесного все естественные чувства, не только поэтические.

У меня, в отличие от Лота, поэтических чувств было навалом.

Когда-то под это танго меня, в ту пору малолетнего... нет, не преступника, а чемпиона Латвии по боксу, учила танцевать старшая сестра Сильва: «два шага влево, один вправо...» Однажды она взяла меня с собой на выпускной вечер семиклассников — «Ситцевый бал». Сильва играла на аккордеоне. Я танцевал. «Два шага влево, один вправо». Не Марис Лиєпа. Но ведь и обычная школа — не Большой театр, актовый зал — не сцена. Танцевал... первый раз в жизни. Под это танго. С девчушкой, пригласившей меня — меня!.. чаще приглашаемого на ринг... Не мудрено, что и девчушка мне запомнилась навсегда, и ее расписное платье — перевернутая рюмочка, украшенная цветами, да и сама мелодия... мелодия, влекущая сейчас меня по лестничным маршам, затем в коридор, затем к третьей двери справа по коридору — сюда...

«Нам не дано предугадать...»

Слово за слово, но за дверью и впрямь встретил нас цветник. Не в девичьем, правда, а в реальном своем воплощении. Вдоль стен и на подоконниках ящики с рассадой, шелка лепестков, садово-огородных расцветок. В центре, на характерном для турпоходов столике с раскладными ножками, портативный магнитофон, баюкающий оранжерею мелодией первой моей молодости. И ни одного живого существа. Исключая залетного комарика, зудящего в раздражении под потолком, у матовых ламп.

Первым очнулся, а на моем языке, боксерской ориентировки, «вышел из гроги» Левка Ецис.

— Здравствуйте, приехали! Намыливались на «Шанель», а в результате, нате вам, «Тройной одеколон». К употреблению, конечно, годен. Но куда его употреблять, кто подскажет? Наружу или во внутрь? — театрально сказал, разводя руками, бывалый брадобрей. Полагал, что не впустую, а для скрытого за дверью в смежную комнату человечка, должно быть, женского пола, в кудряшках-бантиках, в губках-ласточках, манящих в поднебесную нирвану, откуда сверзиться... да-да, только сверзиться оттуда и не доставало, для полного удовольствия и порядка в танковых войсках.

Мишаня вытащил из брезентового футляра фляжку, взболтнул ею над ухом и, удовлетворенно почмокивая, протянул мне. Виделось и без бинокля: он немного растерян из-за негласного вторжения в чужую обитель, вот и пытается, подражая Левке, выглядеть более нагло.

— Закуска имеется,— щелкнул пальцем по стеблю гвоздики.

Левка рассмеялся.

— Это ты называешь закуской?

Мишаня тоже настроился на смех.

— А это запивкой,— и, отвинтив колпачок, дал Левке отметить изрядным глотком.

— Хорошо пошла,— отметил он, передавая по эстафете фляжку мне.

Я тоже принял на грудь и вернул алюминиевую посудину Мишане. Он поднял фляжку на уровень глаз, словно удостовераясь, как с прозрачной бутылкой, сколько там осталось на донышке. Открыл рот и... И остался с открытым ртом. К открытому

рту надо бы добавить и превеликое изумление в его глазах. Тогда картина — (а он все же искусствовед, потому и «картина») — будет полной. Впрочем, не совсем. Полной картина будет в том обязательном случае, если я приведу сейчас слова, раздавшиеся за дверь в смежную комнату. А я их непременно приведу.

— Папа не смей больше пить, а то маме скажу! — раздалось за дверь. (Слова угрожающие, но тон... тон... а над ним едва сдержанные всплески веселости, настроенные на какой-то полудетской игривости и непритворной радости.)

— Ленка! — ахнул Мишаня, поспешно закручивая колпачок на флажке и втискивая ее в футляр на боку. — Откуда тебя нелегкая занесла?

— Это тебя «откуда», папаня? Ты ведь к Хеврону приписан, а здесь мои Пенаты...

Мишаня отшутился в том же духе.

— Твой «басис», конечно, хорошая база и для Репина. Но Репина среди нас в Хевроне, не изыскали. И кинули меня с охраны Гробницы праотцев на укрепление вашего, так сказать, морального духа.

— А Распутина? — послышалось за дверь.

— И Распутина, — поспешно сообщил Левка Ецис. — И меня, цвейки-здрасте! На укрепление. Но меня, скорей, на укрепление тела, чем духа. В здоровом теле, как известно, выводится в результате здоровый дух. Выходи уже один раз, Леночка, к нам наружу. Мы хоть — на укрепление, но не опасные. Да к тому же тут, как я понял, папочка твой. Если что, он кулачком погрозит, и я приутихну со своими хулиганскими приставаниями.

Такая напыщенная речь хмельного парикмахера, дамского угодника в солдатских шароварах цвета хаки, растормошит кого угодно, в особенности... Да, в особенности, Леночку Гольдину, способную и врожденное женское коварство пристроить на службу к спонтанно возникшей юморной ситуации.

— Я за папочкиным кулачком не скрываюсь, — сказала Леночка, выходя в оранжею... э-э... несколько в неожиданном наряде.. в неожиданном для ухажера из «Маленького Парижа» — Риги, знатока дам высшего света из салона красоты. Впрочем, он пользовался еще большим успехом на базаре, у торговки кислой капустой, но, как правило, в утренние часы лютой похмельюги.

Леночка Гольдина, солдатка-очаровашка, вышла на всеобщее обозрение ветеранов израильских войн в синих трусиках, белой майке, в тапочках на босу ногу и в боксерских перчатках.

— Чтoб мне с места не сойти! — сказал Левка Ецис, и не успел он чмокнуть языком в знак природного восхищения израильской девчушкой, этакой «сабрeнкой» из наших, поросших уже мхом мечтаний, как инстинктивно выкинул руки вперед, подхватывая брошенные ему кожаные перчатки.

— Давай! Давай! Натягивай рукавички, дядя, — торопила его Леночка. — Много лишнего знаешь про свое здоровое тело. Пора его превращать в здоровый дух.

Левка оглянулся на меня. В его зрачках читалось: «Чего она хочет, эта милашка? Я же ее ненароком убью, крохотулю эту. Чтo мне скажет потом ее папа, Мишаня? «Спасибо» он мне не скажет. Он скажет другие слова, тоже из русского языка. А потом возьмет автомат и... и не с кем будет в нашей компании выпить на троих».

Я отвел глаза от Левки.

Мишаня, пряча ухмылку, тоже убежал его встревоженного взгляда.

Латвийский парикмахер, шестьдесят семь кг. убойного веса, положил на стол бесполезную винтовку и вынужденно встал в боксерскую стойку, спровоцированный к поединку солдаткой-«мухачкой».

А я, в образе и подобии рефери, придавливая по возможности серьезностью насмешливые нотки в голосе, провозгласил:

— В левом углу мужчина в полном соку, цвет и краса нашей армии Лев Ецис. Обладатель большого опыта в боях с женщинами. Подтверждением тому загсовые свидетельства и плешь на темечке. Трижды женат, трижды разведен, некоторые волосы сознательно вырваны несознательными элементами женского рода и племени. В правом углу «ганенет», то бишь «садовница» из бригады «Нахаль» Леночка Гольдина, дочка Мишани, малопьющего, кстати, на резервистской службе. Солдатке нашей восемнадцать лет, жизненного опыта с мизинчик, мужей нет в наличии, а если будут, то мы им обломаем рога, для приличия. Итак...

Леночка сделала шаг вперед, по касательной, огибая левую руку Левки Ециса, готовую к внезапному броску.

— Бокс! — скомандовал я.

Левка тотчас выбросил левую руку. Но кулак его просквозил воздух в стороне от лица юной боксерши. Она ловко зашла за его плечо и кроссом нанесла справа удар по скуле, в убойную точку. Ноги у Левки подкосились, и он чуть было не шмякнулся на пол. Но Леночка опередила его падение и поддерживала мужика в вертикальном положении серией апперкотов по животу, пока он мало-помалу не оклемался. Когда же он оклемался и готов был продолжить бой, она увертливо ушла от прямого в голову и легонько стрельнула снизу по его печени, чуток, как я полагал, подпорченной на войне с алкоголем.

Левка остановился, переводя дыхание. На его посеревшей физиономии блуждала загадочная улыбка, потерянная какая-то, будто попала не на лицо, а в лабиринт.

— Сдаюсь, — поднял он руки.

— Давно пора, — Мишаня снял с него перчатки.

— Откуда у нее такие кулаки? — спросил Левка. — Ты ковал?

Мишаня махнул головой в мою сторону.

— Победителей не судят, это понятно и рыцарю печального образа, — сказал Левка, оживляясь под влиянием рождаемой в недрах организма идеи. — Но что касается побежденных, то им... Им, Леночка Гольдина, выпить хочется. Выпить и в результате принятия положенных на душу населения градусов отметить встречу.

— Я не пью, — усмешливо ответила Леночка, — Я с папой и без водки вижусь.

— Ле-ноч-ка! — врасстяжку воскликнул Левка. — А я с твоим папой по-иному, без водки, видется не привык. Да и... причем тут папа, девочка, сообрази. У нас закус, у нас выпивка. А там, — он указал пальцем на окно, — там злой старшина, пых-пых копит усы в казарме. Нам бы кого добрее. Подруг твоих. Все же, согласись, мы не насильники какие — папа твой гарантия. Посидим — поговорим, песни вспомним. Попоем... послушаем... Вот эту, например, что у тебя по бабинам крутится. Аленький цветок, маленький... хрен редьки не слаще... а нам скучно... размаха нет... Чего это вдруг ты такую музыку поставила?

Леночка Гольдина пожала плечами, капельки пота скатились под майку, влажными линиями зачернили ткань.

— Папу увидела. Распутина увидела, а музыка эта — его любимая. Дай, думаю, сюрприз им сочиню. Услышат — и как на магнит их потянет.

— Вот-вот, как на магнит. Душу растревожила... А на поверку пшик-пшиком. Раздала мне по морде — и все. Палдиес-лудзу, спасибо-пожалуйста. Подставить теперь, что ли по-христиански, вторую морду?

— Шеку, — лукаво поправила его Леночка.

— Щек в запасе не держим. А вот морд у нас с избытком. Мы же евреи — рабы мимикрии. Вечные эмигранты. Где живем, теми и становимся. Надо будет, и в пацанов перекуемся, если на подходе появятся девочки.

Мишаня нахмурился.

— Левка! — выдал укоризну и легким тычком протолкнул сослуживца в смежную комнату с тумбочкой в изголовье кровати и двумя пластмассовыми стульями.

Усадил его на кровати, на походное, верблюжьей шерсти одеяло, налил в стакан водки, дал выпить. Потом щедро плеснул себе в горсть и растер Левкин загривок наждачной ладонью.

— Ополовинел возраст свой, мудак! Не соображаешь, дочка это моя... А у тебя козлиные интересы. Засунь их себе...

— Мишаня, если я уже не соображаю, так токмо по ее вине, твоей дочки. Не она ли мне мозги вправляла сегодня? Или я сам по себе, как на пианино, кувалдой играл?

— Доиграешься у меня!

— Мишаня! Дуростью полны твои паруса. Посмотри, разуй глаза. Распутину можно половинить возраст. А мне — привет родителям! — нельзя.

Мне почудилось, что и Левка и Мишаня — (Левка напрямую, Мишаня вполоборота) — смотрят на меня, стаскивающего с Леночки перчатки, доискиваются во мне, в недрах души и тела моего, до чего-то подспудного, мне неясного, но важного, важного, жизнью и смертью отмеченного, судьбоносного... Но чего? Чего?

Нам не дано предугадать... Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...

— Ну что скажет учитель? — спросила у меня Леночка. — Я хорошо дралась?

— Боксеры не дерутся, а работают, Леночка.

— Я хорошо работала, Распутин?

— Ты? Ты и не поверишь, Леночка. Я тобой любовался.

2

Левка Ецис, носитель харизмы, заприметил, отпихиваясь от Мишани, «разумно скользкую» за открытым окном проволочку, сечением с грифель от карандаша.

Со штриховой четкостью, не колыхаясь, она жестко двигалась в полутьме, вверх-вниз, из стороны в сторону. Совершала какие-то логические ходы, пока маловразумительные, у подоконника с рассадой. Но когда загнутым наподобие крючка кончиком захватила пластиковую корзиночку с новорожденным цветком, тайное стало явным.

Левка Ецис «испуганно» округлил глаза и — палец ко рту, поперек губ.

— Ша! — сказал он Мишане. — «Полицейские и воры».

Мишаня оглянулся на окно.

Название знаменитого в прошлом «инострannого» фильма служило своеобразным паролем для людей моего поколения.

Тискаясь по двое в одном кресле, мы умирали от смеха, любуясь хитроватым итальянским «рационализатором». При помощи удочки он вылавливал с балкона гирлянды сосисок и колбасу из магазинчика на первом этаже здания.

Сейчас же было не до смеха, в особенности Мишане. Воровали ведь не на экране, и не у какого-либо лавочника, а у его родной дочки Леночки. «Украдут на копейку, доказывай потом на рубль, что не сбывала товар на сторону». Он протянул руку, чтобы рвануть за металлическую леску, сдернуть воровитого паршивца с крыши. Но Левка Ецис придержал его.

— Ша! Убьешь, не глядя.

Они осторожно, не спугнув полуночного зверя, прошли из спальни в салон, к нам, ко мне с Леночкой.

— Распутин, пора на прогулку, — сказал Мишаня, таинственно указывая большим пальцем на потолок.

Левка, хитро подмигивая, не удержался от ерничанья.

— Ночная прогулка по крышам. Самое то для старого котика. Пойдем-пойдем, покажем этому засланцу «наше вам с кисточкой».

— Пойдем,— согласился я.

Меня всегда восхищало умение русских израильтян выходить «по тревоге» из глубокой пьяни в состояние полной боевой готовности. Я и сам был асом высшего пилотажа в этом деле, повязанном мертвой петлей. Правда, секретным русским оружием овладел не интуитивно, как, например, парикмахер Едис или искусствовед Гольдин, а в Калининградской спортроде, которая в случае войны превращалась в отряд специального назначения.

Вот и пришлось по ту сторону Калининградского горизонта, в прицельной близости от Шхема возродить молодость. Взять на себя — по инерции воспоминаний, что ли? — командование группой поиска. И украдкой, без шума и всплеска эмоций, подниматься по спиральной лестнице в сторожевую башенку. Оттуда с той же настроенностью всматриваться в подсвеченное желтоватыми лампами пространство бетонного покрытия, с угловатыми — от фонарных штанг и штырей — тенями.

У самой кромки крыши, под козырьком-заборчиком проглядывал спальный мешок, рядом термос, стакан. Легкий ветерок дребезжал ложечкой, слышалось постукивание металла о стекло.

Под этот пристойный шумок виновник торжества демонстрировал нам неприличное место своего организма. Обтянутую джинсовой тканью задницу. Наследник Соньки Золотой ручки шуровал у Леночкиного окна в спальню своим нехитрым, для чистки канализационных труб и колодцев пригодным инструментом.

Левка Едис шепнул мне на ухо:

— Удобная поза...

Я — чтобы не рассмеяться — показал ему кулак.

Наследник Соньки Золотой ручки вытянул из лунки «унитазную» проволоку. Развернулся лицом к желтым лампам на шестах. И в створе их штыковых лучей показал нам свой улов, надо признать, удачный: двойную пластиковую коробочку с каланитами, ярко-красными цветами, священными для Израиля. Срывать их нельзя нигде — ни с клумбы, ни в лесу, ни в поле. Принято считать: каланиты стихийно прорастают на месте гибели наших солдат — это одухотворенные капельки еврейской крови, пролитой в боях с врагом.

Какое-то щемящее чувство неприязни и оторопелой брезгливости охватило всех нас одновременно, когда мы различили на загнутом кончике прута — прута, которым обычно ковыряются в дерьме, наши каланиты...

— Берем? — пихнул меня локтем Мишаня.

Я кивнул.

И спонтанно, в едином прыжке, но в трех направлениях, спереди и по бокам, мы перемахнули через парапет сторожевой башенки.

И разом отдернули затворы американских М-16.

Устрашающий лязг железа, знакомый большинству жителей нашей планеты, «для веселья мало оборудованной», разве что по киноевкам, имеет одну мистическую способность: внезапно наводить мокроту в штанах мужчин с вороватыми замашками, если их, вкупе с их замашками, застают «на деле» врасплох.

Наш визави, выяснилось секунду спустя по острому запаху, не являлся исключением из правил.

— Ми ата? (Кто ты?) — спросил Мишаня, подходя почти вплотную к палестинцу, обнаруженному посреди ночи в самой что ни на есть сердцевине военной базы.

— Они... (я...) — мямлил пойманный с поличным вор. — Они ми Наблус. (Я из Наблуса.) — назвал Шхем, пошмыгивая в усы, на арабский лад — Наблусом.

— Они ми Сибирь, эфо зеев тамбови — хавер шелха. Вэ ма? (Я из Сибири, где тамбовский волк тебе товарищ. Ну и что?) — ответил Мишаня сразу на двух языках. Выпускник «Мухинки» любил показать себя полиглотом в глазах неучей.

— Ма? Эйзе зеев? (Что? Какой волк?) — недопонял араб.

Мишаня просунул ствол винтовки между двух коробочек с каланитами и, не чувствуя сопротивления вражеских рук, передал их мне, все так же, на стволе. Я спрятал их в накладном кармане армейских штанов, справа от колена, где могла поместиться еще парочка лимонок. И спросил у пленника:

— Ма ата осе по? (Что ты здесь делаешь?)

— Они инсталлятор. Осе тикун. (Я сантехник. Занимаюсь ремонтом.)

— Каждому придурку понятно, каким ремонтом ты занимаешься, — психанул Левка Ецис, — Руна Рига, говорит Рига: ассенизатор и водовоз из Наблуса! Натте вам! Явился-не запылелся на нашу еврейскую голову. Иди проверь его руки — в говне они или в нашей кровушке? Мать твою! А ну руки вверх! Ядаим лемала!

Палестинец поднял руки.

Левка поспешно его обыскал, оглаживая ладонями сверху до колен.

Чувствительные пальцы парикмахера нащупали в брючном кармане удостоверение личности, а под рукавом нательной рубашки отточенный нож, подвешенный к плечу на резинке от трусов. При резком выбросе руки черенок его вкладывается в ладонь, и тогда мгновенный змеиный укус и — смерть в двух шагах от собственной жизни, которая по неосторожности вывела тебя под предательский удар.

Левка передал мне удостоверение личности. Я сличил фотокарточку с лицом нашего собеседника, прочитал по складам:

— Аб-дал-ла Бар-бу-ти... или... Хрен его разберет!

Из сторожевой башенки вылез волосатой груди человек, старшинского звания и отличия.

Воздух пивного цвета, подкрашенный желтками фонарей, менял его расовую принадлежность: курчавого семита превращал в паленого японца. Но рост, почти двухметровый, оставался при нем.

— Ма кара? (Что случилось?) — спросил он, надвигаясь на нас в сумеречном состоянии души. Лязг затворов — слышимый, кстати, на большом расстоянии — вырвал его по всей очевидности из «соломы».

Его встревоженная, но все еще сонная физиономия, монголоидного колера, увенчанная эфиопской шевелюрой, могла хоть какую «сурьезность» вывернуть наизнанку. Левка Ецис при виде старшины — «рассара» — чуть ли не прыснул:

— Цвейки! — сказал по-латышски. И, спохватясь, добавил по-русски, вовсе забыв о древнееврейском: — Еще один на нашу голову!

— Цвийка! — поправил его, представляясь, командир.

— А я что говорю! — засмеялся от неожиданности Левка Ецис. — Латышский с ивритом — братья на век. Цвейки Цвийки! Здравствуйте, Гриши!

— Цвийка! — незванный гость, он же хозяин базы, вновь уточнил свое имя. И повторил: — Ма кара? (Что случилось?)

Левка на доступной в Израиле мове Соломона Мудрого разъяснил ситуацию. И поверг дознателя в легкое — из-за нас, посторонних! — замешательство. Он сам лично, вопреки всем табу, оставил нарушителя спокойствия кукарекать до утра в спальном мешке. (Но без попутного лихоимства, понятно и курице.) Дабы спозоранку, без потери драгоценного времени — намечалась инспекторская проверка — включить стервеца в ударный труд на благо коммунального хозяйства. Уж он-то, кудесник-золотарь, наведет глянец на все отхожие места и представит их придиричвому начальству в неотличимом от театральной ложи состоянии. Уж он-то!.. А он?..

Он, находчивый этот парень, — в чужой карман за поживой копеечной. Розочки-гвоздички! (Левка Ецис вразумительно покрутил над головой горсточкой пальцев, изображая бутоны.) Но где цветики, там и ягодки. Того и гляди, пихнет наш бугай кого финягой в спину и легко сделает ноги за оградительную колючку. Или... девушку-солдатку примет за газель гаремной выучки и, трах-тара-рах, ищи виновных. А кто виноват первый? Аккурат, старшина Цвийка. Пусть и из матерых, пусть из своих, ан не уследил — не досмотрел. И самолично — без приказа! без всякого приказа свыше! — принял не-пра-виль-ное-е решение, пре-ступ-но нарушил ос-нов-ной воин-ский закон последних лет. Позволил подозрительному во всех отношениях человеку, причем вооруженному до зубов смертоносным холодным оружием, ночевать без при-смотра на базе. Где кроме секретов урожайности цветов можно изыскать и другие военные тайны. Словом, на иврите, по-русски и по-латышски — враг не дремлет, шпион не спит! И десять лет без права переписки отыщешь на том же суку, на кото-ром тебя и повесят. Се-ла-ви! — как говорят французы, когда они говорят на еврей-ские темы.

Цвийка опешил от выкрутас Левкиной речи, полной идиом зарубежного, латвий-ско-российского происхождения, от его требований — немедленно взять вора со «смертоносным ножиком» под арест и отвезти его с конвоем в Шхем, на допрос в «мимшаль»-комендатуру.

Опешил и Абдалла, чуя непривычное отношение, угрозы в голосе с русским ак-центом, упоминание о ноже, как об припрятанном для убийства оружии, о Шхемской комендатуре-«мимшале», где расквартированы на сей раз друзья из погранвойск, из-вестные знатоки уголовного права и арабской ментальности.

Цвийка подошел к плененному палестинцу, похлопал его по грудям, по бокам, под мышками, будто обыскивая.

— Эх, Абдалла! Подвел, шельмец.

Абдалла изобразил смущение, перешедшее в раскаяние.

— Гам оти еш гина — (у меня тоже есть садик), — оправдывался он, сторонясь мелкими шажками от Левки.

Мишаня заскрипел зубами, умирив гнев и желание вмазать кое-кому по уху.

— Ну и гад! Нашел уважительную причину! Любой суд подпишется под оправ-дательным приговором. А мою Леночку за недостачу под арест, да? Ей нельзя под арест! На кону первенство Иерусалима. Золотая медаль! А потом... а потом...

— Чемпионат Европы, — весело встрял я, похлопывая ладонью по лакированно-му, в царапках, прикладу автомата. — И звание первой перчатки нашего с тобой, Аб-далла, континента. Ты слышал о нем, полагаю, от бабушки. Но не к бабушке под юб-ку ты полез со своей проволокой. Ты полез к Леночке, в ее цветочный карман. Сты-рил именно ту рассаду, именно те каланиты, которые завтра поутру ей вживлять у гробницы Йосефа. А он ведь, Йосеф, толкователь фараоновых снов, кормилец и пои-тель древнего Египта, не только наш патриарх и пророк. Но и ваш, мусульманский. Не правда ли? Что же мы имеем в наличии? А имеем мы, что ты, Абдалла, обворовал ва-ше-го патриарха и пророка. И заодно подставил нашу девчонку, чтобы ее запеча-тали под замок. И это вместо поездки в Иерусалим... На боксерское первенство! Имени Стивена Хилмса! Сапера, между прочим, израильской полиции. Бывшего американца, воевавшего во Вьетнаме. И погибшего в самом центре на-ше-го Иеруса-лима. При разминировании ва-ших чудных, Абдалла, игрушек.

Я говорил-говарил, не постигая за своим боевитым красноречием, на каком язы-ке выкладываюсь по полной — на русском или иврите.

Старшина Цвийка, на скоростях обдумав логическую комбинацию, решил тут же отвязаться от нас — глазастых законников, прикомандированных к «девичьему» под-

разделению. И заодно избавиться от живородной улики халатного его отношения к воинской службе, от Абдаллы. Открыв рот, он сказал то, что в хитро запрессованной ситуации и следовало от него ожидать. Открыв рот, он сказал:

— Приказываю!..

Приказ старшины Цвийки сводился к простой вещи: мы забираем с базы лихоимца-араба, отвозим его — ни в коем случае не в комендатуру! — а напрямую к гробнице Йосефа, в Шхем. Там он и квартирует, прохиндей, со своим прохиндейским садиком из уворованных у евреев цветов. Напротив винного магазинчика, выводящего к лагерю беженцев Балата. Оставляем его на попечение жены и детей. С наказом: рано утром явиться на базу для продолжения косметического ремонта унитазов и сливных бачков. А сами перенимаем пост у Цвийкиного спецназа. И кукуем в гробнице Йосефа всю неделю напролет.

3

Зорная полоса света подкрашивает подошедшие к гробнице Иосифа автобусы. Их желтые номера отливают цветом нашей крови. Я не оговорился, из сотен шхемских жителей, садящихся сейчас в кожаные кресла, можно выискать и террористов-самоубийц, направленных на задание. Выискать можно, но как?

Неиссякаемой колонной идут они по грунтовой дороге, большинство с разрешением на работу. Перед посадкой просматривают их документы. Юнцов, не перешагнувших возрастной барьер, отгоняют в сторону. Нас когда-то не пускали на фильмы «до шестнадцати лет». Их — до определенного возраста — не пускают в Израиль. По версии специалистов, это «взрывоопасный» контингент. Но израильские специалисты — канцеляристы-кабинетчики. Постоять бы им на нашем посту, понаблюдать за шествием рабочего люда в Израиль, увидеть вблизи эти злые глаза, эти грозящие нам, охранникам древней могилы, кулаки или раздвоенные в знак победы-виктории пальцы. Насмотришься такого, всех запишешь в террористы, не исключая и себя самого. Но с самим собой, пожалуй, разберешься. Знаешь себя с детства, и все свои побуждения знаешь. А поди разберись с этим пацаном — Мухаммедом из деревни Аль-Фара. Мать у него, по жалостливому сказу, смертельно больна. Разрешения на работу нет. Но быть ему в Тель-Авиве надо непременно. Там в аптеке он приобретет нужные лекарства, здесь в Шхеме их не сыскать. А если он не спасет свою мать, то за себя не отвечает. Но при чем тут Мишаня? Не Мишане решать: кому ехать в Тель-Авив, кому оставаться в Шхеме. Он, Мишаня, стоит у входа в Кевер Йосеф — Гробницу Иосифа, интеллигентным видом привлекает обиженных да недовольных. Вот и Мухаммеда этого притянул, вертит в руках его удостоверение личности, ходатайствует перед командиром автобусного маршрута.

— Шломо, возьми парня. Чего тебе? Глядишь, жизнь человеку спасешь.

— Херня, Моше! Не покупайся на их штучки. Он тебе показывал больничный лист своей матери?

— Рецепт.

— Ты врач, Моше?

— Я искусствовед.

— Ну и разбирайся в своих картинах. А в их воровскую науку не лезь. Голову оторвут.

— Я же помочь хочу.

— Им это невдомек. Для них ты засветился этим своим человеческим расположением. Ты им запомнился. И если что не так, претензии к тебе. За участие. У него ломка, не сечешь? Ему уколоться пора, а не маму спасать. Понятно?

— Нет, Шломо, эта математика не по моему разуму.

— Тогда успокойся и отойди на свою территорию, за ворота.

Мишаня, пожав плечами, передал Мухаммеду его удостоверение и вернулся ко мне за ограждение.

А Шломо, крикнув арабу: «Не положено!», отогнал его от автобуса.

Чтобы предотвратить бессмысленные разборки с Мухаммедом из деревни Аль-Фара, я замкнул ворота на ключ и повлек Мишаню к приземистому зданию Гробницы. Мы спустились по ступенькам и уселись на каменный пол у дверного проема, прислонясь спиной к холодному и гладкому камню стены.

Отсюда, снизу, Шхем просматривался по касательной множеством светлячков, взбирающихся в темени как бы наощупь. Но все выше и выше, по неразличимому взгорью и оттого таинственному. На самой верхотуре, где небо сливалось с островерхой антенной, попыхивал маячок аэрослужбы. Там располагалась наша военная база, с которой, как поговаривали, просматривался весь ближневосточный регион, со всеми его взлетными и посадочными полосами, с взмывающими в высь и садящимися на землю самолетами.

Мишаня недовольно бубнил что-то себе под нос, без выплеска наружу душевного расстройства. Не то чтобы он искренне скорбел за изгнанного из автобуса палестинца, но по его представлениям все это обставать следует как-то иначе, человечнее что ли, без криков и ожесточенного пиханья.

— От нас ведь зависит, как они относятся к Израилю, — вырвалось из него, когда он разжег в ковшике ладоней спичку и закурил сигарету, любимый им «Тайм».

— От нас ничего не зависит, — сказал я упрямо.

— Получается, они запрограммированы, да? На ненависть?

— Эх, Мишаня... Ты никогда не жил в национальной республике. Как ни изображай себя хорошим, но если ты с оружием к ним пришел, и при этом рядишься в благодетели с пряником, быть тебе...

— Врагом?

— Врагом... Оккупантом... А детям твоим — эмигрантами.

— Меня умиляют, — сказал Мишаня, стряхивая пепел на плитку пола, — умиляют бывшие советские люди. С извечными их ссылками на Господа. В синагогу их силком не вытащить. А как о приоритетах, кому принадлежит эта земля, так сразу к заветам Всевышнего, будто присутствовали при даровании Торы.

— Евреи — присутствовали.

— Да какие мы евреи? Кипу не носим. Субботу не соблюдаем. Израильтяне, скорее, мы, как и арабы, живущие здесь. А не евреи. Евреи — это понятие религиозное.

— И генетическое, Мишаня. Допустим, мы евреи генетические. Это даже более надежно, чем «хазер ба чува» — новообращенный. Им может стать любой: и русский, и китаец, и француз. Было бы желание. А не желание, так приказ. Представь себе, арабы по секретной наводке муфтия хором повалили в евреи. Надели ермолки, цицот, лапсердаки. И без всяких военных действий, просто интенсивным размножением, вытеснят нас из страны. А кого нас? По их представлениям, неверных. Мы ведь не евреи, если не ходим в синагогу.

— К тому времени мы выпадем уже в осадок истории, — грустно усмехнулся Мишаня.

— Никуда мы не выпадем! — загорячился я. — В Галуте выжили. Выживем и здесь. Главное, чтобы арабы не пошли в евреи.

— Выходит, нам надо опередить арабов. И пока они не додумались, самим идти в евреи.

— Самим.

— Культурка нас заела. Нет, чтобы бить поклоны на сон грядущий, сидим у мольберта, молимся на палитру.

— На поллитра! — добавил я.

— И на поллитра, — согласился Мишаня. Вдруг он остановился, задумчиво посмотрел по сторонам и тихо произнес: — А знаешь что... — Затем, кряхтя, поднялся на ноги. Шагнул к двери в усыпальницу. — Пойдем... посмотрим... долг отдадим. А то прискачут туристы, и опять не поглядим — не пощупаем.

По отглаженным паломниками ступенькам мы спустились в залу, прохладную в любое время суток. Величиной не менее двадцати пяти квадратных метров. Пол выложен плиткой. Саркофаг на десятисантиметровом постаменте в центре.

Невольно представляется, там, за толщью камня, на дне массивного гроба, нетленная оболочка Иосифа Прекрасного, повелителя, по сути возможностей, древнего Египта, а, следовательно, и всего сопредельного с ним мира. И вот сегодня, бездну лет спустя, когда ученые научились клонировать живые организмы, мы можем стать свидетелями восстановления прижизненного облика нашего патриарха. Не надо патетики, пусть не его самого, пусть некоего человеческого создания, внешне от него не отличного. Наверное, когда-нибудь это произойдет. И поднимутся в прямом смысле из праха наши предки. В пещере Махпела Авраам и Сара, Ицхак, Яков с женами. А также похороненный рядом с ними плотник Иосиф, муж Марии, матери Иисуса Христа. В Хевроне, напротив Махпелы, у туннельного входа в Касбу, Иошуа бен Нун. Здесь, в Шхеме, Иосиф. Поднимутся, но, нет, не затем, чтобы вновь пророчествовать, бунтовать, клясть отступников веры и повести народ вместо Мессии от победы к победе. Их устроит, полагаю, и более скромная роль. На бескрайней нашей ниве сплошной безработицы. Чем плохо быть просто наглядным пособием в музее еврейской истории? Оскорбительно? О, нет! Это Истинным Патриархам оскорбительно даже подумывать о таком надругательстве над их иссохшими костями. Но что Истинным тошно, то нашим современникам, детям лихой девальвации шекеля, доллара, рубля — прибыльная халява. Кто — укажите пальцем — откажется от приятно оплачиваемой работы, весь смысл которой — ничего не делать и при этом никогда не бояться увольнения. Изображай из себя предка, ходи, закутанный в покрывало по музею, раздавай автографы. И не забывай в нужный день заглядывать в банк. За зарплатой. Никто тебя дармоедом не назовет. Никто не тронет. Даже на сувениры. Будешь ты в реестрах значиться «оберегаемый государством одушевленный экспонат». И приставят к тебе часового, как к знамени. Резервиста-«милуимника» с винтарем, замороченного сокращением бюджета и увольнениями. Допустим, Мишаню... Нет, Мишаня не годится. Он в момент обнаружит тысячу несоответствий, все-таки искусствовед. Левку Ециса — в самый раз. Ему один черт — что мумию грудью от варягов защищать, что на грудь принять с живым человеком, хоть и зовись он Авраам Ави-ну — наш Отец Авраам.

Внезапно мои размышления продуло речитативом молитвы. Кто это? — повернул я голову. Мишаня? У саркофага, размеренно покачиваясь взад-вперед и прикрывая глаза правой (по предписанию) ладонью, обращался он к Всевышнему: «Шма, Исраэль! — Слушай, Израиль!».

— Шма, Исраэль! Гашем Элохейну, Гашем эхад.

Ритмическая вибрация слов непроизвольно ввела и меня в состояние единения с небесами. Опустив на глаза руку и мягко перекатываясь с каблучков на мыски солдатских ботинок, я шепотом вторил товарищу своему по оружию и молитве.

«ВЕАГАВТА ЭТ А-ДО-НАЙ Э-ЛО-ГЕХА БЕХОЛЬ ЛЕВАВХА, УВХОЛЬ НАФШЕХА, УВХОЛЬ МЕОДЕХА...»

«И возлюби Г-спода, Б-га твоего, всем сердцем, и всей душой твоей, и всем

достоянием твоим. И будут слова эти, которые Я заповедую тебе сегодня, на сердце твоём...»

— Будем пить? — слышалось сзади.

«Это Махмуд», — определил я в уме, различив летучие шаги по ступенькам сына арабского смотрителя Гробницы, заразившегося у «русских солдат» пристрастием к сорокаградусным напиткам,

— Не здесь! — махнул рукой Мишаня назойливому собутыльнику.

— Будем? — повторил тот, вытаскивая из кармана бутылку. Подмигнул по-приятельски, шелкнул себя по горлу: мол, свой в доску. Открутил металлический колпачок, разлил по пластиковым стопарям, чокнулся со мной и, опрокинув свою порцию, поспешно, но с налетом артистизма понюхал рукав пиджака.

Вот подлец, перенял повадки у каких-то динозавров, обучающих его этикету дворового бомонда. И горд собой, полиглот-самородок, преуспел!

— Ступай к воротам, — сказал я Махмуду. — Туристы приехали.

Бело-голубой автобус фирмы «Вольво» подрулил к гробнице Иосифа. Водитель нетерпеливо надавил на клаксон. Створки дверей разъехались гармошкой. Американские туристы — мужчины и женщины среднего и пожилого возраста, некоторые с магендовидами или золоченными крестиками на груди — спускались на землю, выстраивались в очередь. И все это с настороженностью рискованных людей, готовых к внезапному нападению. Было нечто умильно-трогательное в их опасливых взглядах, напряженных позах, частых поворотах головы при резком движении кого-либо из соседей. Судя по всему, они спрогнозированы на любой поворот событий. Но как бы там ни сложился расклад судьбы, свыше их сил было попрощаться со Святой Землей, не посетив могилу одного из самых прославленных патриархов еврейского народа.

По одному, не толкаясь, входили они на огороженную штыковым забором территорию захоронения, без напоминания, предупрежденные заранее, предъявляли Левке Ецису сумки и целофановые мешки на досмотр.

— Проходи, проходи, драугс (друг), — серьезно проговаривал он, дурачась в душе, русско-латышские слова в тесной компании с ивритскими: — Лехи-лехи, по ло киркас, аваль... Иди-иди, здесь не цирк, но...

— Тистом эта пэ! (Закрой свой рот!) — прикрикнул на него Мишаня, выйдя из усыпальницы, весь еще во власти молитвы. — Маком кодеш! (Святое место!)

— Так тошно! — откликнулся, не обретая внутренней ответственности, поддавший с утра брадобрей.

Иностранные гости вежливо улыбались. Они воспринимали заморскую речь с уважением, как возрожденный из небытия иврит, родной по звучанию и сокровенному смыслу для пророков и царей древнего иудейского царства. При разгуле фантазии, им могло представиться, что такими необъяснимо красивыми словами «тистом эта пэ!», «по ло киркас», «лехи-лехи...» — «закрой свой рот!», «здесь не цирк», «иди-иди...» Соломон-мудрый обольщал юную Суламифь.

Представиться в воображении им могло что угодно. А в обыденной суе жизни, у спуска в подземное прибежище Иосифа, им представлялся... с протянутой рукой... Махмуд, дальний потомок заегипетского Сфинкса. По его лицу, отмеченному косоглазием и похмельным синдромом, блуждало загадочное выражение, свойственное швейцарам: «не дашь в лапу — не пропущу!» И в лапу ему давали, не осмеливаясь противостоять магнетизму смотрителя гробницы. В правую лапу давали... Доллар за долларом... А из левой лапы брали... Свечку за свечкой... И спускались к саркофагу.

Глава десятая

Кладбище себе не выбирают. Как и Родину.

Мое кладбище не знает пределов. Бескрайнее, раскинулось оно от горизонта до горизонта. По лесам, полям, городам и селам. Везде, где жили евреи.

Оно в Испании и Германии.

В России и Украине.

В США и Латвии.

В древнем и современном Израиле.

Мое вечное кладбище строилось из века в век — по единому, замышленному в неизбывном далеке проекту. Кем? Это мне не ведомо. Но зачастую стараниями тех людей, для которых комплекс кладбищенской архитектуры представляет собой одну безымянную могилу. Амалеками всех мастей, наследниками Амана и Торквемады.

Мое вечное кладбище хранит не только выбеленные временем кости предков, но и воспоминания каждого из них — раввина и ремесленника, поэта, артиста, художника, музыканта. Оно подарило мне восприятие жизни и времени, осознание собственного «я», понимание счастья, любви, предназначения.

Мое вечное кладбище не мертво.

Путешествуя по нему, как по времени, я вижу не привидения — людей, предков моих и себя, прежнего, ступающего по заметенной аллейке ко мне нынешнему — к своему, так сказать, будущему, ступающего с некоторой опаской и недоумением: неужели этот, едва проглядывающий в туманной полумгле, седобородый человек — он?

Грядущее в потемках. Не то, что прошлое: оно всегда освещено, хотя подсветка постоянно меняется. Поэтому бывшее воспринимается каждый раз по-иному. И дело не столько в возрасте, сколько в неуловимо-изменчивой точке зрения, вроде бы каждый раз незыблемой и верной.

Выстрой ныне все эти точки зрения по ранжиру, выйдет многозначительное многоточие, иначе говоря — недосказанность.

Доскажем ли?

Я попробую...

Наум Ципис
(г. Бремен, Германия)

БЮСТ В ПОЛНЫЙ РОСТ
(Кавказские новеллы)*

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

И чтобы «закрыть» мою кавказскую тему, а заодно, подольше погулять по раздолью своей молодости, еще одну новеллу, теперь абхазскую.

В далекие, теперь уже кажущиеся сказочными времена, мы с молодой моей женой относительно часто проводили отпуск на юге: Сочи, Сухуми, Ялта, Новый Афон, Псырха... Кто тогда считал: Грузия — Абхазия — все наше, советское. Как ни странно, но наших учительских отпускных хватало даже на то, чтобы из Нового Афона съездить в ресторан в пещере Эшеры по дороге в Сухуми. Однажды решили пообедать в ресторане-корабле, навсегда пришвартованном в сухумском порту. Тогда это была «высокая» экзотика, прямо — «Жора, покачай стол, не могу без моря!».

Сидим, едим шашлык по-карски — кусок сочной баранины, один на всем шампуре, — запиваем молодым красным вином из глиняного кувшина и нахваливаем друг другу вкуснейшую нашу еду... Хорошо жить на свете!

Из-за соседнего столика поднялся юноша, горный орел — шапка черных вьющихся волос, большие черные глаза, тонкие усики, брови вразлет, нос... типичный кавказский нос — стремительно подошел к нам и сказал: «Я вас прошу, пойдемте со мной, пожалуйста...». Наверное, на наших лицах отразилось что-то вроде того: сидим, едим замечательный шашлык по-карски, который в Минске тогда не то, что не едали — не слышали; пьем молодое вино из глиняного кувшина; рядом теплое лазурное море с ослепительной солнечной дорогой аж до Турции, впереди — купание, ужин с домашней настоящей «изабеллой», которую чудаки-хозяин, армянский абхазец, выставляет нам каждый вечер в подарок, и за всем этим — ночь... Самое лучшее время суток, самое солнечное... И вот, подходит молодой кавказец и говорит: «Пойдемте со мной...». Правда, говорит он это очень вежливо.

А юноша продолжает в ответ на выражения наших лиц: «Я не могу слышать, как вы хвалите этот кусок мяса, который в этом ресторане называют шашлыком по-карски. Я не могу видеть удовольствие на ваших лицах, когда вы пьете эту жидкость, которую в этом ресторане называют вином, и когда все, что тут есть от вина — это кувшин. В этом ресторане можно кушать только кофе и то, потому что его варит мой дядя. Я прошу оказать мне честь и поехать со мной к моему деду. Там вы покусаете шашлык по-карски и выпьете вино, и мне не будет стыдно за мою Абхазию. Я вас жду у выхода из этого ресторана, моя «Волга» цвета созревшей хурмы». И он ушел.

* Окончание; начало см. в «ПЗ» № 1, 2013, С. 185—196.

Некоторое время мы сидели молча. Оно и понятно. А потом решили: почему не поучаствовать в незнакомом спектакле. Не убьют же нас, когда поймут, что взять нечего. И потом, юноша производил хорошее впечатление, а мы, оба педагоги — вроде научились «читать» людей... Во всяком случае, нам так казалось. Поехали!

Саша-Сандро привез нас в горы в свое селение. Каждый его житель требовал, чтобы гости Самвела, отца Саши-Сандро, зашли в их скромный дом. Сколько было скромных домов, столько было стаканов вина. Потом был общий стол в доме Самвела. Застолье длилось весь вечер и большую часть ночи. Потом нас уложили спать в саду под навесом на широченной лежанке, снизу бурка, сверху бурка — в горах были прохладные ночи и волшебной чистоты воздух.

«Отец,— услышал я голос Саши-Сандро,— они не умеют пить вино Может, мы испортили им ночь любви?» «Сын,— ответил Самвел,— настоящее вино дарит, а не отнимает. Не волнуйся, у них будет ночь любви». И была ночь любви... «Веселись, негрityанка!» — так сказал бы об этой ночи директор моего училища, где я тогда преподавал. Так он оценивал высшие достижения человечества.

Утром, после самодельного душа уже можно было ехать вниз к морю, и без настоящего шашлыка по-карски. Казалось, все, что может испытать душа, тело и желудок, было испытано. Но Саша-Сандро так не считал. И его родственники так не считали, и все селение — тоже. После первой похмельной чаши все началось сначала: завтрак в доме Самвела и эстафета по домам родственников, соседей, соседей родственников и родственников соседей... «Саша,— пустился я на уловку,— ты же обещал шашлык по-карски!...» «Еще два дома,— сказал он.— Нельзя обижать. А потом я вас украду, и мы поедем кушать шашлык по-карски». Через два или три дома Саша-Сандро усадил нас в свою «Волгу» цвета созревшей хурмы, и на скорости — за стеклами мелькали возмущенные лица хозяев неогостеванных домов — «у нас традиция: гостя встречают три дня...» — мы вырвались на горную дорогу в сопровождении стаи сельских собак, которые вскоре отстали. «У деда будет легче: вином будем только запивать шашлык, а пить не будем»,— вписываясь в крутой поворот, сказал-утешил наш новый друг.

За время, которое мы добирались до места — «Едем на высокогорные луга, там дед пасет овец» — «Волга» укоротила свой машинный век на несколько лет, мы побывали в роли кукол-неваляшек, Саша-Сандро подтвердил, что является студентом-историком и патриотом Абхазии. Сама дорога была прекрасна, если бы еще по ней идти, а не ехать, но такое восхождение было не для нас, слабоногих горожан. За каждым поворотом лежала новая красота гор и дальнего теперь моря, мрак ущелий и тишина... «Можно ли передать размах земной высоты и земной глубины...»,— Саша-Сандро рассказывал нам о здешних храмах, которым полторы тысячи лет; о том, что значит для республики овцеводство, в чем особенности горного бортничества, на что способны местные горные козлы, когда спасают свою жизнь, о хитростях горной флоры и разнообразии здешней растительности...

Неожиданно раздались детские голоса и смех. «Приехали»,— сказал Саша-Сандро, и навстречу машине в плясках и воплях вынеслись три курчавых негрityански загорелых пацана и свора молчаливых первобытных кавказских овчарок. Из хлипкого строения вышел высокий мощный старик, за ним — оказалось, троюродный брат Саши-Сандро — могучий красавец, помощник деда. Саша-Сандро познакомил нас, сообщив историю нашей с ним встречи, и объяснил, зачем привез гостей. «Правильно сделал, внук. Пусть хорошие люди хоть раз в жизни попробуют шашлык и вино, такими, какими их делали наши предки. А вам спасибо, что приняли приглашение моего внука. Вы первые русские люди здесь, на пастбище. К нам в гости ходят только абхазы, волки и Бог. Отдыхайте. Не бойтесь собак: они уже поняли, что вы

гости». Старик что-то гортанно сказал собакам, и они улеглись рядом с людьми. Только мальчишки, ошалеv от неожиданных посетителей, носились вокруг, что-то выкрикивая и кувыряясь. «Еще маленькие...— пояснил старик.— Правнуки...»

Началось приготовление шашлыка. Приготовление шашлыка... Дед Саши-Сandro принимал участие только в одной операции этого долгого процесса творения одного из самых древних видов первобытной еды на земле с того времени, как люди добыли огонь. Из деревянной неглубокой кадки он доставал большие куски еще вчера и не для нас, а для себя замоченной в винном уксусе баранины, и насаживал их на шампуры, окружая грубо нарезанным луком, помидорами и лимонами. Все это на большой, выдавшей виды доске, нарезал троюродный брат Саши-Сandro, не сказавший ни слова за все время, которое мы у них гостили. Он только кивал головой, когда был согласен и мотал из стороны в сторону, если не соглашался. «Он немой?» — тихо спросил я у Саши-Сandro. «Почему? — удивился он.— Просто не о чем говорить».

Троюродный брат резал много лука, помидоров и лимонов. «Надо, чтобы сок из всего этого капал на угли и в этом запахе чтобы вызревал шашлык», — он так и сказал, Саша-Сandro, — вызревал. Изредка троюродный брат отрывался от резки для пригляда за углями. Когда шампуры с шашлыком были устроены над переливающимся, как драгоценные камни, жаром, старик угостил меня табаком: «Контрабандный. Турецкий. Власть покупает немного. Добавляет в дорогие папиросы и сигареты. Для запаха. Мне еще немного приносят. Контрабандисты. Наверное, уважают. Жаль, папиросная бумага кончилась. Газета портит этот табак. Попробуй».

Табак был хорош. Такого больше не курил. Старик говорил о политике, о том, что глупо людям воевать, потому что это нарушает естественный ход событий на земле: люди умирают раньше срока, не выполнив своего предназначения. Хаос человеческий, накапливаясь, становится хаосом земным: землетрясения рушат города и убивают людей; снег выпадает на цветы, а град убивает овец. «Если война большая и гибнет много людей, земля замедляет ход и становится холоднее. Здесь, в горах, это очень заметно».

Троюродный брат теперь сидел у мангала и переворачивал шашлыки, поливая их лимонным соком. У его ног стояла корзина лимонов, которую принесли правнуки, и он, повернув шашлык, брал лимон в левую руку, правой, в которой был нож, срезал лимонную «попку» и выдавливал сок на мясо. Один лимон — один поворот шампура — один кусок мяса. Через несколько минут все повторялось.

Горьковатый и пряный чад, ароматным вкусным сизоватым маревом плыл от мангала во все стороны: на углях сгорал сок маринованного мяса, лимонов, помидоров, лука... Каждый раз на один полный поворот шампура, гигант-абхаз поливал мясо красным вином, и тогда симфония запахов приобретала еще одну сильную басовую ноту. И каждый раз, когда он увлажнял шашлыки соком или вином; каждый раз, когда его рука заученным движением проходила над истомившимся мясом, будоражающий ноздри жаркий предвосхищающий запах волнами растекался от мангала. Псы на каждую такую волну поднимали огромные лохматые головы и, почти скуля, но без звука, тревожно смотрели в сторону мангала. Старик, понимая их беспокойство, — уж очень сильными были эти запахи для чувствительных собачьих носов, — выговаривал собакам. Что-то вроде такого: вот, у нас гости из далекой Белоруссии, где нет гор и моря, и таких стариков, как я, и таких собак, как вы. И что же подумают о вас наши гости? Они подумают, что вы никогда не видели, как готовят настоящий шашлык; мало того, они могут подумать, что вы здесь голодаете и работаете подневольно. Хорошо ли это? Лежите тихо и воспитанно. Я вас не забыл. Когда мы сядем есть наш шашлык, вы в честь гостей получите немного больше еды, чем обычно. Но вина я вам не дам, ни капли! Иначе, чем же отличается человек от собаки? А? Огромные

свирепые звери, способные противостоять медведю, замирали при звуке этого голоса, преданно глядя в глаза могучему старику, и тихо шевелили хвостами.

Когда шашлык созрел,— это установил дед Саши-Сандро,— из глубокой холодной ямы, укрытой овечьими шкурами, троюродный брат достал бурдюк с красным молодым вином и разлил его по старым щербатым глиняным кружкам, а правнуки принесли и поставили под низкорослую широкополую сосну амфору холодной прозрачной воды из серебряной речушки неподалеку от стана. И тогда старик сказал: «Внук, налей нам всем вина. Пусть оно возрадует наши души и просветлит наш взор. Пусть шашлык утолит наш голод и сделает нас добрее. Пусть наша встреча родит наше уважение друг к другу. Спасибо, внук, за то, что привез гостей. Здравья нам всем и долгой жизни. И — чтобы увидеть счастье правнуков и стать мудрыми!».

И мы выпили вино и попробовали шашлык. Это была настоящая «изабелла». О шашлыке говорить — слова зря потратить: все равно не расскажешь. Это был... Это был Шашлык. Таких мы больше не ели. А бывали мы... Где мы только ни бывали!

Спасибо, Саша-Сандро, мы и не мечтали о таких трех днях в горах. (Еще на один день пришлось задержаться в селении на обратном пути: пришлось выпить по горской чарке в домах, куда мы не заходили.) Спасибо, Саша-Сандро, за шашлык и вино, но незабываемым подарком, как выяснилось со временем, был, конечно, твой дед. Мудрых людей, с которыми довелось посидеть рядом, в моей жизни было немного. Твой дед был одним из них. На таких держатся горы и законы гор. Я не хочу тебя обидеть, конечно, и шашлык, и вино были настоящими, как и все, что нас окружало в твоих родных горах в те счастливые три дня. Сколько лет прошло, а я помню тост твоего деда, и мне хочется пройти хотя бы половину дороги к мудрости и увидеть счастье внука.

С дедом Саши-Сандро я больше не встречался. Хотелось и план был, но что такое желание и планы против жизни... А вот с Сашей-Сандро мы встретились. Много лет спустя, в Абхазии, по дороге от перевала к Сухуми. Такое случается редко, но случается.

Чтобы вы сразу узнали Сашу-Сандро, я сообщу вам такую деталь, в которой раньше не было необходимости: говоря по-русски почти без акцента, он часто неправильно ставил ударение. К примеру, «пожалуйста», «вино», кушайте».

Экономические основы нашей встречи закладывались далеко от Абхазии, даже от Белоруссии далеко. Я уехал в Германию на ПМЖ (уже прижилась эта аббревиатура, как-будто так было всегда...), и там, через год, мне выплатили две тысячи марок за то, что в сорок первом моя семья под бомбами убегала от солдат Гитлера; за среднеазиатскую жару и уральские холода, голодуху и неприкаянность военных лет на чужбине, за временные болячки и болезни на всю жизнь... Взял я эти невиданные для меня деньги, взял через внутренний протест — деньгами ли оплатится? — да и мне ли их получать? — а мамы и отца давно нет на этой земле... Одним словом, взял, понимая, что это — и памятники на родных могилах обновить, и один хоть раз побывать в местах, где прошла моя жизнь, ее годы и минуточки... Так давно и безнадежно мечталось! Наорал на свою совесть и — взял эти марки.

Сначала в Минск, с подарками детям и внукам, потом в Винницу, к батькам, посидеть у могил, проследить, чтобы без халтуры обновили камни и плиты; ну, и потом уже — к морю и к себе, молодому и счастливому...

Один. Жена все поняла. Поехал по местам боевой отпускной и разной другой лихой славы. Конечной точкой для обратного хода выбрал Сухуми. Сговорившись с частником, рванули по старому маршруту. Колесо подвело нас почти у самого ресторана в обновленной Эшере. Выпили мы с «командиром» вина под названием «изабелла», и рассказал я ему, как в этих краях однажды пробовал настоящую «изабеллу». «Пей, что

купил, конечно,— сказал шофер, — Конечно, неплохой «изабэл», но не настоящий. Сегодня настоящий только горы и море. Что хочешь от «изабэл», конечно?»

Допили мы неплохую «изабеллу», и я подумал, что это очень хорошо, что гвоздь в колесо мы поймали именно здесь и не на скорости. Вино настраивало на оптимистический лад. Пока мой «командир» ставил запаску, я гулял и смотрел на горы, здоровался с ними. Второй день как здоровался, и второй день ходил в размягченном состоянии. Курил больше обычного, конечно...

И тут, останавливается белоснежный «мерседес», из него выходит человек, который сразу напомнил мне кого-то, но кого — хоть убей! «Здравствуй, дорогой!» — раскинув руки, на меня шел толстый седой, вроде ставший меньше ростом, Саша-Сандро! Мы обнялись — за нашими плечами взошли солнце и луна тех трех дней и ночей в этих горах...

«Теперь я могу лично передать тебе привет и спасибо деда за посылки с папиросной бумагой и «Беловежской». Дед говорил, что ваша водка тоже настоящая». — «Алаверды, за посылки с мандаринами и чачей!» — «Дорогой, куда едешь?» — «В Сухуми» — «В Сухум?! Зачем? К кому?» — «К себе, к нам, молодым. К памяти еду...» — «Так ты уже приехал, дорогой! Все! Решено!» — он тут же, не дав мне раскрыть рта, расплатился с моим частником, дав ему номинал сверху. — «Хорошего человека вез!» — затолкал меня в свой «мерседес», что-то коротко по-абхазски бросил шоферу и, предупредив жену по мобильнику, что едет с дорогим гостем, прижал меня к себе: «Рассказывай!».

Рассказал. А что рассказывать? Жизнь в словах и за полчаса? О себе Саша-Сандро... Александр сообщил, что женат, растит трех сыновей. «Жена — красавица, сам увидишь... Твоей привет передай: она нам понравилась. Дед сказал: «Такую ищи».

Рассказал, что работает прокурором республики. Вот так. После пединститута в Тбилиси окончил юрфак в Москве, а потом Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Машина летела по дороге, как по тоннелю: слева — вплотную горы, справа — плотная стена зелени, закрывающая близкое море. «Тяжело работать,— жаловался Александр.— Кругом одни взяточники, взяточники, взяточники...»

Мерседес остановился у съезда к морю. «Приехали?».— «Еще нет. Шофер забежит на две минуты, возьмет то-се и поедет дальше. Дома ждут. Шашлык будет. Не такой, конечно, как у деда, но тоже настоящий,— он рассмеялся, и я увидел того, давнего Сашу-Сандро — Я вас прошу, поедemте со мной...»

«Стол ждет. Жена ждет. Дети ждут. Шашлык ждет. Старший сын умеет: я учил». Он заинтересованно спрашивал о моем, откровенно и с удовольствием рассказывал о своем. «Последнее дело, которое я вел...» Сгибаясь под тяжестью двух канистр, появился шофер. Забросив емкости в багажник, он сноровисто сел за руль, показывая, что торопится, старается, и мы помчались дальше. Я вопросительно посмотрел на Александра. «Там, внизу,— ответил он, — маленький коньячный заводик. Надо было взять туда-сюда хорошего коньяка, чтобы встретить хорошего гостя. Люди придут, надо стол делать, да! Так вот, было у меня последнее дело. Трудное... Министр виноват. А что делать? Работать стало невозможно, одни взяточники! Наверное, уйду в адвокаты, да?».

Принимали меня в доме-дворце Александра, как родного. И все то, давнее, как бы на три дня (опять три дня...) вернулось. Но это были три дня, спустя двадцать лет. Время было другое, мы стали другими.

Только море было все тем же, огромным сияющим и ласковым морем моей молодости. А дед Саши — Сандро давно умер.

Йорданка Господинова
(г. Пловдив, Болгария)

ЗАРНИЦА И ВЕТЕР
(Стихотворный цикл)

Йорданка Теофилова Господинова. Родилась в г. Асеновград. Член клуба Пловдивских писателей и поэтов. Автор трех стихотворных сборников. Активная участница и неоднократная победительница поэтических конкурсов. Врач по профессии. Живет в Болгарии. Ее стихи переводят и печатают сайты Интернета.

Высокое, знойное небо.
И быть потерялась, и небыль.
А мне бы ночную прохладу —
накидку ее ощутить.

И дворик почувствовать звездным,
мечтать и понять, что не поздно
поверить, что в болях — услада:
без неба душе не прожить.

И в мареве этого полдня
южане, конечно же, помнят
стареющей липы ограду:
дыханье ветвей не забыть.

Мечтать и делиться стихами.
Все с вами, милейшие, с вами...
Слеза засветилась наградой —
мне мир этот не разлюбить.

В КАФЕ

Растаял лед. Глотками отпиваешь
один свое любимое вино.
Звучащей, тихой музыке внимаешь,
за столиком ты ждешь меня давно.

И долго ищешь грустными глазами:
о наблевшем взгляд твой говорит.
Я прибегала темными ночами —
холодный ветер, дождь ли моросит.

Ты не забыл желанные минуты,
и за собой не чувствовал вины.
Моих терзаний долгие маршруты
твоим желаньем были сочтены.

Скитаясь,— пьешь, в себе не разберешься:
я, как вино, в любом глотке воды.
И никогда, как видно, не уймешься
искать страстей истаявших следы.

Сидишь. Вино глотками отпиваешь.
Улыбки тень мелькнула на устах.
Однажды я приду — ты это знаешь,
что жив в моих надеждах и мечтах.

ПРАЗДНИК СЛАВЯН

Нас ждет с тобой фиалковый рассвет,
густой туман, июльская роса.
В тумане том волшебника портрет
всех позовет в ближайшие леса.

Придет купаний трепетная ночь,
ночь очищений, сказок и надежд
славянский род встречает без одежд,
ты постарайся страх свой превозмочь.

Я побегу сверкающей росой
сквозь заросли маслин и ивняка.
Нагое тело дружит с ключевой
водой, что будем пить из родника.

Сбежим вдвоем. Куда — нам все равно.
В такую ночь, ну, кто нам навредит?
Иван Купала нас благословит,
и Мать-природа с нами заодно.

Славянский праздник 07 июля по новому стилю.

КРЕСТ СТЕПНЯЧКИ

В моей крови — бушующая страсть,
такой огонь, что душу обжигает,
и колесо судьбы моей вращает
ее мятежный зов и воли власть.

Порывисты, горды мои мечты...
Они правдиво-дерзки, неизменны,
как небосвода звездные цветы
светло поют мелодии вселенной.

Зачем степнячку кротостью венчать?
Зачем готовить к постригу? Напрасно.

Она училась жизнь воспринимать
в степном миру, открытом и опасном.

С тобой в заботах трепетных живу.
Не злюсь. Тебе верна и не ревную.
Но помни: если степи позовут,
губами ветер вольный расцелую.

И вот тогда, расправлю два крыла —
и ты поверь, — совсем не для забавы.
Дарить любовь, сгореть в любви дотла —
таков он крест степнячки своенравной.

ЗАРНИЦА И ВЕТЕР

Я людской глазастостью ошпарена —
мне от боли впору закричать.
Как же мне с тобою разговаривать? —
закрываешь ставни по ночам.

Я лечу израненною птицею,
а кругом — ночная тишина.
Ты — мой ветер! Я — твоей зарницею
быть по этой жизни суждена.

Я лечу к тебе! И что огласка мне,
если слезы счастья на щеке?..
От любви не спрятаться, мой ласковый,
за тяжелой дверью на замке.

ТАНЕЦ

Пушай кружится в танце голова.
В движениях тел изящество и страсть.
Забыто все — отрывисты слова.
Ах, как бы в этом вихре не пропасть!..

Приятен плен объятий рук твоих.
Здесь только мы: в округе мир погас.
Глаза и губы знают лучше нас,
что нужно нам, танцующим двоим.

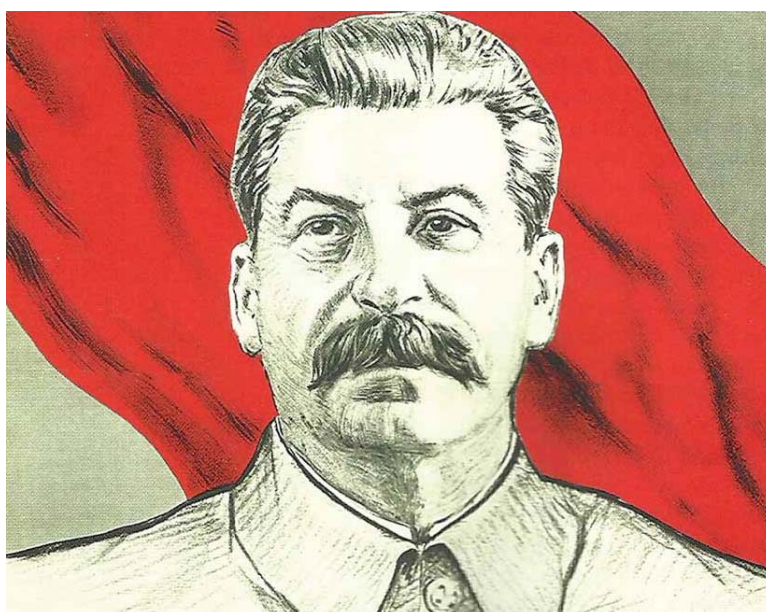
О, шквальных чувств шальной водоворот!
От слов твоих — осколки невпопад.
Осыплет нас полночный звездопад.
И только утром... утром все пройдет.

И страсть, что от безумства горяча
погаснет, как ночной звезды свеча.

(Перевод Алексея Селичкина, г. Калуга)

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДАТ

ДРУГОГО СТАЛИНА У НАС НЕТ!*
(К 60-летию со дня кончины)

Маргарита АЛИГЕР

9 МАРТА 1953 ГОДА

Когда Отчизна провожала
его в последний путь далекий,
была я только каплей малой
в людском рыдающем потоке.

Поток катился величаво,
и капли малые сроднила
одна-единственная слава,
одна-единственная сила.

* Материал перепечатан из «Литературной газеты» № 9 (6406), 6 — 12.03.2013, с. 1 с разрешения редакции «ЛГ».

И направляла их течение
одна-единственная вера:
его бессмертное ученье,
величие его примера.

Была я только каплей малой,
но мне казалось: в том потоке
любая капля отражала
его души огонь высокий,

как отражают небо реки,
всегда живущие в движение...
Струись, поток, храни навеки
его в народе отражение.

...В поступке каждом, в каждом слове
клянусь ему служить без срока
и до последней капли крови
быть каплей этого потока.

Арсений ТАРКОВСКИЙ

* * *

Миновала неделя немислимой этой разлуки.
Трудно сердцу сыновнему сердце его пережить,
Трудно этим рукам пережить его сильные руки
И свое повседневное малое дело вершить.

И себя самому трудно телу нести, тяжелея.
Подойти, постоять, подойти еще ближе на пядь...
Трудно веки поднять и взирать на гранит Мавзолея,
Оба имени вместе одно за другим прочитать.

1953

Владимир ВЫСОЦКИЙ

МОЯ КЛЯТВА

Опоясана трауром лент,
Погрузилась в молчанье Москва,
Глубока ее скорбь о вожде,
Сердце болью сжимает тоска.

Я иду средь потока людей,
Горе сердце сковало мое,
Я иду, чтоб взглянуть поскорей
На вождя дорогого чело.

Жжет глаза мои страшный огонь,
И не верю я черной беде,
Давит грудь несмолкаемый стон,
Плачет сердце о мудром вожде.

Разливается траурный марш,
Стонут скрипки, и стонут сердца,
Я у гроба клянусь не забыть
Дорогого вождя и отца.

Я клянусь: буду в ногу идти
С дружной, крепкой и братской семьей,
Буду светлое знамя нести,
Что вручил ты нам, Сталин родной.

В эти скорбно-тяжелые дни
Поклянусь у могилы твоей
Не щадить молодых своих сил
Для великой Отчизны моей.

Имя Сталин в веках будет жить,
Будет реять оно над землей,
Имя Сталин нам будет светить
Вечным солнцем и вечной звездой.

1953, 8 марта

Людмила Авдеева
(г. Москва)

ДЕНЬ СОЛНЦА ДЛИТСЯ ДОЛЬШЕ ВЕКА
(к 100-летию Ким Ир Сена)

Журналист-международник, литературовед, культуролог, поэт. Член СП РФ, Международной Федерации журналистов, Российского Союза ветеранов Афганистана. Дипломант и лауреат отечественных и зарубежных конкурсов и фестивалей поэзии. Издано 28 книг. Среди наград 14 медалей, гранты, свидетельства, дипломы и другие знаки отличия. Постоянный автор «Приокских зорь».

В 2012 году отмечается Столетие выдающегося политического и военного деятеля, незаурядного мыслителя, основателя уникального государства товарища Ким Ир Сена, день рождения которого стал для корейского народа национальным праздником — Днем Солнца.

«Только вкусив горького, узнаешь вкус сладкого», — гласит корейская пословица. XX век был для Кореи временем тяжелейших испытаний, но в жесточайшей многолетней партизанской борьбе с иноземными захватчиками, с японским милитаризмом и американским империализмом мужественный корейский народ под руководством Ким Ир Сена, человека железной воли и проницательного ума, сумел не только выстоять, но и победить. В стране были проведены демократические и социальные преобразования, в основе которых разработанное Ким Ир Сеном еще в 30-ые годы XX века самобытное философское учение чучхе, основанное на морально-нравственных принципах «поклонения народу, как небу» и определяющее личность как творца своей судьбы и судьбы страны. В результате преобразований ранее бедная страна стала развитым социалистическим государством, с уникальной национальной экономикой и культурой, осваивающим космическое пространство. О товарище Ким Ир Сене — миротворце, человеке мудром, доброжелательном, бескорыстном, положившим в основу построения государства принципы социальной справедливости, написаны воспоминания более чем на 40 языках мира. Легендарным руководителям КНДР Ким Ир Сёну и Ким Чен Иру была посвящена моя книга «Вечное солнце надежды», изданная в 2010 году Обществом дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, частично переведенная на корейский язык. Поэтическим приношением, данью уважения памяти товарища Ким Ир Сена стала и книга «День Солнца длится дольше века», написанная к столетию великого политика.

В апреле 2012 г. я приглашена в Пхеньян на «Международный Форум 100-летия кимирсеновской Кореи», имеющий всемирно-историческое значение. Надеюсь, что новые стихи, сложившиеся в поэму, привлекут внимание читателей к «стране Утренней свежести», как называют КНДР, в которой нет частной собственности, безработицы, наркомании, бесплатная медицина, образование и другие достижения, делающие людей уверенными, спокойными и счастливыми.

ДЕНЬ СОЛНЦА ДЛИТСЯ ДОЛЬШЕ ВЕКА

(Отрывки из поэмы, посвященной столетию КИМ ИР СЕНА)

*«Президент КНДР Ким Ир Сен внес огромный вклад
в развитие дружбы КНДР с народами России»*

В. В. Путин. 19.07.2000 г.

(Запись в книге почетных гостей в Кымсусанском мемориальном дворце)

1

Столетия свои меняли лики.
И видела Земля правителей великих.
Им жить в сердцах грядущих поколений.
Среди них Ким Ир Сен — стратег, политик, гений.
Величье дел, духовное начало,
Свет мыслей и мудрейшая душа —
Вся жизнь его, как Солнце, просияла
И в памяти осталась навсегда.
Он выбрал путь и трудностей, и славы,
За Родину готов был жизнь отдать.
Корея стала мощною Державой,
КНДР — народу, словно мать.

2

«Товарищ Ким Ир Сен был великим человеком»

Ким Чен Ир

Стихи мои! Прекрасной птицей
Стремительно и вдохновенно
Летите, проходя границы,
Как приношение Ким Ир Сёну.
День Солнца длится дольше века.
История, листай страницы
Великой жизни Человека,
Чье Слово к нам в сердца стучится.
Днем Солнца назван день весны.
И в день рожденья Ким Ир Сена
Взлетят с огады журавли,
Чтоб миру сообщить: нетленны
Его великие дела.
Навеки в Памяти народа
Апрельский день! А с ним пришла
Прекрасная, как жизнь, Свобода!

3

День Солнца! День счастья! День вечной весны!
Парад торжества. Фейерверков огни.
Встречай, Корея! Встречай, Пхеньян!
В День Солнца, в апреле, из разных стран,
Со всех континентов сотни гостей
Едут отметить вождя Юбилей.

100 лет Ким Ир Сёну! Стратег и мыслитель,
Великий политик, боец и учитель...
Достоин он самых высоких похвал,
Любви, уваженья. Страну основал —
Край «Етренней Свежести», мудрости, веры.
Играйте, оркестры! Вперед, пионеры!
Парад торжества. Фейерверков огни.
День Солнца! День счастья! День вечной весны!

4

Гора Пэкту, возрадуйся, ликуй.
Ты знала мудреца, народного героя.
И в Юбилей столетний торжествуй.
Апрельский ветер, алых флагов море,
Так радуют и сердце, и глаза.
Весеннее цветение магнолий,
Свободой дышит гордая гора,
Рифмуя звуки гимнов и симфоний.
Сегодня в каждом сердце торжество.
Прекрасен праздник. Радость без предела.
Горе Пэкту так дышится легко,
И люди смотрят в будущее смело.
Вождь Ким Ир Сен ученье подарил —
Чучхе, в котором корень созиданья,
Чтоб Человек свободным, гордым был.
И строил прочно Новой Жизни зданье.

5

*«Мы вправе гордиться всем, что сде-
лано во имя Родины»*

Ким Чен Ир

В стране свершилось столько славных дел.
Не даром звался он «отцом» и «братом».
Великий вождь, товарищ Ким Ир Сен!
Товарищ! Это слово сердцу свято.
Он был мудрец, что этот мир от зла
Хотел отчистить. Вечный гимн, Свобода,
Играй! Корея — дивная страна,
А Ким Ир Сен — великий сын народа.
Он начертал стране великий путь.
Идеи чучхе — гордость для народа,
Который выбирает светлый путь
Для процветанья, равенства, свободы.
Улыбка солнца осветит лицо
Мыслителя на праздничных портретах.
ДЕНЬ СОЛНЦА — день рождения его —
Прославят живописцы и поэты.
И в этот день в России, где весна
Приходит позже, чем весна в Корее,
Услышат также песни соловья,
Любви и счастья солнечные трели.

6

*«Любить свое родное и дорожить
им — это и есть любовь к Родине»*

Ким Чен Ир

От южных рубежей до северных границ
Корея прославляет Полководца.
О сколько здесь счастливых юных лиц
И как сияет в синем небе солнце!
Уверены корейцы, защитит
Народ всегда свою страну родную.
Крылатый конь над Родиной летит,
Чтоб сообщить народу весть благу.
И будет навсегда один народ.
Его роднит великая идея:
*«Земля родная — вот наш отчий дом,
Который любим, защитит сумеем».*
Единому народу нет преград.
Кто честен — никогда не лицемерит.
Здесь каждый друг и каждый верный брат.
Заветам Ким Ир Сена каждый верит.

7

«Поклоняться народу, как небу»

Ким Ир Сен

Народ бессмертен, словно Небеса.
А имя Ким Ир Сена — словно Солнце.
Корея, как невеста, хороша
Магнолией цветущей у окна,
И журавлем, взлетевшим к облакам,
И детским беззаботным нежным смехом;
Поющей птицей; выпавшим в горах,
Как слезы, чистым и пушистым снегом;
Мозолистой ладонью старика,
Что не чурался никакой работы.
Любовь к народу, крепкая рука,
Талант борца за веру и свободу
Вели страну к вершинам. Не догнать.
Успех Кореи ощущает каждый.
КНДР, цветы, чтоб побеждать.
Ты красотой души людей прекрасна!

8

*«У стального полководца нет слабых
солдат»*

Корейская пословица

Приумножая славу поколенья
Вел Ким Ир Сен свой трудовой народ
Дорогой правды. В день его рожденья
Страна ликует, от души поет.

Корея солнцем мудрости сияет
И сила укрепляется трудом.
«Стальная» Армия с победою шагает,
А старики окружены теплом.
И у народа дел всегда безмерно
Для процветанья жизни на земле
И в этом помогает очень верно
Великое учение чучхе.
В нем скрыт секрет и мудрости, и воли.
Несокрушимой крепости страны,
Счастливой жизни, где нет места горю,
А есть любовь, надежды и мечты.

Как рисовое зернышко созрело
Богатым урожаем, так страна
Несет в душе открыто, гордо, смело
Своих героев павших имена.
И память свято чтут во всей Корее,
Недаром Ким Ир Сен — ее кумир.
Недаром красный стяг всегда здесь реет,
Которому был верен Ким Чен Ир.
И сын его хоть молод, но отважен,
Народ ведет по верному пути.
И Ким Чен Ыну, как и деду, важен
Путь государства, где мечты ясны
И исполнимы. Жизнь, где труд в почете,
Всегда влечет, как Солнца яркий свет.
Корея! Ты всегда душой в полете.
Поэтому так радостен рассвет.

И хочется по всем пройти ступеням
Его нелегкой жизни, чтоб понять,
Как Ким Ир Сен простым был людям верен,
И был готов народу жизнь отдать.

9

*«Вождь — наивысший мозговой центр,
представляющий волю народных масс»*

Ким Чен Ир

Ким Ир Сен — Полководец, был кумиром великой страны,
Был вождем неизменным всего трудового народа.
Он прошел все ступени, все подводные камни борьбы,
Зная цену друзьям, и любви, и свободы.
Он недаром собрал воедино борцов за народ,
За свободу Кореи от гнета, насилия и рабства.
Патриоты Кореи грозой пошли на врагов,
Ощувив свою силу — народное братство.
Восемнадцатилетним создал боевой он отряд,
Ставший Армией... Были 30-ые годы.
Уступал перед их убежденностью враг
И все выше взвивалось желанное знамя свободы.

Ким Ир Сен — сгусток воли, ума и энергии масс.
Он в сплоченности нации видел основу победы.
Тот, кто верен идее, убеждений своих не предаст.
А идеи Свободы не канут в суровую Лету.
Революция, знамя в достойные руки вложив,
Ручеек превратила в могучий поток новой силы,
Той, в которой надежда на счастье народа бурлит,
И поддержкой была ей тогда молодая Россия.

10

*«Только вкусив горького, узнаешь вкус
сладкого»*

Корейская поговорка

Строить новое общество чести, добра, красоты
Ким Ир Сен призывал патриотов Кореи.
И чхуче — философию мудрости в массы несли,
В справедливое общество искренне веря.
Долгим был этот путь. Продолжался пятнадцать он лет,
Но мечта независимой стать будоражила сердце Кореи.
И тот август настал. В День Победы был ярок рассвет
И, наверное, люди, как птицы счастливые, пели.
Гнет японский был сброшен с прекрасной корейской земли.
Независимым стал, победил своих врагов Север,
И святую свободу, как знамя святое, несли,
Ведь народ трудовой в Ким Ир Сена-стратега поверил.
В 45-ом — Победа! А в 48-ом родилось
Государство народное, то, где народ стал героем.
И, подобно Гераклу, на подвиг поднялся народ,
Чтобы мощное здание Правды священной построить.
Да, нелегкими были великие годы войны.
Да и после войною грозили на Дальнем Востоке.
Но народ и Корейская Армия вместе с сильны,—
Уносила с позором Америка грязные ноги!
И не ложь, ни блокада Корею сломить не смогли!
Победила она и корабль свой отправила в море.
Стал тогда Ким Ир Сен капитаном прекрасной страны,
Прославляющий труд и готовый сражаться за волю.

11

*«Самостоятельность — жизненно важ-
ный фактор существования страны»*

Ким Ир Сен

В час Победы вырван корень злобы
И корысти сорная трава.
Дерево посажено свободы
И звезда Свободы зажжена.
Радость и надежда в каждом сердце,
Расцвели улыбкою глаза.
Сам народ решает, что наследство
Лучшее — свободная земля.

Дорог хлеб и горячи объятья.
Честный труд всегда несет успех.
Люди стали близкими, как братья.
Раздается звонкий детский смех.
Дело справедливости в почете,
Торжествует Истина во всем.
Ким Ир Сен работает до ночи,
Чтоб страна была как отчий дом,
Чтобы под мирным небом жили люди,
Позабыв о бедах прошлых лет,
Ратным труд отныне вечно будет.
И решать все будет Человек.

12

*«Молодежь — дорогой цветок страны
и нации»*

Ким Ир Сен

Искания и труд бессмертием дарят.
Они источник жизненных свершений.
И Ким Ир Сена добрый мудрый взгляд
Запомнили навеки поколения.
Он к молодежи обратил свой взор.
Давал совет соблазнам не поддаться,
Чтобы потом не испытать позор,
Достойным человеком оставаться.
Он нравственность спасая и мораль,
Спасал страну и юным людям души.
Тлетворный Запад и теперь, как встарь,
Своим цинизмом разлагает, душит.
А он цветами называл детей
И молодежь считал *«цветами нации»*.
И было много у него друзей
Средь молодых. И в Солнца день орации
Ему от тех, чья жизнь вся — впереди,
От тех, кому открыты все пути.

13

*«Человек — хозяин всего. Он решает
все».*

Главный философский
принцип учения чучхе

В веках живет лишь то, что служит правде верно.
Истории создатель — Человек.
И Ким Ир Сен, борясь со злом и скверной
В трудах своих опередил свой век.
В его трудах, в строках стихотворений,
Которые талантливо писал,
Мы видим четко, Ким Ир Сен был гений.
Заслуженно он встал на пьедестал
Делами мудрыми и добрым словом

Он вел страну решительно к мечте,
Жить в обществе, где честь всему основа,
И каждый день — День Солнца на душе.
Воспеть в веках бессмертные заслуги
Великого вождя спешит река.
Нампхоская плотина руки-шлюзы
Раскинула и воду обняла.
ГЭС молодежная, заводы — исполины,
Больницы, школы, вузы и поля,
Трудом народа покоренные стремнины
Приветствуют стратега и вождя.
Народ Кореи, мужественный, мудрый,
Красивый, сильный духом и душой,
Встречает песней солнечное утро,
Гордясь и Ким Ир Сенom, и судьбой.

14

*«Нашему социализму чужды кража,
воровство, расхищение государствен-
ного добра»*

Ким Ир Сен

Нет «дедовщины» в Армии Кореи.
Насилья нет и воровства. Я верю!
Ведь Ким Ир Сен сказал, что там *«где кражи,
Социализма нет! Строй с воровством — не наше»*.
Не допустимы грубость, казнокрадство,
И нищета в стране, где лозунг: «братство»,
Где Армия с народом, словно братья.
Где светит Солнце и сильны объятья,
Где старики спокойны, величавы,
Где павшим ставят монументы Славы.
«Служить народу» — лозунг в каждом сердце.
От старших юным отдан он в наследство.

15

*Наша партия — партия-мать в под-
линном смысле слова»*

Ким Чен Ир

Герб Партии — кисть, молот, серп.
Вот символ трудовой Кореи.
Рабочий и интеллигент
С крестьянством вместе одолели
Все трудности и их успех
В единстве гордого народа.
Дома растут и вширь и вверх,
Мосты, туннели и заводы,
Больницы, вузы, развит спорт,
Кинематограф, клубы и театр...
Ученье чучхе — вот тот исток,
Что дал стране и силу, и порядок.

Великий Ким Ир Сен и Ким Чен Ир
Всегда стоят в одном строю с народом.
Они борцы за счастье и за мир,
В котором гордо царствует Свобода.
И партия труда, как будто мать,
В беде тебя не бросит, будет рядом.
Умеют вместе в битвах побеждать
Кисть с молотом и серп — одним отрядом.

16

«Еще выше знамя красное! Мы клянемся в верности ему»

Строки из корейской песни
«Красное знамя»

Знамя верности и мужества
Ким Ир Сен держал в руках.
Солнцу с небом верно дружится.
Стяг надежды — красный стяг.
Знамя красное не брошено,
Не сорвать его врагам.
Ведь недаром песни сложены
И несутся к небесам.
Знамя красное на площади.
Море алое знамен.
Моросите слезы дождиком,
Вспоминая о былом.
О героях и замученных,
Павших смело на войне,
С алым флагом революции
В окровавленной руке.
Знамя гордости и воли,
Воплощения идей,
Над страной, где счастье строят,
Вечно алым стягом рей!

17

«Справедливое дело непременно торжествует — такова истина, подтвержденная историей»

Ким Чен Ир

Велик народ, чьи сыновья готовы гибнуть за свободу.
У Кымсусанского Дворца, рекой течет поток народа.
Здесь памятник Вождю стоит. Он здесь работал, жил и правил.
И он великую страну народу гордому оставил.
Его уход — печаль для всех. Скорбь разделила вся планета
И вечный памятник ему стоит из Солнца и из света.
Он Истину сумел открыть. Ее история не смоеет.
И Справедливость будет жить и вечны имена героев!
И стая белых журавлей, поднявшись с каменной огады,
Окаменела. Мавзолей стал «Домом Солнца» и наградой

За труд его, за жизнь в борьбе, за мудрость, мужество и честность
Его любимые цветы всем приходящим дарят нежность.
Магнолии весной в цвету, как символ Родины — Кореи.
Одну огромную мечту давно уже народ лелеет —
Объединенье двух Корей. Настань День Солнца поскорей!

18

*«Самый большой подарок корейскому
народу — это объединение страны»*

Ким Ир Сен

Есть на проспекте славный монумент.
Две корейки тянутся друг к другу,
Эмблема хартий здесь уж много лет.
Так Север Югу пожимает руку.
И ждет объединения страны —
Великого подарка для народа.
Скульптура — воплощение мечты.
Надежды Ким Ир Сена дали всходы.
Свобода, равенство еще дадут плоды.
Корея! Не теряй надежды. Жди,
Ведь выросла, как дуб, молодая смена.
Она верна, достойна Ким Ир Сена.
Единой две Кореи скоро станут,
Идеи чужде сердце не обманут.
И никакая подлость и измена
Не помешает делу Ким Ир Сена.
День Солнца — день любви, надежды, света
Прекрасной песней встретит вся планета.

19

*«Великий Вождь товарищ Ким Ир Сен
всегда с нами»*

Ким Чен Ир

Жить Ким Ир Сене в людях и в веках,
И в поколениях будущих, грядущих.
Учитель мудрости в своих учениках
Останется минувшим и насущным.
В его трудах потомки отыскать
Сумеют мыслей много, верных, вечных.
Слова его да будут на устах
У тех, кто целью выберет конечной
Свободу Родины, своей родной земли,
К которой болью сердца приросли!
В нем было столько мудрости и силы,
Что не забудет никогда Россия,
Как дружбы нашей зрели семена.
И древо прорастает сквозь века,
И не дадут его спилить народы,
Вкусившие плоды святой Свободы.

Россия и Корея, две сестры,
Сквозь испытанья тяжкие прошли,
Чтоб впереди увидеть Солнца свет,
Его лучам вовек не гаснуть, нет!

20

*«На наших плечах жизнь всего челове-
чества»*

Ким Чен Ир

Сегодня, в день прекрасного Столетия,
Здесь с нами рядом мудрый Ким Ир Сен,
Вся жизнь его и подвиг, и бессмертье.
Достоин он и песен, и поэм.
Свершилось все, как Ким Ир Сен мечтал.
Играют дети, матери смеются.
Великий Вождь взошел на пьедестал.
Духовная свершилась революция.
Истории нельзя переписать.
Не зачеркнуть тяжелые страницы.
Корее приходилось воевать,
Чтоб нынче радостью сияли лица.
Сын Ким Ир Сена, мудрый Ким Чен Ир,
Продолжил честно начатое дело.
17 лет страной руководил.
17 лет его Звезда горела.
Жить Ким Ир Сёну в памяти веков.
В его трудах — духовное начало.
Вся жизнь его, как Солнце, просияла
И нынче внук вести народ готов
Дорогой славы деда и отца.
И Ким Чен Ына яркая Звезда
Зажглась на небосклоне. Для народа
Всего дороже совесть и Свобода.
Как молод, как активен Ким Чен Ын
И даже внешне он похож на деда!
Заветы деда свято сохранит.
КНДР! В твоих руках Победа!
День Солнца славлю! Гимн пою весне!
От всей души приветствую Свободу.
Жив Ким Ир Сен, шагает по Земле
Одной дорогой с трудовым народом!!!
Идея, та, где в центре Человек,
Переживет любой жестокий век!

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Екатерина Ратникова
(г. Москва)

СТИХИ

Выпускница Литинститута 2011 года, работает методистом на кафедре зарубежной литературы, ведущая поэтической гостиной Клуба писателей Литературного института.

СИРЕНЬ

Майский дождь моросит в безразличном саду,
Все еще полусонном и полупрозрачном.
Отцветает сирень — как цвела — на виду,
Странно, мрачно.

Пахнет прелью от мокрых, поблекших цветков,
Мотыльками летящих на теплую землю
Умирать среди сотен других мотыльков.
Тихо внемлю.

Долго ветви озябшие гладит рука.
С листьев катятся капли досрочного тленья...
Моя самая лучшая в жизни строка,
Стань сиренью!

Лист бумаги — прохладен, по-новому пуст,
На измученный стол белым озером ляжет.
Все слова ни к чему — этот сгорбленный куст
Больше скажет.

* * *

Я где-то прочел: после смерти душа
Растеньем становится, птицей иль зверем...
Гнездо разорив, я птенца-малыша
Убил, чтобы это проверить.

Он долго лежал на асфальте у ног,
Чтоб чудо воскресшее мог посмотреть я,
Но тощий, глазастый холодный комок
Был жизнью, не знавшей бессмертья.

И рушился мир, как из глины стена,
В глазах недовера, глупца и убийцы.
Той ночью хотел я шагнуть из окна —
Отдать свою душу той птице.

Я думал: что взял, непременно верну,
И все будет так, как обычно.
А к вечеру дождь застучал по окну
Сердцебиением птичьим.

И гром загремел, и на время грозы
Наохлили клены зеленые перья,
И громко, по-птичьи, кричали часы,
И с карканьем хлопали двери.

В промозглую комнату, влагой дыша,
Влетали ветра, чтоб часам помолиться.
...Когда-то я знал, что бессмертны душа
И птица.

ПРУД

По тяжелой воде пыльно-желтой травы
Серый лебедь, склонившись, устало плывет,
Щиплет с ив престарелых остатки листвы
И печально колдует над скудостью вод.

А на каждом закате с упорством немым
Бьется крыльями в рдяную стынь облаков,
Не умея смириться на веки веков,
Рвется к свету иному и водам иным.

В блеске перьев, сравнивавших рождение и тлен,
Все, что видно вокруг, остается навек —
Старых плит грязно-серый, натающий снег,
Неподвижный полет Новодевичьих стен,

Ивы, люди, скамейки, дома — навсегда! —
Запах зелени, мусора, дыма, камней,
Слова легкость и боль, мысли свет и беда,
Высота и стеклянное небо под ней.

МЕТРО

Электрических ламп усмиренный огонь,
Полусонная общность людская
Наполняют горячий, дрожащий вагон,
И в металл, и в стекло проникая.

Лет двенадцати девочка всем напоказ,
Пред собою смотря отрешенно,
Как печальный цветок, парой выпуклых глаз
Прорастает сквозь стенки вагона.

И не видит в стекле отражение свое,
И не слышит в стремлении срочном,
Как окно, дребезжа, долго льется в нее
Тусклым взглядом, отнюдь не цветочным.

Как ползут по тоннелю вперед провода,
Как им тесно и как одиноко
В забытии под разрядами тока
Увядать.

* * *

Ночная птица рвется из меня
И, вырвавшись, отряхивает с крыльев
Расколотую оболочку сердца,
Что оказалось для нее мало.
Зима снаружи дышит на стекло.
Я все хожу и не могу согреться,
Потом ворчу, что окна не закрыли,
Что пол от пыли словно полинял...

А птица улетает на восход,
И каждое перо ее — антенна,
Что слышит стихших улиц теплый запах,
И рост камней, и стен дрожащий сон.
Мой подоконник снегом занесен.
Сквозь стекла видно: вяз в распухших лапах
Стал смерть себе копить, скрипя надменно,
Как старый маятник, замедлив ход.

Я слышу: птицы больше не поют.
А это значит — я теперь не вправе
В слова переводить Земли вращенье
И так гадать, что дни в себе несут.
Прозрачный с длинной трещиной сосуд
Со страхом ждет людского возвращенья,
Еще не зная, нектаром, отравой
Его наполнят — или разобьют.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почтитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, Тульскую областную библиотек работников образования, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции областного общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36);
- 14 филиалов названных выше библиотек.

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на

сайте — см. стр. 2 (в pdf-формате) Интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов. Журнал получают престижные библиотеки США: Библиотека Конгресса США и библиотека г. Сиэтла, а также Национальная библиотека Израиля в Иерусалиме.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера *ISSN* и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культурно-просветительских учреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на 258

оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» сам не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, если автор об этом позаботится;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок

из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 10 экз., если хочет, чтобы книга рассылалась вместе с очередным номером журнала по адресам обязательной рассылки.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2013.— №№ 1, 2.
2. *Бийский Вестник*: Литературно-художественный, научный и историко-просветительский альманах (г. Бийск Алтайского края).— 2013.— № 1 (37).
3. *Истоки*: Литературно-художественный и публицистический журнал (Красноярский край).— 2012.— № 20 (нумерации выпусков сквозная).
4. *Наш современник*.— 2013.— № 2.
5. *Поле битвы — людские сердца*: Антология критики и литературоведения: Статьи, очерки, рецензии / Под ред. Л. Молчанова.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 272 с.
6. *Ирина Кедрова*. Войной украденная юность.— М.: Изд-во «Авторская книга», 2013.— 271 с.
7. *Ирина Кедрова*. Девять жизней.— М.: Изд-во «Авторская книга», 2012.— 208 с.
8. *Курочкина И. Н.* Этикет как социальное явление и его значение в педагогической деятельности.— М.: Эконинформ, 2012.— 147 с.
9. *Головко И. А.* Ревнительница просвещения.— Калининград: Терра Балтика, 2007.— 128 с. (Библиотека Правительства Калининградской области; серия «ЛИК»).
10. *Викорук А. В.* Ковчег жизни: Роман с наукой.— М.: ГУП МО «Коломенская типографии», 2005.— 238 с.
11. *Огрызко В. В.* Против течения: Статьи и заметки о современной литературе / Вступ. ст. Ивана Гобзева.— М.: Литературная Россия, 2010.— 544 с.
12. *Мельников И. А.* От и до: Сборник стихотворений.— Тула: Папирус, 2012.— 90 с.
13. *Василевский Н. А.* Бричка: Стихотворения.— Калининград: Терра Балтика.— 2008.— 144 с. (Библиотека Правительства Калининградской области; серия «Калининградская поэзия»).
14. *Дронов Н. Н.* Тогда и становится город героем.— Тула: Типография ООО «Промпилот», 2013.— 128 с.
15. *Алтунина Л. Д.* Добровolec Иван Орлов. Дневник боевых дней: 1941—1945. С комментариями, приложениями, добавлениями.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 96 с.
16. *Вячеслав Алтунин, Людмила Алтунина*. Колокола над Россией: Стихи о Родине, большой и малой. Избранное.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012.— 88 с.
17. *В. И. Вернадский* и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке: колл. монография / Под ред. А. И. Субетто и В. А. Шамакова. В 3-х тт.— СПб.: Астерион, 2013. Т. I.— 574 с.; Т. II.— 588 с.; Т. III.— 580 с. (В первом томе опубликована работа А.А.Яшина «Глобализация как ноосферный процесс»).
18. *Субетто А. И.* Теория фундаментализации образования и универсальные компетенции (ноосферная парадигма универсализма) / Научная монографическая трилогия.— СПб.: Астерион, 2010.— 556 с.
19. *Субетто А. И.* Ленин, Октябрьская революция и ноосферный социализм — символы развития в XXI веке / Под ред. Л. А. Зеленова.— Кострома: Изд-во Костр. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова, 2012.— 460 с.
20. *Субетто А. И.* Библиография работ (1970—2011). Юбилейное издание, посвященное 75-летию автора / Под ред. А. А. Горбунова.— СПб.: Астерион, 2012.— 607 с.

21. *Субетто А. И.* Слово (словесная связь коротких мыслей) / Под ред. В. В. Гречанова.— СПб.— Кострома: Изд-во Костр. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова, 2012.— 194 с.
22. *Субетто А. И.* Ноосферное смысловедение / Под ред. Л. А. Зеленова.— Кострома: Изд-во Костр. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова, 2012.— 260 с.
23. *Субетто А. И.* Исповедь последнего человека (предупреждение из Будущего). Избранное (за 2011 год).— СПб.: Астерион; Изд-во Костр. гос. ун-та им. Н.А.Некрасова, 2011.— 354 с.
24. *Субетто А. И.* Манифест ноосферного социализма / Под ред. Н. В. Егоркина.— СПб.: Астерион; Изд-во Костр. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова, 2011.— 108 с.
25. *Субетто А. И.* Начала теории социального менеджмента качества (ноосферно-социальная парадигма) / Под ред. В. Н. Бобкова.— СПб.: Астерион, 2012.— 264 с.
26. *Субетто А. И.* Планетарная кооперация этносов — основа гармоничного развития человечества в XXI веке (научный доклад).— СПб.: Астерион, 2012.— 12 с.
27. *Субетто А. И.* Миссия коммунизма в XXI веке / Под ред. Л. А. Зеленова.— СПб.: Астерион, 2012.— 40 с.
28. *Субетто А. И.* Ноосферная культура и экономика Севера.— СПб.: Астерион, 2012.— 30 с.
29. *Субетто А. И.* Императив ноосферно-социалистического преобразования мира в XXI веке / Под ред. В. Д. Комарова.— СПб.: Астерион, 2012.— 34 с.
30. *Авдеева Л. Е.* Про добрые дела ЛДПР. Сказ о том, как Владимир Марьескунице помог.— М.: Изд. ЛДПР, 2013.— 16 с.
31. *Авдеева Л. Е.* Про добрые дела ЛДПР. Сказ о том, как Владимир помог семье Елены Премудрой снова счастливой стать.— М.: Изд. ЛДПР, 2013.— 16 с.
32. *Авдеева Л. Е.* Про добрые дела ЛДПР. Сказ о том, как Владимир мечту Мальчика-с-пальчика исполнил.— М.: Изд. ЛДПР, 2013.— 16 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Алексей Яшин.* Видение на Патмосе: Роман-предвидение / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 407 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин.* Квадратная пустота: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. — М.: «Московский Парнас», 2012.— 333 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Алексей Яшин.* Будни главного редактора: Публицистика 2008—2012 гг. / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 517 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Ирина Пархоменко.* Маски: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2012.— 127 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
5. *Ирина Пархоменко.* Лепестки сакуры: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2012.— 167 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
6. *Родионов В. И.* А сосульки мы сбили...: Стихи.— Тула: Папирус, 2013.— 128 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
7. *Сапожников В. Г.* Простите, женщины, меня: Стихи.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2012.— 64 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
8. *Макаров Н. А.* Записки батальонного врача.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2013.— 221 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
9. *Алексей Яшин.* Дэкаф: Северные повести (шестая книга рассказов Николая Андреевича) / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 301 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Лебедев С. А.* Течет Ветлуга в памяти: Сборник стихотворений / Предисл. А. А. Яшина. — Тольятти: Типография ОАО «Куйбышев Азот», 2012. — 176 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

2. *Макаров Н. А.* Мои коллеги — военные медики / Предисл. А. А. Яшина. — Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012. — 149 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

3. *Авдеева Л. Е.* Бессмертны музыка, поэзия, любовь: Сборник поэзии / Под ред. А. А. Яшина; предисл. Владимира Лесового. — М.: Изд-во «Здравие», 2012. — 68 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Алтунина Л. Д.* Отблески: Стихи для взрослых и детей / Под ред. А. А. Яшина. — Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012. — 80 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. Многоголосие: Поэзия и проза: Колл. сборник / Под ред. А. А. Яшина; Сост. Л. Е. Авдеева; предисл. В. С. Лесового. — М.: Изд-во «Здравие», 2012. — 72 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Георгиевский Э. П.* Своя стезя: Повесть. Книга первая. — Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2012. — 387 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматурию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с

учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2012-го года уже объявлены в № 1, 2013 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2013-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ, МЫ ПИШЕМ

Алексей Яшин, главный редактор всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», издаваемого в Туле, стал лауреатом всероссийской литературной премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова в номинации «За большой вклад в российскую литературу».

(«Литературная газета» № 10—11 (6407); 13—19 марта 2013 г.)

* * *

В областной газете «Тульская правда» № 12 (738) от 29 марта 2013 г. опубликован анонс № 1, 2013 «Приокских зорь»: фото 1-1, 2-1 и 3-1 страниц обложки и содержание номера журнала.

* * *

В областной газете «Тульская правда» № 05 (731) от 8 февраля 2013 г. восьмая полоса посвящена новой книге Алексея Яшина — роману-новеллино «Квадратная пустота». Главным редактором газеты В. Ереминым написана краткая литературно-творческая биография А. А. Яшина; основная публикация полосы: отзыв о романе Леонида Ханбекова (Москва) — президента Академии российской литературы, ведущего современного литературного критика.

* * *

В областной газете «Тульская правда» № 01 (727) от 11 января 2013 г. опубликован анонс № 4, 2012 «Приокских зорь»: фото обложки и содержание номера журнала.

* * *

В № 2 за 2013 г. альманаха (журнала) «Московский Парнас» опубликован рассказ зав. редакцией «Приокских зорь» Якова Шафрана, а также отзыв на альманах «Ковчег», издаваемый ежегодно в инфраструктуре журнала «Приокские зори».

* * *

Марина Баланюк, секретарь редакции «Приокских зорь» издала книгу избранных работ своей матери — Галины Ивановны Баланюк, в свое время работавшей зав. кафедрой Тульского пединститута им. Л. Н. Толстого, известного ученого-педагога, создателя Тульской научной педагогической школы.

* * *

В «Литературной газете» № 14 (6410) от 3-9 апреля 2013 г. опубликован материал «Прощение от государства» — о современном институте амнистии в России; беседовал с известными юристами страны Игорь Нехамес — член редколлегии «Приок-

ских зорь». В этом же номере «Литературной газеты» опубликован очерк «Он исторгает из себя» Игоря Карлова (г. Мапуту, Мозамбик) — постоянного автора нашего журнала, лауреата всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Очерк завершается словами: «...Еще Достоевский открыл, что для русского писателя за «родным» и через «родное» открывается «чужое» и «вселенское». Тогда, собственно говоря, и начнется Современная Русская Литература».

ГАЗЕТА «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ», № 12 (194)

ЖИЗНЬ ЖУРНАЛОВ

Журнал «Приокские зори»

Всероссийский литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» (Тула, 2012, № 3)

«Очередное повреждение русского языка» — «идеологическое» развитие рубрики «Колонка главного редактора» с рассуждениями о великом даре Кирилла и Мефодия. Это боль и за вторжение в русскую речь блатных и иностранных слов, и за прочие в прошлом и настоящем повреждения языка.

Читателю будут интересны актуальные мысли В. В. Жириновского о соотношении «бумажной» и «компьютерной» литератур, высказанные им в интервью Л. Авдеевой.

На одном дыхании читается живописная и звучащая свежо повесть «Джулиана. Попытка взлета» М. Майоровой (матери Иоанны). В том же разделе «Повесть» читаем «Лоскутное одеяло» О. Понамаревой-Шаховской, дышащее романтикой детства, дачно-сельской жизни, доброй семейной истории, полное светом любви и дружбы. В разделе «Современная проза» — рассказы Т. Камаевой «Запой» и Е. Хисамовой «Ножки в валенках».

Как всегда, поражает глубиной и широтой затронутых тем рассказ А. Яшина «От трудов праведных... Будни Сысоя» — еще одна глава художественной энциклопедии современной жизни во всех ее деталях, со всеми ее нравами и образами, во всех взаимоотношениях.

Особо хочется сказать о главах из нового романа «Круг замкнулся» Я. Шафрана и А. Каретникова, действие которого охватывает период с 1913 г. и до наших дней. Три главы — три рассказа: о коллизиях армейской службы героя в особом подразделении; размышления о контрастах «старого» и «нового» высшего образования, с затрагиванием темы выживания. И их третий рассказ, «Давний спор» — о разделении в XIX веке, начавшемся в глубине веков с противостояния двух мировоззрений: православного и западного, католического, а затем и отпочковавшегося от него протестантского.

Неизменно поражает мастерство И. Кедровой — в коротком рассказе глубоко, сочно, живописно раскрыты образ и вся жизнь актрисы. Рассказы Н. Квасниковой об обиженном судьбой человеке, о девушке-содержанке, о милосердии ко всему и вся, которое более всего необходимо самим нашим душам.

Жемчужиной номера является рассказ Г. Маркина «Материнская любовь». Подобно Н. С. Лескову, нарисовавшему в своих рассказах простых людей, на деле оказавшихся истинными праведниками, и Г. Маркин пишет о матери, которой сын-пияница в состоянии алкогольного умопомрачения отрубил кисти рук, и которая безропотно простила ему и заботится о нем, сидящем в тюрьме. Вот поистине христианское смирение — не на кончике языка, а на деле!

В этом году замечательному русскому поэту, ответственному секретарю Туль-

ского регионального отделения «СП России», Виктору Пахомову 80 лет. В разделе «Поэзия» опубликована подборка его стихотворений. *«Вот где нам посчастливилось родиться»*, — сказал поэт. По-своему он прав. *«Родиться — счастье, счастье пригодиться Среди родных поселков и дубрав...»*. И еще: *«Если плохо тебе, значит, плохо России. Загляни в свою душу, прислушайся к ней...»* В нескольких строках не передать всю глубину, поэтичность и значимость его стихотворений.

Многопланова поэзия Н. Поповой. Как всегда, богата смыслами добротная поэзия К. Струкова. Подборку хороших стихотворений предлагает А. Селичкин. Прекрасна Лирика В. Бурмыкина и А. Хомякова. Единственным, но мастерски отточенным стихотворением представлен В. Резцов. Опубликованием стихов А. Троицкого, А. Скаредова, И. Беловой, М. Русской и Э. Мартышева журнал, по традиции, предоставляет свои страницы молодым поэтам.

В «Русском литературном зарубежье» один автор — О. Янгол. Невозможно что-то особо отметить — все хорошо.

Заметно выделяется в номере рубрика «Литературные даты». Это, прежде всего, статья А. Третьякова к 85-летию заслуженной писательницы России Н. Д. Парыгиной. Читательское признание закономерно, ибо герои ее книг близки людям и соответствуют *«текущему моменту летописания»*. В этом году 110 лет со дня рождения В. Каверина. Этой дате был посвящен Каверинский литературный конкурс. В журнале дан подготовленный Я. Шафраном и М. Баланюк материал о конкурсе, делается экскурс в историю г. Полярного, в школе которого учился уроженец тех мест (пос. Белокаменка Мурманской обл.) и победитель конкурса в номинации «За верность Северу и флоту» А. Яшин. В этой же рубрике к юбилею поэта С. Прохорова опубликованы его стихи.

В 2012 г. исполнилось 300 лет начала регулярного государственного оружейного производства в Туле. Этому посвящены статья А. Проханова «Непревзойденный панцирь», рассказ героя соцтруда, академика РАН А. Шипунова и вступление от гл. редактора «Приокских зорь» о роли вооружения, произведенного на тульских предприятиях, в современных локальных войнах, и о своем 12-летнем труде в КБП. В журнале приведены фотографии оружия, производимого ранее и сейчас в городе оружейников Туле. В рубрике опубликована статья В. Маслова, руководителя Тульского отделения Литфонда, председателя МСП России, «Легендарный оружейник» о С. И. Мосине.

Здесь же емкая статья М. Баланюк о не менее легендарном тульском оружейнике И. Я. Стечкине.

И несколько слов о рецензиях известнейшего критика Л. Ханбекова на романы А. Яшина «Видение на Патмосе» и «Квадратная пустота» в разделе «Литературоведение». В 1-м романе, по словам критика, автор «подсознательно анализируя... тенденции» 70-х годов, когда соблазненный западной пропагандой народ *«менял ориентир от коллективизма к сугубому индивидуализму <...> отобразил все это в своей художественной аллегории»*. Стержнем *«романного действия»* 2-й книги критик называет расчеловечение, когда при глобализме *«любой человек — винтик. Или гайка — кому как нравится»*.

* * *

В областной газете «Тульская правда» № 41 (723) от 6 декабря 2012 г. опубликован анонс № 3, 2012 «Приокских зорь»: фото 1-й, 2-й и 3-й страниц обложки и содержание номера.

* * *

Названы имена лауреатов всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова: в жанре прозы — Марина Майорова (Мать Иоанна, с. Пятница Владимирской обл.); поэзии — Игорь Лукьянов (Борисоглебск) и Сергей Лебедев (Толь-

ятти); публицистики — Валерий Маслов (Тула). Премию в номинации «Литературоведение» решено не присуждать.

(Литературная газета.— 2012. № 49 (6395), 5-11.12.2012.— С. 5).

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Группа активных сотрудников редколлегии «Приокских зорь» по представлению руководства журнала награждена памятной медалью «В ознаменование 90-й годовщины образования СССР». Наш главный редактор награжден медалью к его 65-летнему юбилею. Союз Советских Социалистических Республик и вся советская эпоха породили выдающуюся литературу, как дальнейшее развитие великой русской словесности XIX — начала XX веков. Это очень важно для «Приокских зорь», как внеполитического, незаангажированного, классического журнала, продолжающего лучшие традиции русской и советской художественной литературы и публицистики. Наши поздравления:

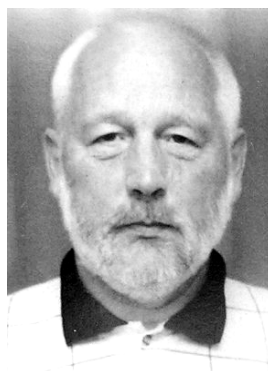
Людмила Авдеева,
член редколлегии
(Москва)

Сергей Прохоров,
зав. отделом литературы
Сибири
(Красноярский край)

Сергей Лебедев,
зав. отделом литературы
Поволжья
(Тольятти)

Алексей Яшин,
главный редактор
(Тула)

№ " 21 " декабря 2012 г.

РЕШЕНИЕ

Жюри

Всероссийской литературной премии "БЕЛУХА"
имени Георгия Дмитриевича Гребенщикова

На соискание звания Лауреата премии подано 78 ходатайств.
Жюри Премии решило:

Всероссийская литературная премия «Белуха» имени Г.Д. Гребенщикова присуждается
Яшину Алексею Афанасьевичу, прозаику, публицисту, просветителю, главному редактору
литературно-художественного и публицистического журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ», г. Тула,
«за плодотворную литературную деятельность и верность традициям русской
литературы».

Лауреату будут вручены Диплом и лауреатская медаль.

Председатель Жюри Премии

Виктор Буланичев

Секретарь Жюри Премии

Светлана Соловьёва

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ И НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Как всегда с интересом и напряжением своих интеллектуальных силенок (широко и глубоко пашет «Колонка») читал и образовывался, и удовлетворялся совпадениями в понимании самого человеческого процесса на земле. К большому сожалению, не первый раз удерживаю себя и ухожу от полноценной работы в дискуссиях в «ПЗ», понимая, что весь пар уйдет во врачебные марафоны. Не жалею, только этого не хватало нашему журналу. Но органонные реалии посильнее реализма.

Далее хочу сообщить, что текстовую часть обещанных Вам «Снов на русском языке», а также и не обещанных «Званок» закончил. Теперь предстоит перевести это на бумагу, а также сотворить свою физиономию для читателя. Дело в том, что весьма ограничен в передвижениях.

И третье, Славянская библиотека Бременского университета благодарит за дар и шлет хорошие слова большой благодарности.

Наум Ципис, г. Бремен, Германия

МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО

Ясная Поляна

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ
И ПРИРОДНЫЙ ЗАПОВЕДНИК

Мех. 1643
31. 11. 2012.

300025 Тула, а\ я 920.
Яшину А.А.

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Примите нашу искреннюю признательность за Ваше постоянное внимание к музею Л.Н.Толстого «Ясная Поляна», за Вашу книгу «Сны и явь полковника Хмурова : Педагогическая поэма в трех частях» с Вашим автографом и за очередной номер журнала «Приокские зори» (№ 3, 2012г.), который Вы любезно прислали в дар музею.

Ваша книга отличается новизной жанра, прекрасно иллюстрирована.

Большой интерес представляет и очередной номер журнала «Приокские зори». Привлекает внимание рубрика «Современная русская проза», где опубликованы произведения современных авторов, и среди них глава из романа «Квадратная пустота», над которым Вы сейчас работаете.

В соответствии с доброй традицией – публикацией материалов, посвященных литературным датам, в журнале опубликованы материалы, посвященные 85-летию заслуженной писательницы России Н.Д. Парыгиной.

Несомненный интерес представляют также статья Я. Шафрана и М. Баланюк о первом Каверинском литературном конкурсе, посвященном 110- летию со дня рождения В.А. Каверина, и материалы, приуроченные к 300- летию начала регулярного государственного оружейного производства в Туле.

Желаем Вам, Алексей Афанасьевич, здоровья и благополучия, творческих успехов и всего самого доброго!

С благодарностью:

Научный сотрудник

отдела книжных фондов:

Бочарова И.А.

Россия, 301214, Тульская обл., Щекинский р-н, п/о Ясная Поляна
тел.: (4872) 23-98-32; 23-91-18; 23-03-82; тел./факс: (4872) 38-67-10; 38-67-09

e-mail: yaspol@tgc.tolstoy.ru; yaspol@tula.net

Издательский отдел: тел. (4872) 39-31-96

Отдел туризма: тел./факс (4872) 39-35-99; 47-67-12; e-mail: tour@tolstoy.ru; valeria@tolstoy.ru

МУЗЕЙ-УСАДЬБА А. Н. ТОЛСТОГО

Ясная Поляна

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ
И ПРИРОДНЫЙ ЗАПОВЕДНИК

*Шк. 131
06.02.2019г.*

300025 Тула, а /я 920.
Яшину А.А.

Уважаемый Алексей Афанасьевич !

Примите нашу искреннюю признательность за Ваше внимание к музею Л.Н.Толстого «Ясная Поляна», за Вашу новую, юбилейную книгу «Квадратная пустота» с Вашим автографом и за очередной номер журнала «Приокские зори» (№ 4, 2012 г.), которые Вы любезно прислали в дар музею.

Очередной номер журнала представляет большой интерес. Особенно дороги для нас, сотрудников музея, материалы о Л.Н. Толстом: интервью с литературоведом и литературным критиком П. Басинским, автором книги «Лев Толстой : Бегство из рая», статья В. Маслова «Гений мировой литературы», статья Л. Авдеевой «Живут во мне воспоминания» (Л.Н.Толстой в моей жизни).

В соответствии с доброй традицией, подготовкой номеров к юбилейным литературным датам, в журнале представлены материалы, посвященные 100-летию со дня рождения русского советского поэта Ярослава Смелякова.

Привлекает внимание рубрика « Современный русский рассказ», где опубликованы произведения современных авторов, в том числе и Ваш рассказ « Первый после боцмана. (Морская быль)».

Отрадно, что на страницах журнала представлен широкий спектр литераторов Тулы, России и русского литературного зарубежья.

Все переданные Вами книги и выпуски журнала «Приокские зори» хранятся в фондах нашей научной библиотеки.

Желаем Вам, Алексей Афанасьевич, здоровья и благополучия, творческих успехов и всего самого доброго!

С благодарностью:

Научный сотрудник

отдела книжных фондов: *И.А. Бочарова*

Бочарова И.А.

Россия, 301214, Тульская обл., Щекинский р-н, п/о Ясная Поляна
тел.: (4872) 50-29-32; 50-29-46; 50-29-47; тел./факс: (4872) 38-67-10; 38-67-09
e-mail: yaspol@tgk.tolstoy.ru; yaspol@tula.net

Издательский отдел: тел. (4872) 39-31-96

Отдел туризма: тел./факс (4872) 39-35-99; 47-67-12; e-mail: tour@tolstoy.ru; valeria@tolstoy.ru

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ Государственное архивное учреждение Тульской области «Государственный архив» (ГАУ ТО «Государственный архив») Проспект Ленина, д. 44а, г. Тула, 300041 Тел.: 31-20-56 E-mail: gosarhivto.dir@gmail.com 31.10.2012 № 06-11/761 на № _____ от _____	В редакцию журнала «Приокские зори» priok.zori@mail.ru
---	---

Уважаемые члены редколлегии!

Государственное архивное учреждение Тульской области «Государственный архив» выражает благодарность за согласие безвозмездного комплектования научно-справочной библиотеки нашего архива журналом «Приокские зори». Все номера, поступившие на хранение в архив, подлежат «вечному» хранению, и через много лет будут доступны нашим посетителям.

Вы делаете очень важное и полезное дело, поддерживая творчество россиян, предоставляя способ быть услышанными и оцененными благодаря публикациям на страницах журнала. Радует широкая географическая представительность: не только Москва, Тула, Калуга, Ростов-на-Дону, но и малые города — Щекино, Донской, пос. Первомайский и др.

Среди авторов журнала есть опытные литераторы, а также юные (и не совсем юные) дебютанты, судя по фотографиям и кратким биографическим справкам.

Очень важно и интересно, что в журнале выступают не только профессиональные поэты и писатели, но и представители многих профессий, принося в творчество близкие авторам сюжеты своего особенного мира, размышления на волнующие их темы, отклики на памятные события, свидетелями которых им довелось быть, воспоминания об интересных современниках. Так, в публикациях третьего номера за 2012 год нашли отражение такие события, как 300-летие ТОЗа, 85-летие известной тульской писательницы Н. Д. Парыгиной, рассказ о конструкторском и организаторском гении А. Г. Шипунова, таланте ушедшего в этом году тульского фотографа В. Н. Белтова. Повествования об этих замечательных туляках насыщены реальными, а часто — забавными подробностями их жизни, окружены предметами быта того периода времени, овеяны ароматом эпохи; взаимодействие с другими людьми раскрывается в трогательных человеческих отношениях.

Возможно, вы никогда не задумывались о том, что произведение искусства, особенно мемуаристика, являются одновременно историческим источником. Для архивистов историческое наполнение вашего журнала имеет особый смысл, т.к. является предметом нашей профессиональной деятельности, в которую входит сохранение свидетельств настоящего времени для следующих поколений.

Поэтому мы очень рады, что фонды нашей справочной библиотеки пополнились первыми тремя номерами журнала «Приокские зори». Надеемся, что новых номеров будет очень много. Желаем дожить до серебряных и золотых юбилеев.

С искренним уважением,

Директор

Д. Н. Антонов

Творческий вечер Изольды Агибаловой.

В середине декабря 2012-го года в актовом зале Тульской областной библиотеки было необычайно многолюдно. Люди разного возраста пришли на встречу с известным тульским композитором, музыкантом, членом Союза писателей России Изольдой Львовной Агибаловой.

Бурными аплодисментами зрители встречали появление на сцене самой виновницы торжества Изольды Агибаловой, которая сама вела весь свой творческий вечер-отчет.

Первой прозвучала песня И. Агибаловой «Мой город» в прекрасном исполнении вокального ансамбля «Ясная поляна» под руководством В. Б. Морозовой.

Затем зрители радовались шуточным, лирическим песням на музыку И. Агибаловой «Кот Василий» — в исполнении М. Палилионис, «Катер-катерок» — в исполнении А. Андреева, партия флейты — Н. Ройзен, «Собачкины огорчения» — в исполнении А. Линатова и другим.

После этого со сцены зазвучали проникновенные стихи Агибаловой в интерпретации театра-студии «Этюд» под руководством И. Левицкой. Неординарное звучание поэзии в аранжировке артистов студии «Этюд» вызвало шквал аплодисментов собравшейся публики.

Великолепно прозвучали музыкальные произведения патриотической направленности: «Русь моя» — на стихи В. Севастьянова — в исполнении И. Фомина, «Обелиск» — на стихи Б. Головина — в исполнении М. Алексеевой, «Земля поёт» — на слова А. Харькова — в исполнении ансамбля «Ясная поляна», «Память» — на слова Б. Голованова — в исполнении И. Сафронова, «Победа будет за нами» — на слова А. Миронова — исполнял Ю. Карелин.

Очень тепло, если не сказать восторженно, публика приняла лирические песни, прозвучавшие на вечере: «В ожидании любви» — на слова И. Пархоменко — исполнила А. Пестрикова, «Я вас люблю» — на слова Г. Винокуровой — исполнила А. Турунтаева, «Листопад» — на слова И. Нестеренко и «Осеннее» — на слова В. Сапожникова — исполнила певица из Москвы Н. Левина в сопровождении флейты в звучании Н. Ройзен, и многие другие произведения.

Как всегда, великолепную композицию исполнили на стихи Изольды Агибаловой артисты театра — студии «Мюсли» под руководством Л. Шмаракова.

В общем, творческий вечер Изольды Агибаловой несомненно удался, прошел на одном дыхании, вызвал массу положительных эмоций, теплых чувств у многочисленных зрителей.

Владимир Сапожников, г. Тула

Огромное спасибо за ссылку на журнал «Приокские зори». Совершенно очарована, восхищена существованием такого интересного, актуального толстого журнала! Мне приятно и лестно найти на его страницах публикацию своих скромных размышлений о проблемах современной словесности. Я благодарна за это внимание и доверие, а журнал буду с удовольствием читать! Еще раз с уважением и расположением.

Тамара Соловьева, г. Псков

Будучи в Союзе писателей России на Комсомольском увидел журнал «Приокские зори» № 2 за 2012 год. Какая палитра авторов! Удивлен и обрадован! Есть в России достойная литература! И есть что читать для души и разума! Увидел для себя уже и знакомые имена авторов и тех, что прочитал впервые.

Объем журнала, его внутренняя разработка, подача материала очень впечатлила. Журнал един в своем духе, но и разный по материалу публикуемого в нем. И это не

может не радовать. Для меня очень приятно. «Приокские зори» есть общероссийский журнал, но рожденный на тульской земле. История моей семьи напрямую связана с тульской землей. Все предки по линии мамы жили на славной тульской земле (д. Пруды, Воловский район) и я этим горжусь. Мой дед — Максимов Иван Алексеевич погиб в первые месяцы войны, защищая Отечество, и его имя увековечено на памятной стеле в его родной деревне Пруды.

Отправляю Вам свои рассказы именно в таком виде, в котором хотелось бы увидеть их на страницах одного из номеров альманаха. О чем они? Наверное, о самом главном. О жизни, о вере, о любви и человеческих ошибках и ценностях. О том, что вечно и неизбежно!

С уважением к Вам и редакторскому коллективу.

Олег Трушин, г. Москва

Здравствуйте, уважаемый Яков Наумович!

Ваш рассказ «Жалостливая» я прочитал, что называется, на одном дыхании. Мне особенно близко то, что Вы обратились к «предельным» вопросам, как говорил Достоевский, сделав это на материале сегодняшнего дня. Здесь же следует отметить, что знание реальности, наблюдательность сочетаются в Вашем произведении с выразительностью художественных деталей. Так что, продолжая традиции классической русской литературы, Вы остаётесь современны, созвучны сегодняшнему читателю, причём читатель встречает автора с чёткой жизненной позицией, видит не размытую (как часто это слишком часто бывает), а нравственно неизбежную границу добра и зла. Думаю, Вас смело можно поздравить с творческой удачей!

С пожеланием дальнейших творческих успехов,

Игорь Карлов, г. Мануту, Мозамбик

Яков, дорогой, мне понравились Ваши рассказы. Душевностью и остротой. Жму руку.

Сергей Шаргунов, г. Москва

Алексей Афанасьевич, поздравляю с получением звания лауреата Всероссийской премии «Белуха» им. Г.Д.Гребенщикова. Желаю новых творческих удач!

Сергей Лебедев, г. Тольятти

Академия российской литературы

Общее собрание Академии российской литературы, которое состоялось 22 января 2013 года, выбрало единогласно своим президентом критика Леонида Ханбекова, бессменного вице-президента Академии и руководителя коллегии поэзии. Напомним, что ранее президентом Академии российской литературы был прозаик Владимир Мирнев, скончавшийся в августе прошлого года. Собрание также внесло в свой Устав принципиально новые для творческой и организационной политики Академии положения.

Решением Общего собрания членам Правления: В. Линнику (гл. ред. газеты «Слово» г. Москва), А. Яшину (гл. ред. ж-ла «Приокские зори» г. Тула) и В. Поволяеву (пресс-центр ЦДРИ) — продлены полномочия. В состав Правления введены руководители коллегий: критики и литературоведения — Л. Молчанов, драматургии — И. Кедрова, художественного перевода — В. Кузнецов.

Утверждены также новые комиссии: организационно-правовая, по работе с молодыми авторами, со средствами массовой информации.

Академии российской литературы есть чем гордиться — только за последнее время вышло несколько томов Антологий: современной поэзии, прозы, художествен-

ного перевода, детской литературы, критики и литературоведения. Готовится первый выпуск Антологии современной драматургии. В этом году планируется открытие первого зарубежного отделения Академии в Болгарии.

**Нина Попова, секретарь коллегии поэзии
Академии российской литературы, г. Москва**

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Получил Ваш удивительный и радостный для меня трехтомный труд о жизни и развитии любимой мною ноосферы Вернадского. Для меня, дилетанта, это был неожиданный подарок: из научной догадки и научной фантастики эта сфера с Вашей помощью превратилась в блестящую реальность, обнадеживающую затосковавшееся человечество. Поражен, без малейшей лести, Вашим трудолюбием и широтой интересов. Как только смогу быстро, доставлю «Феноменологию ноосферы» в библиотеку университета.

Наум Ципис, г. Бремен, Германия

ЕФИМ ГАММЕР БЬЕТ МИРОВЫЕ РЕКОРДЫ

22 ноября прошло открытое первенство Иерусалима по боксу. Чемпионом Иерусалима в 27-й раз подряд стал лауреат премии «Золотое перо Руси» 2005 и 2010 годов, широко известный писатель Ефим Гаммер. Ему 67 лет. И он, бесспорно, является старейшим в мире действующим боксером, кандидатом в Книгу рекордов Гиннеса. Вот что пишет о нем израильский спортивный комментатор Элиягу Бен Мордехай.

Из статьи: **ТУРНИР ПАМЯТИ СТИВА ХИЛЬМСА**
(об открытом первенстве Иерусалима по боксу)

Газета «Репортер» — приложение к еженедельнику «Новости недели».

Максимальный возраст бойцов в любительском боксе — 34 года. Ефим Гаммер чуть ли не вдвое превышает сей возраст. Толпы болельщиков ходят на бокс исключительно из-за него. У этого человека масса талантов. Он писатель и поэт, отмеченный международными премиями, график и художник — победитель всевозможных конкурсов, обладатель множества медалей и дипломов. В быту он редактор и ведущий радио «РЭКА» — «Голос Израиля».

Жребий свел Ефима Гаммера с его молодым одноклубником. Все три раунда прошли в плотном напряженном темпе. Ефим был быстрее, разнообразнее. Трюки и финты его тут же переходили в контратаки. Парадоксально звучит, но старость пере-

играла юность. Ефим Гаммер, которому 67 лет, в очередной раз стал чемпионом Иерусалима и получил золотую медаль и кубок «за самый красивый бой».

Элиягу Бен Мордехай, г. Иерусалим, Израиль

Согласитесь, это ведь определенное чудо — завоевать боксерский кубок «за самый красивый бой» в возрасте, когда исполняется пятьдесят пять лет со времени первого выхода на ринг.

Ефим Гаммер, известный русскоязычный писатель, член редколлегии журнала «Приокски езори», журналист, художник и спортсмен, в прошлом победитель первенств Латвии, Прибалтики и Израиля, 22 ноября 2012 года установил новый мировой рекорд в боксе: в 27-й раз подряд стал чемпионом Иерусалима.

В 1998 году, после 18-летнего перерыва бывший победитель первенств Латвии, Прибалтики и Израиля в возрасте 53 лет вернулся на израильский ринг и с этого времени и по сей день не проиграл ни одного боя.

Ефим Гаммер родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге, на Урале. Окончил Латвийский госуниверситет, отделение журналистики. В Израиле с 1978 года. Работает на радио «РЭКА» — «Голос Израиля», ответственный редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп». Член редколлегии альманахов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается». Член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников.

В первой половине 1990-х годов — согласно проведенному журналом «Алеф» социологическому опросу — Ефим был признан самым популярным израильским писателем в русскоязычной Америке.

Писатель Ефим Гаммер известен как автор многих литературных произведений, за которые он неоднократно награждался на различных международных конкурсах. Так, в 2003 году Ефим был удостоен звания лауреата Российского литературно-журналистского конкурса, учрежденного к 300-летию Санкт-Петербурга. В 2005 году он стал обладателем Золотого знака и лауреатом национальной премии «Золотое перо Руси» в номинации «проза». 2007 год — лауреат международной премии «Добрая лира», учрежденной в Санкт-Петербурге. 2008 год — лауреат международной Бунинской премии, награжден серебряной медалью. 2009 год — лауреат международного конкурса военных писателей имени В. В. Карпова. Удостоен специального диплома за документально-художественную повесть «Феномен образа 1941 года». 2012 год — Ефим Гаммер — лауреат 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков. Награжден малой золотой медалью. Его роман «Приемные дети войны» был также отмечен Фондом «Русский мир». По итогам Четвертого международного конкурса детской и юношеской литературы имени А. Н. Толстого (2011—2012 гг.) Ефим Гаммер стал дипломантом в номинации «Художественная проза для подростков». Ефим Гаммер является обладателем восьми Гран-При и десяти медалей международных выставок художников во Франции (Ницца, Арль, Лион, Дижон, Виши), лауреатом международных конкурсов художников в США, Европе, Австралии.

Вот таков нынешний 27-ми кратный чемпион Иерусалима по боксу, израильский лауреат «Золотого пера Руси».

Эфраим Рон, редактор радио «РЭКА» — «ГОЛОС ИЗРАИЛЯ»

Уважаемый Алексей Афанасьевич, поздравляю Вас с Новым годом. Желаю Вам и «Приокским зорям» здравствовать и всегда находиться в бодром состоянии духа. Больших Вам творческих успехов и новых идей.

Закарпатье нынче бесснежное. Но зато именно у нас сказка «Двенадцать месяцев» получила подтверждение в природе. Вчера сын нашел в лесу подснежники. Конец декабря, а тут такое чудо.

Спасибо Вам за весточку с поздравлением и сообщение о состоянии дел в журнале. Я пока никак не могу собраться с тем, чтобы продолжить сотрудничество с изданием. Взвалила на себя воз домашних переустройств, и в этом году предстоит очень много потрудиться для семьи. Очень редко сажусь за письменный стол. Но надеюсь все же вернуться к нему, этого требует и целая гора не отредактированных текстов, которые скопились в рабочей папке за три года.

С самыми добрыми пожеланиями,

Ирина Мадрига, Закарпатье, Украина

Добрый день, Алексей Афанасьевич!

Журналы получены. Вам отправил свою книгу «Осужденный на жизнь», в которую включен мой роман «Приемные дети войны», принесший мне золотую медаль премии имени Сергея Михалкова.

Сегодня, 2 апреля, Международный день детской книги. Для меня детская книга стала насущной необходимостью еще с той поры, когда я еще не знал алфавита и заставлял старших братьев и сестер читать мне вслух сказки. Поэтому, наверное, и в моем творчестве сказки присутствуют постоянно. Недавно некоторые из них были отмечены Дипломом международного конкурса имени П. П. Ершова, проходившем в России. Об этом было сказано в «Литературной газете» и у нас в Израиле, в журнале «Исрагео», причем в израильском издании поместили не только сообщение, но и даже мою, отмеченную премией сказку «Потерянный день» — с рисунками художницы из Челябинска Елены Шмыгиной.

Русский народный сказочник... из Иерусалима
Ефим Гаммер

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Получил оба первых номера «ПЗ». Спасибо. При малейшей возможности, физической, доставлю в библиотеку. Номер получился хорошим во всех отношениях. Знакомые мне литераторы, опытные читатели, с удивлением узнают, что такое еще возможно не в Москве и при безденежье. А узнав, чем занимается редактор, «кроме» редактирования и литературы, недоверчиво посматривают на информатора. Будьте здоровы, и успехов Вам в трудах Ваших.

Наум Ципис, г. Бремен, Германия

Глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Сердечно поздравляю Вас с заслуженной наградой «от БЕЛУХИ». Награда в высшей степени заслуженная. Всегда поражаюсь Вашей неумной энергии и творческой активности в поддержании и развитии литературного процесса в России. Сейчас мало кто этим озабочен.

Дай Вам Бог здоровья и сил продолжать это дело!

С искренним уважением,

Рудольф Артамонов, профессор, г. Москва

Поздравляю Вас с присуждением премии «БЕЛУХА» имени Георгия Дмитриевича Гребенщикова. С новым годом! И новых творческих достижений!

Ефим Гаммер, г. Иерусалим, Израиль

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

...С интересом прочитала в № 1 «ПЗ» интервью с Виктором Федоровичем Пахомовым, в котором дана столь подробная, емкая история создания и нынешней жизни

Тульской писательской организации, ее трудностей и «слепоты» областного руководства, не желающего понимать роли писателей в воспитании духовно-нравственного сознания общества. Зримыми получились и перечисленные литераторы, которым даны краткие, но точные яркие характеристики и личностные, и творческие.

Так же мои поздравления Владимиру Резцову. Его историческая поэма «Песня о Гришке Отрепьеве» — произведение действительно талантливое, умное, масштабное, с элементами сатиры, в чем-то перекликающееся с творческим А.Толстого. Одно обилие подробных комментариев чего стоит. Читали на двух студиях московских и одной подмосковной с искренним интересом и ждем продолжения, которое, вероятно, коснется уже наших дней. Общее мнение, что именно интеллектуальные, отвечающие реалистической литературной традиции, написанные хорошим русским языком произведения необходимы для возрождения современной литературы. А модернистские изыски, которые, для объективности, тоже появляются на страницах «ПЗ», вызывают у большинства читателей отторжение своим неуважением к русскому языку, проявляющемуся пренебрежением элементарными языковыми правилами, в частности, в полном отсутствии пунктуации.

...Без ложной лести, хочу сказать Вам, Алексей Афанасьевич, что Вы — незаурядный романист, сочетающий талант прозаика, публициста и философа, автор глубоко и разносторонне знающий жизнь, владеющий различными литературными жанрами и при этом наделенный даром сатирика, чувствующего все оттенки иронии, гротеска, юмора. Ваши романы масштабны, объемны, емки и по сюжетным линиям, и по подтексту, и по глубине полемики, и по собственному авторскому литературному стилю, и их художественная и социальная значимость общепризнанна. А руководимый Вами журнал «ПЗ» — серьезное, профессиональное, академическое издание, читаемое далеко за пределами страны. Отсюда следует, что высоко профессиональное произведение требует и профессиональной оценки, которую могли на страницах «ПЗ» дать такие опытные критики, как Леонид Васильевич Ханбеков или Валентин Васильевич Сорокин, знающие Ваше творчество глубоко, анализирующие его на протяжении многих лет.

Это я к тому говорю, что иногда в журнале появляются рецензии на Ваши книги, мягко говоря, не очень профессиональные. Хотя и понимаю Вашу принципиальную объективность: любой голос должен быть услышан.

Думаю, что пример подобных рецензий (имен не называю, зачем они?) лишний раз подтверждает, что литературная критика переживает глубокий кризис. Сегодня не только литературными критиками, но и состоявшимися поэтами и прозаиками себя считают так называемые «выпускники» платных мастер-классов, причем немало среди них и тех, кто, не имея понятия о защите даже кандидатской диссертации, ходит в академике и членах-корреспондентах литературных академий. Например, сейчас в Московском отделении СП идет набор по цене пять тысяч в мастер-класс Евгения Рейна, с указанием на приглашении длинного списка всех его регалий, наград, званий, дипломов и прочих отличий. Стать за несколько месяцев профессионалом невозможно ни за какие деньги, тем более там, где нужен талант и знания.

Я в свое время кончала филологический факультет МГУ, ходила в Литературный институт, слушала лекции и многолетние семинары у таких теоретиков литературы мирового масштаба, как блистательный ученый, пушкинист Сергей Михайлович Бонди, великий полемист, литературный критик феноменального дарования Виктор Борисович Шкловский, и могу назвать еще десяток выдающихся литературоведов. А нынешним прытким рецензентам, наверное, ничего не скажет имя филолога мирового класса, выдающегося текстолога Бориса Михайловича Эйхенбаума, автора монографий о творчестве Лермонтова, Льва Толстого, Анны Ахматовой. Или незаурядно-

го лингвиста, исследователя Льва Владимировича Щербы. Думаю, что дискуссия о литературной критике назрела, так как картина современной литературы во многом складывается из мнений критиков. А благодаря посредственным рецензиям, и талантливые авторы представляются такими же посредственными. Есть и другой перегиб, когда неоправданными похвалами возводят на пьедестал серость.

...На этой неделе уезжаю в Болгарию. Вышел сборник «Литературная мозаика», где напечатано более 20 моих стихотворений, посвященных Болгарии. В свое время я там была по линии Союза советских обществ дружбы, потом на фестивале духовной поэзии. В прошлом году приглашали на столетие Георгия Димитрова, так как у меня есть стихи, ему посвященные, но не смогла выбраться, а теперь еду пятнадцатого апреля и вернусь после Дня Победы к вечеру десятого мая. Так что поздравляю Вас с этим великим днем, Дорогой Алексей Афанасьевич, хотя заранее не поздравляют с Юбилеем, но я не знаю, смогу ли воспользоваться там чужим Интернетом, поэтому хочу, чтобы Вы знали, с каким глубоким уважением я отношусь и к Вашему творчеству, и к Вашим человеческим качествам, считая Вас человеком во всем незаурядным и талантливым.

Желаю Вам, уважаемый Алексей Афанасьевич, огромного творческого Вдохновения, духовных и физических сил, личного счастья и успехов на всех поприщах. Самые теплые пожелания от моего мужа, высоко ценящего Вашу прозу. Вернусь из Болгарии, обязательно напишу. Простите за столь длинное послание.

Самые теплые приветы всем сотрудникам, редколлегии и авторам.

Людмила Авдеева, г. Москва

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

12+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 12 лет.

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 01.06.2013
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посылить помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Ctr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все компоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

**К 65-ЛЕТИЮ НАШЕГО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ЯШИНА АЛЕКСЕЯ АФАНАСЬЕВИЧА,
ВСЕРОССИЙСКИ ИЗВЕСТНОГО ПИСАТЕЛЯ, ВЫДАЮЩЕГОСЯ
УЧЕНОГО, СЕВЕРОМОРЦА И НАСТОЯЩЕГО РУССКОГО МУЖИКА**

***ПРОЩАЙТЕ, СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ,
НА ПОДВИГ ОТЧИЗНА ЗОВЕТ.
МЫ ВЫШЛИ В ОТКРЫТОЕ МОРЕ
В СУРОВЫЙ И ДАЛЬНИЙ ПОХОД...***

**СПЕЦИАЛЬНО ПРИБЫВШИЙ С АЛТАЯ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
АЛЬМАНАХА «БИЙСКИЙ ВЕСТНИК», ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЖЮРИ ПРЕМИИ
«БЕЛУХА» ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ БУЛАНИЧЕВ ВРУЧИЛ НАГРАДНЫЕ
ЗНАКИ ПРЕМИИ АЛЕКСЕЮ АФАНАСЬЕВИЧУ ЯШИНУ В КАМИННОМ
ЗАЛЕ ТУЛЬСКОГО ДОМА ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

**НАГРАДНЫЕ ЗНАКИ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «БЕЛУХА»
ИМЕНИ Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА**

